

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

10

ПЕЧАТАЕТСЯ*
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1947

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

10

Ноябрь 1905—июнь 1906

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десятый том содержит произведения В. И. Ленина, написанные с ноября 1905 по 6 (19) июня 1906 года, в период деятельности Ленина в Петербурге, после возвращения из эмиграции.

В статьях, напечатанных в большевистской легальной газете «Новая Жизнь»: «О реорганизации партии», «Войско и революция», «Пролетариат и крестьянство», «Умиряющее самодержавие и новые органы народной власти» и других, определены задачи партии в период первой русской революции.

Брошюра «Победа кадетов и задачи рабочей партии» и статьи, написанные Лениным после поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 года, подводят итоги и обобщают опыт первого года революции.

В работе «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» изложена и обоснована большевистская аграрная программа конфискации помещичьей земли и национализации всей земли.

Большое место в томе занимают работы, посвященные IV (Объединительному) съезду партии: «Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП», речи и выступления на съезде, «Доклад об Объединительном съезде РСДРП».

В томе печатается впервые включенная в Сочинения В. И. Ленина статья «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», в которой Ленин дает оценку Советов как органов восстания и зачатка новой, революционной власти.

Новыми документами, впервые печатаемыми в Сочинениях, являются отдельные выступления Ленина

на IV (Объединительном) съезде РСДРП: Выступление в защиту поправки Муратова (Морозова) о парламентской социал-демократической фракции, Резолюция об отчетности мандатной комиссии съезду, Заявление о необходимости утверждения съездом протоколов, Письменное заявление на 17-м заседании съезда, Письменное заявление на 21-м заседании съезда; речи и выступления на Петербургской общегородской конференции РСДРП (в феврале и марте 1906 года). Впервые включаются в Сочинения статьи Ленина «Резолюция и революция», «И торговаться не хотят!», напечатанные в 1906 году в большевистской легальной газете «Волна». Обе статьи направлены против кадетов.

НАШИ ЗАДАЧИ И СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)¹

Написано 2—4 (15—17) ноября
1905 г.

Впервые напечатано 5 ноября 1940 г.
в газете «Правда» № 303

Печатается по рукописи

В редакцию
Ленина
от
22. Января

Наша задача и Совет Рабочих

Депутатов

(Начало в редакцию)

Милые! Успехи и процессы
и наша Совет Рабочих Депутатов
никогда не забуду. Это и есть
самое демократичное и самое
интересное. Я думаю, что это
^{искренне}
~~самое~~ искреннее и самое
самое интересное дело, ко
гда придет это, а сейчас
идеи одну сторону. И
всего. И все, как мы
думали. Это и есть самое
самое и самое интересное
самое интересное. И
самое интересное. И
самое интересное. И
самое интересное. И
самое интересное.

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Наша задача и Совет рабочих депутатов». — Ноябрь 1905 г.

Уменьшено

Товарищи! Вопрос о значении и роли Совета рабочих депутатов стоит теперь на очереди дня петербургской социал-демократии и всего столичного пролетариата. Я берусь за перо, чтобы изложить некоторые мысли по этому жгучему вопросу, но прежде чем делать это, я считаю безусловно необходимой одну существеннейшую оговорку. Я высказываюсь, как *посторонний*. Мне приходится писать все еще из проклятого далека, из постылой эмигрантской «заграницы». А по такому конкретному практическому вопросу составить себе правильное мнение, не побывав в Петербурге, не выдав ни разу Совета рабочих депутатов, не обменявшись взглядами с товарищами по работе, нет почти никакой возможности. Я оставляю поэтому на ответственности редакции помещение или непомещение этого письма, писанного человеком неосведомленным. Я оставляю за собой право изменить мнение, когда мне удастся наконец познакомиться с вопросом не «по бумажкам» только.

А теперь к делу. Мне сдается, что тов. Радин неправ, ставя в № 5 «Новой Жизни» (я видел только пять номеров нашего фактического Центрального Органа РСДРП)² вопрос: Совет рабочих депутатов или партия? Мне сдается, что нельзя так ставить вопроса, что решение *безусловно* должно быть: *и* Совет рабочих депутатов *и* партия. Вопрос — и крайне важный — вопрос состоит только в том, как разделить и как соединить задачи Совета и задачи Российской социал-демократической рабочей партии.

Мне сдается, что нецелесообразно было бы со стороны Совета примыкать всецело к одной какой-либо партии. Это мнение удивит, вероятно, читателей, и я (напоминая

еще раз самым настойчивым образом, что это мнение постороннего) перейду прямо к объяснению своих взглядов.

Совет рабочих депутатов возник из всеобщей стачки, по поводу стачки, ради целей стачки. Кто вел и победоносно провел стачку? *Весь* пролетариат, среди которого есть, к счастью в меньшинстве, и не социал-демократы. Какие цели преследовала стачка? Экономические и политические вместе. Экономические касались *всего* пролетариата, всех рабочих и отчасти даже всех трудящихся, а не одних только наемных рабочих. Политические цели касались всего народа, вернее всех народов России. Политические цели состояли в освобождении всех народов России от ига самодержавия, крепостничества, бесправия, полицейского произвола.

Пойдем дальше. Нужно ли продолжать пролетариату экономическую борьбу? Безусловно да, об этом нет и быть не может двух мнений среди социал-демократов. Следует ли вести такую борьбу одним только социал-демократам или под одним только социал-демократическим знаменем? Мне сдается, что нет; я продолжаю держаться мнения, высказанного мною (правда, при совершенно иных, устаревших уже условиях) в «Что делать?» — именно, что ограничивать состав профессиональных союзов, а следовательно, и состав участников профессиональной, экономической борьбы, одними только членами социал-демократической партии нецелесообразно*. Мне сдается, что в качестве профессиональной организации Совет рабочих депутатов должен *стремиться* к тому, чтобы включить в свой состав депутатов от *всех* рабочих, служащих, прислуги, батраков и т. д., *всех*, кто только хочет и может бороться сообща за улучшение жизни всего трудящегося народа, *всех*, кто обладает только элементарной политической честностью, всех, кроме черносотенцев. А мы, социал-демократы, постараемся в свою очередь, во-первых, в полном (по возможности) составе всех наших партийных организаций войти во все профессиональные союзы, а во-вторых, пользоваться совместной борьбой с товарищами-пролетариями без различия их воззрений для неустанной, неуклонной проповеди *едиственно* последовательного, единственного действительно пролетарского мирозерца-

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 421—436. Ред.

ния — *марксизма*. Для такой проповеди, для такой работы пропаганды и агитации мы безусловно сохраним, укрепим и разовьем нашу совершенно самостоятельную, принципиально-выдержанную классовую партию сознательного пролетариата, т. е. Российскую социал-демократическую рабочую партию. Каждый шаг пролетарской борьбы, неразрывно слитый с нашей социал-демократической, планомерной и организованной, деятельностью, будет все более и более сближать *массы* рабочего класса в России с социал-демократией.

Но эта половина вопроса, относительно экономической борьбы, сравнительно проста и вряд ли даже вызывает особенные разногласия. Иное дело — другая половина вопроса, о политическом руководстве, о политической борьбе. Рискую еще более удивить читателей, я сразу однако должен сказать, что и в этом отношении мне кажется нецелесообразным требовать от Совета рабочих депутатов принятия социал-демократической программы и вступления в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Мне кажется, что для руководства политической борьбой равным образом безусловно необходимы в настоящее время и Совет (*преобразованный* в направлении, о котором сейчас будет идти речь) и партия.

Может быть, я ошибаюсь, но мне (по имеющимся у меня неполным и «бумажным» только сведениям) кажется, что в политическом отношении Совет рабочих депутатов следует рассматривать как зародыш *временного революционного правительства*. Мне кажется, что Совет должен как можно скорее провозгласить себя временным революционным правительством всей России или (что то же самое, лишь в иной форме) должен *создать* временное революционное правительство.

Политическая борьба достигла теперь как раз такой ступени развития, когда силы революции и контрреволюции приблизительно уравнились, когда царское правительство *уже* бессильно подавить революцию, а революция *еще* недостаточно сильна, чтобы смести дотла черносотенное правительство. Разложение царского правительства полное. Но, разлагаясь заживо, оно отравляет Россию своим трупным ядом. Разложению царских, контрреволюционных сил безусловно необходимо противопоставить сейчас же, немедленно, без малейшего отлагательства

организацию революционных сил. Эта организация именно в последнее время идет вперед с великолепной быстротой. Об этом свидетельствует и образование отрядов революционной армии (дружин обороны и т. д.), и быстрое развитие массовых социал-демократических организаций пролетариата, и создание крестьянских комитетов революционным крестьянством, и первые свободные сходки наших братьев-пролетариев, одетых в мундиры матросов и солдат, пробивающих себе тяжелую и трудную, но верную и светлую дорогу к свободе и к социализму.

Недостает теперь как раз объединения всех действительно революционных, всех действующих уже революционно сил. Недостает общероссийского политического центра, живого, свежего, сильного глубокими корнями в народе, пользующегося безусловным доверием масс, обладающего кипучей революционной энергией, связанного тесно с организованными революционными и социалистическими партиями. Такой центр может быть создан только революционным пролетариатом, который провел блестяще политическую стачку, который организует теперь всенародное вооруженное восстание, который завоевал России половину свободы и завоеует полную свободу.

Спрашивается, почему бы Совету рабочих депутатов не явиться зародышем такого центра? Потому, что в Совете заседают не только социал-демократы? Это не минус, а плюс. Мы все время говорили о том, что необходимо боевое объединение между социал-демократами и революционными буржуазными демократами. Мы об этом говорили, а рабочие это сделали. И прекрасно, что сделали. Когда я читал в «Новой Жизни» письмо *товарищей-рабочих*, принадлежащих к партии соц.-рев. и протестующих против включения Совета в одну из партий, я не мог не думать, что эти товарищи-рабочие в очень многом практически правы. Разумеется, мы расходимся с ними во взглядах, разумеется, не может быть и речи о слиянии с.-д. и с.-р., но ведь об этом и нет речи. Рабочие, разделяющие воззрения с.-р. и борющиеся в рядах пролетариата, по нашему глубокому убеждению, непоследовательны, ибо, делая истинно-пролетарское дело, они сохраняют непролетарские воззрения. С этой непоследовательностью мы обязаны идейно бороться самым решительным образом, но бороться так, чтобы насущное, злободневное, живое, всеми

признанное, всех честных людей объединившее революционное дело от этого не страдало. Мы считаем попрежнему воззрения социалистов-революционеров воззрениями не социалистическими, а революционно-демократическими. Но для боевых целей мы обязаны идти вместе при полной партийной самостоятельности, а Совет есть именно боевая организация и должен быть таковой. Выгонять преданных и честных революционеров-демократов в такой момент, когда мы делаем именно демократическую революцию, было бы нелепостью и безумием. С их непоследовательностью мы легко сладим, ибо за наши взгляды вступается сама история, вступается на каждом шагу действительность. Если их не научила социал-демократизму наша книжка, — их научит социал-демократизму наша революция. Непоследовательны, конечно, и те рабочие, которые остаются христианами, которые веруют в бога, и те интеллигенты, которые являются сторонниками (тьфу! тьфу!) мистики, — но мы не будем их выгонять не только из Совета, но даже и из партии, ибо мы твердо убеждены, что действительная борьба, работа в ряду и шеренге убедит в истине марксизма все жизнеспособные элементы, отбросит прочь все нежизнеспособное. А в своей силе, в подавляющей силе марксистов среди Российской социал-демократической рабочей партии, мы ни на секунду не сомневаемся.

На мой взгляд Совет рабочих депутатов в качестве политически-руководящего революционного центра является не слишком широкой, а, наоборот, слишком узкой организацией. Совет должен провозгласить себя временным революционным правительством, или составить таковое, обязательно привлекая для этого новых депутатов не от рабочих только, а, во-первых, от матросов и солдат, которые повсюду потянулись уже к свободе, во-вторых, от революционного крестьянства, в-третьих, от революционной буржуазной интеллигенции. Совет должен выбрать сильное ядро временного революционного правительства и пополнить его представителями всех революционных партий и всех революционных (но, конечно, только революционных, а не либеральных) демократов. Мы не боимся такой широты и разношерстности состава, а желаем ее, ибо без объединения пролетариата и крестьянства, без боевого сближения социал-демократов и революционных демократов невозможен полный успех великой русской

революции. Это будет временный союз для ясно определенных ближайших практических задач, а на страже еще более важных, коренных интересов социалистического пролетариата, на страже его конечных целей будет неуклонно стоять самостоятельная и выдержанная принципиально Российская социал-демократическая рабочая партия.

Мне возразят: можно ли будет создать при широком и разношерстном составе достаточно сплоченный и единый для практического руководства центр? Я отвечаю вопросом: чему учит октябрьская революция?³ Разве стачечный комитет *на деле* не оказался общепризнанным центром, настоящим правительством? и разве этот комитет не включил бы охотно в свои ряды представителей от той части «союзов» и «Союза союзов»⁴, которые действительно революционны и действительно поддерживают пролетариат в его беспощадной борьбе за свободу? Надо только, чтобы было сильно основное чисто-пролетарское ядро во временном революционном правительстве, чтобы на сотни, к примеру скажем, рабочих, матросов, солдат, крестьян, приходились десятки депутатов интеллигентски-революционных союзов. И я думаю, что пролетарии сумеют скоро установить на деле правильную пропорцию.

Возразят: можно ли выдвинуть программу такого правительства, достаточно полную, чтобы обеспечить победу революции, и достаточно широкую, чтобы создать возможность боевого соединения, чуждого всяких недомолвок, неясностей, умолчаний, лицемерья? Я отвечаю: такая программа уже всецело выдвинута жизнью. Такая программа уже признана в принципе всеми сознательными элементами всех решительно классов и слоев населения, вплоть даже до православных священников. В этой программе на первом месте должно стоять полное осуществление на деле политической свободы, которая так лицемерно обещана царем. Отмена всех законов, стесняющих свободу слова, совести, собраний, печати, союзов, стачек, уничтожение всех учреждений, ограничивающих эту свободу, должны быть немедленны, реальны, обеспечены и проведены на деле. В этой программе должен быть созыв действительно всенародного учредительного собрания, которое опиралось бы на свободный и вооруженный народ, которое имело бы всю власть и всю силу, чтобы учредить новые порядки в России. В этой программе должно быть

вооружение народа. Необходимость такого вооружения признана всеми. Остается довести до конца и объединить дело, уже начатое и ведущееся повсюду. В программе временного революционного правительства должно быть далее немедленное предоставление действительной и полной свободы угнетенным царским чудовищем народностям. Свободная Россия родилась. Пролетариат стоит на своем посту. Он не допустит, чтобы геройская Польша была еще раз задавлена. Он ринется сам в бой и не только уже мирной стачкой, а с оружием в руках поднимется за свободу и России и Польши. В этой программе должно быть закрепление 8-мичасового рабочего дня, уже «захватываемого» рабочими, и других неотложных мер обуздания капиталистической эксплуатации. В этой программе, наконец, обязательно должен быть включен переход всей земли к крестьянам, поддержка всех революционных мер крестьянства по отобранию всей земли (без поддержки, конечно, иллюзий «уравнительности» мелкого землепользования) и учреждение повсюду революционных крестьянских комитетов, которые уже начали и теперь складываться сами собой.

Кто кроме черносотенцев и черносотенного правительства не признает теперь неотложности и практической насущности этой программы? Ведь даже буржуазные либералы на словах готовы признать ее! А нам нужно провести ее силами революционного народа на деле, нам нужно объединить для этого как можно скорее эти силы посредством провозглашения пролетариатом временного революционного правительства. Конечно, реальной опорой такого правительства может быть только вооруженное восстание. Но ведь проектируемое правительство и будет не чем иным, как *органом* этого растущего и зреющего уже восстания. Нельзя было практически приступить к образованию революционного правительства, пока восстание не выросло до размеров, ясных для всех, осязаемых, можно сказать, всеми. А теперь именно необходимо объединить политически это восстание, организовать его, дать ему ясную программу, превратить все многочисленные уже и увеличивающиеся быстро в числе отряды революционной армии в опору и орудия этого нового, действительно свободного и действительно народного правительства. Борьба неминуема, восстание неизбежно, решительная схватка уже очень близка. Пора сделать прямой вызов,

противопоставить разлагающемуся царизму организованную власть пролетариата, обратиться ко всему народу с манифестом от имени учрежденного передовыми рабочими временного революционного правительства.

Теперь мы уже ясно видим, что из недр революционного народа найдутся люди, способные выполнить это великое дело, люди беззаветной преданности революции, и главное, люди с кипучей, безграничной энергией. Теперь мы уже ясно видим, что есть налицо элементы революционной армии, которая поддержит это дело, что все честное, все живое, все сознательное во всех классах населения отвернется окончательно от царизма, когда новое правительство объявит решительную войну отмирающей крепостной, полицейской России.

Граждане! — следовало бы сказать в этом объявлении войны, в этом манифесте революционного правительства, — граждане, выбирайте! Там — вся старая Россия, все темные силы эксплуатации, гнета, надругательства над человеком. Здесь — союз свободных граждан, равноправных во всех государственных делах. Там — союз эксплуататоров, богачей, полицейских. Здесь — союз всех трудящихся, всех живых сил народа, всей честной интеллигенции. Там — черные сотни, здесь — организованные рабочие, борющиеся за свободу, за просвещение, за социализм.

Граждане, выбирайте! Вот наша программа, давно выставленная всем народом. Вот наши цели, во имя которых мы объявляем войну правительству черносотенцев. Мы не навязываем никаких нами выдуманных новшеств народу, мы только берем на себя почин осуществления на деле того, без чего нельзя жить дальше в России, по общему и единодушному признанию. Мы не замыкаемся от революционного народа, отдавая на суд его каждый наш шаг, каждое наше решение, мы опираемся всецело и исключительно на свободный почин, исходящий от самих трудящихся масс. Мы объединяем все и всякие революционные партии, мы зовем в свои ряды депутатов от всякой группы населения, готовой бороться за свободу, за нашу программу, которая обеспечивает элементарные права и нужды народа. Мы протягиваем в особенности нашу руку товарищам-рабочим, одетым в солдатские мундиры, и нашим братьям-крестьянам для совместной борьбы до конца против ига помещиков и чиновников, для борьбы за землю и волю.

Граждане! готовьтесь к решительной борьбе. Мы не позволим черносотенному правительству надругаться над Россией. Мы не дадим себя обмануть переменой нескольких чиновников, отставкой нескольких полицейских, пока вся масса черносотенной полиции сохраняет власть для убийств, грабежей и бесчинств над народом. Пусть либеральные буржуа унижаются до ходатайств перед этим черносотенным правительством. Черносотенцы смеются, когда им грозят все тем же царским судом все тех же царских чиновников. Мы дадим приказ отрядам нашей армии арестовывать спаивающих и подкупающих темный народ героев черной сотни, мы отдадим всех этих извергов вроде кронштадтского полицмейстера на открытый, все-народный, революционный суд.

Граждане! от царского правительства отвернулись все, кроме черных сотен. Объединяйтесь же вокруг революционного правительства, прекратите платеж всех податей и налогов, направьте все усилия на организацию и вооружение свободного народного ополчения. Действительная свобода будет обеспечена России лишь в той мере, в какой революционный народ окажется победителем над силами черносотенного правительства. В гражданской войне нет и не может быть нейтральных. Партия белых — одно трусливое лицемерие. Кто сторонится от борьбы, тот поддерживает хозяйничанье черносотенцев. Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец.

Мы берем на себя объединение и подготовку сил народного восстания. Пусть к годовщине великого дня 9-го января в России не останется и следа от учреждений царской власти. Пусть весенний праздник международного пролетариата застанет уже свободную Россию с созванным свободно всенародным учредительным собранием!

Вот как рисуется мне развитие Совета рабочих депутатов в временное революционное правительство. Вот какие задачи поставил бы я в первую голову всем организациям нашей партии, всем сознательным рабочим, и самому Совету, и предстоящему в Москве рабочему съезду, и съезду Крестьянского союза⁵.

О РЕОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ⁶

I

Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба еще впереди, и подготовка к этой борьбе должна стоять на первом плане. Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен. Но вместе с тем безусловно необходимо использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий простор. Безусловно необходимо наряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полукрытые, партийные (и примыкающие к партии) организации. Без этой последней работы приспособить нашу деятельность к новым условиям, оказаться в состоянии решить новые задачи, немислимо...

Чтобы поставить организацию на новое основание, необходим новый съезд партии. По уставу он назначен раз в год, назначен в мае 1906 года, но ускорить съезд теперь необходимо. Если мы не воспользуемся моментом, мы упустим его — в том смысле, что потребность в организации, ощущаемая рабочими крайне остро, выльется в уродливые, опасные формы, усилит каких-нибудь «независимцев»⁷ и т. д. Надо спешить организовать по-новому, надо поставить на общее обсуждение новые приемы, надо смело и решительно определить «новый курс».

Обращение к партии, печатаемое в настоящем номере и подписанное Центральным Комитетом нашей партии⁸, определяет этот новый курс, по моему глубокому убеждению, вполне правильно. Мы, представители революционной

социал-демократии, сторонники «большинства», неоднократно говорили, что демократизация партии, проведенная до конца, была невозможна при условиях конспиративной работы, что «выборное начало» при этих условиях есть фраза. И жизнь подтвердила наши слова. Неоднократно в литературе (смотри брошюру Рабочего, с предисловием Аксельрода, и письмо «Рабочего, одного из многих», в «Искре»⁹ и в брошюре «Рабочие о партийном расколе») отмечалось уже бывшими сторонниками меньшинства, что фактически никакой серьезной демократизации, никакой действительной выборности провести не удавалось. Но необходимость перехода к выборному началу при новых условиях, при переходе к политической свободе, мы, большевики, признавали всегда: протоколы III съезда РСДРП доказывают это особенно убедительно, если требуются еще тому доказательства.

Итак, задача стоит ясно: сохранить пока конспиративный аппарат и развить новый, открытый. В применении к съезду эта задача (конкретное выполнение которой требует, конечно, практического умения и знаний всех условий места и времени) гласит так: созвать IV съезд на основе устава и в то же время начать сейчас же, немедленно, применение выборного начала. ЦК решил эту задачу: комитетчики, как представители полноправных организаций формально, как представители партийной преемственности реально, едут на съезд с решающими голосами по праву. Выборных делегатов от *всех* членов партии, следовательно, и от массы рабочих, входящих в партию, ЦК *пригласил* на основании своего права с совещательным голосом. ЦК заявил далее, что он тотчас же предложит съезду превратить этот совещательный голос в решающий. Согласятся ли на это полноправные делегаты комитетов?

ЦК заявляет, что, по его мнению, безусловно согласятся. Я, лично, глубоко убежден в этом. Нельзя не согласиться на такую вещь. Нельзя представить себе, что большинство руководителей социал-демократического пролетариата не согласится на это. Мы уверены, что голоса партийных работников, регистрируемые со всей тщательностью газетой «Новая Жизнь», докажут очень быстро правильность нашего взгляда: если даже борьба за такой шаг (за превращение совещательного голоса в решающий) и предстоит, то исход несомненен.

Взгляните на этот вопрос с другой стороны, не с формальной точки зрения, а по существу. Грозит ли опасность социал-демократии от осуществления предложенного нами плана?

Опасность могли бы усмотреть в том, что в партию войдут сразу массы не социал-демократов. Тогда партия растворится в массе, партия перестанет быть сознательным передовым отрядом класса, партия принизится до роли хвоста. Это был бы безусловно плачевный период. И эта опасность, несомненно, могла бы приобрести *серьезнейшее* значение, если бы у нас была налицо склонность к демагогии, если бы основы партийности (программа, тактические правила, организационный опыт) отсутствовали совсем или были слабы и шатки. Но дело все в том, что этого «если бы» как раз и нет налицо. Среди нас, большевиков, не только не было склонности к демагогии, а напротив, мы все время решительно, открыто и прямо боролись с малейшими попытками демагогии, требовали сознательности от входящих в партию, настаивали на гигантском значении преемственности в деле партийного развития, проповедывали дисциплину и воспитание *всех* членов партии в одной из партийных организаций. У нас есть и твердо стоит наша программа, официально всеми социал-демократами признанная и никакой критики по существу в коренных своих положениях не вызывавшая (критика отдельных пунктов и формулировок вполне законная и необходимая вещь во всякой живой партии). У нас есть тактические резолюции, последовательно и систематически вырабатывавшиеся и на II и на III съезде и многолетней работой социал-демократической печати. У нас есть и некоторый организационный опыт и фактическая организация, сыгравшая воспитательную роль и давшая несомненно плоды, которые не видны сразу, но отрицать которые могли бы только слепые или ослепленные люди.

Нет, товарищи, не будем преувеличивать этой опасности. Социал-демократия создала себе имя, создала направление, создала кадры рабочих социал-демократов. И в настоящий момент, когда геройский пролетариат доказал на деле свою готовность к борьбе и свое умение бороться солидарно, выдержанно, за ясно-сознанные цели, бороться в чисто-социал-демократическом духе, — в такой момент прямо смешно было бы сомневаться в том, что рабочие, которые входят в нашу партию и которые завтра,

по приглашению ЦК, войдут в нее, будут в 99 случаях из 100 социал-демократы. Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность. Не стройте себе воображаемых ужасов, товарищи! Не забывайте, что во всякой живой и развивающейся партии всегда будут элементы неустойчивости, шатания, колебаний. Но эти элементы поддаются и поддадутся воздействию выдержанного и сплоченного ядра социал-демократов.

Наша партия застоялась в подполье. Она задышалась в нем в последние годы, как верно выразился один делегат III съезда. Подполье рушится. Смелей же вперед, берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих-социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами. Пусть их делегаты оживят ряды наших центров, пусть вольется через них свежий дух молодой революционной России. До сих пор революция оправдывала и оправдала все основные теоретические положения марксизма, все существенные лозунги социал-демократии. И революция оправдала также *нашу*, социал-демократическую работу, оправдала нашу надежду и веру в истинную революционность пролетариата. Отбросим же всякую мелочность в необходимой реформе партии: встанем сразу на новый путь. Это не отнимет у нас старого конспиративного аппарата (признание и утверждение его рабочими социал-демократами несомненно: оно доказано жизнью и ходом революции во сто раз внушительнее, чем могли бы доказать это решения и постановления). Это даст нам и новые, молодые силы, выходящие из самых недр единственного действительно революционного, и до конца революционного, класса, который завоевал России половину свободы, который завоеует ей полную свободу, который поведет ее через свободу к социализму!

II

Постановление ЦК нашей партии о созыве IV съезда РСДРП, напечатанное в № 9 «Новой Жизни», делает решительный шаг к полному осуществлению демократического начала в партийной организации. Выборы делегатов

на съезд (являющихся первоначально с совещательным голосом, но затем получающих, несомненно, решающий голос) должны быть произведены в один месяц. Всем организациям партии следует, таким образом, приступать как можно скорее к обсуждению вопроса о личностях кандидатов и о задачах съезда. С возможностью новых попыток умирающего самодержавия отнять обещанные свободы, напасть на революционных рабочих, и особенно их вождей, следует непременно считаться. Поэтому вряд ли уместно (за исключением разве особых случаев) опубликование настоящих фамилий делегатов. От псевдонимов, к которым нас приучила эпоха политического рабства, не приходится еще отказываться, пока черносотенцы остаются у власти. И кандидатов к делегатам не мешало бы выбирать, — опять-таки, по-старому, «на случай провала». Но на всех этих конспиративных предосторожностях мы не будем останавливаться, ибо товарищи, знакомые с местными условиями работы, легко сладят со всеми затруднениями, которые могут возникнуть в этом отношении. Товарищи, богатые опытом революционной работы при условиях самодержавия, должны придти на помощь своими советами всем тем, кто начинает социал-демократическую работу при новых «свободных» (свободных пока еще в кавычках) условиях. Само собою разумеется, что при этом со стороны членов наших комитетов требуется много такта: прежние формальные прерогативы теперь неизбежно теряют значение, и необходимо заново начинать сплошь да рядом «с начала», *доказать* широким слоям новых товарищей по партии всю важность выдержанной социал-демократической программы, тактики, организации. Нельзя забывать, что до сих пор слишком часто имели дело только с выделившимися из данного социального слоя революционерами, теперь же мы будем иметь дело с типичными представителями массы: эта перемена требует перемены приемов не только пропаганды и агитации (необходимость большей популярности, умение подойти к вопросу, умение разъяснить самым простым, наглядным и действительно убедительным образом основные истины социализма), но и организации.

В настоящей заметке мне хотелось бы остановиться на одной стороне новых организационных задач. Поста-

новление ЦК приглашает делегатов на съезд от *всех* партийных организаций и призывает *всех* рабочих социал-демократов вступать в такие организации. Для того, чтобы это благое пожелание осуществилось на деле, недостаточно простого «приглашения» рабочих, недостаточно простого увеличения числа организаций прежнего типа. Нет, для этого необходима самостоятельная, творческая выработка всеми товарищами сообща *новых* форм организации. Тут нельзя указать никаких заранее определенных норм, ибо все это дело новое; тут должно найти себе приложение знание местных условий и, главное, инициатива *всех* членов партии. Новая форма организации или, вернее, новая форма основной организационной ячейки рабочей партии должна быть безусловно более широкая, по сравнению с старыми кружками. Вероятно, кроме того, что новая ячейка должна быть менее строго оформленной, более «свободной», «люсе», организацией. При полной свободе союзов и при полной обеспеченности гражданских прав населения мы бы должны были, конечно, основывать повсюду социал-демократические (не профессиональные только, а политические, партийные) союзы. При теперешних условиях надо стремиться к тому, чтобы приблизиться к этой цели всеми путями и средствами, какие только окажутся в нашем распоряжении.

Надо немедленно разбудить инициативу всех партийных работников и всех рабочих, сочувствующих социал-демократии. Надо тотчас же организовать везде и повсюду рефераты, беседы, митинги, массовки с сообщением о IV съезде РСДРП, с изложением задач этого съезда в самой популярной и доступной форме, с указанием новой формы организации съезда, с призывом всех социал-демократов принять участие в выработке на новых началах действительно пролетарской социал-демократической партии. Такая работа даст массу указаний опыта, выдвинет в две-три недели (если энергично повести дело) новые социал-демократические силы из среды рабочих, оживит в гораздо более широких слоях интерес к социал-демократической партии, которую мы решили теперь перестроить заново вместе со всеми товарищами-рабочими. Немедленно будет поставлен на всех собраниях вопрос о создании союзов, организаций, групп партии. Каждый союз, организация, группа тотчас выберет себе

бюро или правление или распорядительную комиссию, одним словом, центральное и постоянное учреждение для ведения дел организации, для сношения о местными учреждениями партии, для получения и распространения партийной литературы, для сбора взносов на партийную работу, для устройства собраний, лекций, рефератов, наконец, для подготовки выборов делегата на партийный съезд. Комитеты партии позаботятся, конечно, о помощи каждой такой организации, о снабжении ее материалом для ознакомления с тем, что такое РСДРП партия, какова ее история и ее теперешние великие задачи.

Далее, пора позаботиться также о том, чтобы создавать местные хозяйственные, так сказать, опорные пункты рабочих социал-демократических организаций в виде содержимых членами партии столовых, чайных, пивных, библиотек, читален, тиров* и проч., и проч. Нельзя забывать, что, кроме «самодержавной» полиции, рабочих социал-демократов будут преследовать «самодержавные» хозяева, рассчитывая агитаторов, и потому устройство базы, возможно более независимой от произвола фабрикантов, вещь крайне важная.

Вообще говоря, теперешним расширением свободы действия мы, социал-демократы, должны пользоваться всячески, и чем обеспеченнее будет эта свобода, тем энергичнее будем мы выдвигать лозунг: «в народ!». Теперь инициатива самих рабочих будет проявляться в таких размерах, о которых мы, вчерашние конспираторы и «кружковики», не смели и мечтать. Теперь воздействие идей социализма на массы пролетариата идет и будет идти такими путями, которых мы зачастую совершенно не в состоянии будем проследить. Соответственно таким условиям, надо будет заботиться о более правильном распределении социал-

* Я не знаю соответственного русского слова и называю «тиром» помещение для стрельбы в цель, где есть запас всякого оружия и всякий желающий за маленькую плату приходит и стреляет в цель из револьверов и ружей. В России объявлена свобода собраний и союзов. Граждане вправе собраться и для учения стрельбе, опасности от этого никому быть не может. В любом европейском большом городе вы встретите открытые для всех тир — в подвальных квартирах, иногда за городом и т. п. А рабочим учиться стрелять, учиться обращаться с оружием весьма-весьма не лишне. Разумеется, серьезно и широко взяться за это дело мы сможем лишь тогда, когда будет обеспечена свобода союзов и можно будет тягать к суду полицейских негодяев, которые посмели бы закрывать такие учреждения.

демократической интеллигенции*, чтобы она не толкалась зря там, где движение уже встало на ноги и обходится, если можно так выразиться, своими силами, чтобы она шла «в низы», где работа тяжелее, условия труднее, нужда в опытных и знающих людях сильнее, источников света меньше, политическая жизнь бьет слабее. «В народ» мы должны теперь идти и на случай выборов, в которых примет участие все население даже самых глухих углов, — и (это еще более важно) на случай открытой борьбы, чтобы парализовать реакционность провинциальной Вандей¹⁰, чтобы обеспечить распространение по всей стране, во всех массах пролетариата тех лозунгов, которые будут исходить из крупных центров.

Конечно, всякая крайность вредна; для вполне прочной и «образцовой», по возможности, постановки дела часто придется нам еще и теперь концентрировать лучшие силы в том или ином важном центре. Опыт покажет, какую пропорцию следует соблюдать в этом отношении. Наша задача теперь не столько выдумывать нормы для организации на новых началах, сколько развернуть самую широкую и смелую работу, чтобы подытожить и оформить на IV съезде данные партийного опыта.

III

В первых двух очерках мы останавливались на общем значении выборного начала в партии и на необходимости новых организационных ячеек и организационных форм. Теперь рассмотрим еще один крайне насущный вопрос, именно: вопрос о партийном объединении.

Ни для кого не тайна, что громадное большинство рабочих социал-демократов крайне недовольно партийным расколом и требует объединения. Ни для кого не тайна, что раскол вызвал некоторое охлаждение рабочих социал-демократов (или готовых стать социал-демократами) к социал-демократической партии.

* На III съезде партии я выражал пожелание, чтобы в комитетах партии приходилось, примерно, 8 рабочих на 2 интеллигентов. (См. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 376. *Ред.*) Как устарело это пожелание!

Теперь надо желать, чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих-социал-демократов.

На то, что «верхи» партии объединятся сами, рабочие почти потеряли надежду. Необходимость объединения была признана официально и III съездом РСДРП и конференцией меньшевиков в мае текущего года. С тех пор прошло полгода, а объединение почти не двинулось вперед. Неудивительно, что рабочие стали проявлять нетерпение. Неудивительно, что «Рабочий, один из многих», писавший об объединении в «Искре» и в брошюре, изданной «большинством» («Рабочие о партийном расколе», издание ЦК. Женева, 1905 г.), погрозил, наконец, социал-демократической интеллигенции «кулаком снизу». Одним социал-демократам (меньшевику) эта угроза тогда не понравилась, другие (большевики) нашли ее законной и в основе вполне справедливой.

Мне сдается, что теперь настала пора, когда *сознательные* рабочие социал-демократы могут и должны осуществить свое намерение (не говорю «угрозу», ибо это слово отдает обвинениями, демагогией, а мы изо всех сил должны избегать и того и другого). В самом деле, теперь настала, или настает, во всяком случае, пора, когда выборное начало можно применять в партийной организации не на словах, а на деле, не как красивую, но пустую фразу, а как действительно новое начало, действительно обновляющее, расширяющее и укрепляющее партийные связи. «Большинство» в лице ЦК прямо призвало к немедленному применению и введению выборного начала. Меньшинство идет тем же путем. А рабочие социал-демократы составляют гигантское, подавляющее большинство во всех социал-демократических организациях, учреждениях, собраниях, митингах и т. д.

Значит, теперь есть уже налицо возможность не только *убеждать* объединиться, не только добиваться *обещаний* объединиться, а *объединить* на деле простым решением большинства организованных рабочих и в той и в другой фракции. Тут не будет никакого «навязывания», ибо в принципе необходимость единства признана всеми, и рабочим предстоит лишь практически вырешить принципиально вырешенный вопрос.

Ведь, отношение интеллигентской и пролетарской (рабочей) функции в социал-демократическом рабочем движении, пожалуй, довольно точно можно выразить такой общей формулой: интеллигенция хорошо решает вопросы

«принципиально», хорошо рисует схему, хорошо рассуждает о необходимости сделать... а рабочие делают, претворяют серую теорию в живую жизнь.

И я ни капли не впаду в демагогию, нисколько не унижу великой роли сознательности в рабочем движении, ни в чем не ослаблю гигантского значения марксистской теории, марксистских принципов, если скажу теперь: мы создали и на съезде и на конференции «серую теорию» объединения партии; товарищи-рабочие! помогите нам претворить эту серую теорию в живую жизнь! Идите в громадном числе в партийные организации. Сделайте из нашего IV съезда и из меньшевистской второй конференции внушительный и грандиозный съезд рабочих социал-демократов. Займитесь вместе с нами практически вопросом о слиянии, — пусть в этом вопросе, в виде исключения (это такое исключение, которое подтверждает обратное правило!), будет на одну десятую теории и на девять десятых практики. Право же, такое пожелание законно и исторически необходимо и психологически понятно. Мы столько времени «теоретизировали» (иногда, — нечего греха таить, — впустую) в атмосфере эмигрантщины, что, ей-богу, не мешает теперь несколько, немножечко, чуть-чуть «перегнуть лук в другую сторону» и двинуть вперед немножечко больше практику. В вопросе об объединении, о котором, в связи с причинами раскола, мы извели уйму чернил и бездну бумаги, в этом вопросе подобный прием безусловно уместен. В частности, мы, эмигранты, соскучились по практике. И притом же мы написали уже весьма хорошую и полную программу всей демократической революции. Давайте же объединимся и для дела этой революции!

«Новая Жизнь» №№ 9, 13 и 14;
10, 15 и 16 ноября 1905 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Новая Жизнь»

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО¹¹

Съезд Крестьянского союза в Москве, происходящий в настоящее время, снова выдвигает на очередь дня насущный вопрос об отношении социал-демократии к крестьянскому движению. Для русских марксистов вопрос этот всегда был насущным при определении их программы и тактики. Еще в первом проекте программы русских социал-демократов, напечатанном в 1884 году за границей группой «Освобождение труда», было уделено серьезнейшее внимание крестьянскому вопросу.

С тех пор нельзя назвать ни одного крупного произведения марксистов, посвященного общим вопросам, ни одного социал-демократического органа печати, который бы не повторял, не развивал, не применял к отдельным случаям марксистских взглядов и лозунгов.

Теперь вопрос о крестьянском движении стал насущным не в теоретическом только, а в самом непосредственном практическом значении. Теперь надо превратить наши общие лозунги в прямые призывы, обращенные от революционного пролетариата к революционному крестьянству. Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни. И от роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход великой русской революции.

Чего хочет крестьянство от революции? Что может дать революция крестьянству? — вот два вопроса, разрешить которые обязан всякий политический деятель и в особенности всякий сознательный рабочий, являющийся политическим деятелем в лучшем, не опошленном буржуазным политиканством, смысле этого слова.

Крестьянство хочет земли и воли. Об этом не может быть двух мнений. Все сознательные рабочие поддерживают всеми силами революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. Всю землю — это значит не удовлетворяться никакими частичными уступками и подачками, это значит рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности. И партия сознательного пролетариата, социал-демократия, самым решительным образом высказалась в этом смысле: на своем III съезде, состоявшемся в мае настоящего года, РСДРП приняла резолюцию, в которой говорится прямо о поддержке крестьянских революционных требований *вплоть до конфискации всех* частновладельческих земель. Эта резолюция ясно показывает, что партия сознательных рабочих поддерживает крестьянское требование всей земли. И в этом отношении с резолюцией III съезда РСДРП совершенно совпадает по содержанию резолюция, принятая на конференции другой половины нашей партии.

«Всю волю» — это значит выборность чиновников и должностных лиц, которые управляют общественными и государственными делами. «Всю волю» — это значит полное уничтожение такой государственной власти, которая бы не зависела целиком и исключительно от народа, которая не была бы выбрана народом, не была бы подотчетна народу, не была бы сменяема народом. «Всю волю» — это значит, что не народ должен подчиняться чиновникам, а чиновники должны подчиняться народу.

Конечно, не все крестьяне, борющиеся за землю и волю, вполне сознательно относятся к этой борьбе и доходят до требования республики. Но демократическое направление крестьянских требований стоит вне сомнения. Поэтому поддержка этих требований обеспечена крестьянству со стороны пролетариата. Крестьяне должны знать, что красное знамя, которое поднято в городах, есть знамя борьбы за ближайшие и насущные требования не только промышленных и сельских рабочих, но и за требования миллионов и десятков миллионов мелких земледельцев.

Остатки крепостного права во всех и всяческих формах и видах до сих пор дают беспощадным гнетом всю

крестьянскую массу, и пролетарии под красным знаменем объявили войну этому гнету.

Но красное знамя означает не только поддержку пролетариатом крестьянских требований. Оно означает еще самостоятельные требования пролетариата. Оно означает борьбу не только за землю и за волю, но и борьбу против всякой эксплуатации человека человеком, борьбу против нищеты народных масс, борьбу против господства капитала. И вот тут перед нами встает второй вопрос: что может дать революция крестьянству? Многие искренние друзья крестьян (в том числе, например, социалисты-революционеры) не считаются с этим вопросом, не замечают его важности. Они думают, что достаточно поставить и разрешить вопрос, чего желают крестьяне, достаточно получить ответ: землю и волю. Это большая ошибка. Полная воля, полная выборность всех чиновников, вплоть до главы государства, не устранят господства капитала, не уничтожат богатства немногих и нищеты масс. Полное уничтожение частной собственности на землю тоже не уничтожит ни господства капитала, ни нищеты масс. И на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, кто владеет капиталом, только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д. А тот, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала, даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему народу. Мысль о «социализации» земли без социализации капитала, мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение. Социализм почти во всех странах Европы переживал такие времена, когда это или подобное ему заблуждение разделялось большинством. Опыт борьбы рабочего класса во всех странах показал на деле всю опасность такой ошибки, и от нее вполне освободились теперь пролетарии-социалисты Европы и Америки.

Таким образом, красное знамя сознательных рабочих означает, во-первых, то, что мы поддерживаем всеми силами крестьянскую борьбу за всю волю и всю землю; во-вторых, оно означает то, что мы не останавливаемся на этом, а идем дальше. Мы ведем, кроме борьбы за волю и за землю, борьбу за социализм. Борьба за социализм есть борьба против господства капитала. Ведут эту борьбу

прежде всего наемные рабочие, которые прямо и целиком зависят от капитала. Мелкие же хозяева сами отчасти владеют капиталом, сами нередко эксплуатируют рабочих. Поэтому из мелких крестьян не все становятся в ряды борцов за социализм, а только те, кто решительно и сознательно переходит на сторону рабочих против капитала, на сторону общей собственности против частной собственности.

Вот почему социал-демократы говорят, что они борются вместе со всем крестьянством против помещиков и чиновников, а кроме того, они, городские пролетарии вместе с сельскими пролетариями, борются против капитала. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба.

Пошлем же горячий привет Крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний, за полную волю и за всю землю. Эти крестьяне — настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны разъяснять терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба. Эти крестьяне — действительные революционные демократы, с которыми мы должны идти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции. К плану общей забастовки, к решению подняться в следующий раз дружно, сообща, и городским рабочим и всей крестьянской бедноте, — к этому плану и решению мы относимся с величайшим, полным сочувствием. Все сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы помочь осуществиться этому плану. Но никакой союз, даже с самыми честными и решительными революционными демократами, не заставит пролетариев забыть об их еще более великой и важной цели, о борьбе за социализм, за полное уничтожение господства капитала, за освобождение всех трудящихся от всякой эксплуатации. Вперед, рабочие и крестьяне, на общую борьбу за землю и волю! Вперед, пролетарии, объединенные международной социал-демократией, на борьбу за социализм!

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новые условия социал-демократической работы, создавшиеся в России после октябрьской революции, выдвинули на очередь вопрос о партийной литературе. Различие между нелегальной и легальной печатью, это печальное наследие эпохи крепостнической, самодержавной России, начинает исчезать. Оно еще не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера еще бесчинствует до того, что «Известия Совета Рабочих Депутатов»¹² печатаются «нелегально», но, кроме позора для правительства, кроме новых моральных ударов ему, ничего не получается из глупых попыток «запретить» то, чему помешать правительство не в силах.

При существовании различия между нелегальной и легальной печатью вопрос о партийной и непартийной печати решался крайне просто и крайне фальшиво, уродливо. Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была не партийна, — потому что партийность была под запретом, — но «тяготела» к той или другой партии. Неизбежны были уродливые союзы, ненормальные «сожительства», фальшивые прикрытия; с вынужденными недомолвками людей, желавших выразить партийные взгляды, смешивалось недомыслие или трусость мысли тех, кто не дорос до этих взглядов, кто не был, в сущности, человеком партии.

Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой

задыхалось все живое и свежее на Руси. Но пролетариат завоевал пока лишь половину свободы для России.

Революция еще не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революции, то революция *еще не* в силах победить царизма. И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, «дипломатичной», увертливой «легальностью». Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков насчет социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты, а факт все же остается фактом, центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии, «Пролетарий»¹³, все же остается за дверью *самодержавно-полицейской* России.

Как-никак, а половина революции заставляет всех нас приняться немедленно за новое налаживание дела. Литература может теперь, даже «легально», быть на $\frac{9}{10}$ партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком,

живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижającego, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского русского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедывать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу,

ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгапешеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того; также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

— Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной

«свободы критики», *внутри* партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам

и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих).

За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда «социал-демократическая» литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

*«Новая Жизнь» № 12,
13 ноября 1905 г.
Подпись: Н. Л е н и н*

*Печатается по тексту
газеты «Новая Жизнь»*

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
ПЕТЕРБУРГСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ
14 (27) НОЯБРЯ 1905 г.
О МЕРАХ БОРЬБЫ С ЛОКАУТОМ¹⁴**

Граждане! Более ста тысяч рабочих выброшены на мостовую в Петербурге и других городах.

Самодержавное правительство объявило войну революционному пролетариату. Реакционная буржуазия соединяется с самодержавием, намереваясь голодом заставить рабочих смириться и расстроить борьбу за свободу.

Совет рабочих депутатов заявляет, что этот невиданный еще расчет массы рабочих есть провокация со стороны правительства. Правительство хочет вызвать пролетариат Петербурга на одиночные вспышки; правительство хочет воспользоваться тем, что рабочие других городов еще недостаточно тесно сплотились с петербургскими, и разбить тех и других поодиночке.

Совет рабочих депутатов заявляет, что дело свободы в опасности. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию правительства. Рабочие не примут сражения в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им сражение правительство. Мы должны приложить и приложим все усилия, чтобы объединить всю борьбу и всероссийского пролетариата, и революционного крестьянства, и армии, и флота, которые геройски поднимаются уже за свободу.

Ввиду этого Совет рабочих депутатов постановляет:

1) Все закрытые заводы должны быть немедленно открыты и все рассчитанные товарищи приняты обратно на свои места. Все слои народа, не на словах, а на деле дорожащие свободой, приглашаются поддержать это требование.

2) Для поддержания этого требования Совет рабочих депутатов считает необходимым обратиться к солидарности всего российского пролетариата и в случае отказа в выполнении требования призвать его к всеобщей политической забастовке и другим видам решительной борьбы.

3) В целях подготовки этого выступления Советом рабочих депутатов поручено Исполнительному комитету немедленно, путем посылки делегатов и другими способами, войти в сношение с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, а также с армией и флотом.

4) По выполнении этой предварительной работы Исполнительный комитет созывает экстренное собрание Совета рабочих депутатов для постановления окончательного решения по поводу забастовки.

5) Петербургский пролетариат предложил всем рабочим и всем слоям общества и народа всеми средствами, материальными, нравственными и политическими, поддержать рассчитанных рабочих.

«Новая Жизнь» № 13,
16 ноября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Новая Жизнь»

НЕУДАВШАЯСЯ ПРОВОКАЦИЯ

Постановление Совета рабочих депутатов*, которое мы печатаем в настоящем номере, знаменует чрезвычайно важный этап в развитии революции.

Союз правительства и буржуазии делает попытку разбить пролетариат, пользуясь истощением его сил. На объявление о введении на фабриках и заводах Петербурга восьмичасового рабочего дня революционным путем буржуазия отвечает «локаутом».

Заговор составлен. Против стачки решено бороться массовым расчетом рабочих. Казенные заводы закрываются вместе с целым рядом заводов частных. Десятки тысяч рабочих выброшены на мостовую. Петербургский пролетариат, истощенный предыдущей борьбой, хотят провоцировать на новую битву при условиях, самых невыгодных для него.

Совет рабочих депутатов, следуя указаниям представителей социал-демократии, решил раскрыть перед рабочими заговор контрреволюции и предостеречь петербургский пролетариат, чтобы он не дал заманить себя в ловушку. На вызов к борьбе в одиночку он ответил призывом к объединению борьбы по всей России, он ответил немедленными мерами к укреплению союза революционных рабочих с революционным крестьянством, с теми частями армии и флота, которые начинают восстание во всех концах России.

В такой момент больше чем когда-либо важно направить все усилия на объединение армии революции по всей России, важно сберечь силы, использовать захваченные

* См. настоящий том, стр. 32—33. *Ред.*

свободы для увеличенной во сто раз агитации и организации, подготовиться к новым решительным битвам. Пусть самодержавие соединяется с реакционной буржуазией! Пусть буржуазия либеральная (представленная съездом земских и городских деятелей в Москве¹⁵) вотирует доверие правительству, которое лицемерно говорит о свободе и давит военной силой Польшу за требование самых основных гарантий свободы!

Союзу самодержавия и буржуазии мы должны противопоставить союз социал-демократии и всей революционной буржуазной демократии. Социалистический пролетариат протягивает руку борющемуся за свободу крестьянству и зовет его к общему, согласованному, натиску во всей стране.

Вот в чем состоит громадное значение постановления Совета рабочих депутатов. Мы, социал-демократы, должны позаботиться о том, чтобы вся партия пришла на помощь Совету рабочих депутатов. Мы стремимся не к одному только демократическому перевороту. Мы боремся за социализм, т. е. за полное освобождение трудящихся от всякого, не только политического, но и экономического угнетения. Мы объединяем в своей партии только тех, кто признает эту великую цель и ни на минуту не забывает о подготовке сил к ее достижению.

Но мы, социалисты, именно ради достижения нашей социалистической цели, стремимся к самому решительному проведению демократической революции, к завоеванию полной свободы ради успешной борьбы за социализм. И потому, с революционными демократами, которые не торговаться хотят с правительством, а бороться, которые не урезать хотят революцию, а довести до конца, — с такими людьми мы должны идти рука об руку, хотя и не сливаясь с ними. Да здравствует же союз социалистического пролетариата и всего революционного народа! Все силы реакции, все покушения контрреволюции сломятся перед их общим натиском.

ВОЙСКО И РЕВОЛЮЦИЯ

Восстание в Севастополе все разрастается. Дело близится к развязке. Борющиеся за свободу матросы и солдаты устраняют начальство. Порядок поддерживается полный. Правительству не удастся повторить кронштадтской гнусной проделки, не удастся вызвать никаких погромов. Эскадра отказалась уйти в море и грозит городу, если попробуют усмирять восставших. Командование «Очаковым» принял лейтенант в отставке Шмидт, отставленный за «дерзкую» речь о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 17 октября. Сегодня, 15, должен был окончиться, по сообщению «Руси»¹⁶, срок, назначенный для сдачи матросам.

Мы стоим, следовательно, накануне решительного момента. Ближайшие дни — может быть, часы — покажут, победят ли вполне восставшие, будут ли они разбиты или будет заключена какая-нибудь сделка. Во всяком случае, севастопольские события знаменуют полный крах старого, рабского порядка в войсках, того порядка, который превращал солдат в вооруженные машины, делал их орудиями подавления малейших стремлений к свободе.

Миновали безвозвратно те времена, когда русская армия — как это было в 1849 году — шла усмирять революцию за пределами России¹⁷. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось *свое* движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма

в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции.

Севастопольские события не одиноки и не случайны. Не будем говорить о прежних попытках прямого восстания во флоте и в армии. Сопоставим с сева­стопольским пожаром петербургские искры. Вспомним те солдатские требования, которые намечаются теперь в различных воинских частях Петербурга (они напечатаны во вчерашнем номере нашей газеты). Какой замечательный документ этот список требований! Как ясно показывает он, что армия рабская превращается в армию революционную. И какая сила удержит теперь распространение подобных требований во всем флоте и во всей армии?

Петербургские солдаты хотят добиваться улучшения пи­щи, одежды, помещений, увеличения жалованья, сокращения срока службы и времени ежедневных занятий. Но среди их требований еще больше места занимают другие, которые мог предъявить только солдат-гражданин. Право посещать в форме все собрания, «наравне со всеми гражданами», право читать и держать в казарме *все* газеты, свобода совести, уравнивание в правах всех национальностей, полная отмена всякого чиновничества вне казармы, уничтожение денщиков, уничтожение военных судов и подчинение всех военно-судебных дел общегражданскому суду, право подавать коллективные жалобы, право защищаться при малейшем по­ползновении со стороны начальника ударить. Таковы главнейшие требования петербургских солдат.

Эти требования показывают, что армия уже солидарна в громадной своей части с восставшими за свободу сева­стопольцами.

Эти требования показывают, что лицемерные речи при­служников самодержавия о нейтралитете армии, о необходимости держать армию в стороне от политики и пр., что эти речи не могут рассчитывать ни на малейшее сочувствие солдат.

Армия не может и не должна быть нейтральной. Не втягивать армию в политику — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда

втягивали армию в реакционную политику, превращали русских солдат в прислужников черной сотни, в пособников полиции. Нельзя стоять в стороне от общенародной борьбы за свободу. Кто относится к этой борьбе равнодушно, тот поддерживает бесчинства полицейского правительства, обещавшего свободу, чтобы издеваться над свободой.

Требования солдат-граждан суть требования социал-демократии, требования всех революционных партий, требования сознательных рабочих. Вступление в ряды сторонников свободы, переход на сторону народа обеспечит победу дела свободы и осуществление солдатских требований.

Но для того, чтобы эти требования были осуществлены действительно полно и прочно, надо сделать еще маленький шаг вперед. Надо свести вместе, в одно целое, все отдельные пожелания солдат, замученных проклятой кавармой-каторгой. А сведенные вместе эти требования будут означать: уничтожение постоянного войска, замену его всеобщим вооружением народа.

Постоянное войско везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы. Не будем же останавливаться в нашей великой освободительной революции на одних частных требованиях. Вырвем зло с корнем. Уничтожим совершенно постоянное войско. Пусть армия сольется с вооруженным народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой. Никакая сила в мире не посмеет посягнуть на свободную Россию, если оплотом этой свободы будет вооруженный народ, уничтоживший военную касту, сделавший всех солдат гражданами и всех граждан, способных носить оружие, солдатами.

Опыт Западной Европы показал всю реакционность постоянного войска. Военная наука доказала полную осуществимость народной милиции, которая может стать на высоту военных задач и в оборонительной и в наступательной войне. Пусть лицемерная или сентиментальная буржуазия мечтает о разоружении. Пока есть на свете угнетенные и эксплуатируемые, — мы должны

добиваться не разоружения, а всеобщего народного вооружения. Только оно вполне обеспечит свободу. Только оно вполне свалит реакцию. Только при условии этого преобразования свободой воспользуются на деле миллионы трудящихся, а не одни лишь горстки эксплуататоров.

Написано 15 (28) ноября 1905 г.

*Напечатано 16 ноября 1905 г.
в газете «Новая Жизнь» № 14
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
газеты*

ЧАШКИ ВЕСОВ КОЛЕБЛЮТСЯ

Состояние, переживаемое Россией, часто выражают словом анархия. Это неверное и лживое обозначение выражает на самом деле то, что в стране нет никакого установившегося порядка. Война новой, свободной России против старой, крепостнически-самодержавной, идет по всей линии. Самодержавие уже не в силах победить революции, революция еще не в силах победить царизма. Старый порядок разбит, но он еще не уничтожен, и новый, свободный строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый опричниками самодержавного строя.

Такое положение вещей может протянуться еще немало времени; оно неизбежно будет сопровождаться проявлениями неустойчивости и шатания во всех областях социальной и политической жизни; в этой мутной воде неизбежно будут пытаться ловить рыбу люди, враждебные свободе и прикидывающиеся теперь друзьями свободы в интересах военной хитрости. Но это переходное положение тем вернее приведет к полной и решительной победе революционного пролетариата и крестьянства, чем дольше оно продолжится. Ибо ничто не просвещает до такой степени самых темных масс города и деревни, ничто не возбуждает до такой степени самых равнодушных и самых сонных, как это затяжное разложение самодержавия, осужденного всеми и признавшего свое осуждение.

О чем говорят последние политические события — эта новая и великая стачка почтово-телеграфных служащих, этот рост брожения и революционной организации в армии и даже полиции, эта победа бессознательного и скован-

ного дисциплиной войска над армией свободы в Севастополе, это невиданное еще падение курса государственных бумаг? Они говорят о том, что самодержавие выпускает свои последние выстрелы, расходует свои последние резервы. Даже биржа, верноподданная, буржуазно-трусливая и буржуазно-жаждущая окончания революции, биржа не верит «победителям» под Севастополем. Эти события говорят о том, что революционный народ неуклонно расширяет свои завоевания, поднимая новых борцов, упражняет свои силы; улучшает организацию и идет вперед к победе, идет вперед неудержимо, как лавина.

Оружие политической забастовки совершенствуется; этим оружием учатся теперь владеть новые ряды работников, без которых единого дня не может существовать современное культурное общество. Сознание необходимости свободы в армии и полиции продолжает расти, подготавливая новые очаги восстания, новые Кронштадты и новые Севастополи.

Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо.

Пусть же готовятся рабочие-социал-демократы к еще более великим событиям, которые возложат на них гигантскую ответственность!

Пусть не забудут, что только крепко сплоченная социал-демократическая партия может вести к победе пролетариат России рука об руку с социал-демократическим пролетариатом всего мира!

«Новая Жизнь» № 16,
18 ноября 1905 г.
Подпись: Н. Л е н и н

Печатается по тексту
газеты «Новая Жизнь»

УЧИТЕСЬ У ВРАГОВ

Буржуазные демократы «Нашей Жизни» открыли поход против «смеси марксизма и барбаризма». Мы очень советуем всем сознательным рабочим присмотреться внимательно к рассуждению радикальных демократов.

Ничто не помогает в такой степени уяснению политической сущности явлений, как оценка их противниками (конечно, если эти противники не безнадежно глупые люди).

«Нашей Жизни» не нравится «борьба одной части Росс. СДРП с Петербургским Советом рабочих депутатов», или, точнее, борьба социал-демократов против «беспартийных» классовых организаций, как выражается сама газета. Пролетарии должны объединяться, — говорят наши радикалы. Значит... значит правы деятели Совета, которые «стремятся объединить *весь* пролетариат, без различия политического вероисповедания». И радикалы с торжеством изобличают нас в противоречии с нашим же собственным принципом «*классовой борьбы*».

Учитесь у врагов, товарищи-рабочие, сочувствующие образованию беспартийной рабочей организации или хотя бы безразлично относящиеся к этому желанию! Вспомните Коммунистический манифест Маркса и Энгельса, который говорит о *превращении* пролетариата в класс по мере роста не только его объединения, но и его *сознательности*¹⁸. Вспомните пример таких стран, как Англия, где классовая борьба пролетариата с буржуазией идет вевде и шла всегда, причем пролетариат все же оставался разрозненным, его избранники подкупались буржуазией, его сознание развращалось идеологами капитала, его сила распы-

лялась отпадением аристократии рабочих от рабочей массы. Вспомните все это, товарищи-рабочие, и вы придете к убеждению, что только социал-демократический пролетариат есть пролетариат, сознавший свои *классовые* задачи. Долой беспартийность! Беспартийность всегда и везде была орудием и лозунгом буржуазии. Мы можем и должны идти, при известных условиях, вместе с пролетариями бессознательными, вместе с пролетариями, принимающими непролетарские учения (программа «социалистов-революционеров»), — но ни в каком случае и никогда не должны мы ослаблять нашей строгой партийности, ни в каком случае и никогда не должны забывать и позволять забывать, что вражда к социал-демократии среди пролетариата есть остаток буржуазных воззрений среди пролетариата.

«Новая Жизнь» № 16,
18 ноября 1905 г.
Подпись: Н. Л е н и н

Печатается по тексту
газеты «Новая Жизнь»

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КАНЦЕЛЯРЩИНА И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕЛО

Вопрос об учредительном собрании естественно и неизбежно должен был выдвинуться в нашем революционном движении. Чтобы окончательно смести остатки старых, крепостнических учреждений самодержавной России, чтобы определить порядки новой, свободной России, нельзя себе представить иного цельного и последовательного пути, кроме созыва всенародного учредительного собрания. Правда, жизнь редко осуществляет полностью цельные и последовательные лозунги, она вносит всегда много непредвиденного, усложняющего, запутывающего развязку, смешивающего старое с новым. Но тот, кто искренно хочет покончить со старым и умеет добиваться этой цели, должен ясно определить значение учредительного собрания и бороться всеми силами за его осуществление в полном и чистом виде.

Партия сознательного пролетариата, социал-демократия, уже в своей программе, принятой на втором съезде в 1903 году, выдвинула требование учредительного собрания. «Российская социал-демократическая рабочая партия, — гласит последний отдел нашей программы, — твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и экономических преобразований» (создание демократического государственного строя, охрана труда и т. д.) «достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом».

Из этих слов ясно видно, что наша партия обращает внимание не на одни только формальные, но и на материальные условия созыва учредительного собрания, т. е.

такие условия, которые, действительно, делали бы собрание всенародным и учредительным. Мало ведь назвать собрание «учредительным», мало созвать народных представителей, хотя бы избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, хотя бы при обеспеченной на деле свободе выборов. Кроме всех этих условий надо еще, чтобы учредительное собрание имело власть и силу учредить новые порядки. История революций знает такие примеры, когда собрание числилось учредительным, а на деле реальная сила и власть были не в его руках, а в руках старой самодержавной власти. Так было во время германской революции 1848 г., и потому «учредительное» собрание той эпохи, пресловутый франкфуртский парламент, и приобрело позорную репутацию презренной «говорильни»: это собрание болтало о свободе, декретировало свободу, а реальных мер к устранению учреждений власти, уничтожающих свободу, не принимало. Вполне естественно, что это жалкое собрание жалких болтунов либеральной буржуазии бесславно сошло со сцены.

Теперь в России вопрос о созыве учредительного собрания стоит на первом месте в ряду политических вопросов дня. И теперь, именно, насущнейшее значение приобретает реальная сторона этого вопроса. Не столь важно то, будет ли учредительное собрание создано (на это даже министр-маклер, гр. Витте, согласится, пожалуй, завтра), а то, будет ли оно, действительно, всенародным и, действительно, учредительным.

В самом деле, уже опыт нашей революции, несмотря на то, что она только еще начинается, показал наглядно, какие проделки возможны со словами и с обещаниями вообще, с лозунгом учредительного собрания в частности. Припомните недавний съезд земцев и горожан, «кадетов», в Москве. Припомните их знаменитую формулу: Государственная дума с учредительными функциями для выработки конституции с утверждения государя... Даже буржуазно-демократическая печать отметила внутреннюю противоречивость и нелепость этой формулы. «Учреждать» новый государственный порядок «с утверждения» главы старого правительства, — ведь это значит узаконить две власти, две равные (на бумаге) верховные власти: власть восставшего народа и власть старого самодержавия.

Понятно, что равенство между ними чисто кажущееся, что «соглашение» между ними определяется на деле перевесом *силы* на той или иной стороне. Либеральные буржуа узаконяли, следовательно, в своем «идеальном» плане перехода от старой России к новой, сосуществование двух равных враждебных борющихся друг против друга сил, т. е. узаконяли вечную, безысходную борьбу.

Это противоречие необъяснимо с точки зрения простой формальной логики. Но его вполне объясняет логика классовых интересов буржуазии. Буржуазия боится полной свободы, полного демократизма, ибо она знает, что сознательный, т. е. социалистический, пролетариат воспользуется свободой для борьбы против господства капитала. Буржуазия хочет поэтому, в сущности, не полной свободы, не полного самодержавия народа, а сделки с реакцией, сделки с самодержавием. Буржуазия хочет парламентаризма, чтобы обеспечить господство капитала, а не бюрократии, и в то же время она хочет монархии, постоянного войска, сохранения известных преимуществ бюрократии, чтобы не дать революции дойти до конца, чтобы не вооружить пролетариат, — понимая под вооружением и непосредственное вооружение оружием, и вооружение полной свободой. Противоречивое классовое положение буржуазии между самодержавием и пролетариатом неизбежно порождает, независимо даже от воли и сознания тех или иных отдельных лиц, бессмысленные и нелепые формулы «соглашения». Лозунг учредительного собрания оказывается превращенным в фразу, великое требование восставшего за свободу пролетариата низведено до комедиантства; так оскверняет буржуазия все и вся на свете, подменяя борьбу торгашеством.

Радикальные буржуа «Нашей Жизни» не понимают этой неизбежно-лживой и мишурной постановки вопроса либералами, когда они расписывают с серьезным видом выработку «проекта» созыва учредительного собрания гг. Фальборком и Чарнолуским, а затем и центральным бюро Союза союзов. Смешно писать такие «проекты», господа! Вы идете по дороге «кадетов», предавших революцию. Вы забываете, что бумажные проекты, подобно всяким конституционным иллюзиям, развращают революционное сознание народа и ослабляют его боевую энергию, ибо центр тяжести вопроса затушевывается, вся постановка

его извращается. Ведь вы не пропаганду политической азбуки ведете, — вы ставите вопрос *практически*, на это указывает самый характер ватейного вами обсуждения проекта «представителями крайних и умеренных партий». Это маниловщина, почтенные демократы из буржуазии, когда вы, с одной стороны, признаете желательность того, чтобы учредительное собрание имело всю «полноту» власти, а, с другой стороны, пытаетесь соединить крайние партии с «умеренными», т. е. желающих такой полноты с нежелающими.

Долой мишурные облачения! Довольно с нас лживых либеральных фраз! Пора размежеваться. Направо — самодержавие и либеральная буржуазия, которых сплотило фактически то, что они не хотят передачи учредительному собранию всей власти единой, полной и нераздельной. Налево — социалистический пролетариат и революционное крестьянство или, шире, вся революционная буржуазная демократия. Они хотят полноты власти для учредительного собрания. Они могут и должны заключить для этой цели боевой союз, не сливаясь, конечно, друг с другом. Им нужны не бумажные проекты, а боевые меры, не организация канцелярской работы, а организация победоносной борьбы за свободу.

«Новая Жизнь» № 18,
20 ноября 1905 г.
Подпись: Н. Л е н и н

Печатается по тексту
газеты «Новая Жизнь»

УМИРАЮЩЕЕ САМОДЕРЖАВИЕ И НОВЫЕ ОРГАНЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ¹⁹

Растет восстание. Растет бессилие, растерянность, разложение самодержавного виттевского правительства. Растет вширь и вглубь организация самых различных групп, слоев и классов народа, организация революционных и контрреволюционных сил.

Таково современное положение. Его можно выразить словами: организация и мобилизация революции. За морским сражением в Севастополе следуют, без всякого перерыва, сухопутные сражения в Воронеже и Киеве. Вооруженное восстание в этом последнем городе делает, видимо, еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством. Об этом свидетельствует, по крайней мере, сообщение «Руси» о митинге в 16 000 человек в Киевском политехническом институте под охраной саперного батальона восставших солдат.

Вполне естественно, что при таких условиях даже либеральная буржуазия, всеми силами души жаждущая сделки с самодержавием, начинает терять терпение, терять веру в «великого» акробата Витте, оглядываться налево в поисках силы, способной осуществить переворот, который стал безусловной необходимостью.

Крайне поучительна в этом отношении позиция «Руси». Газета ясно видит, что «события начинают скапливаться в такую же лавину, как и перед 17 октября». И вот она, с одной стороны, обращается к тем же земцам, показавшим растерянность, бессилие и беспомощность не меньшие, чем самодержавное правительство. «Русь» совет земцев «не медлить» и принять «участие в надвигающихся собы-

тях», чтобы «дать исходу этих событий мягкие, наименее убыточные, наиболее благоприятные для страны формы». С другой стороны, та же «Русь» спорит со «Словом»²⁰, заявляет, что «никто не верит, чтобы нынешнее правительство при нынешних обстоятельствах могло созвать Государственную думу». «Теперь, — говорит «Русь», — надо думать о создании правительства, которое могло бы созвать Думу».

Итак, либеральная буржуазия, под давлением революционного пролетариата, делает еще шаг влево. Вчера она выражала намерение торговаться с Витте и вотировала (на земском съезде) условное доверие ему. Сегодня доверие к Витте иссякает, и капитал требует нового правительства. «Русь» предлагает всем освободительным партиям создать особый всенародный совет депутатов, который бы стал «мощным средством давления на правительство, если оно покажет себя еще (!!!) способным к работе, и уже готовым органом власти народа, чтобы временно перенять обязанности правительства в случае полной неспособности и краха последнего».

Орган власти народа, временно перенимающий обязанности правительства, которое потерпело крах, называется на простом и ясном русском языке временным революционным правительством. Такое правительство должно быть временным, ибо его полномочия истекают с созывом всенародного учредительного собрания. Такое правительство должно быть революционным, ибо оно заменяет правительство, потерпевшее крах, заменяет его, опираясь на революцию. Самая замена не может произойти иначе, как революционным путем. Это правительство должно стать «органом власти народа», осуществляя везде народом выставленные требования и заменяя сейчас же, немедленно, все и повсюду старые «органы власти» самодержавия и черносотенцев органами власти народной — т. е. либо уполномоченными временного революционного правительства, либо выборными, во всех тех случаях, когда возможны выборы, разумеется, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Мы очень рады тому, что либеральная монархическая буржуазия пришла к идее временного революционного правительства. Мы рады этому не потому, чтобы мы считали либералов перешедшими на сторону революции,

чтобы мы поверили вдруг в их искренность, стойкость и последовательность. Нет, мы рады этому потому, что это — очевидный и несомненный признак силы революции. Значит, революция стала силой, если даже либеральная монархическая буржуазия признала теперь необходимость появления временного революционного правительства.

Мы не забываем, конечно, что либералы не столько желают учреждения такого правительства, сколько грозят им самодержавию, как грозит покупатель продавцу обещанием уйти в другую лавку. Уступите нам, г. Витте, или мы уйдем во временное революционное правительство, «мягко» именуемое: «общим советом депутатов» или «все-народным советом депутатов»! Только этим желанием еще и еще торговаться объяснима та кажущаяся нелепость и бессмыслица, что «Русь» объявляет правительство Витте неспособным созвать народных представителей и в то же время, единым духом, допускает возможность того, что это правительство «покажет себя *еще* способным к работе».

Нет, господа либералы, не такие теперь времена, чтобы могли удаться хитрости, чтобы могло остаться неравоблаченным двуличие! Народ борется с самодержавием, которое обещало (17 октября) свободу, чтобы издеваться над свободой, чтобы надругаться над свободой. Временное революционное правительство есть орган борющегося за свободу народа. Борьба за свободу против попирающего свободу правительства есть (на известной ступени развития этой борьбы) вооруженное восстание, которое и идет теперь в России по всей линии. Временное революционное правительство есть орган восстания, объединяющий всех восставших и политически руководящий восстанием. Поэтому говорить о возможности и необходимости временного революционного правительства и в то же время допускать сделку с старым, подлежащим смене, правительством — значит либо путать, либо предательствовать. Подумайте, в самом деле, господа публицисты «Руси»: неужели найдутся такие дурачки среди сторонников революции, которые добровольно приняли бы в состав временного революционного правительства людей или представителей партии, допускающих «работоспособность» старого правительства и продолжающих забегать к нему с заднего крыльца, торговаться с ним? Подумайте: выиграла бы или проиграла русская армия, если бы она включила в свои

ряды патриотическую молодежь Манчжурии? Вероятно, проиграла бы, ибо манчжурские патриоты предали бы россиян японцам. И революционный народ России проиграл, если «патриоты», монархически настроенные патриоты денежного мешка (т. е. либеральные буржуа) предадут его самодержавию Витге.

Пусть для либеральной буржуазии временное революционное правительство есть простая угроза самодержавию. Для социалистического пролетариата, для революционного крестьянства и для всех тех, кто решительно и бесповоротно становится на их сторону в борьбе за свободу, это — великая и серьезнейшая задача, которая с каждым днем становится все более насущной. Октябрьская революция, в связи с последующими военными восстаниями, до того обессилила самодержавие, что органы новой народной власти стали самопроизвольно расти на почве, разрыхленной политической стачкой, удобренной кровью борцов за свободу. Эти органы — революционные партии и боевые организации рабочих, крестьян и других, ведущих действительно революционную борьбу, народных элементов. Эти органы осуществляют на деле союз социалистического пролетариата с революционной мелкой буржуазией. Этот боевой союз должны мы теперь расширить и укрепить, оформить и сплотить, чтобы органы новой власти были готовы к грядущему повторению 17 октября, чтобы все борцы за свободу по всей России выступали тогда с общей программой немедленных политических преобразований, организованные, выдержанные, ясно сознающие цель, отгородившие себя от всех предателей, от всех колеблющихся, от всех праздноболтающих. Для нас, представителей социалистического пролетариата, предстоящий демократический переворот есть лишь один из шагов к великой цели социалистического переворота. Памятуя это, мы не сольемся никогда с мелкобуржуазными партиями или группами, как бы искренни, революционны и сильны они ни были; мы твердо знаем, что на пути к социализму рабочий и хозяинчик неизбежно будут неоднократно расходиться. Но, именно, в интересах социализма, мы приложим теперь все силы, чтобы демократический переворот осуществился быстрее, полнее и решительнее. Мы заключим и заключаем для этого временный боевой союз со всей революционной демократией для достижения нашей

общей ближайшей политической цели. Мы входим для этого, сохраняя строго свою партийную особность и самостоятельность, и в Советы рабочих депутатов и в другие революционные союзы. Да здравствуют новые органы власти народа! Да здравствует единый, верховный и победоносный орган народной власти!

А радикальным буржуа мы скажем на прощанье. Вы болтаете, господа, об органах власти народа. Властью может быть только сила. Сплот в современном обществе может быть только вооруженный народ и вооруженный пролетариат во главе его. Если бы сочувствие свободе доказывалось словами, тогда пришлось бы, пожалуй, считать сторонниками свободы даже авторов манифеста 17-го октября. Если оно доказывается делами, — тогда единственным таким делом является теперь содействие вооружению рабочих, содействие образованию и укреплению действительно революционной армии. Выбирайте же, господа: в переднюю ли г-на Витте, чтобы кланчить кусочки свободы, чтобы торговаться из-за урезывания свободы, — или в «органы власти народа», или во временное революционное правительство, чтобы беззаветно бороться за полную свободу. Выбирайте!

«Новая Жизнь» № 19,
23 ноября 1905 г.
Подпись: В. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Новая Жизнь»

СОЦИАЛИЗМ И АНАРХИЗМ

Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов постановил вчера, 23 ноября, отклонить просьбу анархистов о допущении их представителей в Исполнительный комитет и Совет рабочих депутатов. Причину этого постановления сам Исполнительный комитет изложил следующим образом: «1) во всей международной практике съезды и социалистические конференции не имеют в своем составе представителей анархистов, как не признающих политической борьбы в качестве средства для достижения своих идеалов; 2) представительство может быть от партии, а анархисты не партия».

Мы считаем решение Исполнительного комитета в высшей степени правильным шагом, имеющим громадное и принципиальное и практически-политическое значение. Конечно, если бы рассматривать Совет рабочих депутатов, как парламент рабочих или как орган самоуправления пролетариата, тогда отказ допустить анархистов был бы неправилен. Как ни ничтожно (к счастью) влияние анархистов в нашей рабочей среде, все же некоторое число рабочих на их стороне, несомненно, имеется. Составляют ли анархисты партию, или организацию, или группу, или вольный союз единомышленников, это вопрос формальный, не имеющий серьезного принципиального значения. Наконец, если анархисты, отрицая политическую борьбу, сами просят в учреждение, ведущее эту борьбу, то такая вопиющая непоследовательность показывает, конечно, лишней раз всю шаткость мирозерцания и тактики анархистов. Но исключить за шаткость из «парламента» или «органа самоуправления», разумеется, нельзя.

Решение Исполнительного комитета кажется нам вполне правильным и несколько не противоречащим задачам этого учреждения, его характеру и составу. Совет рабочих депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей.

В эту боевую организацию входят, на началах временного, неоформленного боевого соглашения, представители Российской социал-демократической рабочей партии (партии пролетарского социализма), партии «социалистов-революционеров» (представители мелкобуржуазного социализма, или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных». Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением. Поэтому вполне естественно будет включение в Исполнительный комитет и представителей революционного крестьянства.

По существу дела, Совет рабочих депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов, причем, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Необходимость в таком союзе очевидна для ведения политических стачек и других, более активных, форм борьбы за насущные, признанные и одобренные гигантским большинством населения, демократические требования. Анархисты в таком союзе будут не плюсом, а минусом; они внесут лишь дезорганизацию; они ослабят этим силу общего натиска; они еще «могут спорить» о насущности и важности политических преобразований. Исключение анархистов из боевого союза, проводящего, так сказать, нашу демократическую революцию, вполне необходимо с точки зрения и в интересах этой революции. В боевом союзе место только тем, кто борется за цель этого союза. И если бы, например, «кадеты» или «партия правового порядка»²¹ набрали даже по несколько сот рабочих в свои петербургские организации, — Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов едва ли бы открыл свои двери представителям подобных организаций.

В объяснение своего решения Исполнительный комитет ссылается на практику международных социалистических съездов. Мы горячо приветствуем это заявление, это признание идейного руководства международной социал-демократии со стороны органа Петербургского Совета рабочих депутатов. Российская революция уже приобрела международное значение. Противники революции в России уже входят в заговоры с Вильгельмом II, со всякими мракобесами, насильниками, солдафонами и эксплуататорами в Европе против свободной России. Не будем и мы забывать о том, что полная победа нашей революции требует союза революционного пролетариата России с социалистическими рабочими всех стран.

Международные социалистические съезды недаром приняли решение о недопущении анархистов. Между социализмом и анархизмом лежит целая пропасть, которую тщетно пытаются представить несуществующей провокаторствующие агенты сыскной полиции или газетные прислужники реакционных правительств. Миросозерцание анархистов есть вывороченное наизнанку буржуазное миросозерцание. Их индивидуалистические теории, их индивидуалистический идеал находятся в прямой противоположности к социализму. Их взгляды выражают не будущее буржуазного строя, идущего к обобществлению труда с неудержимой силой, а настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем. Их тактика, сводящаяся к отрицанию политической борьбы, разъединяет пролетариев и превращает их на деле в пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от политики для рабочих невозможно и неосуществимо.

В теперешней российской революции задача сплочения сил пролетариата, организации его, политического обучения и воспитания рабочего класса выдвигается вперед особенно настоятельно. Чем больше бесчинствует черносотенное правительство, чем усерднее работают его агенты-провокаторы над разжиганием дурных страстей темной массы, чем отчаяннее хватаются защитники важно разлагающегося самодержавия за попытки дискредитировать революцию посредством организуемых ими грабежей, погромов, убийств из-за угла, посредством

слаиванья голытьбы, — тем важнее эта задача организации, падающая прежде всего на партию социалистического пролетариата. И мы употребим поэтому все средства идейной борьбы, чтобы влияние анархистов на русских рабочих осталось столь же ничтожным, каким оно было и до сих пор.

Написано 24 ноября (7 декабря) 1905 г.

*Напечатано 25 ноября 1905 г.
в газете «Новая Жизнь» № 21*

Подпись: В. Ленин

*Печатается по тексту
газеты*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И БЕСПАРТИЙНАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ

I

Революционное движение в России, охватывая быстро новые и новые слои населения, создает целый ряд беспартийных организаций. Потребность в объединении прорывается тем с большей силой, чем дольше ее давили и преследовали. Организации, в том или ином, часто неоформленном виде, возникают постоянно, причем характер их чрезвычайно оригинален. Тут нет резких рамок, подобных рамкам европейских организаций. Профессиональные союзы принимают политический характер. Политическая борьба сливается с экономической, — напр., в виде стачки, — создавая слитные формы временных или более или менее постоянных организаций.

Каково значение этого явления? Каково должно быть отношение к нему социал-демократии?

Строгая партийность есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы. И, наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности. Поэтому партия сознательного пролетариата, социал-демократия, вполне законно воюет всегда с беспартийностью и неуклонно работает над созданием принципиально выдержанной, крепко сплоченной социалистической рабочей партии. Работа эта имеет успех в массах по мере того, как развитие капитализма раскалывает весь народ все глубже и глубже на классы, обостряя противоречия между ними.

Вполне понятно, что настоящая революция в России породила и порождает так много беспартийных организаций. Революция эта — демократическая, т. е. буржуазная по своему общественно-экономическому содержанию.

Революция эта ниспровергает самодержавно-крепостнический строй, освобождая из-под него строй буржуазный, осуществляя, таким образом, требования всех классов буржуазного общества, будучи в этом смысле революцией общенародной. Это не значит, конечно, чтобы наша революция не была классовой; конечно, нет. Но она направляется против классов и каст, отживших и отживающих с точки зрения буржуазного общества, чуждых этому обществу, мешающих его развитию. А так как вся хозяйственная жизнь страны стала уже во всех ее основных чертах буржуазной, так как гигантское большинство населения живет уже на деле в буржуазных условиях существования, то противореволюционные элементы естественно малочисленны до мизерности, являются поистине «горсткой» по сравнению с «народом». Классовый характер буржуазной революции проявляется, поэтому, неизбежно в «общенародном», неклассовом, на первый взгляд, характере борьбы всех классов буржуазного общества против самодержавия и крепостничества.

Эпоха буржуазной революции отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества. Правда, в России капитализм развит теперь значительно выше, чем в Германии 1848 года, не говоря уже о Франции 1789 года, но не подлежит сомнению, что чисто-капиталистические противоречия еще в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями «культуры» и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества, т. е. на первый план выдвигаются такие требования, выполнение которых разовьет капитализм, очистит его от шлаков феодализма, улучшит условия жизни и борьбы и для пролетариата, и для буржуазии.

В самом деле, если всмотреться в те требования, наказания, *doléances**, которые в бесчисленном множестве составляют теперь в России на каждом заводе, в каждой канцелярии, в каждом полку, в каждой команде городских, в каждой епархии, в каждом учебном заведении и проч., и проч., то мы легко увидим, что громадное большинство их чисто «культурные», если можно так выразиться, требования. Я хочу сказать, что это собственно

* — жалобы. Ред.

не специфически классовые требования, а требования элементарно правовые, требования, не разрушающие капитализм, а, напротив, вводящие его в рамки европеизма, избавляющие капитализм от варварства, дикости, взятки и прочих «русских» пережитков крепостного права. В сущности, и пролетарские требования ограничиваются в большинстве случаев такими преобразованиями, которые вполне осуществимы в рамках капитализма. Пролетариат российский требует сейчас и немедленно не того, что подрывает капитализм, а того, что очищает его и ускоряет, усиливает его развитие.

Разумеется, особое положение пролетариата в капиталистическом обществе ведет к тому, что стремление рабочих к социализму, союз их с социалистической партией прорывается с стихийной силой на самых ранних ступенях движения. Но собственно социалистические требования стоят еще впереди, а на очереди дня — демократические требования рабочих в политике, экономические требования в пределах капитализма в экономике. Даже пролетариат делает революцию, так сказать, в пределах программы-минимум, а не программы-максимум. О крестьянстве, этой гигантской, всеподавляющей своей численностью, массе населения, нечего и говорить. Его «программа-максимум», его конечные цели не выходят за пределы капитализма, который еще шире и пышнее развернулся бы при переходе всей земли ко всему крестьянству и ко всему народу. Крестьянская революция есть в настоящее время буржуазная революция, — как бы ни «оскорбляли» эти слова сентиментальное ухо сентиментальных рыцарей нашего мещанского социализма.

Очерченный характер происходящей революции порождает беспартийные организации вполне естественно. Отпечаток внешней беспартийности, видимость беспартийности неизбежно приобретается при этом всем движением в целом — но только видимость, конечно. Потребность в «человеческой», культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина, охватывает все и вся, объединяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, еще далеко-далеко неспособных подняться до партийности. Насущность ближайших, элементарно-необходимых прав и реформ отодвигает, так сказать, помыслы и

соображения о чем-либо дальнейшем. Увлечение происходящей борьбой, увлечение необходимое и законное, без которого невозможен успех борьбы, заставляет идеализировать эти ближайшие, элементарные цели, рисует их в розовом свете, облакает даже их иногда в фантастический костюм; простой демократизм, дюжинный буржуазный демократизм, принимается за социализм и зачисляется «по ведомству» социализма. Все и вся как будто «беспартийно»; все и вся как будто свивается в одном «освободительном» (на деле: освобождающем все буржуазное общество) движении; все и вся приобретает легкий, легонький налет «социализма», особенно благодаря передовой роли социалистического пролетариата в демократической борьбе.

Идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом, — ибо мода беспомощно тащится в хвосте у жизни, а самым «обычным» явлением политической поверхности именно и кажется беспартийная организация; беспартийный демократизм, беспартийный стачкизм, беспартийная революционность.

Спрашивается теперь, как *должны* относиться к этому факту беспартийности и к этой идее беспартийности сторонники, представители разных классов? — должны не в субъективном смысле, а в объективном, т. е. не в том смысле, как следует к этому относиться, а в том смысле, какое отношение к этому факту неизбежно складывается в зависимости от интересов и точек зрения различных классов.

II

Как мы уже показали, беспартийность есть порождение — или, если хотите, выражение — буржуазного характера нашей революции. Буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества. Кто ведет «беспартийную» борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, «усовершенствование» его до греческих календ²². И наоборот, кто сознательно или бессознательно

стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности.

В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных, «воздержаться» нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо порождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является, поэтому, на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует. Кто был равнодушен в России к самодержавию до его падения во время октябрьской революции, тот молчаливо поддерживал самодержавие. Кто равнодушен в современной Европе к господству буржуазии, тот молчаливо поддерживает буржуазию. Кто равнодушно относится к идее о буржуазном характере борьбы за свободу, тот молчаливо поддерживает господство буржуазии в этой борьбе, господство буржуазии в рождающейся свободной России. Политическое безразличие есть политическая сытость. «Безразлично», «равнодушно» относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет «партийным» в вопросе о куске хлеба. «Безразличие и равнодушие» к куску хлеба означает не то, чтобы человек не нуждался в хлебе, а то, что человеку всегда обеспечен хлеб, что он никогда не нуждается в хлебе, что он прочно пристроился к «партии» сытых. Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая. Это положение, в общем и целом, применимо ко всему буржуазному обществу. Конечно, надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям. Но забывать эту истину в такое время, когда все буржуазное общество

в целом восстает против крепостничества и самодержавия, значит совершенно отказываться на деле от социалистической критики буржуазного общества.

Русская революция, несмотря на то, что она находится еще в начале своего развития, дает уже немало материала для подтверждения изложенных общих соображений. Строгую партийность всегда отстаивала и отстаивает только социал-демократия, партия сознательного пролетариата. Либералы наши, представители взглядов буржуазии, терпеть не могут социалистической партийности и слышать не хотят о классовой борьбе: вспомнить хотя бы недавние речи г. Родичева, в сотый раз повторившего то, что говорило и пережевывало как заграничное «Освобождение»²³, так и бесчисленные вассальные органы русского либерализма. Наконец, идеология промежуточного класса, мелкой буржуазии, нашла себе яркое выражение во взглядах русских «радикалов» разных оттенков, начиная от «Нашей Жизни»²⁴, р.-д. («радикалы-демократы»)²⁵ и кончая «социалистами-революционерами». Эти последние запечатлели свое смещение социализма и демократизма всего яснее в аграрном вопросе и именно в лозунге «социализация» (земли без социализации капитала). Известно также, что, терпимые к буржуазному радикализму, они нетерпимы к идее социал-демократической партийности.

В нашу тему не входит разбор того, как именно отражаются интересы различных классов в программе и тактике русских либералов и радикалов всех видов. Мы только мимоходом затронули здесь этот интересный вопрос и должны перейти теперь к практически-политическим выводам об отношении нашей партии к беспартийным организациям.

Допустимо ли участие социалистов в общепартийных организациях? если да, то на каких условиях оно допустимо? какую тактику следует вести в таких организациях?

На первый вопрос нельзя ответить безусловным, принципиальным: нет. Неправильно было бы сказать, что ни в каком случае и ни при каких условиях участие социалистов в беспартийных (т. е. более или менее сознательно или бессознательно буржуазных) организациях не допустимо. В эпоху демократической революции отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в из-

вестных случаях отказу от участия в демократической революции. Но несомненно, что социалисты должны ограничить узкими рамками эти «известные случаи», что они могут допускать подобное участие лишь при строго определенных, ограничительных условиях. Ибо, если беспартийные организации порождаются, как мы уже говорили, сравнительной неразвитостью классовой борьбы, то, с другой стороны, строгая партийность есть одно из условий, делающих классовую борьбу сознательной, ясной, определенной, принципиальной.

Охрана идейной и политической самостоятельности партии пролетариата есть постоянная, неизменная и безусловная обязанность социалистов. Кто не исполняет этой обязанности, тот *на деле* перестает быть социалистом, как бы искренни ни были его «социалистические» (на словах социалистические) убеждения. Участие в беспартийных организациях для социалиста допустимо лишь как исключение. И самые цели этого участия и его характер, условия и т. д. должны быть целиком подчинены основной задаче: подготовке и организации социалистического пролетариата для сознательного руководства социалистической революцией.

Обстоятельства могут заставить нас участвовать в беспартийных организациях, — особенно в эпоху демократической революции и, в частности, такой демократической революции, в которой пролетариат играет выдающуюся роль. Такое участие может оказаться необходимым, напр., в интересах проповеди социализма перед неопределенно-демократической аудиторией или в интересах совместной борьбы социалистов и революционных демократов против контрреволюции. В первом случае такое участие будет средством проведения своих взглядов; во втором — боевым соглашением ради достижения определенных революционных целей. В обоих случаях участие может быть лишь временное. В обоих случаях оно допустимо лишь при полном ограждении самостоятельности рабочей партии и при обязательном контроле и руководстве всей партией в целом над «делегируемыми» в беспартийные союзы или советы членами и группами партии.

Когда деятельность нашей партии была тайной, осуществление такого контроля и руководства представляло из себя гигантские, иногда почти непреодолимые, трудности.

Теперь, когда деятельность партии становится все более открытой, осуществлять этот контроль и это руководство можно и должно самым широким образом и непременно не перед одними «верхами», но и перед «низами» партии, перед всеми организованными рабочими, входящими в партию. Отчеты о выступлениях социал-демократов в беспартийных союзах или советах, рефераты об условиях и задачах такого выступления, резолюции партийных организаций всяческого типа по поводу таких выступлений должны непременно войти в практику рабочей партии. Только подобное *реальное* участие партии в целом, участие в *направлении* всех подобных выступлений может противопоставить на деле работу истинно социалистическую работе общедемократической.

Какую тактику должны мы вести в беспартийных союзах? Во-первых, пользоваться всякой возможностью для заведения самостоятельных связей и пропаганды всей нашей социалистической программы. Во-вторых, определять ближайшие политические задачи момента с точки зрения самого полного и решительного осуществления демократического переворота, давать политические лозунги в демократической революции, выставлять «программу» тех преобразований, которые должна осуществлять борющаяся революционная демократия в отличие от торгующейся, либеральной демократии.

Лишь при такой постановке дела может быть допустимым и плодотворным участие членов нашей партии в беспартийных революционных организациях, создаваемых сегодня рабочими, завтра крестьянами, послезавтра солдатами и т. д. Лишь при такой постановке дела мы в состоянии будем выполнить двойную задачу рабочей партии в буржуазной революции: довести до конца демократический переворот, расширить и укрепить кадры социалистического пролетариата, которому нужна свобода для беспощадной борьбы за низвержение господства капитала.

СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ

Современное общество все построено на эксплуатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения, принадлежащим к классам землевладельцев и капиталистов. Это общество — рабовладельческое, ибо «свободные» рабочие, всю жизнь работающие на капитал, «имеют право» лишь на такие средства к существованию, которые необходимы для содержания рабов, производящих прибыль, для обеспечения и увековечения капиталистического рабства.

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, понижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы для борьбы за свое экономическое освобождение, но никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнета, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по

сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, наполовину перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоеывая себе лучшую жизнь здесь на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в их зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви,

когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сю пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви.

Русская революция должна осуществить это требование, как необходимую составную часть политической свободы. Русская революция поставлена в этом отношении в особо выгодные условия, ибо отвратительная казенщина полицейски-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям бога». Мы, социалисты, должны поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы, — и тогда, значит, вы всё еще в плену у традиций инквизиции, тогда, значит, вы всё еще примазываетесь к казенным местечкам и казенным доходам, тогда, значит, вы не верите в духовную силу вашего оружия, вы продолжаете брать взятки с государственной власти, — тогда сознательные рабочие всей России объявляют вам беспощадную войну.

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы

требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Если так, отчего мы не заявляем в своей программе, что мы атеисты? отчего мы не запрещаем христианам и верующим в бога поступать в нашу партию?

Ответ на этот вопрос должен разъяснить очень важную разницу в буржуазно-демократической и социал-демократической постановке вопроса о религии.

Наша программа вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма; издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая государственная власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы. Нам придется теперь, вероятно, последовать совету, который дал однажды Энгельс немецким социалистам: перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века²⁶.

Но мы ни в каком случае не должны при этом сбиваться на абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», вне классовой борьбы, — постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто-проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том, что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле

важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

Вот почему мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией. Проповедывать научное мирозерцание мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь «христиан» для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, чтобы следовало допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития.

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся, главным образом, в черносотенных погромах, завтра, может быть, додумается и до каких-нибудь более тонких реформ. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного мирозерцания.

Революционный пролетариат добьется того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом, очищенном от средневековой плесени, политическом строе пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ КОНФЕРЕНЦИИ «БОЛЬШИНСТВА» В ТАММЕРФОРСЕ²⁷

12—17 (25—30) ДЕКАБРЯ 1905 г.

1. Конференция признает, что развитие крестьянского движения вполне подтверждает основные принципиальные воззрения революционного марксизма как на революционный характер, так и на истинную общественно-экономическую сущность этого движения, разрушающего остатки крепостного права и создающего свободные буржуазные отношения в деревне; конференция полагает, что аграрную программу нашей партии желательно изменить таким образом: пункт об отрезках устранить; вместо него поставить, что партия поддерживает революционные мероприятия крестьянства вплоть до конфискации всей государственной, церковной, монастырской, удельной, кабинетской и частновладельческой земли, ставя своей главной и постоянной задачей самостоятельную организацию сельского пролетариата, разъяснение ему непримиримой противоположности его интересов и интересов сельской буржуазии, указание конечной цели социализма, единственно способного уничтожить деление общества на классы и всякую эксплуатацию человека человеком.

2. Конференция выражает пожелание, чтобы из аграрной программы было выкинуто требование возвращения выкупных платежей и образования из полученных таким образом сумм особого фонда. Требование же конфискации государственных, монастырских и т. п. земель перенести в другой пункт.

- 1) Раб. Двиф. поднимает пробл.
справку под рукоп. Д. С. Д. П. и будет
выпущен: 1895-1901/2
- 2) Раб. Двиф. перек. в двуязычн.
объ и применяется политически
проследившиеся слов. люб. и рад.
бъ и мн. бѣ: 1901/2 - 1905.
- 3) Раб. Двиф. парографизм в сир.
сир. бѣ, применяется люб.
бѣ уже сложился в к.-д. нар.
упо и думает (об осужденности рѣши мѣст)
ср церковном, ко радик.
жнр бѣ и мн. бѣ сво
кандидат к сво с пробл.
дн продолжения революции
1905 (сод. кн.)

ЭТАПЫ, НАПРАВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ

1) Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и *будит* либеральную буржуазию: 1895—1901/2.

2) Рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу и *присоединяет* политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии и мелкой буржуазии: 1901/2—1905.

3) Рабочее движение разгорается в *прямую революцию*, причем либеральная буржуазия уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но *радикальные* элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для *продолжения революции*: 1905 (особенно конец).

4) Рабочее движение побеждает в *демократической* революции, при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке *крестьянства*. Плюс радикальная, республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана.

(«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».)

5) Либеральная буржуазия, выжидательная в 3-ем периоде, пассивная в 4-ом, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контрреволюции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату.

6) На почве отношений, сложившихся в период 5-ый, растет и разгорается новый кризис и новая борьба, причем пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного русского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849—1850 гг. или как поражение французского пролетариата в 1871 г., *если бы* на помощь русскому пролетариату не пришел *европейский социалистический пролетариат*.

Итак, в этой стадии либеральная буржуазия и зажиточное (+ отчасти среднее) крестьянство организуют контрреволюцию. Российский пролетариат *плюс* европейский пролетариат организует революцию.

При таких условиях российский пролетариат может одержать вторую победу. Дело уже не безнадежно. Вторая победа будет *социалистическим переворотом в Европе*.

Европейские рабочие покажут нам, «как это делается», и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот.

*Написано в конце 1905 г.
или в начале 1906 г.*

*Впервые напечатано в 1926 г.
в Ленинском сборнике V*

Печатается по рукописи

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И ЕЕ ЗАДАЧИ ПРИ СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ²⁸

Общие задачи студенчества в русском освободительном движении не раз уже выяснялись в социал-демократической печати, и останавливаться на них в настоящей статье мы не станем. Студентам-социал-демократам нет надобности доказывать ни главной роли рабочего движения, громадного значения движения крестьянства, ни важности содействия тому и другому со стороны интеллигентов, которые продумали марксистское мирозерцание, стали на сторону пролетариата и готовы выработать из себя настоящих членов рабочей партии.

Мы намерены остановиться, хотя бы вкратце, на другом вопросе, который представляет теперь наибольшее практическое значение.

В чем особенность современного положения великой российской революции?

В том, что события вполне разоблачили всю призрачность манифеста 17 октября. Конституционные иллюзии рассеяны. Реакция по всей линии. Самодержавие восстановлено вполне и даже «усугублено» диктаторскими правами местных сатрапов, начиная от Дубасова и кончая низшей полицией.

Гражданская война кипит. Политическая забастовка, как таковая, начинает исчерпывать себя, отходить в прошлое, как изжитая форма движения. В Питере, напр., истощенные и обессиленные рабочие оказались не в состоянии провести декабрьской стачки. С другой стороны, движение в целом, будучи сдавлено в данный момент реакцией, несомненно поднялось на гораздо более высокую ступень.

Геройский пролетариат Москвы показал возможность активной борьбы и втянул в нее массу таких слоев городского населения, которые до сих пор считались политически равнодушными, если не реакционными. А московские события²⁹ были лишь одним из самых рельефных выражений «течения», прорвавшегося во всех концах России. Новая форма выступления стояла перед такими гигантскими задачами, которые, разумеется, не могли быть решены сразу. Но эти задачи поставлены теперь перед всем народом ясно и отчетливо, движение поднято выше, уплотнено, закалено. Этого приобретения ничто не в силах отнять у революции.

Дубасовские пушки революционизировали в невиданных размерах новые массы народа. Подновленная карикатурная Дума уже заранее встречена с гораздо большей враждебностью в рядах передовых борцов, несравненно большим скептицизмом в рядах буржуазии, чем старая булыгинская Дума.

Что же теперь?

Будем смотреть прямо в лицо действительности. Теперь предстоит новая работа усвоения и переработки опыта последних форм борьбы, работа подготовки и организации сил в главнейших центрах движения.

Правительству крайне выгодно было бы подавлять попрежнему разрозненные выступления пролетариев. Правительству хотелось бы немедленно вызвать рабочих на бой и в Питере, при самых невыгодных для них условиях. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию и сумеют удержаться на своем пути самостоятельной подготовки следующего всероссийского выступления.

Силы для такого выступления есть: они растут быстрее, чем когда бы то ни было. Лишь небольшая часть их была втянута в поток декабрьских событий. Движение далеко не развернулось во всю свою ширину и во всю свою глубину.

Посмотрите хотя бы на буржуазно-умеренную и черносотенную печать. Никто, даже «Новое Время»³⁰, не верит правительственной похвальбе о немедленном подавлении в зародыше всякого нового активного выступления. Никто не сомневается в том, что гигантский горячий материал, крестьянство, вспыхнет настоящим образом лишь к весне. Никто не верит тому, чтобы правительство искренно хотело созвать Думу и могло созвать ее при старой системе репрессий, волокиты, канцелярщины, бесправия и темноты.

Не увлечение революционеров, стократ опасное в таком вопросе, как вопрос о решительном выступлении, а очевидные, признаваемые даже противниками революции, факты свидетельствуют о том, что правительство одержало в Москве «победу», сделавшую его положение еще более отчаянным, чем оно было до октября.

Крестьянское восстание растет. Финансовый крах близится. Золотая валюта гибнет. Нехватка в полмиллиарда рублей не может быть пополнена даже при всей готовности реакционной буржуазии Европы помочь самодержавию. Войска, годные для борьбы с революцией, пущены в ход все, а «успокоение» Кавказа и Сибири все затягивается. Ярко выразившееся после 17-го октября брожение в армии и флоте не уляжется, конечно, от применения насилия против борцов за свободу по всей России. Возвращение пленных и возвращение манчжурской армии означают обострение этого брожения. Мобилизация новых частей войска против внутреннего врага порождает новые опасности для самодержавия. Кризис не только не разрешен, напротив, он расширен и обострен московской «победой».

Пусть же ясно встанут перед рабочей партией ее задачи. Долой конституционные иллюзии! Надо собирать новые, примыкающие к пролетариату, силы. Надо «собрать опыт» двух великих месяцев революции (ноябрь и декабрь). Надо приспособиться опять к восстановленному самодержавию, надо уметь везде, где надо, опять залезть в подполье. Надо определеннее, практически поставить колоссальные задачи нового активного выступления, готовясь к нему более выдержанно, более систематически, более упорно, сберегая, елико возможно, силы пролетариата, истощенного стачечной борьбой.

Волна идет за волной. За столицей провинция. За окраинами самое сердце России. За пролетариатом городская мелкая буржуазия. За городом деревня. Провал реакционного правительства на выполнении им его обширнейших задач неизбежен. От нашей подготовки к весне 1906 года зависит многое в исходе первой фазы великой российской революции.

Написано в конце декабря 1905 г.

*Напечатано 4 января 1906 г.
в газете «Молодая Россия» № 1
Подпись: Н. Ленин*

Печатается по тексту газеты

БОЙКОТИРОВАТЬ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ?

ПЛАТФОРМА «БОЛЬШИНСТВА»

Партия рабочего класса, Российская социал-демократическая рабочая партия объединяется. Две половины ее сливаются и готовят объявленный уже объединительный съезд партии.

Но между обеими половинами партии осталось еще одно разногласие относительно Государственной думы. Все члены партии должны дать себе ясный отчет в этом вопросе, чтобы сознательно выбрать делегатов на общий съезд, чтобы решить спор так, как хотят этого все члены партии, а не только теперешние центральные и местные учреждения ее.

Большевики и меньшевики согласны в том, что теперешняя Дума есть жалкая подделка народного представительства, что надо бороться против этого обмана, готовиться к вооруженному восстанию для созыва свободно избранного всем народом учредительного собрания.

Спор идет только о тактике по отношению к Думе. Меньшевики говорят: партия наша должна участвовать в выборе уполномоченных и выборщиков. Большевики говорят: активный бойкот Думы. Мы изложим в этом листке взгляд большевиков, принявших резолюцию против участия в выборах на недавней конференции представителей 26-ти организаций РСДРП*.

Что означает активный бойкот Думы? Бойкот означает отказ от участия в выборах. Ни депутатов в Думу, ни выборщиков, ни уполномоченных мы выбирать не хотим. Активный бойкот означает не простое отстранение от

* См. настоящий том, стр. 85—86. Ред.

выборов, а широкое использование избирательных собраний для социал-демократической агитации и организации. Использовать собрания — значит проникать в них и легально (записываясь в списки избирателей), и нелегально, излагать на них всю программу и все взгляды социалистов, показывать всю лживость и поддельность Думы, призывать к борьбе за учредительное собрание.

Почему отказываемся мы от участия в выборах?

Потому, что, участвуя в выборах, мы невольно поддержим в народе веру в Думу, мы ослабим этим силу своей борьбы против подделки народного представительства. Дума не парламент, а уловка самодержавия. Мы должны сорвать эту уловку, отвергая всякое участие в выборах.

Потому, что, если бы мы признали допустимым участие в выборах, тогда следовало бы идти до конца, до выбора депутатов в Думу. Буржуазные демократы, например, Ходский в «Народном Хозяйстве», и советуют нам в этих целях избирательные сделки с кадетами. Но социал-демократы теперь все, и большевики и меньшевики, отвергают эти сделки, понимая, что Дума не парламент, а новый полицейский обман.

Потому, что мы не можем теперь извлечь партийной пользы из выборов. Нет свободы агитации. Партия рабочего класса находится под опалой. Ее представителей арестуют без суда, ее газеты закрыты, ее собрания запрещены. Партия не может развернуть своего знамени легально при выборах, не может всенародно выставить своих выборных, не предавая их полиции. При таком положении дел целям нашей агитации и организации гораздо лучше служит революционное использование собраний без выборов, чем участие в собраниях для легальных выборов.

Меньшевики отвергают выборы депутатов в Думу, но хотят выбирать уполномоченных и выборщиков. Для чего? Для того, чтобы из них создать народную Думу или свободное, нелегальное представительство, нечто вроде всероссийского Совета рабочих (и крестьянских вдобавок) депутатов?

Мы возражаем на это: если нужны свободные представители, то к чему считаться с какой-то Думой при их выборе? К чему давать полиции списки наших уполномоченных? Да и к чему создавать новые Советы рабочих

депутатов по-новому, когда есть еще (напр., в Питере) старые Советы рабочих депутатов? Это бесполезно, и даже вредно, ибо вызовет неправильное, мечтательное настроение, будто падающие и разлагающиеся Советы можно оживить новыми выборами, а не новой подготовкой и расширением восстания. Для целей же восстания назначать законные выборы в законные сроки прямо смешно.

Меньшевики ссылаются на участие социал-демократов всех стран в парламентах, даже в худых парламентах. Эта ссылка не верна. В парламенте и мы будем участвовать до конца. Но меньшевики и сами видят, что Дума не парламент, сами отказываются идти в нее. Говорят, что рабочая масса устала и хочет отдохнуть на легальных выборах. Но партия не может и не должна строить своей тактики на временной усталости некоторых центров. Это значило бы губить партию, ибо усталые рабочие дали бы непартийных выборов, способных лишь компрометировать партию. Надо упорно и терпеливо вести свою работу, сберегая силы пролетариата, но не теряя веры, что упадок настроения временный, что рабочие поднимутся еще сильнее, еще смелей, чем в Москве, что они сметут царскую Думу. Пусть неразвитые, темные люди идут в Думу, — партия не свяжет своей судьбы с ними. Партия скажет им: ваш собственный житейский опыт подтвердит наши политические предсказания. Вы увидите на себе, какой обман эта Дума, и вы вернетесь тогда к партии, увидав правильность ее советов.

Тактика меньшевиков противоречива и непоследовательна (участвовать в выборах, но не выбирать в Думу). Она непригодна для массовой партии, ибо вместо простого и ясного решения даст запутанное и двусмысленное. Она непрактична, ибо если списки уполномоченных попадут в руки полиции, то партия понесет тяжелый урон. Наконец, эта тактика неосуществима на деле, ибо выступление меньшевиков с нашей программой на собраниях неизбежно поведет к тому, что вместо легальных выборов получится нелегальное использование собраний без выборов. Полицейские условия сведут участие меньшевиков в собраниях с меньшевистского участия в выборах на большевистское революционное использование собраний.

Долой Думу! Долой новый полицейский обман! Граждане! Чтите память павших московских героев новой подготовкой к вооруженному восстанию! Да здравствует свободно избранное всенародное учредительное собрание!

Таков наш боевой лозунг. И с этим лозунгом мирится только тактика активного бойкота.

Написано в январе 1906 г.

*Напечатано в январе 1906 г.
в листовках ЦК и Объединенного
ЦК РСДРП*

*Печатается по тексту
листовки ЦК РСДРП*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА

Написано в январе 1906 г.

*Напечатано в феврале 1906 г.
в брошюре: «Государственная дума
и социал-демократия».
Изд. «Пролетарское Дело»
Подпись: Н. Л е н и н*

Печатается по тексту брошюры

Закон 11-го декабря³¹ снова поставил на очередь вопрос о нашей тактике по отношению к Думе. Выбирать или не выбирать в Думу? — об этом оживленно судит и рядит наша буржуазно-демократическая печать. Об этом высказалась недавно конференция организаций «большинства» РСДРП. Эта конференция, в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, выбранных более чем 4 000 организованных членов партии, заменила собой намеченный и объявленный Центральным Комитетом IV съезд партии. Съезд не мог состояться, вследствие железнодорожной забастовки, московского восстания и различных событий в самых различных концах России. Но съехавшиеся делегаты организовали конференцию «большинства», которая обсудила, между прочим, и вопрос о выборах в Думу, решив его отрицательно, в смысле неучастия в выборах. Вот соответствующая часть резолюции, принятой конференцией:

«Самодержавное правительство все время после 17-го октября попирало все основные гражданские свободы, завоеванные пролетариатом. Правительство залило всю страну кровью, расстреливая из пушек и пулеметов борющихся за свободу рабочих, крестьян, солдат и матросов! Правительство издевается над общенародным требованием созыва учредительного собрания и законом 11-го декабря пытается снова обмануть пролетариат и крестьянство и отсрочить свою окончательную гибель.

Закон 11-го декабря фактически исключает из участия в Государственной думе пролетариат и массу крестьянства и заранее стремится обеспечить при помощи всяких уловок и полицейских ограничений преобладание в Думе черносотенных элементов эксплуататорских классов.

Конференция выражает свою уверенность в том, что ответом всего сознательного пролетариата России на новый царский закон будет решительная борьба против этой, как и всякой другой, подделки народного представительства.

Конференция полагает, что социал-демократия должна стремиться сорвать эту полицейскую Думу, отвергая всякое участие в ней».

Далее резолюция рекомендует всем партийным организациям широко использовать избирательные собрания, но не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы, но чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию решительной борьбы с самодержавием, так как только после полной победы над ним возможен созыв действительно свободно избранных представителей народа.

Правильно ли такое решение вопроса? Чтобы ответить на это, рассмотрим сначала возможные возражения. За участие в Думе могло говорить теперь то обстоятельство, что рабочие получили некоторые права по выбору в Думу, а также и то, что свобода агитации несколько шире, чем в эпоху «первой» булыгинской Думы, обещанной законом 6-го августа. Эти соображения, в связи с подавлением московского и других восстаний, вызвавшим необходимость в некотором периоде ватишья, скопления и подготовки новых сил, — естественно склоняли и склоняют «меньшинство» РСДРП к тому, чтобы высказаться за участие в выборах, по крайней мере, уполномоченных и выборщиков. Такие социал-демократы думают, что стремиться пройти в Государственную думу мы не должны, что идти дальше выбора выборщиков не следует, но что воспользоваться для агитации, организации пролетариата и политического воспитания его предоставленной возможностью выборов в рабочей курии необходимо.

По поводу этих аргументов мы отметим прежде всего, что они вполне естественно вытекают из общих основ социал-демократического миросозерцания и социал-демократической тактики. Мы, представители «большинства», должны признать это, чтобы не впасть в фракционную крайность, способную повредить безусловно необходимому делу единства партии. Мы должны непременно заново, деловым образом обсудить вопрос о тактике. Если события подтвердили правильность нашей тактики относи-

тельно Думы 6-го августа, которая была, действительно, сорвана, была сбойкотирована, сметена пролетариатом, то отсюда вовсе еще не вытекает само собою, что и новую Думу удастся сорвать таким же образом. Ситуация теперь не та, и надо тщательно взвесить доводы за и против участия.

Мы изложили вкратце главные, на наш взгляд, доводы за. Перейдем к доводам против.

Новая Дума является несомненно карикатурой на народное представительство. Участие наше в выборах даст народным массам извращенное представление о нашей оценке Думы.

Свободы агитации нет. Собрания разгоняются. Делегаты арестовываются.

Поддавшись на приманку дубасовского «конституционализма», мы своего партийного знамени перед массами развернуть не сможем, а свои партийные силы ослабим с малой пользой для дела, ибо «легальное» выступление наших кандидатов даст лишь полиции готовые списки арестуемых.

В большинстве мест России кипит гражданская война. Затишье может быть здесь лишь временное. Подготовка вновь и вновь необходима. Нашей партии соединять это с делом выборов по закону 11-го декабря и нецелесообразно, и практически неосуществимо. Не выйдет у нас выборов «по закону», даже если бы мы захотели, ибо условия борьбы не допустят этого. Отдельные исключения, конечно, возможны, но ради них вносить путаницу, дезорганизацию и отсутствие единства в общероссийскую пролетарскую тактику нерационально.

Выборы в Думу по закону 11-го декабря при господстве Дубасовых и Дурново есть чистейшая игра в парламентаризм. Пролетариату недостойно участвовать в игре.

Тактика массовой партии пролетариата должна быть проста, ясна, пряма. Выборы же уполномоченных и выборщиков без выбора депутатов в Думу создают запутанное и двойственное решение вопроса. С одной стороны, признается легальная форма выборов по закону. С другой стороны, «срывается» закон, ибо выборы производятся не в целях осуществления закона, не в целях посылки депутатов в Думу. С одной стороны, начинается избирательная кампания; с другой стороны, она обрывается

в самом важном (с точки зрения всех выборов) пункте, при определении непосредственного состава Думы. С одной стороны, рабочие ограничивают свои выборы (уполномоченных и выборщиков) нелепыми и реакционными рамками закона 11-го декабря. С другой стороны, на эти рабочие выборы, заведомо неполно и неверно отражающие передовые стремления пролетариата, возлагается задача осуществлять эти стремления помимо Думы (в форме какого-либо нелегального представительства или нелегальной Думы или народной Думы и т. п.). Получается бессмыслица: выборы на основании несуществующего избирательного права в несуществующий парламент. Советы рабочих депутатов в Питере и Москве были избраны самими рабочими не по полицейским «законным формам». И аресты этих Советов дали весьма важный урок рабочим. Эти аресты показали, как опасно доверять лжеконституционализму, как непрочны «революционное самоуправление» без победы революционных сил, как недостаточна временная беспартийная организация, которая может иногда дополнить, но никак не заменит прочной и длительной боевой партийной организации. Столичные Советы рабочих депутатов пали потому, что у них нехватило прочной опоры в боевой организации пролетариата. Если мы заменим эти Советы собраниями выборщиков или уполномоченных, это будет подставкой опоры словесной вместо опоры боевой, опоры квази-парламентской вместо опоры революционной. Это будет то же самое, как если бы мы заменили недостающую пушку нарисованной на картоне пушкой.

Далее, участвуя в выборах, мы ставим пролетариат в ложное отношение к буржуазной демократии. Эта последняя опять раскалывается. Умеренные либералы (кадеты) горой стоят за участие. Радикалы тяготеют к бойкоту. Классовая подкладка этого раскола ясна: правое крыло буржуазии тяготеет к сделке с реакцией посредством Думы. Левое крыло буржуазии тяготеет к союзу с революцией или, по крайней мере, к поддержке ее (вспомните присоединение Союза союзов к манифесту Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов о финансовом крахе правительства³²). Тактика бойкота создает ясное и правильное отношение пролетариата к революционной и оппортунистической

буржуазии. Тактика участия внесла бы страшный хаос, помешав пролетариату разбирать его ближайших союзников и его врагов.

Наконец, практические цели участия не менее, если не более, осуществимы и бойкотом. Подсчет сил пролетариата, агитация и организация, обеспечение господства с.-д. в рабочей курии, все это вполне возможно и при революционном использовании избирательных собраний вместо участия в них, все это вовсе не требует выбора именно «уполномоченных» и именно «выборщиков». Все это хуже достигается при отвлечении сил на эти смехотворные легальные выборы, ибо цели этих выборов мы же сами не признаем, а оповещать о них полицию вовсе нам не выгодно. На практике почти всегда и выйдет, наверное, именно революционное использование избирательных собраний, а не участие в них, ибо рабочие полицейским ограничениям не подчинятся, «посторонних лиц» (читай с.-д.) не устроят, правил выборов не соблюдают. Сила вещей, сила революционной ситуации приведет к тому, что из «выборных» собраний выборов не выйдет, а выйдет партийная агитация помимо выборов и вопреки выборам, т. е. выйдет так называемый «активный бойкот». Как бы мы ни смотрели на вещи, как бы мы ни толковали своих взглядов, какие бы мы ни выставляли оговорки, во всяком случае, участие в выборах неизбежно имеет тенденцию порождать мысль о подмене учредительного собрания Думой, о созыве учредительного собрания через Думу и т. п. Показывать лживость и фиктивность представительства в Думе, требовать созыва революционным путем учредительного собрания и в то же время участвовать в Думе — это тактика, способная в революционный момент лишь сбить с толку пролетариат, лишь поддержать наименее сознательные элементы рабочей массы и наименее совестливые, наименее принципиальные элементы из числа вождей этой массы. Мы можем заявить о полной и полнейшей самостоятельности наших с.-д. кандидатур, о чистой и чистейшей партийности нашего участия, но политическая обстановка сильнее всех заявлений. На деле не выйдет, не сможет выйти, согласно этим заявлениям. На деле получится неизбежно, вопреки нашей воле, не социал-демократическая и не партийная рабочая политика при теперешнем участии в теперешней Думе.

Тактика, рекомендованная конференцией «большинства», есть единственно правильная тактика.

Интересным подтверждением (косвенным) этого вывода является позиция «кадетов». В своем «предсмертном» номере (от 20-го декабря) «Народная Свобода» рассуждает следующим образом по поводу всплывшего вновь вопроса, идти ли в Думу. Ближайшая задача — созыв всенародного учредительного собрания. Газета принимает это положение за доказанное. Кто и как созовет это учредительное собрание? На это возможен, по мнению «Народной Свободы», тройкий ответ: 1) правительство законное (или *de facto** самодержавное); 2) временное революционное правительство; 3) Государственная дума, как «власть, конкурирующая с властью». Само собою разумеется, что «кадеты» принимают третий «исход» и именно ради такого исхода настаивают на необходимости участия в Думе. Первый исход они отвергают, отбрасывая всякие надежды на правительство. О втором исходе они дают нам следующий, в высшей степени характерный, образчик рассуждения:

«Можно ли рассчитывать на *практическую* осуществимость того временного правительства, о котором еще и теперь — в кровавом угаре подавленного восстания — продолжают мечтать революционные партии? Скажем прямо: нет, нельзя, — и не потому нельзя, что вооруженное восстание невозможно: Москва доказала обратное; и даже не потому, что такое восстание роковым образом будет подавлено вооруженной силой: кто может предсказывать будущее?»

Нельзя рассчитывать на временное правительство потому, что *ни при каких условиях* — и даже в случае успешного восстания — оно не будет достаточно прочным и авторитетным для того, чтобы «собрать рассыпанную хранину» русской аемли. Его смоеет контрреволюционная волна, надвигающаяся из общественных глубин.

Русская революция длится не месяцы, а годы; за это время она успела определенно и резко наметить свой путь; и надо сказать прямо, что этот путь ни к вооруженному восстанию, ни к временному правительству не ведет. Не станем закрывать глаза перед действительностью. И либеральная интеллигенция, и крестьянство, и пролетариат — революционны, но революционная кооперация трех элементов под флагом вооруженного восстания *невозможна*. Не будем разбирать, кто прав и кто виноват; факт остается фактом. Но в таком случае, из каких элементов могло бы возникнуть пресловутое временное правительство революционных партий? Чем могло бы оно быть? Диктатурой пролетариата? Но о диктатуре пролетариата в современной России говорить не приходится...

* — фактически, на деле. *Ред.*

Мы нарочно выписали полностью это рассуждение, ибо оно превосходно, и с редкой для «кадетов» отчетливостью, передает сущность либерально-буржуазной точки зрения. Ошибки этого рассуждения так наглядны, что на них достаточно кратко указать. Если теперь доказана возможность вооруженного восстания, и недоказуема наперед его безнадежность в смысле успеха, то что же это за возражение: «смоет контрреволюция»? Это смешная, по своей слабости, отговорка. Революции без контрреволюции не бывает и быть не может. Теперь вот и 17-е октября сметено контрреволюционной волной, но разве это доказывает нежизненность конституционных требований? Вопрос не в том, будет ли контрреволюция, а в том, кто, в конечном счете, после неизбежно долгих и полных всяких превратностей судьбы битв, окажется победителем?

«Народная Свобода» понимает, что этот вопрос решается учетом социальных сил. И она делает учет, признает революционность и пролетариата, и крестьянства, и либеральной интеллигенции. Но газета «декретирует»: их «кооперация под флагом вооруженного восстания невозможна». Почему? В этом весь гвоздь вопроса, и отделаться голословным заявлением тут нельзя. Это факт, который остается фактом, что восстает пролетариат, восстает и крестьянство, при участии некоторой, по крайней мере, доли буржуазной интеллигенции. Признав (не требующий теперь ничего признания) факт возможности вооруженного восстания, признав, что предсказать безусловный неуспех всем дальнейшим взрывам нельзя, газета отняла у своих рассуждений всякую почву. Газета спасает себя только передержкой, отрицая возможность диктатуры пролетариата, т. е. социалистической диктатуры, тогда как речь должна идти о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Сочувствие этим классам и содействие им известной доли мелкой буржуазии вообще и буржуазной интеллигенции в частности обеспечено; остается вопрос о степени организованности и боевой способности. Это очень большой и серьезный вопрос, конечно, но решать его сплеча отрицательно могут только люди, желающие явно увильнуть от решения.

Позиция либеральных помещиков ясна. Они хотят участия в Думе именно потому, что не хотят участия в революционной борьбе. Они хотят созыва Думы именно

потому, что не хотят революционного созыва учредительного собрания. Они хотят Думы именно потому, что они хотят сделки. Различное отношение к Думе либералов и социал-демократов совершенно отчетливо отражает таким образом различие классовых позиций буржуазии и пролетариата. А до какой степени безнадежны воздыхания о сделке и о Думе в эпоху обостренной гражданской войны, это видно, между прочим, из закрытия «кадетских» газет и жалкого существования всей легальной либеральной печати вообще. Вся эта печать ежедневно приводит груды фактов, показывающих полную поддельность представительства в Думе, полную невозможность сколько-нибудь свободной агитации, сколько-нибудь правильных выборов. Действительность революционной и контрреволюционной ситуации лучше всяких доводов опровергает мечтания об участии в Думе в целях борьбы, лучше всяких аргументов подтверждает правильность тактики активного бойкота.

В заключение еще пару слов о том, как должны поставить мы теперь нашу внутрипартийную агитацию за активный бойкот Думы в связи с происходящим слиянием фракций и полным объединением РСДРП.

Слияние необходимо. Слияние надо поддерживать. В интересах слияния надо вести борьбу с меньшевиками из-за тактики в рамках товарищества, стараясь переубедить всех членов партии, сводя полемику к деловому изложению доводов за и против, к выяснению позиции пролетариата и его классовых задач. Но слияние нисколько не обязывает нас затушевывать тактические разногласия или излагать свою тактику непоследовательно и не в чистом виде. Ничего подобного. Идеиную борьбу за тактику, признаваемую нами правильной, необходимо вести открыто, прямо и решительно до конца, т. е. до объединительного съезда партии. В единой партии тактика, определяющая непосредственные действия партии, должна быть одна. Такой единой тактикой должна стать тактика большинства членов партии: когда большинство вполне определилось, меньшинство обязано подчиниться ему в своем политическом поведении, сохраняя право критики и агитации за разрешение вопроса на новом съезде.

При настоящем положении нашей партии обе фракции согласились о созыве объединительного съезда, обе согласились подчиниться его решениям. Объединительный съезд

и установит единую тактику партии. Наша задача — ускорить всеми средствами созыв этого съезда и добиваться самым энергичным образом того, чтобы все члены партии составили себе ясное понятие и представление о различии тактик насчет участия в Думе, чтобы все члены партии с полным знанием дела, вполне взвесив доводы той и другой стороны, сделали сознательно, а не случайно свой выбор делегатов на общий съезд, который объединит всю партию и объединит нашу тактику.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ И ТАКТИКА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ³³

Российская социал-демократическая партия переживает очень трудный момент. Военное положение, расстрелы и экзекуции, переполненные тюрьмы, измученный голодом пролетариат, организационный хаос, усиленный разрушением многих нелегальных опорных пунктов и отсутствием легальных, наконец, споры о тактике, совпавшие с трудным делом восстановления единства партии, — все это неминуемо вызывает известный разброд партийных сил.

Формальным средством выхода из этого разброда является созыв объединительного партийного съезда, и с этим созывом все работники партии должны, по нашему глубокому убеждению, спешить всеми силами. Но, пока идет работа созыва съезда, необходимо поставить перед всеми и чрезвычайно серьезно обсудить крайне важный вопрос о более глубоких причинах разброда. Вопрос о бойкоте Государственной думы есть, в сущности, лишь маленькая частичка большого вопроса о пересмотре всей тактики партии. А этот последний вопрос, в свою очередь, есть лишь маленькая частичка большого вопроса о современном положении России и о значении настоящего момента в истории русской революции.

Намечаются две тактические линии в связи с двумя оценками этого момента. Одни (см., напр., статью Ленина в «Молодой России»*) считают подавление московского и других восстаний лишь подготовкой почвы и условий для новой, более решительной вооруженной борьбы. Значение момента усматривается в разрушении конституцион-

* См. настоящий том, стр. 75—77. Ред.

ных иллюзий. Два великие месяца революции (ноябрь и декабрь) рассматриваются как период перерастания мирной всеобщей стачки в всенародное вооруженное восстание. Возможность его доказана, движение поднято на высшую ступень, практический опыт, необходимый для успеха будущего восстания, накоплен широкими массами, мирные забастовки исчерпали себя. Надо собрать тщательнее этот опыт, дать пролетариату собраться с силами, отбросить решительно всякие конституционные иллюзии и всякую мысль об участии в Думе, готовить упорнее и терпеливее новое восстание, укреплять связи с организациями крестьянства, которое, вероятно, поднимется еще сильнее к весне.

Другие иначе оценивают момент. Тов. Плеханов в № 3 и особенно в № 4 своего «Дневника»³⁴ всего последовательнее наметил иную оценку, хотя, к сожалению, не везде договорил до конца свои мысли.

«Несвоевременно начатая политическая забастовка — говорит т. Плеханов — привела к вооруженному восстанию в Москве, Ростове и т. д. Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». Практическая задача сознательных элементов рабочего движения «заключается в том, чтобы указать пролетариату на его ошибку, чтобы выяснить ему всю рискованность той игры, которая называется вооруженным восстанием». Плеханов не оспаривает того, что он хочет тормозить движение. Он напоминает о том, как Маркс за полгода до Коммуны предостерегал парижский пролетариат от несвоевременных вспышек. «Жизнь показала, — говорит Плеханов, — что тактика, которой держалась в последние месяцы наша партия, несостоятельна. Под страхом новых поражений мы обязаны усвоить новые тактические приемы»... «Главное — нам нужно немедленно обратить усиленное внимание на профессиональное движение рабочих». — «Очень значительная часть наших товарищей слишком увлекалась мыслью о вооруженном восстании, чтобы она могла заняться сколько-нибудь серьезно поддержкой профессионального движения»... «Нам надо дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий, а не отталкивать их от нас бестактными выходками». Совершенно естественно, что Плеханов высказывается

также против бойкота Думы (не договаривая, стоит ли он за участие в Думе или за создание выборщиками изблюбленных «меньшевиками» «органов революционного самоуправления»). «Выборная агитация в деревне поставила бы ребром вопрос о земле». Отобрание земли одобрено обеими частями нашей партии, и их резолюции «теперь пора провести в жизнь».

Таковы взгляды Плеханова, изложенные нами почти целиком в формулировках самого автора «Дневника».

Читатель убедился, мы надеемся, из этого изложения, что вопрос о думской тактике есть лишь часть вопроса об общей тактике, подчиненного, в свою очередь, вопросу об оценке всего современного революционного момента. Корни разногласия о тактике сводятся к следующему. Не нужно было браться за оружие, говорят одни, призывая к выяснению рискованности восстания и к перенесению центра тяжести на профессиональное движение. И забастовки 2-я и 3-я и восстание были ошибками. Другие же полагают, что нужно было браться за оружие, ибо иначе движение не могло подняться на высшую ступень, не могло выработать необходимого практического опыта в делах восстания, не могло освободиться от узких сторон одной только мирной стачки, исчерпавшей себя в качестве средства борьбы. Для одних, следовательно, вопрос о восстании практически снимается с очереди, — по крайней мере, впредь до новой ситуации, которая заставила бы нас еще раз пересмотреть тактику. Приспособление к «конституции» (участие в Думе и усиленная работа в легальном профессиональном движении) вытекает отсюда неизбежно. Для других, наоборот, именно теперь вопрос о восстании ставится на очередь на основании практически приобретенного опыта, доказавшего возможность борьбы с войсками и наметившего непосредственные задачи более упорной и более терпеливой подготовки следующего выступления. Отсюда лозунг: долой конституционные иллюзии! и отведение легальному профессиональному движению скромного, во всяком случае не «главного» места.

Само собою разумеется, что мы должны рассмотреть этот спорный вопрос не с точки зрения желательности того или иного пути деяния, а с точки зрения объективных условий момента и учета общественных сил. Взгляд Плеханова мы считаем ошибочным. Оценка московского вос-

стания, сводящаяся к тому, что «не нужно было и братья ва оружие», крайне односторонняя. Снять с очереди вопрос о восстании — значит, в сущности, признать законченным революционный период и начавшимся «конституционный» период демократического переворота, т. е. приравнять, примерно скажем, подавление декабрьских восстаний в России к подавлению восстаний 1849-го года в Германии. Конечно, невозможного нет в таком исходе нашей революции, и с точки зрения данной минуты, когда реакция развертывается во-всю, подобный исход легко признать уже наступившим. Не подлежит также сомнению, что целесообразнее решительно отказаться от идеи восстания, если объективные условия сделали его невозможным, чем тратить силы на новые, бесплодные, попытки.

Но это значит слишком поспешно обобщить и возвести в закон для целого периода такое положение вещей, которое сложилось в данную минуту. Разве мы не видели реакции во всем ее бешенстве после каждого почти крупного шага вперед, делаемого революцией? И разве, несмотря на эту реакцию, движение не поднималось вновь еще более могучим через некоторый промежуток времени? Самодержавие не уступило перед неотвратимыми требованиями всего общественного развития; напротив, самодержавие идет назад, вызывая уже протесты среди самой буржуазии, которая приветствовала подавление восстания. Силы революционных классов, пролетариата и крестьянства, далеко не исчерпаны. Экономический кризис, финансовое расстройство скорее ширятся и углубляются, чем сглаживаются. Вероятность нового взрыва уже теперь, когда не кончилось еще подавление первого восстания, признают даже органы «правопорядочной» буржуазии, безусловно враждебной восстанию*. Комедиантский характер Думы вырисовывается все яснее, и безнадежность попытки партийного участия в выборах становится все несомненнее.

Это будет близорукостью, это будет раболепством перед ситуацией данного момента, если мы при таких условиях

* Вот, напр., что пишет консервативно-буржуазное «Слово» (№ 364 от 25-го января): «Среди самых убежденных сторонников центра все чаще слышатся голоса, правда, еще робкие и неуверенные, что без нового взрыва, подготовленного революционными партиями, реформа в необходимой полноте и целостности осуществлена не будет... Надежды на проведение реформы сверху мирным путем теперь уже почти не остается».

снимем с очереди вопрос о восстании. Посмотрите, в какое противоречие впадает Плеханов, когда горячо советует провести в жизнь резолюции об агитации в крестьянстве за отобрание земли и в то же время задается целью не отталкивать от нас оппозиционных партий бестактными выходками, мечтает о постановке «ребром» вопроса о земле при выборной агитации в деревне. Можно с уверенностью сказать, что либералы-помещики простят вам миллионы «бестактностей», но не простят призывов к отобранию земли. Недаром даже кадеты говорят, что и они стоят за подавление крестьянских восстаний силой войска, только бы распоряжались войсками они, а не бюрократия (см. статью кн. Долгорукова в «Праве»). Можно с уверенностью сказать, что именно в выборной-то агитации и не встанет никогда вопрос о земле «ребром», как встал он, как встает он и будет вставать помимо Думы и помимо производимых при участии полиции выборов.

Мы всецело стали за лозунг отобрания земли. Но отобрание земли лишь пустой звук, если оно не означает победы вооруженного восстания, ибо против крестьян стоит теперь не только войско, но и отряды добровольцев, нанимаемые помещиками. Проповедуя отобрание земли, мы зовем крестьян на восстание. А разве мы вправе были бы, не впадая в революционную фразу, делать это, если бы не рассчитывали на восстание рабочих в городах, на поддержку рабочими крестьян? Было бы горькой насмешкой, если бы крестьянам, которые поднимутся волной и начнут отбирать земли, рабочие предложили содействие профессиональных, опекаемых полицией, обществ, за отсутствием боевых организаций.

Нет, мы не имеем оснований снимать с очереди вопрос о восстании. Мы не должны перестраивать заново партийную тактику с точки зрения условий данного момента реакции. Мы не можем и не должны отчаиваться в том, что удастся, наконец, слить три разрозненные потока восстаний — рабочие, крестьянские и военные — в одно победоносное восстание. Мы должны готовиться к этому, не отказываясь, конечно, от использования всех и всяческих «легальных» средств к расширению пропаганды, агитации и организации, но отнюдь не обольщая себя насчет прочности этих средств и их значения. Мы должны собирать опыт московского, донецкого, ростовского и

других восстаний, распространять знакомство с ними, готовить упорно и терпеливо новые боевые силы, обучать и закалять их на ряде партизанских боевых выступлений. Новый взрыв, может быть, и не наступит еще весной, но он идет, он, по всей вероятности, не слишком далек. Мы должны встретить его вооруженными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действиям.

Мы позволим себе здесь маленькое отступление о партизанских выступлениях боевых дружин. Мы думаем, что сравнивать их с террором старого типа ошибочно. Террор был мстью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания.

Партизанские выступления не мсть, а военные действия. Они так же мало похожи на авантюру, как набег охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время ватишья на главном поле сражения непохожи на убийства дуэлянтов или заговорщиков. Партизанские действия боевых дружин, образованных давно уже социал-демократами обеих фракций во всех крупнейших центрах движения и включающих в себя, главным образом, рабочих, несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом. Партизанские действия боевых дружин непосредственно готовят боевых руководителей масс. Партизанские действия боевых дружин теперь не только не являются результатом неверия в восстание или невозможности восстания, а, напротив, являются необходимой составной частью происходящего восстания. Конечно, во всем и всегда возможны ошибки, возможны неуместные попытки выступлений не во-время; возможны увлечения и крайности, которые всегда и безусловно вредны и способны повредить самой верной тактике. Но факт тот, что мы до сих пор страдаем в большинстве чисто-русских центров от другой крайности, от недостаточной инициативности наших боевых дружин, от недостатка у них боевого опыта, от малой решительности их выступлений. Нас опередили в этом отношении и Кавказ, и Польша, и Прибалтийский край, т. е. именно

такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен.

Нам надо догонять эти центры. Нам надо не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьез готовым к восстанию.

Русская революция началась с того, что царя просили даровать свободу. Расстрелы, реакция, треповщина не задавили, а разожгли движение. Революция сделала второй шаг. Она вырвала силой у царя признание свободы. Она, с оружием в руках, отстаивала эту свободу. Сразу не отстояла. Расстрелы, реакция, дубасовщина не задавят, а разожгут движение. Перед нами вырисовывается третий шаг, который определит исход революции: борьба революционного народа за власть, способную на деле осуществить свободу. В этой борьбе нам надо рассчитывать на поддержку не оппозиционных, а революционных демократических партий. Рядом с социалистическим пролетариатом тут пойдет демократически-революционное крестьянство. Это — великая борьба, трудная борьба, борьба за доведение до конца демократической революции, за полную победу ее. Но все признаки говорят в настоящее время за то, что такая борьба надвигается ходом вещей. Позаботимся же, чтобы новый вал застал российский пролетариат в новой боевой готовности.

«Партийные Известия» № 1,
7 февраля 1906 г.
Подпись: *Большевик*

Печатается по тексту
газеты «Партийные Известия»

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП³⁵

11 (24) ФЕВРАЛЯ 1906 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О ПРАВОМОЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА КОНФЕРЕНЦИИ ОКРУЖНОЙ И ВЫБОРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЙ

1

Решением, принятым об Окружной организации, проведено первое решение конференции об общей проверке мандатов формально. В Окружной организации было 56 голосов сомнительных, и лишь о них могла идти речь. Комитет и районная конференция производили проверку избрания; если не доверять решению Петербургского комитета относительно Окружной организации, то нужно быть последовательными и идти к тому, чтобы проверять все районы.

2

Вопрос, который был предложен т. Мартовым, касается формальной стороны; если вы решили рассматривать здесь один район на основании заявленных протестов, то следует сделать такое же решение и о других районах, о которых вносится протест. Тов. Аким³⁶ находит неправильность в Выборгском районе, и конференция, принявшая решение об Окружной организации, должна распространить это решение и на Выборгский район.

3

К порядку. Если Петербургский комитет признал Окружную организацию полноправной, то я удивляюсь предложению т. Мартова — исключить ее из конференции.

4

Предложение т. Мартова не может быть поставлено на голосование, затронутый им вопрос может решить только Петербургский комитет.

5

Подумайте, товарищи, о том чудище, которое вам предлагают. Обсуждался важный вопрос, в решении которого должна принять участие вся организация Петербурга, а вам вдруг предлагают отрезать громадную часть — Окружной район. Подумайте над этим. Такое голосование я считаю непозволительным по существу. Прошу голосовать: желает ли собрание голосовать предложение т. Мартова?

6

Нужно отнестись к делу хладнокровно. Вопрос в том, можем ли мы лишить Окружную организацию права голосования на конференции; раз представительство ее законно, то не участвовать в теперешнем голосовании есть верх незаконности; представительство ее вами признано законным, она не голосовала, когда рассматривалась законность ее представительства; во всех следующих вопросах она должна голосовать.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРОТИВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МАРТОВА О СНЯТИИ ДОКЛАДА ПК

Собрание признает поднятый т. Мартовым вопрос не подлежащим обсуждению и не требующим голосования.

МОТИВИРОВКА РЕЗОЛЮЦИИ

Тов. Мартов неправ; он говорит, что замечания вроде «опять встает» не допускаются, — это неверно. Везде на собраниях допускаются всякого рода замечания. Что же касается доклада, то выслушать его необходимо. Доклад займет всего каких-нибудь 15—20 минут, а иначе же нам могут сказать, что на конференции, кроме моральных неправильностей, были еще юридические (кроме моральных, были еще юридические упущения). Доклад следует выслушать обязательно. Если вы найдете нужным его утвердить — утвердите, если не найдете нужным, то не утвердите.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ДОКЛАДУ ПК

Я хочу внести предложение. Вопрос, затронутый т. Акимом, об одобрении доклада, можно снять с очереди; я предлагаю такое решение: «Собрание, выслушав доклад Петербургского комитета, признало представительство конференции законным, конференцию установившейся и решение ее для Петербургской социал-демократической организации обязательным».

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Я согласен, что нужно голосовать в порядке смысла, но я считаю мое предложение самым радикальным, другие же — примирительные. Если вы отвергнете радикальное, то тогда станете голосовать примирительные.

ЗАМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ
О ТАКТИКЕ БОЙКОТА

Я жалею, если утомил собрание длиннотой резолюции, но если мы хотим спорить по существу, то нужно ясно представлять то, что критикуем. В моей резолюции суммировалось все, что говорилось раньше на дискуссиях и о чем не было времени говорить здесь, отсрочивать собрание больше нельзя. Если нет времени обсуждать резолюции, можно выбрать комиссию.

*Впервые напечатано в 1930 г.
в журнале «Пролетарская Революция»
№ 12 (107)*

*Печатается по секретарским
записям, хранящимся в архиве ИМЭЛ*

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП (II)

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ (НАЧАЛО МАРТА) 1906 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ РЕЗОЛЮЦИИ О ТАКТИКЕ БОЙКОТА

1

Резолюция длинна, — «лития», как говорит т. Дан, — это верно, но этот недостаток искупается достоинством — в революции рассмотрены все доводы, без чего объяснение тактики не продумано, не верно. Для массы нужна краткость, но эта резолюция для организаций, а не для масс. Дискуссий не было по всем пунктам, но они все были затронуты. Должна быть развита вся совокупность взглядов, которые проводятся в политической агитации. Ни о каком подавлении меньшинства большинством и речи быть не может, хотя, правда, положение пораженной части не из красивых. Как выход можно предложить разделение работы: вы критикуете Думу, а мы будем развивать тактику. Навязывать т. Дану защиту пунктов, с которыми он не согласен, никто не хочет. Обвинение в фракционности и полемике — голословно.

2

И в короткой резолюции (Мартова) есть полемика, но за что же вы, предлагая нам принять ее, хотите нас сделать смешными. В проекте длинной резолюции как будто есть мотивы, которые не обсуждались пролетариатом. Но чучело растеряевцев осмеивало самую идею представительства³⁷, и наверное у них была при этом мысль и о крестьянстве.

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВОК К ПУНКТАМ 3 и 6 ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ

1

Вы ослабляете резолюцию, правительство не только мешает выбирать, оно еще и земских начальников в качестве выборных сажает.

2

Поправка т. Дана не точна. «Союз 17 октября»³⁸ — оппозиция, однако его не преследуют. Мы должны заступиться за кадетов, если их преследуют, хотя бы их преследовали и ни за что.

3

«Зубатовщина» — не только полицейская форма уловления неблагонадежных, она учитывает рабочее движение, это организация рабочего класса. «Зубатовщина» — это истинно русское изобретение. И оно применяется и теперь. Дума — это полицейская игра, но в ней нет и тени конституции. Вообще здесь слово «зубатовщина» употреблено как сравнение, и потому оно не полно как определение. Наконец, мы же говорим, что это «новая» форма *всероссийской, государственной «зубатовщины»*. И наша тактика здесь та же, что и всегда по отношению к «зубатовщине». Мы ходили и на зубатовские собрания, но членами их никогда не были.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПУНКТОВ 7 и 8 ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ

1

Заявление т. Дана о фактической неверности для меня большая новость. До сих пор нигде не было официально заявлено о допустимости «участия в Думе»³⁹. Ни Парвус, ни Плеханов даже этого до сих пор не говорили. Затем, не считаться с тем, что сознательная часть пролетариата смотрит на вопрос так, а не иначе, для нас было бы узко, и мы его учитываем, это факт не случайный. Я готов внести поправку: «подавляющее большинство» вместо: «все».

2

Официальное заявление т. Дана для меня особенно ценно, такое заявление я вообще слышу впервые. Остается только пожелать, чтобы оно появилось в печати, так как до сих пор в печати ничего подобного не было. Большевики всегда даже протестовали, если им приписывали такое мнение. Листок Объединенного ЦК утверждает, что обе части партии согласны с тем, что в Думу идти нельзя. Это документ, и в этом пункте нашей резолюции ничто ему не противоречит. Относительно Плеханова замечание Дана неверно. Он просто сказал: «я против бойкота», и на самом интересном месте поставил точку. Мы достаточно осведомлены, и ссылка на Полтаву не поколебала нашего мнения о взгляде большинства пролетариата на вопрос об участии в Думе. Солидарность должна быть подчеркнута.

3

Дан думает, что коли Дума соберется, то это уже и будет 1849 год. Неправда. Дума — это соединенный ландтаг 1847 года⁴⁰, и в соединенный ландтаг 1847 года мы не пойдем. Я считаю необходимым принять указания Луначарского к сведению. Считаю нужным ответить на три вопроса: 1) верен ли факт, что большинство право? — верен; нас никто не опроверг, все, что говорилось — голословно и не может служить достаточным основанием для того, чтобы указание на факт было вычеркнуто; 2) считаться ли с этим фактом? — считаться необходимо; 3) как относится к вопросу, затрагиваемому этим пунктом мотивировки, редакция Центрального Органа? — Я утверждаю, что она признавала участие в Думе *невозможным*. Я не думал, что это так заденет товарищей меньшевиков, до сих пор никто никогда и нигде не говорил ничего подобного тому, что сказал т. Дан. Тов. Дан колеблется, и я очень не рад этому.

4

Говорят, что все последующее наполнено полемикой. Неправда, такие цели мы не стали бы преследовать. Почему нельзя идти в Думу? Потому что народ может подумать о том, что стоит выбирать независимо от того, что товарищи меньшевики думают о народе. Мы не ругаемся, мы разбираем довод. Мы считаем необходимым посылать только чучела.

ПИСЬМЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ В БЮРО КОНФЕРЕНЦИИ

Фактическое заявление. Я заявляю, что утверждения т. Дана неверны и что он не опровергает ни одного из моих заявлений об отсутствии в печати утверждений, подобных заявлению тов. Дана.

РЕЗОЛЮЦИЯ О МОТИВИРОВКЕ ТАКТИКИ БОЙКОТА

Конференция считает необходимым подробно мотивировать решение петербургской с.-д. организации о нецелесообразности участия в выборах, отнюдь не для полемики с товарищами бывшими меньшевиками и не набрасывания на них тени, как социал-демократов, а в целях точного и официального изложения мнения большинства организации о характере и значении полного бойкота.

*Впервые напечатано в 1931 г.
в журнале «Пролетарская Революция»
№ 1 (103)*

*Печатается по секретарским
записям, хранящимся в архиве ИМЭЛ*

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА И ОКРЕСТНОСТЕЙ⁴¹

Товарищи рабочие! Организованные социал-демократические рабочие всей петербургской и окружной организации РСДРП вынесли свое окончательное и обязательное для комитета партии и всех местных организаций ее решение по вопросу о выборах в Государственную думу. Несмотря на все полицейские препятствия и ловушки рабочие сумели устроить *120 кружковых собраний* с подробным обсуждением вопроса, при участии представителей обеих тактик, наметившихся в нашей партии. *Свыше 2000 рабочих* и интеллигентов, принадлежащих к нашей партии, голосовали вопрос и большинством *1168* голосов против *926* (при *2094* голосовавших) высказались за *полный бойкот* не только Думы, но и *всяких выборов* в нее. Конференция представителей, выбранных по всем районам (от каждого *30* голосовавших членов партии по одному делегату), обсудила еще раз вопрос и *36* голосами против *29* (при *65* участниках с решающим голосом) вынесла *окончательное* решение за тактику *активного бойкота*.

Итак, петербургский социал-демократический пролетариат сказал свое слово. Теперь все силы партийной организации, все усилия передовых рабочих, сочувствующих социал-демократии и желающих считаться с ее решением, должны быть направлены на то, чтобы ознакомить самые широкие слои рабочего класса и всего населения о решении социал-демократии, чтобы распространить в массах правильное понимание тех целей, которые ставит себе сознательный пролетариат, и тех средств, которые он выбирает для достижения своих целей.

Почему петербургские социал-демократы объявили полный бойкот Думы, полный отказ от участия во всяких выборах?

Потому, что Государственная дума есть фальшивая Дума. Это — подделка народного представительства. Это — не народная, а полицейская и помещичья Дума. Выборы назначены не поровну от всех, а подстроены так, чтобы помещики и крупные капиталисты имели полный перевес над рабочими и крестьянами. Из всего рабочего класса три четверти совсем лишены права выборов, а остальную четверть приглашают выбирать с просевкой депутатов через три сита, чтобы сначала выбирали уполномоченных, а уполномоченные выборщиков, а выборщики (числом всего 24) должны вместе с помещиками и капиталистами (числом более ста) выбирать членов Думы.

Еще грубее издевается правительство над крестьянами. Депутатов от крестьян просеивают через четыре сита: сначала выбирают десятидворных по волостям (да и то крестьянская беднота, не имеющая домов и земли, исключена из этих выборов); потом десятидворные выбирают уполномоченных; уполномоченные выбирают выборщиков; выборщики выбирают членов Думы и притом так, что из всего числа выборщиков по губерниям крестьяне большей частью остаются в меньшинстве.

Для чего устроена эта просевка через три и четыре сита? Для того, чтобы рабочие и крестьяне не могли провести в Думу своих настоящих выборных. Для того, чтобы не могли попасть в Думу люди, стоящие за рабочих и крестьян. Для того, чтобы народными представителями могла назвать себя кучка черносотенных помещиков и капиталистов, грабящих при помощи полиции весь рабочий народ.

Рабочие и крестьяне! Не верьте полицейской и помещичьей Думе. Не народных представителей созывают туда, а врагов народа для лучшего сговора против рабочих и против крестьян. Посмотрите вокруг себя: разве могут рабочие и крестьяне свободно выбирать своих настоящих представителей, депутатов в Думу? Разве не хватает полицейское правительство без суда и следствия лучших рабочих и лучших крестьян? Расстрелы и экзекуции крестьян, боровшихся за народное дело, идут по всей России. Вся Россия отдана на поток и разграбление

шайке прогоревших дворянчиков в военных мундирах. Все обещания свободы, которые мы слышали от правительства, растоптаны ногами насильников. Все тюрьмы переполнены борцами за свободу народа.

Правительство хочет обмануть народ, создав фальшивую Думу. Правительство хочет при помощи помещичьей Думы ваять еще денег на угнетение народа, на войну против собственного народа, против крестьян и рабочих. Правительство хочет заманить нас в полицейскую ловушку, чтобы мы согласились участвовать в этом обмане, который называется выборами в Думу.

Сознательные рабочие не идут в эту полицейскую ловушку. Без всяких выборов мы прямо должны заявить правительству и всему народу, что мы не участвуем в комедии. Мы не допустим обмана. Мы разоблачим перед всеми полицейскую ложь. Мы предостерегаем тех рабочих и тех крестьян, которые не разгадали еще обмана и ждут добра народу от Думы: если они попробуют все-таки участвовать в выборах, они увидят, что не рабочие и крестьянские депутаты, а капиталисты и помещики, угодные полиции, попадают в Думу. Мы зовем всех рабочих и всех крестьян, всех честных людей на борьбу против полицейского обмана.

Мы боремся попрежнему за настоящее собрание настоящих народных представителей. Такое собрание должно быть выбрано свободно, всеми поровну, без всякой привилегии помещикам и богатым людям, без всякой помехи со стороны начальства и полиции. Только свободно избранное всенародное учредительное собрание может быть настоящей, а не фальшивой Думой. Только такое собрание может завести лучшие порядки на Руси, дать облегчение жизни рабочим, дать землю крестьянам, дать волю всему народу.

17 октября рабочие своей борьбой вырвали у правительства обещание свободы. Правительство нарушило все свои обещания. Рабочие будут бороться теперь еще дружнее, еще упорнее за свободу народа. Рабочие не падают духом от временных поражений. Рабочие знают, что борьба за свободу трудна и тяжела, но дело свободы есть дело всего народа. Дело свободы победит, борьба разгорится еще шире. Рабочие оправятся от нанесенных им поражений. Они сплотятся дружнее и теснее против пра-

вительства. Они скопят новые силы. Они разъяснят еще более широким массам крестьян все обманы правительства и необходимость борьбы с ним. Рабочие поднимутся вместе с крестьянами и свергнут правительство полицейских насильников, которые надругаются над народом.

Долой фальшивую, полицейскую и помещичью, Думу!
Да здравствует свободно избранное всенародное учредительное собрание!

*Написано в феврале, после 11 (24),
1906 г.*

*Напечатано в феврале 1906 г.
отдельной листовкой Объединенного
ЦК РСДРП*

*Печатается по рукописи, сверенной
с текстом листовки*

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП О ТАКТИКЕ БОЙКОТА ⁴²

Принимая во внимание, что:

1) Государственная дума, созываемая на основании законов 6 августа — 11 декабря, является самой грубой подделкой народного представительства, ибо огромное большинство пролетариата и крестьянства фактически устранено от участия в Думе, благодаря не всеобщему избирательному праву и просеиванию выборщиков от рабочих и крестьян через три и четыре сита;

2) путем искусственного подбора состава выборщиков и создания ряда привилегий в пользу богатых помещиков и крупных капиталистов правительство старается обеспечить полное преобладание в Думе представителей не только эксплуататорских классов, а именно черносотенных элементов этих классов;

3) правительство самым бесстыдным образом подтасовывает даже такие узкие сословно-ограниченные выборы, не допуская никакой свободы агитации, вводя всюду военное положение и полный произвол полиции, преследуя вопреки всяким законам и без всякого суда не только представителей революционных и социалистических партий, но даже партии монархической либеральной буржуазии (конституционалистов-демократов и др.);

4) правительство отменяет теперь даже свой закон о одновременности выборов, чтобы искусственно назначить в разных местностях самые удобные для него моменты и прогнать самые выборы с такой быстротой, при которой невозможно бы было никакое общение выбранных с населением;

5) самодержавное правительство рассчитывает посредством созыва Думы повлиять на русское и, особенно, заграничное общественное мнение в целях отсрочки своей неминуемой гибели и получения новых миллионных займов для подавления революции и дальнейшего угнетения народа;

6) закон 20 февраля⁴³, превращающий Государственный совет в верхнюю палату, еще более ухудшает положение о Думе, стараясь окончательно свести ее на роль бессильного совещательного придатка к самодержавной бюрократии;

7) участие в подобной Думе при таких политических условиях признается невозможным подавляющим большинством социал-демократических партий и организаций всех наций в стране;

8) участие социал-демократов в выборах в Государственную думу на той или иной стадии способно поддержать в народе неправильное представление насчет возможности сколько-нибудь правильных выборов для партий, отстаивающих интересы широких масс народа;

9) участие в выборах способно перенести центр тяжести внимания пролетариата от идущих помимо Думы революционных движений рабочих, крестьян, солдат и т. д. на частичку псевдо-легальной, лжеконституционной выборной кампании и еще более понизить пониженное временно настроение рабочего класса, создавая впечатление, будто революционный период борьбы закончен, вопрос о восстановлении снят с очереди, и партия становится на конституционный путь;

10) выборы в Государственную думу предполагают такие условия, которые требуют от партии сохранения легальности и спокойствия, и наше участие в этих выборах, таким образом, вредно отзовется на насущной революционной задаче — усилении активных действий против правительства именно во время выборов и созыва Думы;

11) партия социал-демократов не может, в целях практического воспитания наименее развитых масс, идти с ними на выборы, ибо такие малоразвитые массы хотят идти до самой Думы и идти путем законным, а партия, не подчиняясь законам, вызвала бы лишь естественное недоверие таких масс и помешала бы им искренно и последовательно воспринять уроки думской кампании;

12) уполномоченные и выборщики от рабочих, ввиду искусственно подобранного полицейским путем состава их избирателей, ввиду краткосрочности и узкого характера их полномочий, ввиду указанной выше обстановки выборов, не могут ничего дать для действительно революционной организации широких слоев рабочего класса;

13) путем ухода с губернских избирательных собраний той части выборщиков, которую, в лучшем случае, могла бы увлечь за собою социал-демократия, сорвать Думы нельзя;

14) сознательные представители пролетариата наиболее угнетенных национальностей России (социал-демократия польская, еврейская, латышская, литовская) решительно отвергают всякое участие в комедиантских выборах и со всей энергией борются против их устроителей;

15) общественное мнение всех боевых элементов буржуазной демократии и крестьянства (Крестьянский союз, учительский союз, Союз союзов, партия социалистов-революционеров, польская партия социалистическая, польская прогрессивная партия и т. д.) отвергает и Думу и выборы в нее.

Принимая все это во внимание, мы, собрание представителей петербургских рабочих, принадлежащих к РСДРП, признаем необходимым:

1) отказаться безусловно от всякого участия в Государственной думе;

2) отказаться безусловно от всяких выборов в Государственную думу на какой бы то ни было стадии;

3) развить возможно более широкую агитацию в народе, разъясняя подлинный характер Думы, рассеивая обман, в который вводят общественное мнение России и Европы, и показывая неизбежность разочарования той части крестьян, которая ждет добра от Думы;

4) использовать всячески, легально и нелегально, всякие связанные с выборами собрания для изложения взглядов социал-демократов вообще, для критики Думы в частности, для призыва к борьбе за революционный союз всенародного учредительного собрания в особенности;

5) противопоставляя борьбе посредством Думы революционные методы борьбы за свободу, обратить усиленное внимание при этой агитации на ознакомление рабочих и всего народа с опытом декабрьского восстания, знаме-

нующего начало высшей стадии революционной борьбы за действительную народную свободу;

6) обратить усиленное внимание при этой агитации по поводу Думы на глубокий экономический и финансовый кризис, на крайнее усиление эксплуатации рабочих реакционными капиталистами, на обострение безработицы в городах и голода в деревне, на предстоящее весной крестьянское движение, на факты брожения в войсках, как на обстоятельства, делающие чрезвычайно вероятным в недалеком будущем новый народный взрыв, который сметет Государственную думу либо до ее созыва, либо после него, когда население окончательно разочаруется в ней;

7) использовать эту агитацию, между прочим, и для того, чтобы клеймить тех трусливых представителей либерально-монархической буржуазии (вроде к.-д.), которые развращают гражданское самосознание населения, проповедуя конституционные иллюзии в момент обостренной гражданской войны, рекомендуя Думу и участие в ней, отрицая применение насилия в защиту свободы и прав громадного большинства народа в такое время, когда лишь диким насилием держатся вооруженные шайки, называющие себя правительством.

*Написано в конце февраля — начале
марта 1906 г.*

*Напечатано в марте 1906 г.
отдельной листовкой Объединенного
ПК РСДРП*

Печатается по тексту листовки

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА

I

Какое положение демократической революции в России: разбита ли она или мы переживаем лишь временное затишье? Было ли декабрьское восстание кульминационным пунктом революции и мы катимся теперь неудержимо к «шиповско-конституционному» режиму?⁴⁴ Или революционное движение в общем и целом идет не на убыль, а продолжает подниматься, подготавливая новый взрыв, копя в затишьи новые силы, обещая за первым неудачным восстанием второе, имеющее несравненно больше шансов на успех?

Таковы коренные вопросы, которые стоят теперь перед социал-демократами России. Оставаясь верными марксизму, мы не можем и не должны уклоняться посредством общих фраз от анализа объективных условий, учет которых в последнем счете решает окончательно эти вопросы. А от решения их зависит вся тактика социал-демократии, и наши споры, например, о бойкоте Думы (подходящие, впрочем, уже к концу, ибо большинство организаций РСДРП высказалось за бойкот), являются лишь маленькой-маленькой частичкой этих больших вопросов.

Мы сказали сейчас, что марксисту неприлично общими фразами отделяться от этих вопросов. Такими общими фразами являются хотя бы ссылки на то, что мы никогда не понимали революции в смысле одних «рогатин и вил», что мы были революционерами и тогда, когда не выдвигали непосредственного призыва к восстанию, что мы останемся революционерами и в парламентский период, когда он наступит, и т. п. Такие речи были бы жалкими увертками, подменом конкретного историче-

ского вопроса абстрактными соображениями, которые ровно ничего не выясняют и служат лишь прикрытием бедности или политической растерянности. Чтобы подтвердить нашу мысль примером, сошлемся на отношение Маркса к немецкой революции 1848 года. Такая ссылка тем более может быть полезна, что у нас наблюдается ряд признаков такого же и даже еще более резкого разделения буржуазии на реакционную и революционную, — разделения, отсутствовавшего, напр., в великой французской революции. В сущности говоря, и поставленные нами выше коренные вопросы о положении русской революции можно формулировать, применительно к аналогии с Германией (разумеется, в том условном и ограниченном смысле, в каком только и допустима вообще историческая аналогия), такими словами: 1847 или 1849 год? Переживаем ли мы (как Германия в 1847 году, когда созывалась и была созвана немецкая госуд. дума, так назыв. соединенный ландтаг) концы высшего подъема революции, или мы переживаем (как Германия в 1849 году) концы окончательного истощения революции и начало серых будней куцей конституции?

Маркс именно в течение 1850 года ставил этот вопрос, разрешал его и разрешил, наконец, не уверткой, а прямым ответом, выведенным из анализа объективных условий. В 1849 году революция была подавлена, ряд восстаний окончился неудачей, фактически завоеванная народом свобода была отобрана, реакция свирепствовала против «революционеров». Открытое политическое выступление «Союза коммунистов» (тогдашней социал-демократической организации, фактически руководимой Марксом) стало невозможным. «Повсюду выступала потребность — говорит обращение ЦК союза к членам его в июне 1850 г. — в сильной тайной (курсив веаде наш) организации революционной партии по всей Германии». ЦК посылает из-за границы эмиссара в Германию, который сосредоточивает «все пригодные силы в руках союза». Маркс пишет («Обращение» от марта 1850 г.) о вероятности нового подъема, новой революции, советует рабочим самостоятельно организоваться, настаивает в особенности на необходимости вооружения всего пролетариата, на образовании пролетарской гвардии, на необходимости «расстраивать силой всякую попытку разоружения». Маркс требует образования

«революционных рабочих правительств» и обсуждает поведение пролетариата «во время и после предстоящего восстания». Маркс ставит в образец германской демократии яacobинскую Францию 1793 года (см. «Кельнский процесс коммунистов», русск. пер., стр. 115 и др.)⁴⁶.

Проходит полгода. Ожидаемый подъем не наступает. Усилия союза не увенчиваются успехом. «Подъем революции — писал Энгельс в 1885 г. — в течение 1850 года становился все менее вероятным, даже невозможным»⁴⁶. Промышленный кризис 1847 года миновал. Наступало процветание промышленности. И, вот, учтя объективные условия, Маркс резко и определенно ставит вопрос. Осенью 1850 года он заявляет категорически, что теперь, при таком пышном развитии производительных сил буржуазного общества — *«о действительной революции не может быть и речи»*⁴⁷.

Как видит читатель, Маркс не уваливает от трудного вопроса. Он не играет со словом революция, не подменяет насущного политического вопроса пустыми абстракциями. Он не забывает, что революция вообще идет во всяком случае вперед, ибо идет развитие буржуазного общества, а говорит прямо о невозможности демократической революции в непосредственном и узком значении слова. Маркс решает трудный вопрос, не ссылаясь на «настроение» упадка и усталости в тех или иных слоях пролетариата (как делают нередко впадающие в хвостам социал-демократы). Нет, пока у него не было других данных, кроме факта пониженного настроения (в марте 1850 г.), он продолжал звать к вооружению и восстанию, готовить его, не понижая своим скептицизмом и растерянностью настроения рабочих. Лишь тогда, когда Маркс показал неизбежность «истощения» «действительной революции», — лишь тогда он переменял взгляд. И, переменяв взгляд, Маркс прямо и открыто потребовал коренной перемены тактики, полного прекращения подготовки восстания, ибо такая подготовка могла быть тогда лишь игрой. Лозунг восстания был прямо снят с очереди. Прямо и определенно признано было, что «форма движения изменилась».

Этот пример Маркса мы должны всегда иметь перед глазами в теперешний трудный момент. К вопросу о возможности «действительной революции», в ближайшем

будущем, об основной «форме движения», о восстании и его подготовке мы должны отнестись с величайшей серьезностью, но борющаяся политическая партия обязана решить этот вопрос прямо и определенно, без уверток, без отговорок, без всяких недомолвок. Партия, которая не сумела бы составить себе ясного ответа на такой вопрос, не заслуживала бы названия партии.

II

Итак, какие же объективные данные имеются у нас для решения этого вопроса? В пользу мнения о полном истощении непосредственно революционной «формы движения», о невозможности нового восстания, о вступлении России в эру убогого буржуазного квази-конституционализма говорит целый ряд лежащих, так сказать, на поверхности и бросающихся всем в глаза фактов. Поворот в буржуазии несомненен. Помещик отошел от кадетов и ушел в Союз 17-го октября. Правительство даровало уже двухпалатную «конституцию». При помощи военных положений, экзекуций и арестов создается возможность созыва поддельной Думы. Городское восстание подавлено, и всеннее движение крестьян может оказаться одиноким, бессильным. Распродажа помещичьих земель идет, а, следовательно, усиливается слой буржуазного, «спокойного» крестьянства. Понижение настроения после подавленного восстания есть налицо. Наконец, нельзя забывать и того, что предсказывать поражение революции вообще легче и дешевле, так сказать, чем предсказывать ее подъем, ибо сейчас власть на стороне реакции, и «большой частью» до сих пор революции кончались... неоконченными.

Каковы данные в пользу обратного мнения? Предоставим по этому вопросу слово К. Каутскому, трезвость взглядов которого и умение самым спокойным, деловым и тщательным образом обсуждать злободневные и острые политические вопросы известны всем марксистам. Каутский высказал свой взгляд вскоре после подавления московского восстания в статье: «Шансы русской революции». Статья эта появилась в русском переводе, — конечно, не без цензурных искажений (вроде тех, от которых пострадал и русский перевод другой превосходной работы Каутского: «Аграрный вопрос в России»).

Каутский не увиливает от трудного вопроса. Он не пытается отделаться пустыми фразами о непобедимости революции вообще, о всегдашней и постоянной революционности класса пролетариев и т. п. Нет, он в упор ставит конкретный исторический вопрос о шансах современной, теперешней демократической революции в России. Он начинает свою статью без обиняков с того, что из России с начала 1906 г. приходят почти только одни печальные вести, которые *«могли бы вызвать мнение, что революция эта окончательно подавлена и находится при последнем издыхании»*. Не только реакционеры ликуют по этому поводу, но и русские либералы, говорит Каутский, осыпая этих последних героев «купона» вполне заслуженными ими презрительными выражениями (Каутский не уверовал еще, как видно, в плехановскую теорию, будто русские социал-демократы должны «дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий»).

И вот Каутский подробно разбирает это естественно напрашивающееся мнение. Внешнее сходство декабрьского поражения рабочих в Москве с июньским (1848 г.) поражением рабочих в Париже несомненно. И там и здесь вооруженное восстание рабочих было «провоцировано» правительством в такой момент, когда рабочий класс был еще недостаточно организован. И там и здесь, несмотря на геройское сопротивление рабочих, реакция победила. Что же выводит отсюда Каутский? Не заключает ли он, по образцу педантских назиданий Плеханова, что не нужно было и браться за оружие? Нет, Каутский не спешит перейти к близорукому и дешевенькому морализированию задним числом. Он *исследует* объективные данные, способные решить вопрос, является ли русская революция окончательно подавленной.

Четыре коренных различия усматривает Каутский между парижским (1848 г.) и московским (1905 г.) поражением пролетариата. Во-первых, поражение Парижа было поражением всей Франции. Ничего подобного нельзя сказать про Москву. Рабочие Петербурга, Киева, Одессы, Варшавы, Лодзи не разбиты. Они истощены страшно тяжелой, целый год уже тянувшейся, борьбой, но их мужество не сломлено. Они собираются с силами, чтобы снова начать борьбу за свободу.

Во-вторых, еще более существенное различие состоит в том, что крестьяне в 1848 г. во Франции были на стороне реакции, а в 1905 г. в России стоят на стороне революции. Идут крестьянские восстания. Целые армии заняты их подавлением. Эти армии опустошают страну, как только Германия была опустошена в 30-тилетнюю войну. Военные экзекуции на время запугивают крестьян, но они только усиливают их нищету, усиливают безвыходность их положения. Они неизбежно будут порождать, подобно опустошениям 30-тилетней войны, новые и новые массы людей, которые вынуждены будут объявить войну существующему порядку, которые не дадут водворить спокойствие в стране и будут примыкать ко всякому восстанию.

Третье, чрезвычайно важное, различие есть следующее. Революция 1848 г. была подготовлена кризисом и голодовкой 1847 г. Реакция опиралась на окончание кризиса и процветание промышленности. «Теперешний режим террора в России неизбежно должен вести, наоборот, к обострению того экономического кризиса, который годами тяготеет на всей стране». Голод 1905 года скажется еще в ближайшие месяцы во всех своих последствиях. Подавление революции есть величайшая гражданская война, война против целого народа. Эта война стоит не меньше внешней войны, причем разоряет она не чужую, а собственную страну. Надвигается финансовый крах. А кроме того новые торговые договоры грозят особенным потрясением для России и могут вызвать даже всемирный экономический кризис. Таким образом, чем дольше продержится реакционный террор, тем отчаяннее будет экономическое положение страны, тем более сильным будет возмущение против ненавистного режима. «Такая ситуация, — говорит Каутский, — делает непреодолимым всякое сильное движение против царизма. И в таком движении не будет недостатка. Об этом позаботится российский пролетариат, который дал уже столько великих доказательств своего героизма и своей самоотверженности».

Четвертое различие, указываемое Каутским, представляет для русских марксистов особый интерес. У нас очень распространено теперь, к сожалению, какое-то беззубое, чисто-кадетское в сущности, хихиканье по поводу «браунингов» и «боевых дружин». Сказать, что восстание невозможно и нечего больше его готовить, ни у кого

нехватает мужества и прямоты, образец которых дал Маркс. Но похихикать насчет военных действий революционеров мы очень любим. Мы называем себя марксистами, но от анализа *военной* стороны восстания (которой всегда придавали серьезное значение Маркс и Энгельс⁴⁸) мы предпочитаем увертываться, заявляя с неподражаемо-величественным доктринерством: «не нужно было братья за оружие...». Каутский поступает иначе. Как ни мало еще у него было данных о восстании, все же он старается вдуматься и в военную сторону вопроса. Он старается оценить движение, как новую, выработанную массами, форму борьбы, а не так, как оценивают сражения наши революционные Куропаткины: дескать, коли дают, так бери; коли бьют, так беги; коли побили, значит нечего было и братья за оружие!

«И парижская июньская битва — говорит Каутский — и московская декабрьская были баррикадными сражениями. Но первая была катастрофой, была концом старой баррикадной тактики. Вторая была началом новой баррикадной тактики. И постольку мы должны пересмотреть тот взгляд, который изложил Энгельс в своем предисловии к «Классовой борьбе» Маркса, именно взгляд, будто эпоха баррикадных сражений окончательно миновала⁴⁹. Миновала на самом деле только эпоха *старой* баррикадной тактики. Вот что доказало московское сражение, когда кучке повстанцев удалось, в течение 2-х недель, держаться против превосходных боевых сил, снабженных всеми орудиями современной артиллерии».

Так говорит Каутский. Он не поет отходной восстанию на основании неудачи первой попытки. Он не брюзжит по поводу неудачи, а *исследует* зарождение и рост новой, высшей формы борьбы, разбирает значение дезорганизации и недовольства в войске, помощи рабочим со стороны городского населения, сочетания массовой стачки с восстанием. Он исследует, как пролетариат *учится* восстанию. Он пересматривает устаревшие военные теории, приглашая тем самым к переработке и восприятию всей партией опыта Москвы. Он смотрит на все движение, как на переход от стачки к восстанию, стараясь понять, каким образом надо рабочим сочетать то и другое для достижения успеха.

Каутский кончает свою статью словами: «Таковы уроки Москвы. Поскольку окажут они влияние на формы будущей борьбы, этого в настоящее время отсюда (т. е. из Германии) предвидеть невозможно. В самом деле, до сих пор мы видели во всех прежних проявлениях русской

революции стихийные взрывы неорганизованных масс, ни одно из этих проявлений не было наперед намечено по плану и подготовлено. Вероятно, в течение известного времени, так будет и впредь.

Но если в настоящее время нельзя еще определенно предсказать грядущих форм борьбы, то все признаки свидетельствуют о том, что мы необходимо должны ждать дальнейших битв, что теперешнее мрачное (унхеймлихе) спокойствие есть лишь затишье перед бурей. Октябрьское движение показало массам в городах и деревнях, какую силу в состоянии они развернуть. Январская реакция столкнула их затем в пропасть, полную мучений. В этой пропасти все возбуждает их, толкает к возмущению, и нет такой цены, которую бы они сочли слишком дорогой для избавления из этой пропасти. Скоро поднимутся массы опять, скоро выступят они еще более могучими! Пусть контрреволюция празднует свое торжество над трупами героев борьбы за свободу: близится уже конец этого торжества, поднимается красная заря, грядет *пролетарская революция*.

III

Очерченный нами вопрос есть коренной вопрос всей социал-демократической тактики. Предстоящий партийный съезд должен в первую голову вырешить этот вопрос самым ясным и недвусмысленным образом, и все члены партии, все сознательные рабочие должны немедленно напрячь все свои силы для того, чтобы собрать всесторонний материал для решения вопроса, обсудить его и послать на съезд делегатов, вполне подготовленных к их серьезной и ответственной задаче.

Выборы на съезд должны происходить на основании полного выяснения тактических платформ. И, в сущности, тот или иной последовательный и цельный ответ на поставленный вопрос предрешает все частности социал-демократической тактической платформы.

Или — или.

Или мы признаем, что в настоящее время «о действительной революции не может быть и речи». Тогда мы должны прямо и самым решительным образом во всеуслышание заявить это, чтобы не вводить в заблуждение ни самих

себя, ни пролетариат, ни народ. Тогда мы должны безусловно отвергнуть, как *непосредственную* задачу пролетариата, доведение до конца демократической революции. Тогда мы обязаны совершенно снять с очереди вопрос о восстании, прекратить всякие работы по вооружению и организации боевых дружин, ибо играть в восстание недостойно рабочей партии. Тогда мы должны признать истощенными силы революционной демократии и поставить своей непосредственной задачей поддержку тех или иных слоев либеральной демократии, как реальной оппозиционной силы при конституционном режиме. Тогда мы должны рассматривать Государственную думу, как парламент, хотя бы и худой, участвовать не только в выборах, но и в самой Думе. Тогда мы должны на первый план выдвинуть легализацию партии, соответственное изменение партийной программы, приспособление к «законным» рамкам всей работы или, по крайней мере, отведение нелегальной работе минимального и подчиненного места. Тогда задачу организации профессиональных союзов мы можем признать такой же первостепенной партийной задачей, какой было в предыдущий исторический период вооруженное восстание. Тогда мы должны также снять с очереди и революционные лозунги крестьянского движения (вроде конфискации помещичьих земель), ибо такие лозунги суть практически лозунги восстания, а звать к восстанию, не готовясь к нему серьезно военным образом, не веря в него, было бы недостойной игрой в восстание. Тогда мы должны выбросить за борт всякие разговоры не только о временном революционном правительстве, но и о так наз. «революционном самоуправлении», ибо опыт показал, что учреждения, правильно или неправильно обозначаемые этим термином, фактически превращаются силою вещей в органы восстания, в зародыши революционного правительства.

Или мы признаем, что в настоящее время о действительной революции может и должна быть речь. Мы признаем новые и высшие формы непосредственно-революционной борьбы неизбежными или, по крайней мере, наиболее вероятными. Тогда главной политической задачей пролетариата, нервом всей его работы, душой всей его организационной *классовой* деятельности должно быть *доведение до конца демократической революции*. Всякие отговорки

от этой задачи были бы тогда лишь принижением понятия классовой борьбы до брентановского толкования ее⁵⁰, были бы превращением пролетариата в прихвостня либеральной монархической буржуазии. Тогда самой насущной и центральной политической задачей партии является подготовка сил и организация пролетариата к вооруженному восстанию, как высшей, достигнутой движением, формы борьбы. Тогда обязательно критически изучить в самых непосредственных практических целях весь опыт декабрьского восстания. Тогда надо удешевить усилия по организации боевых дружин и вооружению их. Тогда надо готовиться к восстанию и посредством партизанских боевых выступлений, ибо смешно было бы «готовить» посредством одних только записей и регистраций. Тогда надо считать гражданскую войну объявленной и продолжающейся, причем *вся* деятельность партии должна быть подчинена принципу: «коль война, так по-военному». Тогда воспитание кадров пролетариата для *наступательных* военных действий безусловно необходимо. Тогда бросание революционных лозунгов в крестьянскую массу логично и последовательно. Задача боевых соглашений с революционной и только революционной демократией выдвигается на первый план: основой деления буржуазной демократии берется именно вопрос о восстании. Кто за восстание, с теми пролетариат «вместе бьет», хотя и «врозь идет»; кто против восстания, с теми мы боремся беспощадно, или отталкиваем от себя, как презренных лицемеров и иезуитов (кадеты). Во всей агитации мы выдвигаем тогда в первую голову критику и разоблачение конституционных иллюзий с точки зрения открытой гражданской войны, выдвигаем обстоятельства и условия, неуклонно подготовляющие стихийные революционные взрывы. Думу мы признаем тогда не парламентом, а полицейской канцелярией, и отвергаем какое бы то ни было участие в комедиантских выборах, как развращающее и дезорганизующее пролетариат. В основу организации партии рабочего класса мы ставим тогда (как Маркс ставил в 1849-м году) «сильную тайную организацию», которая должна иметь особый аппарат «открытых выступлений», просовывать особые щупальцы во все легальные общества и учреждения, начиная с профессиональных рабочих союзов и кончая подзаконной печатью.

Коротко говоря: либо мы должны признать демократическую революцию оконченной, снять с очереди вопрос о восстании и стать на «конституционный» путь. Либо мы признаем демократическую революцию продолжающейся, ставим на первый план задачу завершения ее, развиваем и применяем на деле лозунг восстания, провозглашаем гражданскую войну и клеймим беспощадно всякие конституционные иллюзии.

Нам вряд ли есть надобность заявлять читателям, что мы высказываемся решительно за *последнее* решение вопроса, стоящего перед нашей партией. Прилагаемая тактическая платформа должна резюмировать и систематически изложить наши взгляды, которые мы будем проводить на съезде и в течение всей работы по подготовке съезда. Платформа эта должна быть рассматриваема не как нечто законченное, а как конспект выяснения тактических вопросов и первый набросок тех резолюций и постановлений, которые мы будем отстаивать на партийном съезде. Платформа эта обсуждалась на частных собраниях единомышленников из бывших «большевиков» (в том числе редакторы и сотрудники «Пролетария») и является плодом коллективной работы.

«Партийные Известия» № 2,
20 марта 1906 г.
Подпись: Б о л ь ш е в и к

Печатается по текстам
газеты «Партийные Известия»

**ТАКТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА
К ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМУ СЪЕЗДУ РСДРП**

**ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ
К ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМУ СЪЕЗДУ РСДРП⁶¹**

Предлагаемые читателю одиннадцать резолюций составлены группой единомышленников из бывших редакторов и сотрудников «Пролетария» и нескольких практиков. Это — не законченный проект, а набросок, который должен дать по возможности цельное представление о всей совокупности тактических взглядов известной части партии и облегчить систематическую дискуссию, открываемую теперь во всех кружках и организациях нашей партии по приглашению Объединенного Центрального Комитета.

Тактические резолюции приноровлены к предложенному в известном листке ОЦК порядку дня съезда⁵². Однако ограничиваться этим порядком дня члены партии отнюдь не обязаны. В интересах полного изложения всех тактических взглядов мы сочли безусловно необходимым добавить два вопроса, не вошедших в порядок дня ОЦК, именно «Современный момент демократической революции» и «Классовые задачи пролетариата в современный момент демократической революции». Без уяснения этих вопросов нельзя обсуждать более частные вопросы тактики. Мы предлагаем поэтому съезду поставить в свой порядок дня общий вопрос: «Современный момент демократической революции и классовые задачи пролетариата».

Что касается до аграрной программы и отношения к крестьянскому движению, то по этому вопросу необходима особая брошюра*. Кроме того ОЦК назначил особую комиссию, готовящую доклад съезду по этому вопросу⁵³.

Опубликовывая свои наброски резолюций, мы приглашаем всех членов партии принять участие в обсуждении,

* См. настоящий том, стр. 143—172. *Ред.*

исправлении и дополнении их. Письменные доклады и проекты можно направлять через организации нашей партии в Санкт-Петербургский комитет РСДРП для передачи в группу, выработавшую проекты резолюций.

СОВРЕМЕННЫЙ МОМЕНТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Принимая во внимание:

1) что при массовом уничтожении производительных сил и небывалом разорении народа экономический и финансовый кризис, переживаемый Россией, не только не ослабевает, а, напротив, расширяется и обостряется, порождая страшную безработицу в городах и голод в деревнях;

2) что хотя в среде крупнокапиталистического и помещичьего класса, напуганного революционной самостоятельностью народа, угрожающего его привилегиям и хищническим интересам, происходит резкий поворот от оппозиции к сделке с самодержавием в целях подавления революции, но зато требования действительного осуществления политической свободы и социально-экономических преобразований ширятся и крепнут в новых слоях мелкой буржуазии и крестьянства;

3) что теперешнее реакционное правительство, стремясь на деле к сохранению старого самодержавия, попирая все провозглашенные им свободы, давая лишь совещательный голос верхушкам имущих классов, грубо поддельвая народное представительство, вводя режим военных репрессий, зверских экзекуций и массовых казней по всей стране, усиливая до небывалых размеров полицейский и административный произвол, тем самым вызывает брожение и недовольство среди широких слоев буржуазии, озлобление и возмущение в массах пролетариата и крестьянства и готовит почву для нового, более широкого и острого политического кризиса;

4) что ход событий конца 1905 года — массовые стачки в городах, возмущение в деревнях и декабрьское вооруженное восстание, вызванное стремлением отстоять добытые народом и отобранные правительством свободы, а ватем беспощадное военное подавление освободительного движения — показали тщету конституционных иллюзий и открыли глаза широким массам народа на вред таких

иллюзий в эпоху, когда борьба за свободу достигла напряженности открытой гражданской войны;

Мы признаем и предлагаем съезду принять:

1) что демократическая революция в России не только не идет на убыль, а, напротив, идет к новому подъему, и теперешний период относительного затишья следует рассматривать не как поражение сил революции, а как период накопления революционной энергии, усвоения политического опыта пройденных стадий, вовлечения новых слоев народа в движение и, следовательно, подготовки нового еще более могучего революционного натиска;

2) что главной формой освободительного движения в настоящее время является не легальная борьба на квазиконституционной почве, а непосредственно-революционное движение широких народных масс, ломающих полицейско-крепостнические законы, творящих революционное право и разрушающих насильственным путем органы угнетения народа;

3) что интересы пролетариата, как передового класса современного общества, требуют беспощадной борьбы против тех конституционных иллюзий, которые распространяет либерально-монархическая буржуазия (партия конституционалистов-демократов в том числе), прикрывая этим свои узко-классовые интересы, и которые в период гражданской войны оказывают самое развращающее влияние на политическое самосознание народа.

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Принимая во внимание:

1) что вся история современной демократической революции в России показывает нам, в общем и целом, неуслонный подъем движения к все более массовым, охватывающим всю страну, решительным и наступательным формам борьбы против самодержавия;

2) что октябрьская политическая стачка, отбросив булыгинскую Думу, принудив самодержавное правительство к провозглашению начал политической свободы, показала гигантскую силу пролетариата и возможность единого всероссийского выступления его, даже при всех недостатках классовых организаций;

3) что мирная всеобщая стачка оказалась при дальнейшем росте движения недостаточной, а частное применение

ее — не достигающим цели и расстраивающим силы пролетариата;

4) что все революционное движение с стихийной силой привело затем к декабрьскому вооруженному восстанию, когда не только пролетариат, но и новые силы городской бедноты и крестьянства брались за оружие, чтобы отстоять завоеванные народом свободы от посягательства реакционного правительства;

5) что декабрьское восстание выдвинуло новую баррикадную тактику и доказало вообще возможность открытой вооруженной борьбы народа даже против современного войска;

6) что в народных массах, благодаря введению, несмотря на конституционные обещания, военно-полицейской диктатуры, зреет сознание необходимости бороться за реальную власть, овладеть которой революционный народ может лишь в открытой борьбе с силами самодержавия;

7) что самодержавие ослабляет и деморализует свои военные силы, употребляя их на покорение вооруженной рукой того населения, частью которого они являются, не выполняя назревших и требуемых всеми честными элементами армии реформ в военном деле, не принимая мер к облегчению отчаянного положения запасных и отвечая лишь усилением полицейско-казарменных строгостей на требование солдат и матросов;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что вооруженное восстание является в настоящее время не только необходимым средством борьбы за свободу, но уже фактически достигнутой ступенью движения, которая, в силу нарастания и обострения нового политического кризиса, открывает переход от оборонительных к наступательным формам вооруженной борьбы;

2) что всеобщая политическая стачка должна быть рассматриваема в данный момент движения не столько как самостоятельное средство борьбы, сколько как подсобное по отношению к восстанию; что, следовательно, выбор момента для такой стачки, выбор местности и областей труда, которые она должна охватить, желательно подчинить моменту и условиям главной формы борьбы, вооруженного восстания;

3) что в пропагандистской и агитационной работе партии должно быть обращено усиленное внимание на изучение практического опыта декабрьского восстания, на военную

критику его и извлечение непосредственных уроков для будущего;

4) что следует развить еще более энергичную деятельность по увеличению числа боевых дружин, улучшению организации их и снабжению их всякого рода оружием, причем, согласно указаниям опыта, следует организовать не только партийные боевые дружины, но также примыкающие к партии и совсем беспартийные;

5) что необходимо усилить работу в войсках, имея при этом в виду, что для успеха движения недостаточно одного брожения в войсках, а необходимо прямое соглашение с организованными, революционно-демократическими элементами войска, в целях самых решительных наступательных действий против правительства;

6) что ввиду нарастающего крестьянского движения, которое может в самом ближайшем будущем вспыхнуть в целое восстание, желательно направить усилия на объединение действий рабочих и крестьян для организации по возможности совместных и одновременных боевых выступлений.

ПАРТИЗАНСКИЕ БОЕВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Принимая во внимание:

1) что со времени декабрьского восстания почти нигде в России не наступило полного прекращения военных действий, которые выражаются теперь со стороны революционного народа в отдельных партизанских нападениях на неприятеля;

2) что такие партизанские действия, неизбежные при наличности двух враждебных вооруженных сил и при разгуле временно-восторжествовавшей военной репрессии, в то же время служат к дезорганизации неприятеля и готовят грядущие открытые и массовые вооруженные действия;

3) что подобные выступления являются также необходимыми для боевого воспитания и военного обучения наших боевых дружин, оказавшихся во время декабрьского восстания во многих местностях практически неподготовленными к новому для них делу;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что партия должна признать партизанские боевые выступления дружин, входящих в нее или примыкающих

к ней, принципиально допустимыми и целесообразными в настоящий период;

2) что партизанские боевые выступления должны быть сообразованы по своему характеру с задачей воспитывать кадры руководителей рабочих масс во время восстания и выработать опыт наступательных и внезапных военных действий;

3) что главной непосредственной задачей таких выступлений следует признать разрушение правительственного, полицейского и военного аппаратов и беспощадную борьбу с активно-черносотенными организациями, прибегающими к насилию над населением и к запугиванию его;

4) что допустимы также боевые выступления для захвата денежных средств, принадлежащих неприятелю, т. е. самодержавному правительству, и для обращения этих средств на нужды восстания, причем необходимо обратить серьезное внимание на то, чтобы интересы населения были возможно менее нарушаемы;

5) что партизанские боевые выступления должны производиться под контролем партии и притом так, чтобы силы пролетариата не растрачивались понапрасну, и чтобы при этом принимались во внимание условия рабочего движения данной местности и настроение широких масс.

ВРЕМЕННОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Принимая во внимание:

1) что революционное движение против самодержавного правительства, переходя в вооруженную борьбу, принимало до сих пор форму разрозненных местных восстаний;

2) что в этой открытой борьбе элементы местного населения, способные решительно выступать против старой власти (почти исключительно пролетариат и передовые слои мелкой буржуазии), приведены были к необходимости создавать такие организации, которые фактически являлись зачатками новой революционной власти, — Советы рабочих депутатов в Петербурге, Москве и других городах, Советы солдатских депутатов во Владивостоке, Красноярске и пр., железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ., городские революционные комитеты в Новороссийске и других

городах и, наконец, выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском крае;

3) что в соответствии с первоначальной, зачаточной формой восстания эти органы его были столь же разрозненны, случайны, нерешительны в своих действиях и не опирались на организованную вооруженную силу революции, — а потому неизбежно были обречены на гибель при первых же наступательных действиях контрреволюционных армий;

4) что только временное революционное правительство, как орган победоносного восстания, в состоянии сломить всякое сопротивление реакции, обеспечить полную свободу предвыборной агитации, созвать на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования учредительное собрание, способное на деле осуществить самодержавие народа и провести в жизнь минимум социально-экономических требований пролетариата;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что перед пролетариатом, в интересах доведения революции до конца, выдвигается теперь настоятельная задача способствовать, совместно с революционной демократией, объединению восстания и созданию объединяющего органа этого восстания в виде временного революционного правительства;

2) что одним из условий успешного выполнения задачи революционного правительства является создание органов местного революционного самоуправления во всех городах и общинах, примыкающих к восстанию, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования;

3) что участие уполномоченных нашей партии во временном революционном правительстве совместно с революционной буржуазной демократией допустимо в зависимости от соотношения сил и должно быть обусловлено формально контролем партии над ее уполномоченными, а, по существу дела, отстаиванием самостоятельных интересов рабочего класса и неуклонным охранением независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

4) что независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления

на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Принимая во внимание:

1) что Советы рабочих депутатов стихийно возникают на почве массовых политических стачек, как беспартийные организации широких рабочих масс;

2) что эти Советы неизбежно изменяются в ходе борьбы, как по своему составу, включая в себя наиболее революционные элементы мелкой буржуазии, так и по содержанию своей деятельности, превращаясь из чисто стачечных организаций в органы общереволюционной борьбы;

3) что, поскольку эти Советы являются зачатками революционной власти, их сила и значение зависят всецело от силы и успеха восстания;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что в беспартийных Советах рабочих депутатов Российская социал-демократическая рабочая партия должна участвовать, образуя непременно возможно более сильные группы членов партии внутри каждого Совета и направляя деятельность этих групп в строгой связи с общей деятельностью партии;

2) что создание таких организаций, в целях расширения и углубления влияния социал-демократии на пролетариат и пролетариата на ход и исход демократической революции, может быть, при известных условиях, задачей местных организаций нашей партии;

3) что к участию в беспартийных Советах рабочих депутатов должно привлекать возможно более широкие слои рабочих, а также представителей революционной демократии, особенно из крестьян, солдат и матросов;

4) что при расширении деятельности и сферы влияния Советов рабочих депутатов необходимо указывать на то, что такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей (т. е. не превращаясь во временные революционные правительства), неизбежно осуждены на падение; поэтому вооружение народа и укрепление военной организации пролетариата должно быть рассматриваемо, как одна из главных задач таких учреждений во всякий революционный момент.

ОТНОШЕНИЕ К БУРЖУАЗНЫМ ПАРТИЯМ

Принимая во внимание:

1) что социал-демократия всегда признавала необходимость поддержки всякого оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России общественного и политического порядка;

2) что в настоящее время, когда революция вызывает открытое выступление различных классов и на этой почве начинают складываться политические партии, настоящей задачей социал-демократии является определить их классовое содержание, учесть взаимоотношение классов в данный момент и, в соответствии с этим, определить свое отношение к различным партиям;

3) что главной задачей рабочего класса в переживаемый момент демократической революции является доведение ее до конца, и поэтому социал-демократия, определяя свое отношение к другим партиям, должна в особенности принимать во внимание, насколько та или иная партия способна активно содействовать этой цели;

4) что с этой точки зрения все существующие в России не социал-демократические партии (за вычетом реакционных) распадаются на две основные группы: партии либерально-монархические и партии революционно-демократические;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что правое крыло либерально-монархических партий (союз 17-го октября, партия правового порядка, торгово-промышленная партия и т. д.) представляет из себя классовые организации помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, явно контрреволюционные, но еще не заключившие окончательной сделки о дележе власти с самодержавной бюрократией; что партия пролетариата, используя в своих целях этот не закончившийся еще конфликт, должна вместе с тем вести с такими партиями самую беспощадную борьбу;

2) что либерально-монархические партии левого крыла (партия демократических реформ, конституционалисты-демократы и т. п.), не будучи определенными классовыми организациями, постоянно колеблются между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной, между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности, и не выходят в

своих стремлениях за пределы упорядоченного буржуазного общества, защищенного монархией и двухпалатной системой от посягательства пролетариата; социал-демократия должна использовать, в интересах политического воспитания народа, деятельность этих партий, противопоставляя их лицемерно-демократической фразеологии последовательный демократизм пролетариата и беспощадно разоблачая распространяемые ими конституционные иллюзии;

3) что революционно-демократические партии и организации (партия социалистов-революционеров, Крестьянский союз, части полупрофессиональных союзов и полуполитических союзов и т. п.) наиболее близко выражают интересы и точку зрения широких масс крестьянства и мелкой буржуазии, решительно выступая против помещичьего землевладения и крепостнического государства, стремясь последовательно проводить демократизм и облекая свои, в сущности буржуазно-демократические, задачи более или менее туманной социалистической идеологией; социал-демократия признает возможность и необходимость боевых соглашений с такими партиями, неуклонно разоблачая в то же время их псевдо-социалистический характер и борясь с их стремлением затушевать классовую противоположность между пролетариатом и мелким хозяйчиком;

4) что ближайшей политической целью таких временных боевых соглашений между социал-демократией и революционной демократией является созыв революционным путем всенародного, обладающего полнотой власти, учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования;

5) что временные боевые соглашения возможны и целесообразны в данный момент лишь с элементами, признающими вооруженное восстание, как средство борьбы, и активно содействующими ему.

ОТНОШЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ

Принимая во внимание:

1) что в ходе революции пролетариат всех национальностей России все более и более сплачивается общей борьбой;

2) что эта общая борьба ведет к все большему сближению различных национальных социал-демократических партий России;

3) что во многих городах образуются уже, вместо прежних федеративных, слитные комитеты всех национальных социал-демократических организаций данной местности;

4) что большинство национальных социал-демократических партий не настаивает уже в настоящее время на принципе федерации, справедливо отвергнутом II съездом Российской социал-демократической рабочей партии;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что необходимо принять самые энергичные меры к скорейшему слиянию всех национальных социал-демократических партий России в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию;

2) что основой объединения должно быть полное слияние всех социал-демократических организаций каждой местности;

3) что партия должна фактически обеспечить удовлетворение всех партийных интересов и нужд социал-демократического пролетариата каждой данной национальности, считаясь и с его культурно-бытовыми особенностями; способами такого обеспечения могут быть: устройство особых конференций социал-демократов данной национальности, представительство национального меньшинства в местных, областных и центральных учреждениях партии, создание особых групп литературских, издательских, агитаторских и т. п.

Примечание. Представительство национального меньшинства в ЦК партии могло бы быть организовано, например, таким образом, что общепартийный съезд вводит в состав ЦК определенное количество членов из числа кандидатов, намечаемых областными съездами тех местностей России, где в настоящее время существуют обособленные социал-демократические организации.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Принимая во внимание:

1) что социал-демократия всегда признавала экономическую борьбу, как одну из составных частей классовой борьбы пролетариата;

2) что наиболее целесообразной организацией рабочего класса в целях экономической борьбы являются, как показывает опыт всех капиталистических стран, широкие профессиональные союзы;

3) что в настоящее время наблюдается широкое стремление рабочих масс в России спланиваться в профессиональные союзы;

4) что экономическая борьба может привести к прочному улучшению положения рабочих масс и к укреплению их истинно-классовой организации лишь при условии правильного сочетания ее с политической борьбой пролетариата;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что все организации партии должны способствовать образованию беспартийных профессиональных союзов и побуждать к вступлению в них всех представителей данной профессии, входящих в состав партии;

2) что партия должна всеми мерами стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профессиональных союзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоевывать своей деятельностью фактически руководящую роль в таких союзах, и, наконец, чтобы эти союзы могли, при известных условиях, прямо примыкать к партии, отнюдь однако не исключая из своего состава непартийных членов.

ОТНОШЕНИЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Принимая во внимание:

1) что Госуд. дума является грубой подделкой народного представительства, так как:

а) избирательное право не всеобщее, не равное, многостепенное, масса рабочих и крестьян фактически исключены из участия в Госуд. думе, и соотношение числа выборщиков от разных групп населения приноровлено к полицейским видам;

б) по объему своих прав и по отношению к Государственному совету Дума является бессильным придатком самодержавной бюрократии;

в) обстановка выборов совершенно исключает возможность действительного выражения народом своей воли вследствие отсутствия свободы агитации, вследствие военной репрессии, массовых казней, арестов, полицейского и административного произвола;

г) единственной целью созыва такой Госуд. думы является для правительства обман народа, укрепление самодержавия, облегчение для него новых финансовых

мошенничеств и сделка с реакционными элементами эксплуататорских классов, которым обеспечивается преобладание в Госуд. думе;

2) что участие в выборах в Госуд. думу, не давая ничего для развития классового самосознания пролетариата, для укрепления и расширения его классовой организации и боевой готовности, способно скорее дезорганизовать и развратить пролетариат, так как:

а) участие социал-демократии в выборах неизбежно поддерживало бы в народе конституционные иллюзии, веру в то, что выборы могут дать сколько-нибудь правильное выражение воли народа и представление того, будто партия становится на лжеконституционный путь;

б) коллегии уполномоченных от рабочих и выборщиков ввиду их малого числа и ввиду краткосрочности и специальности их функций не могут ничего дать для действительно-революционной организации пролетариата;

в) участие в выборах переносит центр тяжести внимания пролетариата с революционного движения, идущего помимо Думы, на правительственную комедию, переносит центр тяжести широкой агитации в массах на мелкие кружки выборщиков;

г) наше участие в выборах не может помочь социал-демократическому воспитанию наиболее темных слоев массы, идущих в Думу, притом исключительно законным путем, на который не может стать теперь РСДРП;

д) уход части выборщиков с губернских избирательных собраний не мог бы ни сорвать Думы, ни вызвать широкого народного движения;

3) что участие в выборах при данном политическом положении заставит социал-демократов либо устраниваться, не принося никакой пользы движению, либо фактически опуститься до роли безгласных пособников к.-д.;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что РСДРП должна решительно отказаться от участия в Госуд. думе;

2) что РСДРП должна решительно отказаться от участия в выборах в Госуд. думу, на какой бы то ни было стадии;

3) что РСДРП должна самым энергичным образом использовать все и всяческие, связанные с выборами, собрания для изложения взглядов с.-д. вообще, для беспощадной критики Госуд. думы в частности, для призыва

к борьбе за революционный созыв всенародного учредительного собрания в особенности;

4) что РСДРП должна использовать также агитацию по поводу Думы для ознакомления возможно более широких масс народа со всеми тактическими взглядами партии на весь переживаемый революционный момент и все вытекающие из него задачи.

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ

Принимая во внимание:

1) что принцип демократического централизма в партии является в настоящее время общепризнанным;

2) что проведение его в жизнь при существующих политических условиях хотя и затруднено, но все же является в известных пределах возможным;

3) что смешение конспиративного и открытого аппарата партийной организации оказалось крайне губительным для партии и играющим на руку правительственной провокации;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что выборное начало в организациях партии должно быть проведено снизу доверху;

2) что отступления от этого принципа, например, двухстепенные выборы или кооптация в выборные учреждения и т. п., допустимы лишь при непреодолимых полицейских препятствиях и в исключительных особо предусмотренных случаях;

3) что настоятельно необходимо сохранение и укрепление конспиративного ядра партийной организации;

4) что для открытого выступления всякого рода (в печати, собраниях, в союзах, особенно в профессиональных, и т. п.) должны быть устроены особые отделы организаций, которые ни в каком случае не могли бы вредить целостности конспиративных ячеек;

5) что центральное учреждение партии должно быть едино, т. е. общий съезд партии должен выбирать единый ЦК, который назначает редакцию ЦО партии и т. д.

**ПЕРЕСМОТР АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ⁸⁴**

*Написано во второй половине марта
1906 г.*

*Напечатано в начале апреля 1906 г.
отдельной брошюрой в изд.
«Наша Мысль»*

Печатается по тексту брошюры

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАША МЫСЛЬ“

Петербургъ, Литейный, 60, кв. 9.

Н. ЛЕНИНЪ.

Пересмотръ аграрной программы РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

№ 1.

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Обложка брошюры В. И. Ленина
«Пересмотр аграрной программы рабочей партии». — 1906 г.

Уменьшено

Необходимость пересмотра аграрной программы рабочей партии признана в настоящее время всеми. Последняя конференция «большинства» (декабрь 1905 г.) формально выдвинула этот назревший вопрос, который и поставлен уже в порядок дня объединительного съезда.

Мы намерены дать сначала самый краткий очерк постановки аграрного вопроса в истории русской социал-демократии, затем обзор различных проектов программы, предлагаемых ныне социал-демократами, и, наконец, набросок защищаемого нами проекта.

I. БЕГЛЫЙ ОЧЕРК ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЗГЛЯДОВ РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НА АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Русская социал-демократия, с самого своего возникновения, признавала громадную важность аграрного и специального крестьянского вопроса в России, включая самостоятельный анализ этого вопроса во все свои программные построения.

Обратное мнение, нередко распространяемое народниками и социалистами-революционерами, основывается на круглом невежестве или намеренном извращении дела.

Уже в первом проекте программы русских социал-демократов, опубликованном группой «Освобождение труда» в 1884 году, стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений» и ликвидации всех крепостнических отношений в деревне (не имея под руками старой социал-демократической литературы, вышедшей

за границей, мы вынуждены цитировать на память, ругаясь за общий смысл, а не за самый текст цитат).

Затем, Плеханов и в журнале «Социал-Демократ»⁵⁵ (конец 80-х годов), и в брошюрах: «Всероссийское разорение» и «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» (1891—1892 гг.) неоднократно и в *самых решительных* выражениях подчеркивал громадную важность крестьянского вопроса в России, указывал даже на то, что возможен и «черный передел» при предстоящем демократическом перевороте и что социал-демократия отнюдь не страшится и не чурается этой перспективы. Не будучи вовсе социалистической мерой, «черный передел» дал бы громадный толчок развитию капитализма, росту внутреннего рынка, поднятию благосостояния крестьянства, разложению общины, развитию классовых противоречий в деревне, ликвидации всех следов старой, крепостнически-кабальной России.

Это указание Плеханова на «черный передел» имеет для нас особую историческую важность. Оно показывает наглядно, что социал-демократы сразу дали именно ту теоретическую постановку аграрного вопроса в России, на которой они неуклонно стоят и по сей час.

Три следующие положения всегда защищались русскими социал-демократами, с самого возникновения их партии, вплоть до настоящего времени. *Первое.* Аграрный переворот неизбежно составит часть демократического переворота в России. Избавление деревни от крепостническо-кабальных отношений будет содержанием этого переворота. *Второе.* Предстоящий аграрный переворот, по своему общественно-экономическому значению, будет буржуазно-демократическим переворотом; он не ослабит, а усилит развитие капитализма и капиталистических классовых противоречий. *Третье.* Социал-демократия имеет все основания самым решительным образом поддерживать этот переворот, намечая при этом те или иные ближайшие задачи, но не связывая себе рук и не отказываясь несколько от поддержки даже и «черного передела».

Кто не знает этих трех положений, кто не вычитал их во *всей* социал-демократической литературе по аграрному вопросу в России, тот либо не знает дела, либо обходит существо дела (как постоянно поступают социалисты-революционеры).

Возвращаясь к истории развития взглядов социал-демократии на крестьянский вопрос, отметим еще из литературы конца 90-х годов «Задачи русских социал-демократов» (1897)*, где решительно опровергается мнение о «безучастном» отношении социал-демократов к крестьянству и повторяются общие взгляды социал-демократии, ватем газету «Искра». В 3-м номере ее, вышедшем весной (март и апрель) 1901 года, т. е. за год до первого крупного крестьянского восстания в России, была помещена редакционная статья «Рабочая партия и крестьянство»**, подчеркивавшая еще раз важность крестьянского вопроса и выдвигавшая, между прочим, в числе других требований и требование возвращения отрезков.

Эта статья может быть рассматриваема, как первый набросок той аграрной программы РСДРП, которая от имени редакции «Искры» и «Зари» была опубликована летом 1902 года и на II съезде нашей партии (август 1903 г.) стала официальной программой партии.

В этой программе вся борьба с самодержавием рассматривается, как борьба буржуазного строя против крепостничества, и принципиальная точка зрения марксизма запечатлена самым отчетливым образом в основном положении аграрной части: «в целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует»...

Критики социал-демократической программы почти все обходят молчанием это основное положение: они не замечают слона.

Отдельные пункты аграрной программы, принятой на II съезде, кроме бесспорных требований (отмена сословных податей, понижение аренды, свобода распоряжения землей), содержали еще требование возврата выкупных платежей и учреждения крестьянских комитетов для возвращения отрезков и устранения остатков крепостных отношений.

Последний пункт, об отрезках, вызывал всего больше критики в рядах социал-демократов. Этот пункт критиковала и социал-демократическая группа «Борьба»,

* См. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 299—326. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 394—401. Ред.

предлагавшая (если память мне не изменяет) экспроприацию всей помещичьей земли⁵⁵, критиковал и т. Икс⁵⁷ (его критика вместе с моим ответом* вышла особой брошюрой в Женеве в 1903 году летом, перед самым II съездом, делегаты которого имели ее перед собой). Тов. Икс предлагал вместо отрезков и возвращения выкупных платежей: 1) конфискацию церковных, монастырских и удельных земель с передачей их «во владение демократического государства», 2) «обложение прогрессивным налогом земельной ренты крупных землевладельцев, чтобы эта форма дохода перешла в руки демократического государства на нужды народа», и 3) «переход части частновладельческих земель (крупного землевладения), а если возможно, и всех земель, во владение самоуправляющихся крупных общественных организаций (земств)».

Я критиковал эту программу, называя ее «ухудшенной и противоречивой формулировкой требования национализации земли», и подчеркивал, что крестьянские комитеты имеют значение как боевой лозунг, поднимающий угнетенное сословие; — что социал-демократия не должна связывать себе рук, зарекаясь хотя бы от «распродажи» конфискованных земель; — что возвращение отрезков отнюдь не ограничивает стремлений социал-демократии, а ограничивает лишь возможность выставления общих задач и сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией. Я подчеркивал, что «если требование всей земли будет требованием национализации или передачи земли современному хозяйственному крестьянству, то мы оценим это требование с точки зрения интересов пролетариата, приняв во внимание все обстоятельства дела (курсив наш); мы не можем наперед сказать, например, выступит ли наше хозяйственное крестьянство, когда революция пробудит его к политической жизни, в качестве демократически-революционной партии или в качестве партии порядка» (стр. 35—36 названной брошюры**).

Ту же самую мысль, что отрезки не ограничивают ни размаха крестьянского движения, ни нашей поддержки ему, если оно пойдет дальше, развивал я и в «Деревенской бедноте» (вышла в 1903 г., перед II съездом),

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 397—411. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 405. Ред.

где «отрезки» называются не «загородкой», а «дверью»*, и мысль о переходе *всей земли* к крестьянству отнюдь не отвергается, а даже приветствуется при известной политической обстановке.

Относительно черного передела я писал в августе 1902-го года («Заря» № 4, стр. 176), защищая проект аграрной программы:

«В требовании черного передела реакционна утопия обобщить и увековечить мелкое крестьянское производство, но в нем есть (кроме утопии, будто «крестьянство» может быть носителем *социалистического* переворота) и революционная сторона, именно: желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя**».

Итак, справки с литературой 1902—1903 гг. доказывают неопровержимо, что требование отрезков никогда не понималось авторами этого пункта в смысле ограничения размаха крестьянского движения и нашей поддержки ему. Но тем не менее ход событий показывал, что этот пункт программы неудовлетворителен, ибо движение крестьянства растет вширь и вглубь с громадной быстротой, и наша программа в широких массах порождает недоумения, а партия рабочего класса должна считаться с широкими массами и не может ссылаться на одни комментарии, разъясняющие необязательными для партии доводами общезначительную программу.

Необходимость пересмотра аграрной программы назрела. В начале 1905 года в одном из номеров «большевистской» социал-демократической газеты «Вперед» (выходившей с января по май 1905 г., еженедельно в Женеве) был изложен проект изменения аграрной программы с удалением пункта об отрезках и с заменой его «поддержкой крестьянских требований вплоть до конфискации всей помещичьей земли***».

Но на III съезде РСДРП (май 1905 г.) и на одновременной «конференции» «меньшинства» вопрос о пересмотре самой программы не был поставлен. Дело ограничилось разработкой *тактической* революции. Обе половины партии сошлись при этом на поддержке крестьянского движения *вплоть до конфискации всей помещичьей земли*.

* См. Сочинения, 4 пзд., том 6, стр. 380—384. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 пзд., том 6, стр. 119—120. *Ред.*

*** См. Сочинения, 4 пзд., том 8, стр. 209. *Ред.*

Собственно говоря, эти резолюции предрешили вопрос о пересмотре аграрной программы РСДРП. На последней конференции «большинства» (декабрь 1905 года) было принято мое предложение выразить пожелание об удалении пунктов об отрезках и о возвращении выкупных платежей и о замене их указанием на поддержку крестьянского движения вплоть до конфискации всей помещичьей земли*.

Этим мы и закончим беглый очерк исторического развития взглядов РСДРП на аграрный вопрос.

II. ЧЕТЫРЕ ТЕЧЕНИЯ ВНУТРИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПО ВОПРОСУ ОБ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЕ

В настоящее время мы имеем по данному вопросу, кроме указанной резолюции «большевистской» конференции, два готовых проекта аграрной программы — гг. Маслова и Рожкова и незаконченные, т. е. не дающие готового проекта программы, замечания и соображения гг. Финна, Плеханова и Каутского.

Изложим вкратце взгляды этих писателей.

Т. Маслов предлагает несколько видоизмененный проект т. Икса. Именно, из проекта Икса он удаляет обложение прогрессивным налогом земельной ренты и исправляет требование передачи частновладельческих земель в руки земства. Исправление Маслова состоит, во-первых, в том, что он выкидывает слова Икса: «если возможно и все земли» (т. е. чтобы все земли перешли во владение земств); во-вторых, Маслов совершенно выкидывает имеющееся у Икса упоминание «земств», говоря вместо «крупных общественных организаций — земств» — «крупных областных организаций». Весь соответствующий пункт гласит у Маслова так:

«Передача частновладельческих земель (крупное землевладение) во владение самоуправляющихся крупных областных организаций. Минимальный размер подлежащих отчуждению земельных участков определяется областным народным представительством». Следовательно, Маслов решительно отказывается от условно допускаемой Иксом полной национализации и требует «муниципализа-

* Резолюция напечатана была в «Руся», «Нашей Жизни» и «Правде»⁵⁸. (См. настоящий том, стр. 70. *Ред.*)

ции» или, точнее, «провинциализации». Против национализации Маслов выдвигает три довода: 1) национализация была бы посягательством на самоопределение национальностей; 2) на национализацию своих земель не согласятся крестьяне, особенно крестьяне-подворники; 3) национализация усилит бюрократию, неизбежную в классовом, буржуазно-демократическом государстве.

Раздел помещичьих земель («дележ») Маслов критикует лишь как псевдо-социалистическую утопию социалистов-революционеров, не оценивая этой меры по сравнению с «национализацией».

Что касается до Рожкова, то он не хочет ни раздела, ни национализации, требуя лишь замены пункта об отрезках пунктом такого рода: «Передача крестьянам без выкупа всех тех земель, которые служат орудием для их хозяйственного закабаления» (см. сборник «Текущий момент»⁵⁹, стр. 6 статьи тов. Н. Рожкова). Конфискации церковных и других земель т. Рожков требует без указания на «передачу их во владение демократического государства» (как этого хочет тов. Маслов).

Далее, тов. Финн в своей неоконченной статье («Мир Божий»⁶⁰, 1906) отвергает национализацию и склоняется, видимо, к разделу помещичьих земель в частную собственность крестьян.

Тов. Плеханов в № 5 «Дневника» тоже не касается ни единым словом вопроса об определенных изменениях в нашей аграрной программе. Критикуя Маслова, он защищает лишь «гибкую тактику» вообще, отвергает «национализацию» (ссылаясь на старые доводы «Зари») и склоняется, как будто, к разделу помещичьих земель между крестьянами.

Наконец, К. Каутский в своей превосходной работе «Аграрный вопрос в России» излагает общие основы социал-демократических взглядов на вопрос, выражая свое полное сочувствие разделу помещичьих земель, допуская, как будто, при известных условиях и национализацию, но вообще не касаясь совершенно ни единым словом ни старой аграрной программы РСДРП, ни проектов ее изменения.

Сводя вместе наметившиеся в нашей партии мнения по вопросу об аграрной программе РСДРП, мы получаем следующие *четыре* основных типа этих мнений:

1) аграрная программа РСДРП не должна требовать ни национализации, ни конфискации помещичьих земель (сюда относятся защитники теперешней программы или небольших исправлений ее, вроде предлагаемых тов. Н. Рожковым);

2) аграрная программа РСДРП должна требовать конфискации помещичьих земель, не требуя национализации земли ни в какой форме (сюда относятся, повидимому, тов. Финн и, может быть, тов. Плеханов, хотя мнение его неясно);

3) отчуждение помещичьих земель наряду с своеобразной и ограниченной национализацией («земствозахват» и «провинциализация» Икса, Маслова, Громана и других);

4) конфискация помещичьих земель и, при определенных политических условиях, национализация земли (программа, предлагаемая большинством комиссии, назначенной Объединенным Центральным Комитетом нашей партии; эта программа, которую защищает пишущий эти строки, напечатана ниже, в конце брошюры)*.

Рассмотрим все эти мнения.

Сторонники теперешней программы или программы, вроде предлагаемой тов. Рожковым, исходят либо из того взгляда, что конфискация крупных имений, ведущая к разделу их на мелкие, вообще не может быть защищаемая с социал-демократической точки зрения, либо из того взгляда, что в программе никак не может быть места конфискации, место же ей лишь в тактической резолюции.

Начнем с первого взгляда. Нам говорят, что крупные имения это — передовой капиталистический тип. Конфискация их, раздел их есть реакционная мера, шаг назад к мелкому хозяйству. Социал-демократы не могут быть за такую меру.

Такой взгляд нам кажется неправильным.

Мы должны учитывать общий и конечный результат современного крестьянского движения, а не топить его в отдельных случаях и частностях. В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет объяснить

* См. настоящий том, стр. 171—172. Ред.

теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России. Наша ошибка при выставлении требования вернуть отрезки состояла в недостаточной оценке ширины и глубины демократического, именно буржуазно-демократического движения в крестьянстве. На этой ошибке неразумно настаивать теперь, когда нам многому научила революция. Для развития капитализма конфискация всей помещичьей земли даст несравненно больший плюс, чем тот минус, который получился бы от раздела крупного капиталистического хозяйства. Раздел не уничтожит капитализма и не оттянет его назад, а в громадной степени очистит, обобщит, расширит и укрепит почву для его (капитализма) нового развития. Мы всегда говорили, что ограничивать размах крестьянского движения отнюдь не дело социал-демократов, а в настоящее время отказ от требования конфискации всей помещичьей земли был бы явным ограничением размаха определившегося общественного движения.

Поэтому те товарищи, которые в настоящее время борются против требования конфискации всех помещичьих земель, так же ошибаются, как ошибаются английские углекопы, имеющие менее, чем 8-ми часовой рабочий день, и воюющие против законодательного введения 8-ми часового рабочего дня во всей стране.

Другие товарищи делают уступку «духу времени». В программе — отрезки или отчуждение земель, служащих для закабаления, — говорят они. В тактической резолюции — конфискация. Не надо, дескать, смешивать программу с тактикой.

Мы ответим на это, что попытка проведения абсолютной грани между программой и тактикой ведет только к схоластике и педантизму. Программа определяет общие, основные отношения рабочего класса к другим классам. Тактика — частные и временные отношения. Это, конечно, справедливо. Но нельзя забывать, что вся наша борьба с остатками крепостничества в деревне есть частная и временная задача по сравнению с общесоциалистическими задачами пролетариата. Если «конституционный режим» в шиповском вкусе продержится в России 10—15 лет, то эти остатки исчезнут, причинив неисчислимые страдания населению, но все же исчезнут, вымрут сами собой. Сколько-нибудь сильное демократическое крестьянское

движение станет тогда невозможным; никакой аграрной программы «в целях устранения остатков крепостного порядка» нельзя будет защищать. Значит, различие между программой и тактикой лишь относительное. А невыгода для массовой партии, выступающей именно теперь более открыто, чем прежде, весьма велика, если в программе стоит частное, ограниченное и узкое, а в тактической резолюции — общее, широкое и всеобъемлющее требование. Аграрную программу нашей партии все равно придется довольно скоро опять пересматривать заново: и в том случае, если упрочится дубасовско-шиповская «конституция», и в том случае, если победит крестьянское и рабочее восстание. Значит, особенно уже гоняться за тем, чтобы строить дом на вечные времена, не доводится.

Переходим ко второму типу взглядов. Конфискация помещичьих земель, раздел их — да, но никак не национализация, говорят нам. Ссылаются на Каутского в защиту раздела, повторяют прежние доводы всех социал-демократов (сравни «Заря» № 4) против национализации. Мы вполне и безусловно согласны с тем, что раздел помещичьих земель был бы в настоящее время, в общем и целом, решительно прогрессивной мерой и в экономическом, и в политическом смысле. Мы согласны, далее, и с тем, что в буржуазном обществе класс мелких собственников, *при известных условиях*, является «более прочным оплотом демократии, чем класс арендаторов, зависящих от полицейски-классового, хотя бы и конституционного, государства» (Ленин, «Ответ Иксу», стр. 27*).

Но мы думаем, что *ограничиваться* этими соображениями в настоящий момент демократической революции в России, ограничиваться отстаиванием старой позиции 1902 г. — вначало бы безусловно не учитывать существенно изменившейся социально-классовой и политической конъюнктуры. «Заря» указывала в августе 1902 года (кн. 4, ст. Плеханова, стр. 36), что у нас «Московские Ведомости»⁶¹ защищают национализацию, и проводила ту бесспорно правильную мысль, что требование национализации земли далеко не везде и вовсе не всегда революционно. Это последнее, конечно, справедливо, но в той же статье Плеханова

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 398. *Ред.*

(стр. 37) указывается, что «в революционную эпоху» (курсив Плеханова) экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимостью и что при известных обстоятельствах вопрос о ней необходимо будет поставить.

Несомненно, что теперь положение дел существенно изменилось сравнительно с 1902 годом. Революция поднялась высоко в 1905 г. и готовит теперь силы к новому подъему. О защите национализации земли (в сколько-нибудь серьезном смысле) «Московскими Ведомостями» не может быть и речи. Напротив, отстаивание неприкосновенности частной собственности на землю сделалось основным мотивом и речей Николая II и воплей Грингмута и К^о. Крестьянское восстание уже встряхнуло крепостническую Русь, и все надежды умирающего самодержавия покоятся теперь исключительно на сделке с помещичьим классом, досмерти напуганным крестьянским движением. Не только «Московские Ведомости», но и «Слово», орган шиповцев, травит Витте и «социалистический» проект Кутлера, предлагавший не национализацию, а лишь обязательный *выкуп* части земель. Бешеные расправы правительства с «Крестьянским союзом» и бешеные «драгонады» против волнующихся крестьян показывают яснее ясного, что революционно-демократический характер крестьянского движения обрисовался уже вполне.

Это движение, как всякое глубокое народное движение, вызвало уже и продолжает вызывать громадный революционный энтузиазм и революционную энергию крестьянства. В своей борьбе против помещичьей собственности на землю, против помещичьего землевладения, крестьяне с необходимостью доходят и дошли уже, в лице передовых своих представителей, до требования отмены всей частной собственности на землю вообще*.

Что идея общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродит теперь в крестьянстве, это не может подлежать ни малейшему сомнению. И несомненно также, что, несмотря на всю темноту крестьянства, несмотря на все реакционно-утопические элементы его пожеланий,

* См. «Постановления съездов Крестьянского союза 1 августа и 6 ноября 1905 г.», СПб. 1905 г., стр. 6, и «Протоколы учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза» (СПб. 1905 г.) разд. (всюду. Ред.).

эта идея, в общем и целом, носит революционно-демократический характер*.

Социал-демократы должны очищать эту идею от реакционных и мелкобуржуазно-социалистических извращений ее, — об этом нет спора. Но социал-демократы поступили бы глубоко ошибочно, если бы выкинули за борт все это требование, не сумев выделить его революционно-демократической стороны. Мы должны со всей откровенностью и решительностью сказать крестьянину, что национализация земли есть мера буржуазная, что она полезна *лишь* при определенных политических условиях, но выступать с *голым* отрицанием этой меры вообще нам, социалистам, перед крестьянской массой было бы близорукой политикой. И не только близорукой политикой, но и теоретическим искажением марксизма, который установил с полнейшей определенностью, что национализация земли возможна, мыслима и в буржуазном обществе, что она не задержит, а усилит развитие капитализма, что она есть *максимум* буржуазно-демократических реформ в области аграрных отношений.

А неужели может кто-либо отрицать, что *в настоящее время* мы должны выступить перед крестьянством именно с максимумом буржуазно-демократических преобразований? Неужели можно еще до сих пор не видеть связи между радикализмом аграрных требований крестьянина (отмена частной собственности на землю) и радикализмом его политических требований (республика и т. д.)?

* Товарищ Плеханов в № 5 «Дневника» предостерегает Россию от повторения опытов Ван Ган-че (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению. Натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине qui proque tor, de proque rip (кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает). Если бы Россию XIX века можно было сравнивать с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, навверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России. Что же касается до реакционного происхождения (или характера) крестьянской идеи национализации земли, то ведь и в идее черного передела есть несомненные черты не только реакционного происхождения, но и реакционного характера ее в настоящее время. Реакционные элементы есть во всем крестьянском движении и во всей крестьянской идеологии, но это нисколько не опровергает общего революционно-демократического характера всего этого движения в целом. Поэтому свое положение (о невозможности для социал-демократов выдвигать требование национализации земли при определенных политических условиях) Плеханов не только ничем не доказал, но даже особенно ослабил своей утрированно натянутой аргументацией.

Нет, позиция социал-демократов в аграрном вопросе может быть в настоящее время, когда дело идет о доведении демократического переворота до конца, лишь следующая: против помещичьей собственности за крестьянскую собственность при существовании частной собственности на землю вообще. Против частной собственности на землю за национализацию земли *при определенных политических условиях*.

Тут мы подходим к 3-му типу взглядов: к «земствозимизации» или «провинциализации» Икса, Маслова и других. Против Маслова приходится здесь повторить отчасти то же, что говорил я в 1903 г. против Икса, именно: что он дает «ухудшенную и противоречивую формулировку требования национализации земли» (*Ленин. «Ответ Иксу», стр. 42**). «Передача земли — писал я там же — (вообще говоря) желательна в руки демократического государства, а не *мелких* общественных организаций (вроде современного или будущего земства)».

Что предлагает Маслов? Он предлагает мешанину из национализации *плюс* земствозимизация, *плюс* частная собственность на землю *без всякого указания* на различные политические условия, при которых пролетариату выгодна (сравнительно) та или иная система земельного устройства. В самом деле, в п. 3-м своего проекта Маслов требует «конфискации» церковных и других земель с «передачей их во владение демократического государства». Это чистая форма национализации. Спрашивается, почему не оговорены политические условия, обезвреживающие национализацию в буржуазном обществе? Почему *здесь* вместо национализации не предложена земствозимизация? Почему выбрана такая формулировка, которая *исключает* распродажу конфискованных земель?**. На все эти вопросы у Маслова нет ответа.

Предлагая национализацию церковных, монастырских и удельных земель и в то же время споря против национализации вообще, Маслов побивает сам себя. Его доводы против национализации частью неполны и неточны,

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 410. *Ред.*

** Ср. *Ленин. «Ответ Иксу», стр. 27: «Неправильно было бы думать, что при всяких условиях и всегда социал-демократия будет против распродажи».* (См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 398. *Ред.*) Предполагать неотменной частную собственность на землю и варкаться от распродажи и нелогично, и неразумно.

частью совсем слабы. Первый довод: национализация посягает на самоопределение национальностей. Нельзя из Питера распоряжаться территорией Закавказья. — Это не довод, а сплошное недоразумение. Во-первых, право национальностей на самоопределение признано нашей программой, и, следовательно, Закавказье «вправе» самоопределиваться, отделившись от Питера. Не возражает же Маслов против 4-х-хвостки⁶² на том основании, что «Закавказье» может не согласиться! Во-вторых, и местное и областное *широкое* самоуправление признаны *вообще* нашей программой, и, следовательно, говорить о том, чтобы «петербургская бюрократия распоряжалась землей горцев» (Маслов, стр. 22), прямо смешно! В-третьих, закон о «земстволлизации» *закавказских* земель все равно придется издать *питерскому* учредительному собранию, потому что Маслов не хочет ведь предоставлять любой окраине свободу сохранять помещичье землевладение! Значит, весь довод Маслова падает.

Второй довод: «Национализация земли предполагает передачу *всех* земель в руки государства. Но разве крестьяне согласятся передать свои земли кому-либо добровольно, особенно крестьяне-подворники?» (Маслов, стр. 20).

Во-первых, Маслов играет словами или путает понятия. Национализация означает передачу права собственности на землю, — права получать ренту, а вовсе не самой земли. Национализация ничуть не означает недобровольной передачи всеми крестьянами земель кому бы то ни было. Поясним это Маслову примером. Социалистический переворот означает передачу не только собственности на землю, но и самой земли, как объекта хозяйства, в руки всего общества. Значит ли это, что социалисты хотят отнять у мелких крестьян их земли против их воли? Нет, ни один разумный социалист никогда не предлагал такой глупости.

Считает ли кто-либо необходимым оговаривать это особо в социалистической программе, где говорится о замене частной собственности на землю общественной? Нет, ни одна партия социал-демократов не делает такой оговорки. Тем менее есть у нас основания сочинять вымышленные ужасы насчет национализации. Национализация есть передача ренты государству. Крестьяне в большинстве случаев никакой ренты с земли не получают. Значит,

при национализации им платить ничего не придется, а крестьянски-демократическое государство (молчаливо предполагаемое Масловым с его земствозлизацией и не определяемое им точно) введет еще прогрессивно-подходящий налог и убавит платежи мелких хозяев. Национализация облегчит мобилизацию земель, но никакого отобрания земли у мелких крестьян против их воли она ничуть не означает.

Во-вторых, если аргументировать против национализации с точки зрения «добровольного согласия» крестьян-подворников, то мы спросим Маслова: «согласятся ли добровольно» мужики-собственники на то, чтобы лучшие, именно помещичьи, церковные и удельные земли давало им *только в аренду* то «демократическое государство», в котором крестьяне будут силой? Ведь это что значит: плохие, надельные земли — на тебе в собственность, а хорошие, помещичьи — арендуй. Черный хлеб возьми даром, а за белый заплати денежки. Никогда на это крестьяне не согласятся. Одно из двух, тов. Маслов: либо экономические отношения вызывают необходимость в частной собственности и таковая выгодна, — тогда надо говорить о разделе помещичьих земель или о конфискации вообще. Либо возможна и выгодна национализация всей земли, — и тогда нет надобности делать непременно особое изъятие для крестьян. Соединение национализации с провинциализацией, а провинциализации с частной собственностью есть просто путаница. Можно ручаться за то, что *при самой полной победе демократической революции* такая мера никогда не могла бы быть осуществлена.

III. ГЛАВНАЯ ОШИБКА ТОВА. МАСЛОВА

Здесь необходимо остановиться еще на одном соображении, вытекающем из предыдущего, но требующем более подробного рассмотрения. Мы сказали сейчас, что можно ручаться за неосуществимость масловской программы даже при самой полной победе демократической революции. Вообще говоря, «неосуществимость» известных требований программы в смысле невероятности их выполнения при данном положении дел или в ближайшем будущем не может считаться аргументом против этих требований. К. Каутский чрезвычайно рельефно отметил это в своей

статье против Розы Люксембург по вопросу о независимости Польши*. Р. Люксембург говорила о «неосуществимости» этой независимости, а К. Каутский возражал, что дело не в «осуществимости» в указанном смысле, а в соответствии известного требования общему направлению развития общества или общей экономической и политической ситуации во всем цивилизованном мире. Возьмите, например, требование германской социал-демократической программы о выборе всех чиновников народом, говорил Каутский. Конечно, это требование «неосуществимо» с точки зрения теперешнего положения дел в Германии. Но тем не менее это требование вполне правильное и необходимое, ибо оно является неразрывной составной частью последовательного демократического переворота, к которому идет все общественное развитие и которого добивается социал-демократия, как условия социализма и как необходимого составного элемента политической надстройки социализма.

Поэтому, говоря о неосуществимости масловской программы, мы и подчеркиваем слова: при самой полной победе демократической революции. Мы говорим совсем не о том, что масловская программа неосуществима с точки зрения теперешних политических отношений и условий. Нет. Мы утверждаем, что именно при полном и последовательном до конца демократическом перевороте, т. е. именно при таких политических условиях, которые будут наиболее далеки от настоящих и которые будут наиболее благоприятны коренным аграрным реформам, именно при таких условиях программа Маслова является неосуществимой не потому, чтобы она была слишком, так сказать, велика, а потому, что она слишком мала с точки зрения этих условий. Иными словами: если дело не дойдет до полной победы демократической революции, то ни о каком разрушении помещичьего землевладения, ни о какой конфискации удельных и т. п. земель, ни о какой муниципализации и т. п. нельзя будет и говорить серьезно. Наоборот, если дело дойдет до полной победы демократической революции, то переворот *не может* ограничиться одной муниципализацией части земель. Переворот, сме-

* Выписка из этой статьи приведена в № 4 «Зари», в моей статье о проекте аграрной программы. (См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 104. *Ред.*)

такой все помещичье землевладение (а именно такой переворот предполагается и Масловым и всеми, стоящими за раздел или за конфискацию помещичьих имений), — такой переворот требует революционной энергии и революционного размаха, достигающего степени, невиданной еще в истории. Предположить возможность такого переворота без конфискации помещичьего землевладения (Маслов говорит в своем проекте программы только об «отчуждении», а не о конфискации), без самого широкого распространения в «народе» идеи национализации всей земли, без создания политически наиболее передовых форм демократизма, значит предположить бессмыслицу. Все стороны общественной жизни тесно связаны между собой и всецело подчинены в последнем счете отношениям производства. Коренная мера уничтожения помещичьего землевладения немыслима без коренного изменения государственных форм (а изменение это при данной экономической реформе возможно лишь в направлении демократизма), немыслима без того, чтобы «народная» и крестьянская мысль, требующая уничтожения крупнейшей разновидности частной поземельной собственности, не восставала против частной собственности на землю вообще. Другими словами: такой решительный переворот, как уничтожение помещичьего землевладения, сам по себе неминуемо дает самый могучий толчок вперед всему общественному, экономическому и политическому развитию. Социалист, выдвигающий вопрос о таком перевороте на очередь дня, необходимо должен обдумать и новые, вытекающие из него, вопросы, должен рассмотреть этот переворот не только с точки зрения его прошлого, но и с точки зрения его будущего.

Вот именно с этой стороны и является особенно неудовлетворительным проект тов. Маслова. Этот проект неправильно формулирует, во-первых, те лозунги, которые теперь, сейчас и немедленно должны разжечь, усилить, распространить и «организовать» аграрную революцию: такими лозунгами могут быть только *конфискация* всех помещичьих земель и учреждение для этой цели непременно *крестьянских комитетов*, как единственно целесообразной формы органов местной, близкой народу и сильной революционной власти. Этот проект, во-вторых, неправилен тем, что не указывает точно тех политических

условий, без которых «муниципализация» является мерой не только не обязательно полезной, но даже наверное вредной для пролетариата и крестьянства, именно не дает никакого точного и недвусмысленного определения понятия: «демократическое государство». Этот проект, в-третьих, — и это один из самых существенных и наиболее редко замечаемых недостатков его, — не рассматривает теперешнего аграрного переворота с точки зрения его будущего, не указывает задач, непосредственно вытекающих из этого переворота, страдает несоответствием между экономическими и политическими предпосылками, на которых этот проект построен.

В самом деле, всмотритесь внимательнее в самый сильный (третий) довод, которым можно защищать масловский проект. Этот довод гласит: национализация усилит власть буржуазного государства, тогда как муниципальные и вообще местные органы такого государства бывают более демократичны, не обременены расходами на армию, не выполняют непосредственно задач полицейского угнетения пролетариата и проч. и т. п. Легко видеть, что этот довод предполагает *не вполне демократическое* государство, именно такое, где как раз самый важный пункт, центральная власть, сохраняет наибольшую близость к старым военно-бюрократическим порядкам, где местные учреждения, будучи второстепенными и подчиненными, лучше, демократичнее центральных учреждений, т. е. этот довод предполагает *недоведенный до конца демократический переворот*. Этот довод *молчаливо* предполагает нечто среднее между Россией эпохи Александра III, когда земства были лучше центральных учреждений, и Францией эпохи «республики без республиканцев», когда *реакционная* буржуазия, напуганная усилением пролетариата, создала антидемократическую «монархическую республику», с центральными учреждениями, которые гораздо хуже местных, менее демократичны, более пропитаны духом военщины, бюрократизма, полицейщины. Проект Маслова, в сущности, молчаливо предполагает то, что требования нашей политической программы-минимум не осуществлены полностью, что самодержавие народа не обеспечено, постоянная армия не уничтожена, выборность чиновников не введена и т. д., — другими словами: что наша демократическая революция так же не дошла до своего конца,

как большая часть европейских демократических революций, так же урезана, извращена, «возвращена вспять», как все эти последние. Проект Маслова специально приспособлен к половинчатому, непоследовательному, неполному или урезанному и «обезвреженному» реакцией демократическому перевороту*.

Именно это обстоятельство и делает проект Маслова совершенно искусственным, механическим, неосуществимым в указанном выше значении этого слова, внутренне-противоречивым и шатким, наконец, односторонним (ибо переход от демократического переворота мыслится только к антидемократической буржуазной реакции, а не к обостренной борьбе пролетариата за социализм).

Совершенно непозволительно *молчаливо* предполагать, что не доведен до конца демократический переворот, что не осуществлены коренные требования нашей политической программы-минимум. Такую вещь обязательно не замалчивать, а указать со всей точностью. Если бы Маслов хотел быть верным себе, если бы он хотел устранить всякий элемент недоговоренности, внутренней фальши в своем проекте, тогда он должен бы был сказать: так как государство, которое выйдет у нас из теперешнего переворота, будет, «вероятно», очень мало демократическим, то лучше не усиливать его власти национализацией, а ограничиться земствололизацией, ибо земства будут, *«надо думать»*, лучше и демократичнее, чем центральные государственные учреждения. Такова и только такова молчаливая предпосылка проекта Маслова. Поэтому, когда он употребляет в своем проекте выражение «демократическое государство» (п. 3-ий) и притом без всяких оговорок, то он говорит величайшую неправду, вводит себя самого и пролетариат и весь народ в заблуждение, ибо на самом деле он «пригоняет» свой проект именно к недемократическому государству, к реакционному государству, которое возникло из недоведенного до конца или «отобранного» реакцией демократизма.

Раз это так, — а это несомненно так, — то ясна становится вся искусственность и «сочиненность» проекта Маслова. В самом деле, если предположить государство

* Каутский, на которого ссылается Маслов, особо оговаривает в своей книге «Agrarfrage» («Аграрный вопрос. Ред.»), что национализация, введенная в условиях Меллепбурга, имела бы явное значение в демократической Англии или Австралии.

с центральной властью, более реакционной, чем местные власти, государство вроде третьей французской республики без республиканцев, то прямо смешным становится допущение мысли о возможности уничтожить помещичье землевладение при таком государстве или хотя бы удержать при нем осуществленное революционным натиском уничтожение помещичьего землевладения. Всякое *такое* государство в части света, которая называется Европой, в столетие, которое именуется XX, неминуемо должно было бы, в силу объективной логики классовой борьбы, *начать с охраны* помещичьего землевладения или с *восстановления* его, ежели оно частью уже разрушено. Ведь весь смысл, объективный смысл, всякого такого полудемократического, а на деле реакционного, государства состоит в том, чтобы отстоять *коренные* устои буржуазно-помещичьей и чиновничьей власти, пожертвовав лишь наименее существенными прерогативами. Ведь сосуществование в таких государствах реакционной центральной власти и сравнительно «демократических» местных учреждений, земств, муниципальных правлений и т. п. объясняется единственно, исключительно тем, что эти местные учреждения занимают *безвредным для буржуазного государства* «лужением умывальников», водоснабжением, электрическими трамваями и т. п. мероприятиями, неспособными подорвать *основ* того, что называется «существующим общественным порядком». Было бы ребяческой наивностью распространять наблюдения, произведенные над деятельностью земств по водоснабжению и освещению, на возможную «деятельность» их по уничтожению помещичьего землевладения. Это было бы все равно, как если бы выбранная сплошь из социал-демократов городская дума какого-нибудь французского пошехонья вознамерилась «муниципализировать» по всей Франции частную собственность на застроенную частными зданиями землю. В том-то и дело, что мера, уничтожающая помещичье землевладение, отличается немножечко по характеру своему от мер по улучшению водоснабжения, освещения, ассенизации и т. п. В том-то и дело, что первая *«мера»* «затрагивает» самым дерзким образом *коренные основы* всего «существующего общественного порядка», колеблет и подрывает эти основы с гигантской силой, облегчает натиск пролетариату на весь буржуазный строй в невидимом

данных в истории размерах. Да, тут всякое буржуазное государство прежде всего и больше всего должно будет позаботиться о сохранении основ буржуазного господства: все права и привилегии по части автономного лужения умывальников будут в один миг уничтожены, вся муниципализация полетит сразу к чорту, всякая тень демократизма в местных учреждениях будет вытравлена «карательными экспедициями», раз затронуты будут коренные интересы буржуазно-помещичьего государства. Предлагать с невинным видом муниципально-демократическую автономию при реакционной центральной власти и распространять эту «автономию» на уничтожение помещичьего землевладения — значит давать неподражаемые образчики наглядных несообразностей или бесконечной политической наивности.

IV. ЗАДАЧИ НАШЕЙ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ

Вопрос об аграрной программе РСДРП значительно выяснился бы, если бы мы попробовали изложить эту программу в виде простых и ясных советов, которые должна дать социал-демократия пролетариату и крестьянству в эпоху демократической революции.

Первый совет неизбежно будет такой: направить все усилия к полной победе крестьянского восстания. Без такой победы ни об «отобрании земли» у помещиков, ни о создании действительно демократического государства нельзя даже и говорить серьезно. А лозунг, зовущий крестьян к восстанию, может быть лишь один: конфискация всех помещичьих земель (отнюдь не отчуждение вообще или экспроприация вообще, оставляющие в тени вопрос о выкупе) и непременно конфискация крестьянскими комитетами впредь до учредительного собрания.

Всякий другой совет (в том числе и лозунг «отчуждения», выдвигаемый Масловым, и вся его муниципализация) есть призыв к решению вопроса не восстанием, а сделкой с помещиками, сделкой с реакционной центральной властью, есть призыв к решению вопроса не путем революционным, а путем бюрократическим, ибо самые демократические областные и земские организации не могут не быть бюрократическими по сравнению с революционными крестьянскими комитетами, которые тут же, на

месте, сейчас должны расправиться с помещиками и захватить права, подлежащие санкции всенародного учредительного собрания.

Второй совет неизбежно будет такой: без полностью проведенной демократизации политического строя, без республики и обеспечения на деле самодержавия народа нечего и думать ни об удержании завоеваний крестьянского восстания, ни о том, чтобы делать хоть какой-нибудь шаг дальше. Этот наш совет рабочим и крестьянам мы должны особенно отчетливо и точно формулировать, чтобы невозможны были никакие сомнения, никакие двусмысленности, никакие кривотолкования, никакие молчаливые допущения такой бессмыслицы, как возможность уничтожить помещичье вемлевладение при реакционной центральной власти. И потому, выдвигая усиленно вперед наши политические советы, мы должны сказать крестьянину: взявши землю, ты должен идти вперед, иначе ты неминуемо будешь разбит и отброшен назад помещиками и крупной буржуазией. Нельзя взять землю и удержать ее за собой без новых политических завоеваний, без нанесения нового и еще более решительного удара всей частной собственности на землю вообще. В политике, как и во всей общественной жизни, не идти вперед — значит быть отброшенным назад. Либо буржуазия, окрепнув после демократического переворота (который естественно укрепляет буржуазию), отнимет все завоевания и рабочих и крестьянской массы, — либо пролетариат и крестьянская масса пробьют себе путь вперед. А это значит — республика и полное самодержавие народа. Это значит: при условии завоевания республики национализация всей земли, как возможный максимум буржуазно-демократического переворота, как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм.

Третий и последний совет: организуйтесь особо, пролетарии и полупролетарии города и деревни. Не доверяйте никаким хозяйчикам, хотя бы и мелким, хотя бы и «трудовым». Не обольщайтесь мелким хозяйством при сохранении товарного производства. Чем ближе подходит дело к победе крестьянского восстания, тем ближе поворот крестьян-хозяев против пролетариата, тем нужнее самостоятельная пролетарская организация, тем энергичнее,

настойчивее, решительнее и громче должны мы звать к полному социалистическому перевороту. Мы поддерживаем крестьянское движение до конца, но мы должны помнить, что это движение другого класса, *не того*, который может совершить и совершит социалистический переворот. Поэтому мы оставляем в стороне вопрос, что делать с землей в смысле ее распределения, как объекта хозяйства, — этот вопрос могут решать в буржуазном обществе и будут решать только хозяева и хозяйчики. Нас же интересует всецело (а после победы крестьянского восстания почти исключительно) вопрос: что делать сельскому пролетариату? Мы занимаемся и займемся, главным образом, этим вопросом, предоставив идеологам мелкого буржуа сочинять уравнильность землепользования и все тому подобное. Мы ответим на этот вопрос, коренной вопрос новой, буржуазно-демократической России: пролетариат сельский должен самостоятельно организоваться вместе с городским для борьбы за полный социалистический переворот.

Следовательно, наша аграрная программа должна состоять из трех основных частей: во-первых, из формулировки самого решительного призыва к революционному крестьянскому натиску на помещичье землевладение; во-вторых, из точного указания дальнейшего шага, который может и должно сделать движение для закрепления крестьянских завоеваний и для перехода от победы демократии к пролетарской непосредственной борьбе за социализм; в-третьих, из указания классовых пролетарских задач партии, которые тем настоятельнее надвигаются на нас и тем настойчивее требуют ясной постановки их, чем ближе победа крестьянского восстания.

Программа Маслова не решает ни одной из тех основных задач, которые должны быть разрешены теперь РСДР партией: эта программа не дает такого лозунга, который теперь же, немедленно, в эпоху самого антидемократического государства направляет крестьянское движение к победе, — эта программа не дает точного определения политических преобразований, необходимых для завершения и закрепления преобразований аграрных, — она не дает указания на меры, необходимые в области земельной реформы при условии самого полного и последовательного демократизма, — она не дает характеристики

пролетарской позиции нашей партии по отношению ко всем буржуазно-демократическим преобразованиям. Эта программа не определяет ни условий «первого шага», ни задач «второго шага», а смешивает все в одну кучу, начиная с передачи удельных земель в руки несуществующего «демократического государства» и продолжая передачей помещичьих земель в руки демократических муниципалитетов из опасения недемократического характера центральной власти! Нереволюционная по своему практическому значению, в данный момент, построенная на предположении совершенно искусственной и совершенно невероятной сделки с полуреакционной центральной властью, эта программа не может дать руководства рабочей партии ни при одном из возможных и мыслимых путей развития демократического переворота в России.

Резюмируем: единственной правильной программой при условии демократического переворота будет такая: конфискации помещичьих земель и учреждения крестьянских комитетов* мы должны немедленно требовать и не обставлять этого требования никакими ограничительными оговорками. Такое требование революционно и выгодно с точки зрения и пролетариата, и крестьянства при всяких, даже наихудших, условиях. Такое требование неизбежно влечет за собой крах полицейского государства и усиление демократизма.

Но ограничиться конфискацией нельзя. В эпоху демократической революции и крестьянского восстания мы ни в каком случае не можем отвергать безусловно национализацию земли. Необходимо лишь это требование обусловить вполне точным указанием на известные политические порядки, без которых национализация могла бы повредить пролетариату и крестьянству.

Такая программа будет полна и цельна. Она даст безусловный максимум того, что вообще мыслимо при вся-

* Подобно Инсу, Маслов «видит противоречие в том, что мы требуем уничтожения сословий и учреждения крестьянских, т. е. сословных, комитетов. На самом деле тут противоречие только кажущееся: для уничтожения сословий требуется «диктатура» высшего, угнетенного сословия, — точно так же, как для уничтожения классов вообще и класса пролетариев в том числе требуется диктатура пролетариата. Вся наша аграрная программа имеет целью уничтожение крепостнических и сословных традиций в области аграрных отношений, а для такого уничтожения возможно апеллировать единственно к низшему сословию, к угнетенным этими остатками крепостного порядка». Ленин, «Ответ Инсу», стр. 29. (См. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 399. *Ред.*)

ком буржуазно-демократическом перевороте. Она не свяжет рук социал-демократии, допуская и раздел и национализацию при различных политических конъюнктурах. Она не внесет ни в каком случае розни между крестьянством и пролетариатом, как борцами за демократизм*. Она выдвинет теперь и тотчас, при полицейски-самодержавных политических порядках, безусловно революционные и революционизирующие эти порядки лозунги, выставляя также и дальнейшие требования при условии полной победы демократической революции, т. е. при условии такого положения дел, когда завершение демократического переворота откроет новые перспективы и новые задачи.

Точное указание особой пролетарской позиции нашей во всем демократическом аграрном перевороте безусловно необходимо в программе. Нечего стесняться тем, что такому указанию место в тактической резолюции, или тем, что это — повторение общей части программы.

Ради ясности нашей позиции и выяснения ее перед массой стоит пожертвовать стройной схемой деления тем на программные и тактические.

Соответствующий проект аграрной программы, выработанной большинством «аграрной комиссии» («аграрная комиссия» была назначена Объединенным Центральным Комитетом РСДРП для составления проекта новой аграрной программы), мы и предлагаем.

V. ПРОЕКТ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ

В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует:

- 1) конфискации всех церковных, монастырских, удельных, государственных, кабинетских и помещичьих земель;
- 2) учреждения крестьянских комитетов для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и

* Чтобы устранить всякую мысль о том, будто рабочая партия хочет навязывать крестьянству какие бы то ни было прожекты реформ независимо от воли крестьянства, независимо от самостоятельного движения внутри крестьянства, и проекту программы приложен вариант А, в котором, вместо прямого требования национализации, говорится сначала о поддержке партией стремлений революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю.

помещичьих привилегий и для фактического распоряжения конфискованными землями впредь до установления всенародным учредительным собранием нового земельного устройства;

3) отмены всех податей и повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

4) отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель;

5) предоставления выборным народным судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, т. е. создаст республику и вполне демократический государственный строй, то партия будет* добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа.

При этом Российская социал-демократическая рабочая партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснить ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда, при существовании товарного производства, не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию.

* Вариант А.

...то партия будет поддерживать стремление революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю и добиваться передачи всех земель в собственность государства.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ: «К. КАУТСКИЙ. НЕТ БОЛЬШЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ!»

Предлагаемая читателю в русском переводе брошюра принадлежит перу одного из самых выдающихся представителей германской социал-демократии. Автору этой брошюры удалось дать гораздо больше, чем можно было ожидать, судя по взятой им теме. Вместо простого опровержения лживых утверждений недобросовестного прислужника фабрикантов, г-на Бюргера, мы имеем замечательно ясное и общедоступное изложение самых коренных вопросов рабочего движения не только в Германии, но и во всем мире. Упадок мелкого производства, обнищание народа происходит повсюду. Буржуазные политики и ученые всех стран из кожи лезут, подобно г-ну Бюргеру, стремясь затушевать эти явления. Систематический разбор обычных доводов таких господ приобретает, поэтому, чрезвычайно большое значение.

Автор брошюры имеет дело почти исключительно с немецкими данными. Было бы желательно по некоторым вопросам дополнить эти данные соответствующими русскими. Такая попытка и будет, вероятно, сделана издателями брошюры, если последняя найдет себе то широкое распространение, которого она вполне заслуживает. Надо заметить только, что промышленная и сельскохозяйственная статистика России, по сравнению с германской, находится в самом жалком положении. Относительно Германии есть возможность сравнивать данные двух промышленных и сельскохозяйственных переписей, произведенных в разные промежутки времени по всей стране. В России не было ни одной такой переписи, и, кроме земской статистики, исследовавшей по-европейски небольшие

отдельные уголки народного хозяйства, у нас имеется лишь лживая, неряшливая, канцелярски-путаная статистика разных «ведомств», скорее заслуживающая названия полицейской отписки.

Российская бюрократия мешает русскому народу узнать всю правду о его положении. Но всякий образованный русский читатель легко припомнит сотни и тысячи примеров из нашей литературы о положении крестьянского хозяйства, о кустарных промыслах, о фабричном быте, — подтверждающих всецело выводы, к которым приходит автор брошюры. Всякий русский рабочий и крестьянин легко заметит, что обнищание народа, описываемое в брошюре, происходит в России в еще более широких размерах, в еще более остром виде, в еще более грубых формах.

Март 1906 года

Н. Ленин

*Напечатано в марте—апреле 1906 г.
в брошюре: К. Каутский.
«Нет больше социал-демократии!»*

Печатается по тексту брошюры

ПОБЕДА КАДЕТОВ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

**Написано 24—28 марта
(6—10 апреля) 1906 г.**

**Напечатано в апреле 1906 г.
отдельной брошюрой
в изд. «Наша Мысль»**

Печатается по тексту брошюры

I

КАКОЕ ОБЪЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЛО
НАШЕ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ В ДУМУ?

Победы кадетов вскружили голову нашей либеральной печати. Кадеты объединили в выборной кампании всех или почти всех либералов вокруг себя. Газеты, не принадлежавшие дотоле к кадетской партии, фактически сделались органами этой партии. Либеральная печать ликует. Со всех сторон несутся победные клики и угрозы по адресу правительства. К этим кликам — обстоятельство, в высокой степени характерное, — постоянно примешиваются то злорадные, то снисходительные выходы по адресу социал-демократов.

— Смотрите, какую ошибку вы сделали, отказавшись от участия в выборах! Вы видите теперь? Вы признаете ошибку? Вы оцениваете теперь советы мудрого и дальновидного Плеханова? — Такие и подобные им речи слышатся со страниц захлебывающейся от восторга либеральной печати. Про Плеханова замечательно верно сказал тов. Степанов (Сборник: «Текущий момент», статья «Изда-лека»), что с ним приключилось нечто подобное Бернштейну. И как Бернштейна в свое время на руках носили немецкие либералы и превозносили до небес все «прогрессивные» буржуазные газеты, так нет теперь в России либеральной газеты, даже либеральной газетной статьи (вплоть до «Слова», да, да, вплоть до октябристского «Слова»), которые бы не обнимали, не целовали, не миловали мудрого и дальновидного, рассудительного и трезвого Плеханова, имевшего мужество восстать против бойкота.

Посмотрим же, что доказали кадетские победы. Чью ошибку вскрыли они? Какую тактику изобличили в ее бесплодности?

Плеханов, Струве и К^о твердят нам, что бойкот был ошибкой. Почему кадеты так думают, это совершенно ясно. Их предложение провести в Думу одного рабочего от Москвы (см. «Нашу Жизнь», от 23 марта) показывает, что кадеты умеют ценить помощь рабочих, что они ищут сделки с соц.-дем. в интересах довершения и закрепления своей победы, что они заключают такую сделку с рабочими беспартийными все равно, как заключили бы они ее и с с.-д. партией. Что кадеты ненавидят бойкот, как отказ от поддержки их, кадетов, отказ от сделки «левых» с ними, кадетами, — это вполне естественно.

Но чего хочет Плеханов и тяготеющие к нему (частью сознательно, частью бессознательно) меньшевики или русские наши с.-д. антибойкотисты? Увы, увы! Плеханов всех смелее из них, всех последовательнее, всех свободнее и яснее излагает свои взгляды, — и своим пятым «Дневником»* он показывает паки и паки, что *он сам не знает, чего он хочет*. Надо участвовать в выборах, — вопиет он. Для чего? Для устройства революционного самоуправления, которое проповедуется меньшевиками? или для того, чтобы идти в Думу?

Плеханов вертится, лавирует, виляет, отделяется софизмами от этих простых, прямых и очевидных вопросов. Молчавший в течение месяцев и месяцев, когда меньшевики еще на страницах «Искры» проповедывали революционное самоуправление (*и когда он, не обинуясь, заявлял о своем сочувствии меньшевистской тактике*), Плеханов вдруг теперь бросает самую презрительную фразу против этого «знаменитого революционного самоуправления» меньшевиков. Знаменитого почему и чем, товарищ Плеханов? Не способствовали ли его «знаменитости» те самые большевики, с которыми Плеханов хочет теперь вести войну и которые давно показывали недостаточность, неопределенность и половинчатость этого лозунга?

Ответа нет. Плеханов ничего не поясняет. Он бросает лишь изречение оракула и проходит мимо. Разница между оракулом и Плехановым при этом та, что оракул предсказывает события, а Плеханов изрекает свои вердикты после миновавших событий, преподносит горчицу после ужина. Когда меньшевики до октябрьской революции, до декабрь-

* «Дневник Социал-Демократа» № 5.

ского восстания говорили о «революционном самоуправлении», говорили до наступления революционного подъема, тогда Плеханов молчал, одобряя однако меньшевистскую тактику вообще, молчал, как будто выжидая, как будто недоумевая, не решаясь составить себе сколько-нибудь определенное мнение. Когда спала революционная волна, когда миновали «дни свободы» и дни восстания, когда сошли со сцены разные Советы рабочих, солдатских, железнодорожных и др. депутатов (Советы, казавшиеся меньшевикам органами революционного самоуправления и относимые большевиками к зачаточным, разрозненным, стихийным, а потому бессильным органам революционной власти), — одним словом, когда вопрос потерял остроту, когда ужин был съеден, тогда Плеханов является с горчицей, тогда он проявляет свою, любезную гг. Струве и К^о, мудрость и дальновидность... насчет вчерашнего дня.

Почему не доволен тов. Плеханов революционным самоуправлением, это так и остается неизвестным. Плеханов сходитя теперь с большевиками насчет того, что революционное самоуправление многих «сбивает с толку» («Дневник» № 5), но по всему видно, что Плеханову подобный лозунг кажется слишком большим, а большевикам он кажется слишком малым. Плеханову кажется, что этот лозунг идет слишком далеко, а нам кажется, что он идет недостаточно далеко. Плеханов клонит к тому, чтобы отозвать меньшевиков от «революционного самоуправления» назад, к трезвой и деловой работе в Думе. Мы клоним к тому, — и не только клоним, а сознательно и отчетливо зовем к тому, — чтобы от революционного самоуправления сделать шаг вперед, к признанию необходимости цельных, планомерных, наступательно действующих органов восстания, органов революционной власти. Плеханов снимает практически с очереди лозунг восстания (хотя и не решается сказать это прямо и определенно); — вполне естественно, что он отвергает и лозунг революционного самоуправления, которое без восстания и вне обстановки восстания было бы смешной и вредной игрой. Плеханов немножко последовательнее своих единомышленников — меньшевиков.

Итак, для чего же участвовать в выборах и как участвовать в выборах, товарищ Плеханов? Не для революционного самоуправления, которое только «сбивает

с толку». Значит, для участия в Думе? — Но тут на Плеханова нападает сугубая робость. Он не хочет отвечать, а так как п + 1 товарищей из России, желающих не только «почитывать» дневники «пописывающего» писателя, но и действовать как-нибудь определенно среди рабочей массы, так как эти п + 1 назойливых корреспондентов требуют от него точного ответа, то Плеханов начинает сердиться. Трудно себе представить что-либо более беспомощное и более курьезное, чем его сердитое заявление, что было бы педантством, схематизмом и т. п. требовать от выбирающих знания того, куда и зачем они выбирают. Помилосердствуйте, тов. Плеханов! Да ведь вас просто осмеют и ваши друзья кадеты, и наши рабочие, если вы всерьез, перед массой, станете защищать эту великолепную программу: участвуйте в выборах, выбирайте, но не спрашивайте, куда вы выбираете, зачем вы выбираете. Выбирайте на основании закона о выборах в Думу, но не смейте думать (это было бы педантство и схематизм), что вы выбираете в Думу.

Почему запутался так очевидно тов. Плеханов, который некогда умел писать ясно и давать точные ответы? Потому, что, неверно оценив декабрьское восстание, он составил себе в корне ошибочное представление о настоящем политическом моменте. Он попал в такое положение, которое заставляет его бояться додумать до конца свои думы, бояться взглянуть прямо в лицо действительности.

Теперь же неподкрашенная действительность «думской кампании» обрисовалась уже вполне ясно. Теперь уже факты ответили на вопрос, какое объективное значение имеют выборы и участие в них, независимо от воли, сознания, речей и обещаний самих участвующих. Самый решительный из меньшевиков, тов. Плеханов, потому и боится высказаться прямо за участие в Думе, что это участие определило уже свой характер. *Участвовать в выборах, значит либо поддерживать кадетов и войти в сделку с ними, либо играть в выборы.* Справедливость этого положения доказала теперь сама жизнь. Плеханов вынужден был в № 5 «Дневника» признать правильность второй половины этого рассуждения, признать бестолковость лозунга: «революционное самоуправление». В № 6 «Дневника» Плеханов, если не уклонится от разбора

дела по существу, вынужден будет признать и первую половину.

Политическая действительность окончательно провалила тактику меньшевиков, ту тактику, которую они защищали в своей «платформе» (гектографированный листок, упоминающий имена Мартова и Дана, изданный в С.-Петербурге в конце 1905 или начале 1906 г.) и в своих печатных заявлениях (листок ОЦК с изложением обеих тактик, статья Дана в известной брошюре). Это была тактика участия в выборах не для выборов в Думу. Об участии в Думе, повторяем, ни один меньшевик из скольких-нибудь видных не решился и заикнуться в печати. И вот эта-то «чистая» меньшевистская тактика провалена жизнью окончательно. Об участии в выборах для «революционного самоуправления», для ухода с губернских избирательных собраний и т. п. вряд ли даже можно теперь и говорить серьезно. События показали самым наглядным образом, что такая игра в выборы, игра в парламентаризм ничего, кроме компрометирования социал-демократии, кроме позора и скандала, для нее дать не может.

Если нужны еще подтверждения сказанному, то одно из самых ярких дал Московский окружной комитет нашей партии. Это — слитная организация, объединившая фракции большинства и меньшинства. Тактика была принята тоже «слитная», т. е. наполовину, по крайней мере, меньшевистская: участвовать в выборах уполномоченных, чтобы закрепить влияние с.-д. в рабочей курии, и сорвать затем выборы, отказавшись от выбора выборщиков. Это был опыт повторения тактики, принятой относительно комиссии Шидловского. Это был «первый шаг» как раз в духе рекомендуемых тов. Плехановым мер: участвовать будем, а там дальше разберем в свое время поподробнее.

Меньшевистски-плехановская тактика Московского окружного комитета провалилась, как и следовало ожидать, с треском. Уполномоченные были выбраны. Прошли социал-демократы и частью даже члены организации. Подоспел закон против бойкота⁶³. Уполномоченные попали в тиски: либо пойти в тюрьму за агитацию в пользу бойкота, либо выбрать выборщиков. Агитация Окружного комитета, подпольная, как и агитация всех организаций нашей партии, оказалась бессильной сладить с двинутыми ею силами. *Уполномоченные нарушили данное обещание,*

порвали свои императивные мандаты и... *выбрали выборщиков*. Среди выборщиков тоже оказались частью с.-д. и даже члены организации.

Пишущий эти строки присутствовал при крайне тяжелой сцене в заседании Московского окружного комитета, когда руководящая с.-д. организация обсуждала вопрос: что делать и как быть теперь с этой провалившейся (плекхановской) тактикой. Провал тактики был до того очевиден, что из меньшевиков, членов комитета, не нашлось *ни одного*, который бы высказался за участие выборщиков в губернском избирательном собрании, или за революционное самоуправление, или за что-нибудь подобное. С другой стороны, трудно было решиться и на меры взыскания против нарушивших свои императивные мандаты уполномоченных-рабочих. Комитету пришлось умыть руки, молча признать свою ошибку.

Таков был результат плекхановской тактики: выбирать, не обдумав хорошенечко (не желая даже обдумать хорошенечко, не желая вовсе обдумывать: см. № 5 «Дневника»), к чему и зачем выбирать. При первом соприкосновении с действительностью меньшевистская «тактика» разлетелась в пух и прах, — это и не удивительно, ибо состояла эта «тактика» (участия в выборах не для выборов) в одних хороших словах и хороших намерениях. Намерения остались намерениями, слова остались словами, а на деле вышло то, что диктовалось неумолимой логикой объективной политической ситуации: либо выбирать для поддержки кадетов, либо играть в выборы. События буквально подтвердили, следовательно, то, что я писал в своей статейке: «Государственная дума и с.-д. тактика»: «Мы можем заявить о полной и полнейшей самостоятельности наших с.-д. кандидатур, о чистой и чистейшей партийности нашего участия, но *политическая обстановка сильнее всех заявлений*. На деле не выйдет, не сможет выйти сообразно этим заявлениям. На деле получится неизбежно, вопреки нашей воле, не социал-демократическая и не партийная рабочая политика при теперешнем участии в теперешней Думе» (стр. 5)*.

Пусть попробуют меньшевики или плекхановцы опровергнуть этот вывод, — только не словами, а делами,

* См. настоящий том, стр. 89. *Ред.*

фактами. У нас ведь теперь в партии каждая местная организация автономна в своей тактике. Отчего же не вышло нигде в России путной и толковой меньшевистской тактики? Отчего московская группа РСДРП, меньшевистская и неслитая с большевистским комитетом, не подготовила «плехановской» или своей собственной выборной кампании к тем выборам, которые произойдут в Москве послезавтра, в воскресенье, 26 марта? Конечно, не от нежелания. Я уверен, что и не от неумения. Оттого, что объективная политическая ситуация предписывала либо бойкот, либо поддержку кадетов. Теперь среди выборщиков Московской губернии есть с.-д. Выборы обрисовались вполне. Губернское избирательное собрание еще не скоро. Время есть, товарищ Плеханов. Время есть, товарищи-меньшевики! Посоветуйте же этим выборщикам, что делать*. Покажите им хоть раз не задним числом, что у вас есть тактика. Должны ли эти выборщики просто уйти с губернского избирательного собрания? Или уйти и образовать революционное самоуправление? Или подать белые листики? Или, наконец, выбирать в Думу, и если так, то кого? своего с.-д. для пустой и безнадежной, вакулисной демонстрации? Наконец, главный вопрос, на который должны ответить вы, товарищи меньшевики и товарищ Плеханов: как быть этим выборщикам, если их голоса будут решать выбор кадетов или октябристов? если, например, кадетов будет А — 1, октябристов А, а выборщиков — социал-демократов двое? воздержаться**

* Эти строки были уже написаны, когда я прочел № 30 «Речи» от 24 марта, где говорится в корреспонденции из Москвы: «Насколько можно сейчас определить, шансы в предстоящей борьбе на губернских выборах между кадедами и правыми партиями приблизительно одинаковы: как у октябристов (11) с торгово-промышленниками (26) и представителями крайних правых партий (13) насчитывается всего 50 достаточно определившихся голосов, так точно и у кадетов (22), если приписать к ним беспартийных прогрессистов (11) и рабочих (17), получится тоже 50 голосов. Успех будет находиться таким образом в зависимости от того, к какой партии приминут 9 выборщиков, направление которых остается неизвестным».

Допустим, что эти 9 — либералы, а 17 рабочих — уполномоченные с.-д. партии (как то нехотели видеть Плеханов и меньшевики). Итоги тогда: кадеты 42, правые 50, с.-д. 17. Что остается делать социал-демократам кроме избирательного соглашения с кадедами о дележе мест в Думу?

** Вряд ли нужно добавлять, что, выбирая своего с.-д., эти двое на деле помогли бы черносотенцам. Социал-демократический выбор равнялся бы воздержанию, то есть равнялся бы пассивному отстранению от боя, в котором черносотенцы бьют кадетов.

P. S. (Postscriptum — приписка. Ред.). В тексте ошибочно было сказано, что губернское избирательное собрание еще не скоро. Оно уже теперь со-

значило бы помочь октябристам побить кадетов! остается подать за кадетов и *попросить у них за услугу местечко в Думе?*

Это вовсе не выдуманный нами вывод. Это вовсе не полемическая выходка против меньшевиков. Этот вывод — сама действительность. Участие рабочих в выборах, участие социал-демократии в выборах *на деле* приводит к этому и только к этому. Кадеты правильно учли петербургский опыт, когда непартийные рабочие-квартиронаниматели голосовали за них, чтобы не дать победить октябристам. Сделав учет этого опыта, кадеты выступили с прямым предложением к московским рабочим: поддержите нас, и мы проведем одного из ваших выборных в Думу. Кадеты правильнее поняли действительное значение плехановской тактики, чем сам Плеханов. Своим предложением они предвосхитили неминуемый политический результат выборов. Будь вместо непартийных рабочих-выборщиков партийные рабочие социал-демократы, они стояли бы перед той же дилеммой: либо отстраниться, пособив этим черносотенцам, либо войти в прямую или косвенную, молчаливую, или оформленную договором, сделку с кадетами.

Да, да, недаром, совсем *не даром* лобзают теперь кадеты Плеханова! Цена этим лобзаниям очевидная. *Do ut des*, как говорит латинская пословица: я даю тебе, чтобы ты дал мне. Я даю тебе лобзание за то, что ты своими советами даешь *мне* лишние голоса. Правда, ты, может быть, вовсе не хотел этого; ты стыдился даже признаться публично в получении наших лобзаний. Ты увертывался всеми правдами и неправдами (особенно неправдами!) от ответа на вопросы, которые слишком бесцеремонно, слишком вплотную подходили к самой сути нашей любовной сделки. Но ведь дело вовсе не в твоих желаниях, не в твоих умыслах, не в твоих благих (с социал-демократической точки зрения благих) намерениях. Дело в *результатах*, а таковые нам выгодны.

стоялось. Черносотенцы победили, ибо крестьяне не столкнулись с кадетами. Кстати, в том же номере «Нашей Жизни», откуда мы почерпнули это известие (№ 405 от 28 марта), сообщается: «Газета «Путь» из достоверного источника передает, что многие социал-демократы-меньшевики приняли вчера (в Москве) деятельное участие в выборах, подавая свои голоса по спискам «народной свободы». Правда ли это?

Кадетское понимание плехановской тактики соответствует действительности. Поэтому для них получается и желаемый ими результат: приобретение рабочих голосов, заключение сделки с рабочими, *вовлечение рабочих в круговую* (вместе с кадетами) *ответственность за кадетскую Думу*, за кадетскую политику.

Плехановское понимание предлагаемой им тактики не соответствует действительности. Поэтому благие намерения Плеханова служат лишь к мощению ада. Социал-демократическая агитация по поводу выборов перед *массами*, организация *масс*, мобилизация *масс* вокруг социал-демократии и т. п. и проч. (смотри декламацию плехановского единомышленника Дана в его брошюре), все это остается на бумаге. Как бы кто из нас ни желал этого, — объективные условия препятствуют осуществлению желаний. Социал-демократического знамени развернуть перед массой не удастся (вспомните пример Московского окружного комитета), нелегальной организации нет возможности превратиться в легальную, парус вырывается у бессильного кормчего, бросившегося в *quasi**-парламентский поток без всякого серьезного снаряжения. *На деле получается не социал-демократическая и не партийная рабочая политика*, а кадетская рабочая политика.

Но ведь ваш бойкот оказался совсем бесполезной и бессильной вещью! кричат нам со всех сторон кадеты. Рабочие, которые хотели посрамить Думу и нас, кадетов, своим примером бойкота, — рабочие, которые выбрали чучело в Думу, ошиблись самым явным образом! Дума будет не чучельная, а кадетская!

Полноте, господа! Вы наивны или прикидываетесь наивными. Если Дума будет кадетская, ситуация получится иная, но все же Дума будет чучелом. Рабочими руководил замечательно чуткий классовый инстинкт, когда они своей бесподобной демонстрацией с выборами чучела символизировали будущую Думу, предостерегали доверчивый народ, снимали с себя ответственность за игру в чучела.

Вы не понимаете этого? Позвольте, мы поясним вам.

* — мнимо. Ред.

II

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПЕРВЫХ ВЫБОРОВ

Первые политические выборы в России имеют очень крупное политическое и социальное значение. Но кадеты, упоенные своей победой и погрязшие целиком в конституционных иллюзиях, совершенно не способны понять действительное значение этих выборов.

Прежде всего, рассмотрим, какие классовые элементы группируются вокруг кадетов. Выборы дают по этому вопросу чрезвычайно поучительный и ценный материал, который еще далеко, далеко не полон. Кое-что однако уже намечается и заслуживает особенного внимания. Вот итоги данных о выборщиках по 18 марта (т. е. до петербургских выборов), заимствуемые нами из «Русских Ведомостей»⁶⁴:

Политические направления*	Число выборщиков, избранных съездами		
	городских избирателей	землевлa- дельцев	Итого
Левые.....	268	128	396
Правые.....	118	172	290
Беспартийные.....	101	178	279
<i>Итого.....</i>	487	478	965

Как ни скудны еще эти данные, из них видно, однако (и петербургские выборы лишь усиливают такой вывод), что русское освободительное движение вообще, партия кадетов в частности, переживает некоторый социальный сдвиг. Центр тяжести этого движения более перемещается к городам. Движение демократизируется. Выдвигается городской обыватель из «мелкоты».

Среди землевладельцев преобладают правые (если допустить, что беспартийные делятся пополам между левыми и правыми, — предположение, которое грешит скорее, вероятно, излишним пессимизмом, чем оптимизмом). Среди городских избирателей — несравненно более сильное преобладание левых.

* К левым мы отнесли — с.-д. (2), кадетов (304), партию демократических реформ (4), прогресс. нагр. (59), умеренных либералов (17), союз равноправия евр. (3) и полян. нац. (7). К правым — октябристов (124), торг.-пром. партию (51), новст.-монарх. (7), партию прав. порядка (5), правых (49), монархистов (54).

Помещик ушел от кадетов в Союз 17 октября и т. п. партии. Зато мелкая буржуазия, по крайней мере городская (о сельской данных еще нет, да и труднее будет до Думы добыть такие данные), выступает явно на политическую арену, поворачивает явно к демократизму. Если в буржуазно-освободительном (и «освобожденском») движении земских съездов преобладали помещики, то теперь крестьянские восстания и октябрьская революция отбросили большую часть их решительно на сторону контрреволюции. Партия кадетов остается двойственной — в ней мы видим и городскую мелкую буржуазию, и либеральных помещиков, — но последние, по видимому, составляют уже меньшинство в партии. Мелкобуржуазная демократия преобладает.

С большой вероятностью, почти с достоверностью, мы можем, следовательно, сделать два следующие вывода: во-1-х, мелкая буржуазия формируется политически и выступает определенно против правительства; во-2-х, партия к.-д. становится «парламентской» партией мелкобуржуазной демократии.

Эти выводы не совпадают один с другим, как могло бы показаться на первый взгляд. Второй вывод гораздо уже первого, ибо к.-д. охватывают не все мелкобуржуазные демократические элементы, будучи кроме того только «парламентской» (т. е., *разумеется, квази-парламентской, игрушечно-парламентской*) партией. Насчет значения, напр., петербургских выборов поразительно сходятся все свидетельства, — начиная от бойкой и радикальничавшей «Руси», продолжая г. Набоковым, членом ЦК кадетов и кандидатом в Думу, и кончая «Новым Временем», — сходятся в том, что это были, собственно, не столько голосования за кадетов, сколько голосования *против правительства*. Кадетам победа досталась в значительной степени лишь *потому, что они оказались* (благодаря Дурново и К^о) *самой левой партией*. Действительно левые партии были устранены насильем, арестами, бойнями, избирательным законом и т. д. Все недовольные, раздраженные, озлобленные, неопределенно-революционные элементы силой вещей, логикой выборной борьбы, вынуждены были сплотиться вокруг кадетов*. То соединение всех

* «Молва», 22 марта: «Ни для кого не секрет, что от этой Думы творческой работы не ждут, и надстав туда посылают во множестве люди, несоглас-

прогрессивных выборщиков заодно с кадетами, которое мы произвели в выше приведенной табличке, произошло и на самом деле. Боролись, в сущности, две крупные силы: за правительство (контрреволюционный помещик, капиталист и озверелый чиновник) и против правительства (либеральный помещик, мелкая буржуазия и всякие неопределенные элементы революционной демократии). Что элементы, стоящие левее кадетов, отдавали им свои голоса, это несомненно из общей картины петербургских* выборов, это подтверждают и прямые показания многочисленных свидетелей (подача голоса «простонародьем» за «свободу» и пр. и т. п.), это видно косвенным образом и из повального перехода в кадетский лагерь демократической печати, немножечко более левой, чем печать кадетская. Следовательно, если ядро теперешней кадетской партии составляют, несомненно, люди, наверное не годные ни на что путное, кроме игрушечно-парламентского красноречия, то этого никак нельзя сказать про всю массу мелкобуржуазных избирателей, голосовавших за кадетов. «С нами, в сущности, произошло то же, что происходит в Германии на выборах с социал-демократами, — сказал один кадет репортеру кадетской (или полукадетской) «Нашей Жизни» (№ 401, 23 марта), — за них многие голосуют за то, что они самая оппозиционная партия по отношению к правительству».

Это очень верно сказано. Нехватает только маленького, маленького добавления: немецкие с.-д., как боевая и в полном смысле слова передовая социалистическая партия, группируют вокруг себя многие сравнительно отсталые элементы. Русские кадеты, как в полном смысле слова отсталая и не боевая демократическая партия, увлекли за собой многие передовые и способные на борьбу демократические элементы, благодаря насильственному удалению с поля битвы действительно демократических партий. Другими словами: немецкие с.-д. увлекают за собой тех, кто идет позади них; русские к.-д. сами идут позади демократической революции и увлекают за собой многих

ные с их программой, лишь возлагая на них святое дело и огромный груз расчистки многолетней грязи в авгиевых конюшнях наших, сиречь в правительстве».

* Петербургские выборы, давшие все 180 мест кадетам, только с особенной отчетливостью вскрыли то, что намечалось и намечается в выборах по целому ряду других мест. В этом все значение питерских выборов.

передовых лишь тогда, когда идущие впереди их населяют по преимуществу места тюремного заключения и вечного успокоения...* Это мимоходом, чтобы наши кадеты не слишком возмечтали о себе по поводу сравнения их с немецкими с.-д.

Благодаря удалению со сцены игрушечно-парламентской борьбы передовых демократических элементов и на время такого удаления кадеты естественно имеют шансы овладеть тем игрушечным парламентом, который зовется российской Государственной думой. Если взять вышеприведенные цифры, принять во внимание петербургскую и другие позднейшие победы кадетов, прикинуть примерно громадное преобладание деревенских выборщиков над городскими, присоединить к землевладельческим выборным крестьянских выборных, то в общем и целом надо признать вполне возможным и даже вероятным предположение, что Дума будет кадетской.

III

ЧТО ТАКОЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗ СЕБЯ ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ?

Какую же роль может сыграть и должна будет сыграть кадетская Дума? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала остановиться на более подробной характеристике самой кадетской партии.

Мы уже отметили основную черту классовой структуры этой партии. Не связанная с каким-либо одним определенным классом буржуазного общества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной буржуазии. Социальной опорой этой партии является, с одной стороны, массовый городской

* Интересно отметить признание «Руси», что одной из причин успеха кадетов было допущение ими на свои собрания «левых». Г. С. А — ч пишет в № 18 «Молвы» (22 марта): «Не мало выиграла эта партия (к.-д.) в глазах избирателей и оттого, что, допуская на свои митинги представителей крайних левых партий, победоносно вступала с ними в диспуты». Победоносность кадетов в споре с нами пусть останется при г. А — че. Мы вполне довольны результатами состоявший с.-д. и к.-д. на петербургских собраниях в марте 1906 г. Когда-нибудь беспристрастные участники этих собраний расскажут о том, за кем оставалась победа.

обыватель, — тот самый городской обыватель, который усердно строил баррикады в Москве в знаменитые декабрьские дни, — а с другой стороны, либеральный помещик, тяготеющий чрез посредство либеральничавшего чиновника к сделке с самодержавием, к «безобидному» дележу власти между народом и всякими угнетателями народа божиею милостью. Эта чрезвычайно широкая, неопределенная и внутренне-противоречивая классовая опора партии (заметно проявляющая себя, как отмечено уже выше, в статистике кадетских выборщиков) отражается с замечательной рельефностью в программе и тактике к.-д. Их программа целиком буржуазна, кадеты не могут даже представить иного общественного строя, кроме капиталистического, за пределы которого не выходят самые смелые пожелания их. В области политики их программа соединяет вместе демократизм, «народную свободу», и контрреволюцию, свободу угнетения народа самодержавием, соединяет с чисто мелкобуржуазной и профессорски-педаантской скрупулезностью. Власть в государстве делится приблизительно на три части, — таков идеал кадета. Одна часть — самодержавию. Монархия остается. Монарх сохраняет равные права с народным представительством, которое «соглашается» с ним насчет издаваемых законов, которое предлагает ему на *утверждение* свои *законопроекты*. Другая часть власти — помещику и крупному капиталисту. Они получают верхнюю палату, от которой двухстепенные выборы и ценз по оседлости должны отгонять «простонародные» элементы. Наконец, третья часть власти народу, получающему нижнюю палату на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. К чему борьба, зачем междоусобицы? говорит Иудушка-кадет, вознося очи горе и укоризненно поглядывая и на революционный народ, и на контрреволюционное правительство. Братия! Возлюбим друг друга! Пусть будут и волки сыты и овцы целы, и монархия с верхней палатой неприкосновенны и «народная свобода» обеспечена.

Лицемерие этой кадетской принципиальной позиции бьет в глаза, фальшь «научных» (профессорски-научных) доводов, которыми она защищается, поразительна. Но было бы в корне ошибочно, разумеется, объяснить это лицемерие и эту фальшь личными качествами кадетских вождей или отдельных кадетов. Марксизму совершенно

чуждо подобное вульгарное объяснение, нередко приписываемое нам нашими противниками. Нет, среди кадетов несомненно есть преискренние люди, верящие в то, что их партия есть партия «народной свободы». Но двойственная и колеблющаяся классовая основа их партии неминуемо порождает их двуличную политику, их фальшь и их лицемерие.

Эти милые черты еще яснее, пожалуй, чем на кадетской программе, сказываются и на кадетской тактике. «Полярная Звезда»⁶⁵, в которой г. Струве так усердно и так успешно приближал кадетство к нововременству, дала превосходную, великолепную, неподражаемую обрисовку кадетской тактики. В то самое время, когда замирали выстрелы в Москве, когда военно-полицейская диктатура праздновала свои бешеные оргии, когда экзекуции и массовые истязания шли по всей России, — в «Полярной Звезде» раздавались речи против насилия слева, против забастовочных комитетов революционных партий. Торгующие наукой за счет Дубасовых кадетские профессора доходили до того (г. Кизеветтер, член ЦК кадетов и кандидат в Думу), что переводили слово диктатура словом усиленная охрана! «Люди науки» даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить революционную борьбу. Диктатура означает — примите это раз навсегда к сведению, господа Кизеветтеры, Струве, Изгоевы и К^о — неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти. Своим вульгарным извращением научного понятия диктатура, своими воплями против насилия слева, в эпоху разгула самого беззаконного, самого подлого насилия справа, господа кадеты воочию показали, какова позиция «соглашателей» в обостренной революционной борьбе. «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ (17 октября), «соглашатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует во-всю и кричит до иступления: то была «славная» политическая забастовка. Когда побеждает контрреволюция —

соглашатель начинает осыпать побежденных лицемерными увещаниями и назиданиями. Победившая забастовка была «славная». Побежденные забастовки были преступные, дикие, бессмысленные, анархические. Победенное восстание было безумием, разгулом стихии, варварством, нелепостью. Одним словом, политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоит в том, чтобы пресмыкаться пред тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу.

Крестьяне борются против помещичьего землевладения. Борьба доходит теперь до своего кульминационного пункта. Она обострилась настолько, что вопрос встал уже ребром: помещики хотят пулеметов в ответ на малейшие пополановения крестьян захватить награбленную дворянами в течение веков землю. Крестьяне хотят взять всю землю. Тогда «Полярная Звезда» с кислосладкой оговорочкой пошлет в бой господ Кауфманов, которые будут доказывать, что у помещиков земли немного и что дело собственно не в земле и что можно все окончить полюбовно.

Тактическая резолюция последнего кадетского съезда хорошо суммирует политиканство кадетов. После декабрьского восстания, когда мирная стачка самым очевидным для всех образом изжила себя, исчерпала все свои силы, оказалась уже негодной, как самостоятельное средство борьбы, — выплыла на поверхность резолюция кадетского съезда (предложенная, кажется, г. Винавером), признающая *мирную* политическую забастовку, как средство борьбы!

Великолепно, бесподобно, господа кадеты! Вы усвоили себе с неподражаемой ловкостью дух и смысл буржуазного политиканства. Надо стараться опереться на народ. Без этого буржуазия не достигнет власти и никогда не достигала власти. Но надо в то же время сдерживать революционный натиск народа, чтобы рабочие и крестьяне не завоевали, боже упаси, полной и решительной демократии, настоящей, а не монархической, не «двухпалатной» народной свободы. Для этого надо бросать палки под колеса революции всякий раз, когда она побеждает, — и делать это следует всеми средствами, всеми мерами, начиная от «научного» искажения латыни «профессорами» для посрамления самой идеи решительной победы народа

и кончая хотя бы признанием только таких средств революционной борьбы, которые *уже* отжили свое время в тот момент, когда вы их признаете! Это и безвредно, и выгодно. Безвредно, ибо притупившееся оружие заведомо не даст народу победы, не поставит к власти пролетариат и крестьянство, в лучшем случае только расшатает немного самодержавие и поможет кадетам выторговать для буржуазии лишний кусочек «справ». Это выгодно, ибо дает внешний вид «революционности», вид сочувствия народной борьбе, привлекает на сторону кадетов симпатии массы таких элементов, которые искренно и серьезно хотят победы революции.

Самая сущность экономического положения мелкой буржуазии, колеблющейся между капиталом и трудом, неизбежно порождает политическую шаткость и двуличность партии кадетов, ведет к их пресловутой теории соглашения («народ имеет права, но утверждать эти права есть право монарха»), делает из их партии партию конституционных иллюзий. Идеолог мелкой буржуазии не может понять «сущности конституции». Мелкий буржуа всегда склонен принимать бумажку за сущность дела. Он мало способен к самостоятельной, не примыкающей к боевому классу, организации для борьбы непосредственно-революционной. Наиболее отстраненный от самой резкой экономической борьбы нашей эпохи, он и в политике предпочитает уступать первое место другим классам, когда речь идет о настоящем завоевании конституции, об обеспечении на деле настоящей конституции. Пусть за конституционную почву борется пролетариат, а на конституционной почве, поскольку она держится хотя бы на трупах перебитых в восстании рабочих, пусть играют в парламентаризм игрушечного дела людишки, — такова имманентная тенденция буржуазии, и партия кадетов, эта очищенная, облагороженная, сублимированная, надушенная, идеализированная, подслащенная персонификация общеполитических стремлений, действует в указанном направлении с замечательной неуклонностью.

Вы зовете себя партией народной свободы? Подите вы! Вы — партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет народной свободы. Вы — партия свободы, ибо вы хотите подчинить свободу монарху и верхней, помещичьей, палате. Вы — партия народа,

ибо вы боитесь победы народа, т. е. полной победы крестьянского восстания, полной свободы рабочей борьбы за рабочее дело. Вы — партия борьбы, ибо вы прячетесь за кислосладкие профессорские отговорки всякий раз, когда разгорается настоящая, прямая, непосредственная революционная борьба против самодержавия. Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию.

Когда наступает затишье после отчаянной борьбы, когда наверху «отдыхает уставший от победы», обожравшийся зверь*, а внизу «точат мечи», собирая новые силы, когда начинает снова понемногу бродить и кипеть в народной глубине, когда только еще готовится новый политический кризис и новый великий бой, — тогда партия мещанских иллюзий о народной свободе переживает кульминационный пункт своего развития, упивается своими победами. Обожравшемуся зверю лень подниматься снова, чтобы нападать на либеральных говорунов вплотную (успеется еще! над нами не каплет!). А для борцов рабочего класса и крестьянства не настала еще пора нового подъема. Тут-то и ловить момент, тут-то и собирать голоса всех недовольных (а кто нынче доволен?), тут-то и заливать соловьем наших кадетам.

Кадеты — могильные черви революции. Революцию похоронили. Ее гложут черви. Но революция обладает свойством быстро воскресать и пышно развиваться на хорошо подготовленной почве. А почва подготовлена замечательно, великолепно, октябрьскими днями свободы и декабрьским восстанием. И мы далеки от мысли отрицать полезную работу червей в эпоху похороня революции. Ведь эти жирные черви так хорошо удобряют почву...

Крестьянин в Думе будет кадетом! воскликнул как-то г. Струве в «Полярной Звезде». Это очень правдоподобно. Крестьянин в массе своей стоит, конечно, за народную свободу. Он услышит эти хорошие, великие слова, он

* Спиталец — «Тихо стало кругом»: «Струны порваны! песня, умолкни теперь! Все слова мы до битвы скавали. Снова ожил дракон, издыхающий вверх, и мечи вместо струн зазвучали... Тихо стало кругом: в этой жуткой ночи нет ни звука из жизни бывалой. Там — внизу — победленные точат мечи, наверху — победитель усталый. Одряхлел и иссох обожравшийся вверх. Там, вливу что-то видит он снова, там дрожит и шатается старая дверь, богатырь разбивает оковы».

увидит перед собой переряженных в разные «октябристские» костюмы урядников, скулодробительных станowych, крепостников-помещиков. Он встанет, наверное, на сторону народной свободы, он потянется за красиво-намалеванной вывеской, он не разгадает сразу мещанского обмана, он станет кадетом... он будет кадетом до тех пор, пока ход событий не укажет ему, что народная свобода *еще* должна быть завоевана, что настоящая борьба за народную свободу предстоит *вне* Думы. А тогда... тогда и крестьянин, и масса городской мелкой буржуазии расколется: небольшое, но экономически-сильное, кулацкое меньшинство может встать уже решительно на сторону контрреволюции, часть встанет на сторону «соглашения», «примирения», любовной сделки с монархией и с помещиками, часть уйдет на сторону революции.

Обыватель строил баррикады в декабре, во время великой борьбы. Обыватель протестовал против правительства, выбирая кадета, после подавления восстания, в марте. Обыватель отойдет еще от кадета к революции, когда потерпят крах теперешние конституционные иллюзии. Какая часть обывателей отойдет от кадетской болтовни к революционной борьбе, какая часть крестьянства присоединится к ним, насколько энергично, организованно и успешно выступит в новом натиске пролетариат, — это решит исход революции.

Партия кадетов — эфемерная, безжизненная партия. Это утверждение может показаться парадоксом в такой момент, когда кадеты одерживают блестящие победы на выборах, когда им предстоит, вероятно, еще более блестящие «парламентские» победы в Думе. Но марксизм учит нас рассматривать всякое явление в его развитии и не довольствоваться одним поверхностным очертанием, не верить в красивые вывески, исследовать экономические, классовые основы партий, изучать ту объективную политическую обстановку, которая предрешит значение и исход их политической деятельности. Примените этот метод рассмотрения к кадетам, — и вы увидите правильность нашего утверждения. Кадеты не партия, а симптом. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравновешивающих друг друга борющихся сил. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную,

ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа. Эта партия не хочет и не может сколько-нибудь прочно властвовать в буржуазном обществе вообще, не хочет и не может вести по какому-нибудь определенному пути буржуазно-демократическую революцию. Кадеты не хотят властвовать, предпочитая «состоять» при монархии и верхней палате. Они не могут властвовать, ибо настоящие хозяева буржуазного общества, разные Шиповы и Гучковы, представители крупного капитала и крупной собственности, стоят в стороне от этой партии. Кадеты — партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, «идеальном» буржуазном обществе. Гучковы и Шиповы — партия черненького, настоящего, реального капитала в современном буржуазном обществе. Кадеты не могут вести революцию вперед, ибо нет за ними сплоченного и действительно революционного класса. Они боятся революции. Они сплачивают вокруг себя всех, весь «народ» лишь на почве конституционных иллюзий, объединяют лишь отрицательной связью: ненавистью к обожравшемуся зверю, — к самодержавному правительству, против которого *всегда* на данной «легальной» почве стоят сейчас кадеты.

Историческая роль кадетов — переходная, минутная роль. Они падут вместе с неизбежным и быстрым падением конституционных иллюзий, как пали очень похожие на наших кадетов и такие же мелкобуржуазные французские социал-демократы конца 40-х годов. Кадеты падут, удоблив почву... либо для продолжительного торжества Шиповых и Гучковых, для длительных похорон революции, для «серьезного» буржуазного конституционализма; — либо для революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

IV

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАДЕТСКОЙ ДУМЫ

Итак, Государственная дума, говорят нам либеральные газеты, будет кадетской. Мы указали уже, что это предположение вполне вероятное. Добавим только, что если кадеты окажутся, несмотря на свои теперешние победы,

в меньшинстве в Думе, то это обстоятельство вряд ли особенно существенно изменит ход того политического кризиса, который вновь назревает теперь в России. Элементы этого революционного кризиса коренятся слишком глубоко, чтобы тот или иной состав Думы мог оказать серьезное влияние. Отношение широких масс населения к правительству вполне ясное. Отношение правительства к назревшим нуждам всего общественного развития более чем ясное. Революция, естественно, будет идти вперед при таком положении дел. Одно только вероятное замедление в известных сторонах политического развития России будет связано с преобладанием черносотенцев в первой Думе. Именно: замедлится крах кадетской партии и кадетского обаяния в народе, если кадеты будут теперь в меньшинстве. Быть в меньшинстве, оставаться в оппозиции для них теперь очень удобно. Перевес черносотенцев сваливался бы в глазах публики на правительственные репрессии при выборах. Оппозиционные речи кадетов, сознающих «безвредность» своей оппозиции, были бы особенно горячи. Перед широкими массами политически неразвитого населения престиж кадетов мог бы подниматься при таких условиях, когда кадетские «слова» звучали бы еще громче, чем теперь, а кадетские «дела» оставались бы еще неясными вследствие майоризирования кадетов октябристами. Рост недовольства против правительства, подготовка нового революционного подъема шли бы и тогда своим чередом, но разоблачение кадетской пустоты могло бы несколько замедлиться.

Возьмем теперь другое предположение, более вероятное, если верить теперешним уверениям кадетских газет. Допустим, что кадеты будут в Думе в большинстве, — разумеется, при таком же соединении с кадетами разных непартийных, «мелкопартийных» и прочих либералов, которое наблюдается и теперь при выборах. Каковы будут значение и роль кадетской Думы?

Сами кадеты дают очень определенные ответы на этот вопрос. Их заявления, их обещания, их громкие фразы дышат твердостью и решимостью. И нам, членам рабочей партии, в высшей степени важно тщательно собрать все эти заявления, хорошенечко запомнить их, шире распространить их в народе, добиться непременно того, чтобы уроки политического воспитания (преподаваемые

кадетами народу) не пропали даром, чтобы рабочие и крестьяне доподлинно знали, *что обещают* кадеты и *как они выполняют свои обещания*.

В настоящей брошюре, — которая представляет из себя не более, как беглые заметки странствующего с.-д. публициста, отставленного, волею Дурново и К^о, от газетной работы, — в этой брошюре мы не можем и думать о том, чтобы собрать все или хотя бы даже наиболее существенные заявления и обещания кадетов, шедших в Думу. Мы можем отметить лишь кое-что на основании литературы, которая случайно находится у нас под руками.

Вот газета «Народная Свобода», выходявшая в декабре и быстро закрытая правительством. Это — прямой, официальный орган кадетской партии. Такие столпы этой партии, как гг. Милюков и Гессен, редактировали эту газету. Что вся партия к.-д. отвечает за ее содержание, в этом не может быть ни малейшего сомнения.

В номере от 20 декабря «Народная Свобода» принимается уверять читателя, что необходимо идти в Думу. Как же аргументирует при этом орган кадетов? «Народная Свобода» и не думает спорить против того, что очередная политическая задача для России состоит в созыве учредительного собрания. Орган кадетов принимает это положение за доказанное. Вопрос только в том, видите ли, кто созовет это учредительное собрание. Возможен тройкий ответ: 1) теперешнее, т. е. на деле самодержавное, правительство; 2) временное революционное правительство, и 3) Государственная дума, как *«власть, конкурирующая с властью»*. И вот, кадеты отвергают оба первые исхода — на самодержавное правительство они не надеются, а в успех восстания не верят. Зато третий исход кадеты принимают. Они именно потому и зовут в Думу, что это лучший, вернейший и пр., и пр. способ созыва всенародного учредительного собрания.

Запомните хорошенько этот вывод, господа! Кадетская партия, партия «народной свободы», *обещала народу* воспользоваться «властью, конкурирующей с властью», воспользоваться преобладанием своим в Государственной думе (если народ поможет ей добиться такого преобладания) *для созыва всенародного учредительного собрания*.

Это — исторический факт. Это — важное обещание. Это первая проверка того, как будет служить народной свободе без кавычек партия «народной свободы» в кавычках.

В теперешних газетах кадетской партии (а к этой партии, повторяем, *фактически* примкнули почти все либеральные органы, в том числе «Русь», «Наша Жизнь» и т. п.) вы уже не встретите такого обещания. Говорят разве об «учредительных функциях» Думы, но уже не о созыве Думой всенародного учредительного собрания. По мере приближения того времени, когда обещания должны подкрепляться выполнением их, *делается уже шаг назад*, готовится уже *лазейка*.

Или, может быть, все дело в том, что свирепые законы мешают теперь говорить прямо об учредительном собрании? Не так ли, господа? Ведь в Думе, где ваши депутаты будут пользоваться, *по закону*, свободой слова, вы заговорите снова полным голосом, вы потребуете созыва... что я говорю?.. вы *созовете* всенародное учредительное собрание?

Поживем — увидим. И не забудем обещания кадетов созвать чрез посредство Думы всенародное учредительное собрание. Кадетские газеты так и пестрят теперь заявлениями о том, что они, кадеты, будут «правительством», что у них будет «власть» и пр. и т. п. В час добрый, господа! Чем скорее у вас будет большинство в Думе, тем скорее наступит время, когда ваши векселя будут предъявлены к уплате. Вот кадетская газета «Русь», приветствуя питерскую победу партии «народной свободы», помещает в номере от 22 марта горячую статью: «С народом или против него?». О созыве всенародного учредительного собрания Думой здесь прямо не говорится. Но, несмотря на этот шаг назад от данных кадетами обещаний, остается все же не мало хороших кадетских перспектив:

«Главное назначение собирающейся теперь Думы и партии народной свободы в ней — быть бичом народного гнева.

Изгнав и отдав под суд преступных членов правительства, ей придется ваяться лишь неотложными мерами, а затем созвать настоящую Думу — на более широких основаниях, представительницу всего народа» (т. е. созвать учредительное собрание?).

«В этом несомненная задача Думы, т. е. та задача, которую возлагает на нее теперь сам народ».

Так. Так. Изгнать правительство. Отдать под суд правительство. Созвать настоящую Думу.

Хорошо пишет газета «Русь». Хорошо говорят кадеты. Удивительно красиво говорят кадеты. Нехорошо только, что закрывают их газеты за эти хорошие слова...

Запомним же, господа, это новое обещание, данное на другой день после питерских выборов, запомним его хорошенько. Кадеты идут в Думу, чтобы прогнать правительство, чтобы отдать под суд правительство, чтобы созвать настоящую Думу.

От кадетских обещаний насчет Думы перейдем теперь к правительственным «видам» насчет кадетской Думы. Конечно, знать в точности этих «видов» никому не дано, но некоторый материал для суждения об этом имеется, даже у тех же самых оптимистских кадетских газет. Вот, напр., относительно займа во Франции получают все более уверенные сообщения, что этот заем дело решенное, что состоится он до Думы. Правительство будет, конечно, еще менее зависимо от Думы.

Далее, относительно перспектив министерства Витте-Дурново та же газета «Русь» (или «Молва») в цитированной выше статье предлагает правительству «идти вместе с народом, т. е. с Думой». Как видите, «изгнание преступных членов правительства» понимается собственно лишь в смысле известной перемены лиц. Какой перемены, видно из следующих слов газеты:

«Теперь даже для самой реакции было бы самым выгодным министерство такого деятеля, как Д. Н. Шипов. Оно одно могло бы предотвратить конечное столкновение правительства и общества в Думе». Но мы идем «худшим шансом», замечает газета, ожидая образования чисто чиновничьего министерства. «Тут доказывать нечего, — говорит «Молва», — ясно до очевидности всем, что если правительство не собирается лишить значения Думу, то оно должно, оно обязано немедленно дать отставку Дурново, Витте и Акимову. И так же ясно, что если это не делается, если это не будет сделано, то это лишь означает, что жандармская политика «обуздания и пресечения» собирается быть примененной и по отношению народных представителей, и против Государственной думы. А для этого, конечно, годнее всего уже и без того по локоть запачканные в народной крови руки. Совершенно ясно: если г. Дурново остается при оппозиционной Думе, то только для того, чтобы разгонять ее. Другого смысла

нет и быть не может. Это понимают все. Понимает и биржа, и заграница». «Противодействовать» Думе значит «пустить государственный корабль в такую бурную пучину» и т. д., и т. д.

Наконец, для полноты картины приведем еще следующее сообщение кадетской «Нашей Жизни» от 21 марта насчет «бюрократических сфер», относительно которых эта газета старается в особенности тщательно осведомлять читателя:

«Все возрастающий успех к.-д. партии обратил на себя внимание сфер. Вначале этот успех произвел было некоторое смущение, но в настоящее время к этому относятся вполне спокойно. В воскресенье по этому вопросу состоялось частное совещание высших представителей правительства, на котором выяснилось это отношение и, кроме того, намечена была, так сказать, тактика. Между прочим были высказаны весьма характерные соображения. По мнению некоторых, успех к.-д. правительству прямо выгоден: ибо, если в Думу пройдут правые элементы, то это только сыграло бы в руку крайним группам, которые получили бы возможность, ссылаясь на состав, пропагандировать против Думы и указывать, что она искусственно подобрана в реакционном составе; общество в массах отнесется с тем большим уважением к Думе, чем больше там будет представителей к.-д. партии. Что же касается тактики по отношению к Думе, то большинство придерживается того мнения, что опасаться каких-нибудь «сюрпризов» нет оснований, «при тех рамках, в которые поставлена Дума», как откровенно заметил один из присутствовавших. Ввиду этого большинство полагает отнюдь не препятствовать будущим членам Думы, «даже если б они стали критиковать отдельных правительственных лиц». Этого ожидают очень многие, и общее мнение бюрократов в данном отношении сводится к тому, что «пусть поговорят»; «потребуют привлечения к суду; быть может, дадут делу ход и т. д., а потом им самим надоест; что из этих дел выйдет, — еще видно будет, а пока что члены должны же будут заниматься вопросами страны — и все войдет в норму. Если же члены вздумают выражать недоверие правительству, то это тоже не имеет значения; в конце концов ведь министры назначаются не Думой». Эти аргументы, как говорят, успокоительно подействовали даже на Дурново и Витте, которые в первое время смутились успехами к.-д. партии».

Итак, вот перед вами мнения, взгляды и намерения заинтересованных непосредственных участников «дела». С одной стороны, перспективы борьбы. Кадеты обещают прогнать правительство и созвать новую Думу. Правительство собирается разогнать Думу, — и тогда «бурная пучина». Вопрос, значит, в том, кто кого прогонит или кто кого разгонит. С другой стороны, перспективы сделки. Кадеты полагают, что министерство Шипова могло бы предотвратить столкновения правительства и общества.

Правительство полагает: пусть поговорят, даже и к суду кое-кого можно потянуть, а министров ведь назначает не Дума. Мы нарочно приводили исключительно мнения самих участников гешефта и притом исключительно в их собственных выражениях. Мы ничего не добавляли от себя. Прибавлять — значило бы ослаблять впечатление свидетельских показаний. Из этих показаний сущность кадетской Думы обрисовывается с великолепной наглядностью.

Либо борьба, и тогда бороться будет не Дума, а революционный народ. Дума надеется пожать плоды победы. Либо сделка, и тогда обманутым окажется, во всяком случае, народ, т. е. пролетариат и крестьянство. Об условиях сделки люди, в настоящем смысле слова деловые, не говорят раньше времени, и только горячие «радикалы» иногда пробалтываются: ну, вот, например, замена чиновничьего министерства министерством «честного буржуа» Шипова, тогда можно бы сторговаться безобидно для обеих сторон... Тогда очень, очень близко было бы к осуществлению кадетского идеала: первое место монархии; второе — помещичьей и фабрикантской верхней палате с соответствующим ее направлению министерством Шипова; третье место «народной» Думе.

Само собою разумеется, что эта альтернатива, как всякие предположения относительно социального и политического будущего, намечает только главные и основные линии развития. В действительной жизни часто наблюдаются решения смешанные, линии переплетающиеся, — борьба перемежается с сделкой, сделка дополняется борьбой. Вот г. Милюков в «Речи» (от пятницы 24 марта) так, именно так, и рассуждает насчет перспектив определившейся уже кадетской победы: напрасно, дескать, нас считают и объявляют революционерами. Все зависит от обстоятельств, господа, — поучает власть имущих наш «диалектик обаятельный», — ведь и Шипов был до 17 октября «революционером». Захотите вы идти с нами на сделку по-божески, по-хорошему, ну тогда реформа, а не революция. Не захотите, ну тогда придется, вероятно, оказать на вас некоторое давление снизу, немножечко подпустить революции, припугнуть вас, ослабить вас каким-нибудь ударом революционного народа, вы станете тогда податливее, — ах, глядишь, сделка будет для нас выгоднее.

Элементы задачи, следовательно, таковы. У власти стоит правительство, которому заведомо не доверяет широкая масса буржуазии, которое ненавидят рабочие и сознательные крестьяне. У правительства громадные орудия силы в руках. Слабый пункт один — деньги. Да и то неизвестно: может быть, еще удастся раздобыть заем до Думы. Против правительства стоит, согласно нашему предположению, кадетская Дума. Чего она хочет? Ее цена «с запросом» известна: это кадетская программа, монархия и верхняя палата с демократической нижней палатой. Ее цена без запроса? — неизвестна. Ну, что-нибудь вроде министерства Шипова, что ли... Он, правда, против прямого избирательного права, ну как-нибудь, все же честный человек... сошлись бы, вероятно. Ее средства борьбы: отказ давать деньги. Средство ненадежное, ибо, во-1-х, деньги, пожалуй, будут и без Думы, а, во-2-х, по закону права Думы насчет финансового контроля самые убогие. Другое средство: «чтобы они стреляли» — помните, как Катков изображал отношение либералов к правительству: уступи, а не то «они» будут стрелять⁸⁶. Но во времена Каткова «они» были кучкой героев, которые не могли ничего сделать, кроме убийства отдельных лиц. Теперь «они» — это вся масса пролетариата, показавшего в октябре способность к поразительно единодушному всероссийскому выступлению, показавшего в декабре способность к вооруженной упорной борьбе. «Они» теперь уже и крестьянская масса, которая показала способность к революционной борьбе в разрозненной, несознательной, неединодушной форме, но в этой массе растет число сознательных, которые способны, при подходящих условиях, при малейшем дуновении свободного ветерка (нынче от сквозняков так трудно уберечься!) повести за собой миллионы. «Они» могут уже не то, что министров убить. «Они» могут смести дочиста и монархию, и всякие намеки на верхнюю палату, и все помещичье землевладение, и даже постоянную армию. «Они» не только могут сделать это, «они» неминуемо сделают это, если ослабнет гнет военной диктатуры — последнее прибежище старого порядка, последнее не на основании теоретического расчета, а на основании приобретенного уже практического опыта.

Таковы элементы задачи. Как она будет решена, этого невозможно предсказать с абсолютной точностью. Как

хотим ее решать мы, социал-демократы, как *будут* ее решать все сознательные рабочие и сознательные крестьяне, это не подлежит сомнению: стремиться к полной победе крестьянского восстания и к завоеванию действительно демократической республики. Какова *будет* тактика кадетов при таком положении задачи, какова *должна быть* эта тактика, независимо от воли и сознания отдельных лиц, в силу объективных условий существования мелкой буржуазии в капиталистическом, борющемся за свое освобождение, обществе?

Тактика кадетов неминуемо и неизбежно сведется к тому, чтобы лавировать между самодержавием и победой революционного народа, не давая ни одному противнику решительно и окончательно раздавить другого. Если самодержавие решительно и окончательно раздавит революцию, то кадеты станут бессильными, ибо их сила есть сила производная от революции. Если революционный народ, т. е. пролетариат и восстающее против всего помещичьего землевладения крестьянство, раздавят решительно и окончательно самодержавие, следовательно, сметут и монархию и все ее привески, то кадеты тоже будут бессильны, ибо все жизнеспособное тотчас же уйдет от них на сторону революции или контрреволюции, в партии же останется парочка Кизеветтеров, вздыхающих о «диктатуре» и подыскивающих в латинских словарях значения подходящих латинских слов. Коротко говоря, тактику кадетов можно выразить так: *обеспечить поддержку кадетской партии революционным народом*. Слово: «поддержка» должно выражать именно такие действия революционного народа, которые, во-первых, всецело подчинялись бы интересам кадетской партии, ее указаниям и т. д., и которые, во-вторых, не были бы слишком решительными, наступательными, главное, не были бы слишком сильными действиями. Революционный народ должен быть несамостоятелен, это раз, и не должен побеждать окончательно, разгромлять своего врага, это два. Эту тактику неизбежно будет проводить, в общем и целом, вся кадетская партия и всякая кадетская Дума, причем, разумеется, эта тактика будет обосновываться, защищаться, оправдываться всем богатым идеологическим багажом «научных» исследований*,

* Вроде исследования г. Кизеветтера, открывшего, что диктатура значит по-латыни усиленная охрана.

«философских» туманностей, политических (или политиканских) пошлостей, «литературно-критических» взвизгиваний (à la* Бердяев) и т. д., и т. д.

Наоборот, революционная социал-демократия не может в настоящее время определять свою тактику положением: поддержка кадетской партии и кадетской Думы. Такая тактика была бы не верна и никуда не годна.

Нам возразят, разумеется: как? вы отрицаете то, что признано и вашей программой, и всей международной социал-демократией? Поддержку социал-демократическим пролетариатом революционной и оппозиционной буржуазной демократии? Да ведь это анархизм, утопизм, бунтарство, бессмысленный революционизм.

Позвольте, господа. Позвольте прежде всего напомнить вам, что перед нами не общий, не абстрактный вопрос о поддержке буржуазной демократии вообще, а конкретный вопрос о поддержке именно кадетской партии и именно кадетской Думы. Мы не отрицаем общего положения, но требуем особого анализа условий конкретного приложения этих общих принципов. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Это забывает, например, Плеханов, когда выдвигает уже не в первый раз и особенно подчеркивает тактику: «Реакция стремится изолировать нас. Мы должны стремиться изолировать реакцию». Это верное положение, но оно до смешного общее: оно относится одинаково и к России 1870 г., и к России 1906 года, и к России вообще, и к Африке, Америке, Китаю и Индии. Оно ничего не говорит и ничего не дает, ибо вся задача в определении того, что такое реакция, и с кем именно, как именно надо объединиться (или если не объединиться, то согласовать свои действия), чтобы изолировать реакцию. Плеханов боится дать конкретное указание, а на деле, на практике его тактика сводится, как мы уже показали, к избирательным картелям между с.-д. и к.-д., к поддержке кадетов социал-демократией.

Кадеты против реакции? Я беру цитированный уже мной № 18-ый «Молвы» от 22 марта. Кадеты хотят прогнать правительство. Это великолепно, это против реакции. Кадеты хотят помириться с самодержавным правительством

* — вроде, Ред.

на министерстве Шипова*. Это скверно. Это один из худших видов реакции. Вы видите, господа: с абстрактным положением, с голой фразой о реакции вы еще не делаете ни шага вперед.

Кадеты — буржуазная демократия? Справедливо. Но, ведь, крестьянская масса, которая добивается конфискации всех помещичьих земель, т. е. того, чего не хотят кадеты, есть тоже буржуазная демократия. И формы, и содержание политической деятельности той и другой части буржуазной демократии различны. Которую же из них нам важнее именно сейчас поддерживать? Можем ли мы, *вообще говоря*, в эпоху демократической революции поддерживать первую? Не будет ли это означать измену второй? Или, может быть, вы станете отрицать, что кадеты, готовые помириться в политике на Шипове, способны помириться в аграрном вопросе на Кауфмане? Вы видите, господа: с абстрактным положением, с голой фразой о буржуазной демократии вы не делаете еще ни шага вперед.

— Но кадеты единая, сильная, жизнеспособная, парламентская партия!

Неправда. Кадеты не единая, не сильная, не жизнеспособная и не парламентская партия. Они не едины, ибо за них голосовало много людей, способных на борьбу до конца, а не только на сделку. Они не едины, ибо их социальная опора внутренне-противоречива: от демократической мелкой буржуазии до контрреволюционного помещика. Они не сильны, ибо в качестве партии они не хотят и не могут участвовать в той обостренной, открытой гражданской войне, которая разгорелась в России в конце 1905 года и которая имеет все шансы вспыхнуть с новой энергией в недалеком будущем. Они не жизнеспособны, ибо в случае даже осуществления их идеала главенствующей силой в созданном по этому идеалу обществе будут не они, а «сурьезно» буржуазные Шиповы, Гучковы. Они не парламентская партия, ибо у нас нет парламента. У нас

* Мне скажут, пожалуй: это ложь. Это просто сболтнула вздор болтливая «Молва». Прошу прощения: по-моему, это правда. Болтливая «Молва» выболтала правду, — конечно, приближительную, не буквально точную правду. Кто решит наш спор? Ссылна на кадетские заявления? Но я не верю в политике на слово. Кадетские дела? Да, этому критерию я верю. И кто рассматривает все политическое поведение кадетов в общем и целом, тот должен будет признать, что сказанное «Молвой» в основе своей есть правда.

нет конституции, а есть только конституционное самодержавие, есть только конституционные иллюзии, особенно вредные в эпоху обостренной гражданской войны и особенно усердно распространяемые кадетами.

И здесь мы подошли к центральному пункту вопроса. Особенности современного момента русской революции именно таковы, что объективные условия выдвигают на авансцену решительную, внепарламентскую борьбу за парламентаризм, а потому нет ничего вреднее и опаснее в такой момент, как конституционные иллюзии и игра в парламентаризм. Партии «парламентской» оппозиции в такой момент могут быть опаснее и вреднее, чем партии откровенно и вполне реакционные: это положение может показаться парадоксом только тому, кто совершенно неспособен к диалектическому мышлению. В самом деле: если в самых широких массах народа вполне созрело требование парламентаризма, если это требование опирается также на всю общественно-экономическую вековую эволюцию страны, если политическое развитие подвело вплотную к осуществлению этого требования, то что может быть опаснее и вреднее притворного осуществления его? Откровенный антипарламентаризм безопасен. Он осужден на смерть. Он умер. Попытки воскресить его оказывают лишь самое лучшее воздействие в смысле революционизирования наиболее отсталых слоев населения. Единственным возможным способом удержать самодержавие становится «конституционное самодержавие», становится создание и распространение конституционных иллюзий. Это — единственно правильная, единственно разумная политика самодержавия.

И я утверждаю, что кадеты в настоящее время больше содействуют этой разумной самодержавной политике, чем «Московские Ведомости». Возьмите, напр., спор между этими последними и либеральной печатью по вопросу о том, есть ли Россия конституционная монархия. Нет, говорят «Московские Ведомости». Да, говорят хором кадетские газеты. В этом споре «Московские Ведомости» прогрессивны, а кадетские газеты реакционны, ибо «Московские Ведомости» говорят правду, разоблачают иллюзию, *aussprechen was ist**, а кадеты говорят ложь, — благонамеренную,

* — высказывают то, что есть. Ред.

благожелательную, искренне-добросовестную, красивую, стройную, научно-прилизанную, кизеветтерски-подкрашенную, салонно-приличную, а все же-таки ложь. И нет ничего опаснее, нет ничего вреднее в данный момент борьбы, — по объективным условиям этого момента, — как подобная ложь.

Маленькое отступление. Мне пришлось недавно выступить с политическим рефератом в квартире одного очень просвещенного и чрезвычайно любезного кадета. Поспорили. Представьте себе, говорил хозяин, что перед нами дикий зверь, лев, а мы двое, отданных на растерзание, рабов. Уместны ли споры между нами? Не обязаны ли мы объединиться для борьбы с этим общим врагом, «изолировать реакцию», как превосходно выражается самый мудрый и самый дальновидный социал-демократ, Г. В. Плеханов? — Пример хороший, и я его принимаю — ответил я. Но как быть, если один из рабов советует запастись оружием и напасть на льва, а другой как раз во время борьбы рассматривает повешенный у льва нагрудничек с надписью «конституция», и кричит: «Я против насилия и справа и слева», «я — член парламентской партии, я стою на конституционной почве». Не могло ли бы оказаться так, что левенок, выбалтывающий истинные цели льва, оказался при таких условиях более полезным просветителем масс и развивателем политического и классового сознания, чем терзаемый львом раб, распространяющий веру в нагрудничек?

В том-то вся и суть, что при ходячих рассуждениях о поддержке социал-демократией буржуазной демократии слишком часто забывают из-за общих, абстрактных положений особенности конкретного момента, когда назревает решительная борьба за парламентаризм и когда одним из орудий борьбы против парламентаризма является со стороны самодержавного правительства игра в парламентаризм. При таких условиях, когда еще предстоит окончательная внепарламентская битва, ставить задачей рабочей партии поддержку партии парламентских соглашателей, партии конституционных иллюзий, было бы прямо роковой ошибкой, если не преступлением перед пролетариатом.

Представим себе, что мы имеем в России установившийся парламентский строй. Это значило бы, что парламент стал

уже главной формой господства правящих классов и сил, стал уже главной ареной борьбы социально-политических интересов. Революционного движения в непосредственном значении этого слова нет налицо, условия экономические и прочие не порождают революционных взрывов в данный, т. е. предполагаемый нами, момент. Никакие революционные декламации при таких условиях, конечно, не в силах были бы «вызвать» революции. Отказ от парламентской борьбы был бы при таких условиях совершенно непозволителен для социал-демократии. Рабочая партия должна бы была самым серьезным образом взяться за парламентаризм, участвовать в выборах в «Думу» и в самой «Думе», подчинить всю свою тактику условиям образования и успешного функционирования парламентской социал-демократической партии. Тогда поддержка партии кадетов в парламенте против всех правее стоящих партий была бы безусловной нашей обязанностью. Тогда бы и против избирательных соглашений с этой партией при совместных выборах, скажем в губернских избирательных собраниях (при непрямых выборах), нельзя было бы возражать безусловно. Мало того. Тогда даже поддержка шиповцев социал-демократами в парламенте против настоящих и беспардонных реакционеров была бы нашей обязанностью: реакция стремится изолировать нас, — сказали бы тогда, — мы должны стремиться изолировать реакцию.

Теперь же в России и речи быть не может о наличии установившегося, общепризнанного, действительного парламентского режима. Теперь в России главной формой господства правящих классов и социальных сил заведомо является непарламентская форма, главной ареной борьбы социально-политических интересов заведомо является не парламент. При таких условиях поддержка партии парламентских соглашателей была бы самоубийством рабочей партии — и, наоборот, поддержка буржуазной демократии, действующей не-парламентски, хотя бы стихийно, разрозненно, несознательно (вроде крестьянских вспышек) выдвигается на первый план, становится серьезным настоящим делом, которому должно быть подчинено все остальное... Восстание при таких социально-политических условиях есть реальность; парламентаризм есть игрушка, несущественное поприще борьбы, — приманка гораздо

более, чем действительная уступка. Дело, значит, совсем не в том, чтобы мы отрицали или недооценивали парламентаризм, и общими фразами насчет парламентаризма наша позиция ничуть не затрагивается. Дело в конкретной обстановке именно данного момента демократической революции, когда соглашатели буржуазии, когда либеральные монархисты, не отрицая сами возможности того, что Дурново просто разгонит Думу или что закон окончательно сведет эту Думу к нулю, объявляют тем не менее парламентаризм серьезным делом, а восстание — утопией, анархизмом, бунтарством, бессильным революционаризмом и как там говорят все эти Кизеветтеры, Милюковы, Струве, Изгоевы и прочие герои мещанства.

Представьте себе, что социал-демократическая партия приняла участие в выборах в Думу. Проведено известное число соц.-дем. выборщиков. Чтобы не дать победить черносотенцам, приходится (раз уже влез в эту нелепую комедию выборов) поддерживать кадетов. Партия с.-д. заключает избирательное соглашение с к.-д. Известное число с.-д. проходит при помощи к.-д. в Думу. Спрашивается, стоила ли бы овчинка выделки? выиграла ли бы мы или проиграли при этом? Во-первых, широко осведомить массы об условиях и характере наших избирательных соглашений с к.-д. с социал-демократической точки зрения мы не могли бы. Кадетские газеты в сотнях тысяч и миллионах экземпляров разнесли бы буржуазную ложь и буржуазное извращение классовых задач пролетариата. Наши листочки, наши оговорочки в отдельных заявлениях были бы каплей в море. Мы оказались бы *на деле* именно безгласным придатком кадетов. Во-вторых, вступая в соглашение, мы, несомненно, молчаливо или открыто и формально, — это все равно, — взяли бы на себя перед пролетариатом известную ответственность за кадетов, за то, что они лучше всех остальных, за то, что их кадетская Дума поможет народу, за всю их кадетскую политику. Сумели ли бы мы последующими *«заявлениями»* снять с себя ответственность за те или иные кадетские шаги, это еще вопрос, да и заявления остались бы заявлениями, а *факт* избирательного соглашения был бы уже налицо. А разве мы имеем основание хоть сколько-нибудь, хоть косвенно поручиться пред пролетариатом и перед крестьянской массой за кадетов? Разве не дали нам кадеты

тысячи доказательств своего сходства именно с теми немецкими кадетскими профессорами, именно с теми «франкфуртскими фразерами», которые не то, что Думу, а даже Национальное учредительное собрание сумели превратить из орудия развития революции в орудие притупления революции, придушения (морального) революции? Поддержка кадетской партии была бы ошибкой со стороны социал-демократии, и наша партия хорошо сделала, что бойкотировала выборы в Думу.

Поддержка кадетской партии и теперь не может быть задачей социал-демократии. Поддерживать кадетскую Думу мы не можем. Соглашатели и перебежчики во время войны могут быть даже опаснее неприятеля. Шипов, по крайней мере, не называет себя «демократом», и за ним не пойдет «мужичок», желающий «народной свободы». А если партия «народной свободы», заключив тот или иной договор о взаимной поддержке к.-д. и с.-д., заключила бы затем сделку с самодержавием о замене учредительного собрания министерством того же Шипова, — или свела бы свою «деятельность» к звонким речам и велеречивым резолюциям, то мы оказались бы в самом фальшивом положении.

Ставить задачей рабочей партии в настоящий момент поддержку кадетов — это было бы все равно, как если бы задачей пара объявили не двигать паровозную машину, а поддерживать возможность давать паровозные свистки. Будет пар в котлах, — будут свистеть и свистки. Будет сила у революции, — будут свистеть и кадеты. Свистки подделывать можно, и в истории борьбы за парламентаризм много раз буржуазные предатели народной свободы подделывали свистки и водили за нос простодушных людей, доверявшихся всяким «первым представительным собраниям».

Наша задача — не поддержка кадетской Думы, а использование конфликтов внутри этой Думы и связанных с этой Думой для выбора наилучшего момента нападения на врага, восстания против самодержавия. Сообразоваться с тем, как растет политический кризис в Думе и около Думы, мы должны. Для учета общественного настроения, для более правильного и точного определения «момента кипения» вся эта думская кампания должна иметь для нас огромное значение, но значение симптома, а не реального

поля борьбы. Не кадетскую Думу будем мы поддерживать, не с кадетской партией должны мы считаться, а с теми элементами городской мелкой буржуазии и особенно крестьянства, которые, подав голоса за кадетов, неизбежно начнут разочаровываться в них и настраиваться на боевой лад, — и это тем скорее, чем решительнее победят кадеты в Думе. Наша задача — использовать в интересах организации рабочих, в интересах разоблачения конституционных иллюзий, в интересах подготовки военного наступления всю ту отсрочку, которую дает нам оппозиционная Дума (нам очень выгодна отсрочка ввиду того, что пролетариат должен хорошенько собраться с силами). Наша задача — быть на своем посту в тот момент, когда думская комедия разразится в новый великий политический кризис, и своей целью мы поставим тогда не поддержку кадетов (в лучшем случае они будут только слабым рупором революционного народа), а свержение самодержавного правительства и переход власти в руки революционного народа. Если пролетариат и крестьянство победят в восстании, тогда кадетская Дума в несколько минут подмахнет бумажку о присоединении ее к манифесту революционного правительства, созывающего все-народное учредительное собрание. Если восстание будет подавлено, — истощенный борьбой победитель, может быть, окажется вынужденным поделиться доброй половиной власти с кадетской Думой, которая усядется за пирог и примет резолюцию сожаления по поводу «безумства» вооруженного восстания в такой момент, когда действительное конституционное устройство было, дескать, так возможно, так близко... Были бы трупы, а черви всегда найдутся.

V

ОБРАЗЧИК КАДЕТСКОГО САМОДОВОЛЬСТВА

Для оценки побед кадетов и задач рабочей партии в настоящий момент громадную важность представляет анализ предыдущего периода русской революции в его взаимоотношении к периоду настоящему. Опубликованные проекты тактических резолюций большинства и меньшинства определяют две линии, два направления

мысли, связанные с различными способами этой оценки. Отсылая читателя к этим резолюциям, мы намерены остановиться здесь на одной статье в кадетской газете: «Наша Жизнь». Эта статья, написанная по поводу первой меньшевистской резолюции, дает чрезвычайно много материала для проверки, дополнения и разъяснения сказанного нами выше о кадетской Думе. Мы приведем поэтому целиком эту статью (Р. Бланк. «К злобам дня русской социал-демократии», «Наша Жизнь», 1906 года, № 401, от 23-го марта):

«Резолюция «меньшевистской» фракции Российской социал-демократической рабочей партии о партийной тактике, опубликованная на-днях, представляет весьма ценный документ. Она свидетельствует, что тяжелые уроки первого периода русской революции не прошли бесследно для наиболее чуткой и требованиям действительности и наиболее проникнутой принципами научного социализма части русской социал-демократии. Новая тактика, сформулированная в этой резолюции, стремится направить русское социал-демократическое движение на тот путь, по которому движется вся интернациональная социал-демократия во главе с великой социал-демократической партией Германии. Я говорю «новая тактика»; это не совсем точно, потому что эта тактика во многих отношениях представляет собою возврат к старым принципам, положенным при самом основании русской социал-демократии ее учредителями и много раз развивавшимися после того ее теоретиками и публицистами, признававшимися почти всеми русскими социал-демократами до самого начала русской революции. Но они были забыты. Революционный вихрь поднял всю нашу социал-демократию, как легкое перышко, и понес ее с собою с головокружительной быстротой; моментально исчезли из виду все социал-демократические и марксистские принципы и идеи, с таким усердием и преданностью разрабатывавшиеся в течение четверти века, как будто бы это была лишь легкая пыль, лежавшая тонким слоем на поверхности; самые устои социал-демократического мирозерцания были потрясены до самого основания и, казалось, даже были вырваны с корнем.

Но вихрь покружился и успокоился на том же месте, и социал-демократия вернулась к своему исходному пункту. О силе вихря можно судить по тому, что он даже Парвуса, как он сам признает, увлек за собою; кто знает Парвуса и как трудно его поднять, поймет, что это значит... «Революционный поток нас неудержимо рвал вперед», — говорит Парвус в своей известной брошюре. «Мы были только те струны арфы, на которых играл ураган революции», — замечает он в другом месте той же брошюры; это также совершенно верно и вполне объясняет, почему социал-демократическая музыка в это время так мало напоминала симфонии Бетховена, Баха, или — Маркса. Все теории и принципы и даже сама мысль и простой разум отступают на задний план, почти исчезают за кулисами, когда на сцену выходит сама стихия во всемогуществе элементарных сил.

Но теперь снова наступила очередь мысли и разума, и можно вернуться к сознательной, планомерной, систематической деятельности. Первым делом при этом, очевидно, должно быть принятие предупредительных мер против повторения того, что произошло в первый период русской революции, в ее «Sturm- und Drang-Zeit»*, т. е. против разрушительных действий революционных потонов и ураганов. Единственным действительным средством для этого может быть только расширение и укрепление организации; вполне естественно поэтому, что фракция «меньшевиков» выдвигает эту задачу на первый план и дает ей широкую формулировку, включив в свою программу также и экономические организации и признав необходимым использовать все легальные возможности. Резолюция свободна от романтического презрения к «легальности» и аристократического пренебрежения к «экономике».

Столь же трезво резолюция относится к вопросу о взаимных отношениях между рабочей и буржуазной демократией, вполне признавая необходимость взаимной поддержки и опасность изолированного выступления пролетариата на решительную борьбу с вооруженной реакцией. Особенного внимания заслуживает отклонение резолюции к вопросу о вооруженном восстании; она призывает необходимым «избегать такого рода действий, которые втягивают пролетариат в вооруженные столкновения с правительством, при таких условиях, когда он обречен остаться в этой борьбе изолированным».

Только таким образом можно избежать у нас повторения парижских июньских дней 1848 года и сделать возможной координированную, если не коалиционную, борьбу рабочей и буржуазной демократии, без которой успех движения невозможен. Буржуазная демократия, имеющая, по свидетельству Карла Маркса, «самое высокое значение во всякой передовой революции», имеет не меньшее значение и в российской революции. Если Российская социал-демократическая партия не может, или не хочет, сделать из нее своего открытого союзника, то она во всяком случае не должна толкать ее в противоположный лагерь, в реакцию, в контрреволюцию. Этого революционная социал-демократия не должна, не вправе делать, обязана избегать всеми средствами, ради дела освобождения и ради самой социал-демократии. И если буржуазная демократия в настоящий момент против вооруженного восстания, то о нем не может и не должно быть речи. С этим необходимо считаться, даже если бы буржуазия подчинялась при этом единственно только свойственной ей дряблости, слабости и трусости, — с таними фактами танже необходимо считаться; но не говорил ли сам вождь германской революционной социал-демократии:

«In der Gewalt sind sie uns stets über!», — «В отношении грубой силы они, т. е. реакционеры, всегда нас превосходят!»

Может быть, утверждение «всегда» и неверно, но относительно «теперь» во всяком случае можно быть мнения Либкнехта и единодушной с ним германской социал-демократии, не будучи трусом или даже только «дряблым»... Резолюция «меньшевиков» стоит, повидимому, на этой же точке зрения, по меньшей мере — близко

* — «период бури и натиска». Ред.

к ней подходит; точно так же она и в других отношениях проникнута тем духом политического реализма, который составляет отличительную черту германской социал-демократии и которому последняя обязана своими беспримерными успехами.

Присоединится ли вся Российская социал-демократическая партия к резолюции «меньшевиков»? От этого многое зависит в нашем революционном движении, и еще больше в нашем социал-демократическом движении, — может быть, вся судьба этого движения на много лет. Социал-демократия и в России, точно так же как это было в других странах, только тогда может укорениться и укрепиться, когда она проникнет в глубь демократической массы. Если же она ограничится культурой одного верхнего, хотя бы и самого плодородного, слоя демократии, то новый ураган легко может вырвать ее с корнями из русской почвы, как это случилось с французской социал-демократией 1848-го года, или с английским социал-демократическим движением сороковых годов, известным под именем «чартистского движения».

Такова статья господина Бланка. Типичнейшие суждения «кадета», знакомые во всех исходных своих пунктах каждому, кто внимательно читал «Освобождение» г-на Струве и позднейшую легальную кадетскую печать, скомбинированы здесь так, что оценка теперешней политической тактики основывается на оценке пережитого периода русской революции. На этой оценке *прошлого*, на ее правильности или неправильности, мы прежде всего и остановимся.

Господин Бланк сопоставляет два периода русской революции: первый обнимает, примерно, октябрь — декабрь 1905 года. Это период революционного вихря. Второй — теперешний период, который мы, конечно, вправе назвать периодом кадетских побед на выборах в Думу, или, пожалуй, если рискнуть забежать вперед, периодом кадетской Думы.

Про этот период господин Бланк говорит, что наступила снова очередь мысли и разума, и можно вернуться к сознательной, планомерной, систематической деятельности. Первый же период господин Бланк характеризует, наоборот, как период расхождения теории и практики. Исчезли все социал-демократические принципы и идеи, была забыта тактика, всегда проповедывавшаяся учредителями русской социал-демократии, были даже вырваны с корнем самые устои социал-демократического мирозерцания.

Это основное утверждение г-на Бланка — чисто фактического характера. Вся теория марксизма разошлась с «практикой» периода революционного вихря.

Так ли это? Каков первый и главный «устой» марксистской теории? Тот, что единственным до конца революционным классом современного общества и потому передовым во всякой революции является пролетариат. Спрашивается, не вырвал ли с корнем революционный вихрь этого «устоя» с.-д. мирозерцания? Наоборот, вихрь подтвердил его самым блистательным образом. Именно пролетариат и был главным, почти единственным вначале *борцом* этого периода. Чуть ли не впервые в мировой истории буржуазная революция ознаменовалась крупнейшим, невиданным даже в более развитых капиталистических странах, применением чисто пролетарского орудия борьбы: массовой политической стачки. Пролетариат пошел на борьбу, непосредственно революционную, в такое время, когда господа Струве и господа Бланки звали идти в булыгинскую Думу, когда кадетские профессора звали студентов учиться. Пролетариат своим пролетарским орудием борьбы завоевал России всю ту, с позволения сказать, «конституцию», которую с тех пор только портили, урезывали и обкарнывали. Пролетариат применил в октябре 1905 года тот тактический прием борьбы, о котором *за полгода* говорила резолюция *большевистского* 3-го съезда РСДРП, обращавшая усиленное внимание на важность сочетания массовой политической стачки с восстанием; — именно этим сочетанием и характеризуется *весь* период «революционного вихря», вся последняя четверть 1905 года. Таким образом, наш идеолог мелкой буржуазии извратил действительность самым беззастенчивым, самым вопиющим образом. Он не указал ни единого *факта*, свидетельствующего о расхождении марксистской теории и практического опыта «революционного вихря»; он попытался затушевать основную черту этого вихря, давшую блистательнейшее подтверждение «всех социал-демократических принципов и идей», «всех устоев социал-демократического мирозерцания».

ОТСТУПЛЕНИЕ

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БЕСЕДА С КАДЕТСКИМИ ПУБЛИЦИСТАМИ
И УЧЕНЫМИ ПРОФЕССОРАМИ

Какова, однако, действительная причина, побудившая г-на Бланка придти к этому чудовищно-неверному мнению, будто в период «вихря» исчезли все марксистские принципы

и идеи? Рассмотрение этого обстоятельства очень интересно: оно разоблачает перед нами еще и еще раз истинную природу мещанства в политике.

В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего, «кадетского», периода с точки зрения различных приемов политической деятельности? с точки зрения разных методов исторического творчества народа? Прежде всего и главным образом в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) «захват» народом политической свободы, — осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов революционной власти, — Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного, правительства, — да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру, это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа, — вы удивляетесь, г. Бланк и г. Кизеветтер? вы не видите здесь «усиленной охраны», равнозначущей для буржуа с диктатурой?

Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии: диктатура. Мы сейчас объясним вам его, но сначала укажем *третий* «метод» действия эпохи «революционного вихря»: *применение народом насилия по отношению к насильникам над народом.*

Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала *никакой* другой власти и *никакого* закона, *никакой* нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть, — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было. Их сила — можете себе представить, г. Бланк и г. Кизеветтер? — ничего не имела общего с старыми орудиями силы, ничего общего с «усиленной охраной», если не иметь в виду усиленной охраны народа от угнетения его полицейскими и другими органами старой власти.

На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот *основное* отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры *над* народом от диктатуры революционного *народа*, запомните это хорошенько, г. Бланк и г. Кизеветтер! Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейских ухищрений, исключительно при помощи удаления, отстранения народной массы от участия в власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти.

Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты — наш товарищ. Выбирай своего депутата. Сейчас же, немедленно, выбирай, как считаешь удобным, — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего Совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, Совета солдатских депутатов и пр. и т. п. Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли. — Такова была новая власть, или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано.

Вы спросите, может быть, г. Бланк или г. Кизеветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?

Этот вопрос обычно задают люди, первый раз увидавшие применение термина диктатура в новом для них значении. Люди привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Им странным кажется, что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура не полицейская. Вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь оттого, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников.

Вот вам простенький примерчик, г. Бланк и г. Кизеветтер, чтобы вы могли усвоить эту, недоступную кадетскому разуму, «головокружительную» для кадетской мысли, премудрость. Представьте себе, что Аврамов увечит и истязует Спиридонову. На стороне Спиридоновой, допустим, есть десятки и сотни невооруженных людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в востенке? Он применил бы насилие по отношению

к Аврамову и его свите. Он пожертвовал бы, может быть, несколькими борцами, застреленными Аврамовым, но силой все-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, причем, очень вероятно, убил бы на месте некоторых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных посадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на народный суд.

Вот видите, г. Бланк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, это есть диктатура революционного народа. Это есть *диктатура*, ибо это есть власть народа над Аврамовым, власть, не ограниченная никакими законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это? есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротивления злу насилием*?). Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. *Не что иное, как это*, означает понятие: «диктатура», — запомните хорошенько, гг. кадеты. Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно *народа*, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно *революционного* народа. Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом от подвигов Аврамовых, есть люди, забитые физически, запуганные, люди забитые нравственно, например,

* Г. Бердяев! гг. редакторы «Полярной Звезды» или «Свободы и Культуры!» Вот вам еще тема для долгих воплей, ... то-бишь долгих статей против «кулиганства» революционеров. Называют, дескать, Толстого мещанином! — каль оррер, как говорила дама, прятная во всех отношениях.

теорией о непротивлении злу насиллем, или просто забытые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, несколько не боящийся однако всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно *весь* народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства.

Таким образом, взятый нами простой пример содержит в себе *все элементы* научного понятия: «диктатура революционного народа», а также понятия: «военно-полицейская диктатура». От этого простого примера, доступного даже ученому кадетскому профессору, мы можем перейти к более сложным явлениям общественной жизни.

Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба на подвиги Аврамовых прорывается наружу в *действиях*, а не словах, и в действиях *миллионных народных масс*, а не отдельных лиц. Народ просыпается и поднимается для освобождения себя от Аврамовых. Народ избавляет бесчисленных Спиридоновых русской жизни от Аврамовых, применяет насилие к Аврамовым, берет власть над Аврамовыми. Это происходит, конечно, не так просто и не так «сразу», как в примере, упрощенном нами для г. профессора Кизеветтера, — эта борьба народа с Аврамовыми, борьба в узком, непосредственном смысле, это сбрасывание с народа Аврамовых растягивается на месяцы и годы «революционного вихря». Это сбрасывание народом с себя Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой российской революцией. Это сбрасывание, если рассмотреть его со стороны методов исторического творчества, происходит в тех формах, которые мы сейчас только описывали, говоря о революционном вихре, именно: захват народом свободы политической, то есть такой свободы, осуществлению которой препятствовали Аврамовы; — создание народом новой, революционной, власти, власти над

Аврамовыми, власти над насильниками старого полицейского уклада; — применение народом насилия по отношению к Аврамовым для устранения, обезоружения и обезвреживания этих диких собак, всех Аврамовых, Дурново, Дубасовых, Минов и прочее и тому подобное.

Хорошо ли это, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, непланомерные и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной, власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это — высшее проявление народной борьбы за свободу. Это — та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в *дело*, дело самих народных масс, а не одиночек героев. Это так же хорошо, как хорошо освобождение толпой (в нашем примере) Спиридоновой от Аврамова, насильственное разоружение и обезвреживание Аврамова.

Но вот тут-то мы и подходим к центральному пункту кадетских скрытых мыслей и опасений. Кадет потому и является идеологом мещанства, что он на политику, на освобождение всего народа, на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере истязания Аврамовым Спиридоновой удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона, не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти. Конечно, в нашем примере такой обыватель был бы прямо нравственным уродом, а в применении ко всей общественной жизни нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем, совсем не личное, а социальное, обусловленное, может быть, крепко засевшими в голову предрассудками буржуазно-филистерской науки права.

Почему г. Бланк считает даже не требующим доказательства, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы? Потому, что он извращает марксизм в брентаниам, считая не марксистскими такие «принципы», как захват свободы, как создание революционной власти, как применение насилия народом. Такой взгляд сквозит во всей статье г. Бланка, да и не одного Бланка, а всех кадетов, всех расхваливающих ныне за любовь к кадетам Плеханова писателей либерального и радикального лагеря вплоть до бернштейнцев

из «Без Заглавия»⁶⁷, гг. Прокоповича, Кусковой и tutti quanti*.

Рассмотрим, как возник этот взгляд и почему он должен был возникнуть.

Возник он непосредственно из бернштейнианского или, шире, оппортунистического понимания западно-европейской социал-демократии. Те ошибки этого понимания, которые систематически и по всей линии разоблачили «ортодоксы» на Западе, переносятся теперь «под шумок», под другим соусом и по другому поводу, в Россию. Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм *за исключением* его непосредственно-революционной стороны. Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужным «насилие», «захваты», «диктатуру». Вот это пошлое мещанское извращение марксизма и переносят теперь в Россию гг. Бланки и прочие либеральные хвалители Плеханова. Они так сжились с этим извращением, что не считают даже нужным доказывать забвение марксистских принципов и идей в период революционного вихря.

Почему должен был возникнуть такой взгляд? Потому, что он самым глубоким образом соответствует классовому положению и интересам мелкой буржуазии. Идеолог «очищенного» буржуазного общества допускает *все* методы борьбы социал-демократии, *кроме именно тех, которые применяет революционный народ в эпохи «вихря»* и которые одобряет и помогает применять революционная социал-демократия. Интересы буржуазии требуют участия пролетариата в борьбе с самодержавием, но только такого участия, которое бы не переходило в главенство пролетариата и крестьянства, только такого участия, которое бы не устраняло совершенно старых, самодержавно-крепостнических и полицейских органов власти. Буржуазия хочет сохранить эти органы, лишь подчинив их своему непосредственному контролю, — они нужны ей *против пролетариата*, которому слишком облегчило бы его пролетарскую борьбу полное уничтожение этих органов. Вот почему интересы буржуазии, как класса, требуют и монархии

* — им подобных. Ред.

и верхней палаты, требуют недопущения диктатуры революционного народа. Борись с самодержавием, говорит буржуазия пролетариату, но не трогай старых органов власти, — они мне нужны. Борись «парламентски», т. е. в тех пределах, которые предпишу тебе я по соглашению с монархией, борись посредством организаций, — только не таких, как всеобщие стачечные комитеты, Советы рабочих, солдатских депутатов и т. п., а посредством таких, которые признает и ограничивает, обсавреживает по отношению к капиталу, закон, изданный мной по соглашению с монархией.

Понятно отсюда, почему о периоде «вихря» буржуазия говорит с пренебрежением, презрением, злобой, ненавистью*, — а о периоде охраняемого Дубасовым конституционализма с восторгом, упоением, с бесконечной мещанской влюбленностью... в реакцию. Это — все то же постоянное и неизменное качество кадетов: стремление опереться на народ и боязнь его революционной самостоятельности.

Понятно также, почему буржуазия боится пуще огня повторения вихря, почему она игнорирует и затушевывает элементы нового революционного кризиса, почему поддерживает и распространяет в народе конституционные иллюзии.

Теперь мы вполне объяснили, почему г. Бланк и ему подобные объявляют, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы и идеи. Г. Бланк, как и все мещане, признает марксизм *за вычетом* его революционной стороны, — признает социал-демократические приемы борьбы *за вычетом* самых революционных и непосредственно-революционных приемов.

Отношение г-на Бланка к периоду «вихря» до последней степени характерно, как иллюстрация буржуазного

* Сравни, напр., отзыв «Русских Ведомостей», № 1 за 1906 г., о деятельности Крестьянского союза, — этот донос Дубасову на революционную демократию за ее пугачевские стремления, за одобрение захвата земель, создание новой власти и пр. Даже левые кадеты из «Без Заглавий» (№ 10) пристыдили «Русские Ведомости», справедливо сопоставив их за их отзыв с «Московскими Ведомостями». К сожалению, левые кадеты стыдят «Русские Ведомости» так, как будто бы они оправдывались. «Без Заглавий» защищает Крестьянский союз, а не обвиняет контрреволюционную буржуазию. Не знаю, объяснить ли этот не совсем приличный способ полемики с «Русскими Ведомостями» — страхом иудейским, или тем, что в этом органе пишет г. Бланк. Левые кадеты все же-таки кадеты.

непонимания пролетарских движений, буржуазной боязни перед острой и решительной борьбой, буржуазной ненависти ко всем проявлениям крутого, ломающего старые учреждения, революционного в непосредственном смысле слова способа решения социально-исторических вопросов. Господин Бланк выдал себя, выдал сразу всю свою буржуазную ограниченность. Он слышал и читал, что социал-демократы в период вихря делали «ошибки», — он поспешил заключить и заявить с апломбом, безапелляционно, голословно, что все «принципы» марксизма (о которых он и понятия не имеет!) были забыты. Мы заметим по поводу этих «ошибок»: разве был такой период в развитии рабочего движения, в развитии социал-демократии, когда бы не было делаемо тех или иных ошибок? когда бы не наблюдались те или иные уклонения вправо или влево? разве история парламентского периода германской социал-демократической борьбы — того периода, который всем ограниченным буржуа на всем свете кажется пределом, его же не преjdeши! — не полна таких ошибок? Если бы господин Бланк не был круглым невеждой в вопросах социализма, он легко вспомнил бы и Мюльбергера, и Дюринга, и вопрос о *Dampfer-subvention**⁶⁸, и «молодых»⁶⁹, и бернштейниаду, и многое, многое другое. Но господину Бланку важно не изучение действительного хода развития социал-демократии, ему нужно только принизить пролетарский размах борьбы, чтобы возвеличить буржуазную убогость своей кадетской партии.

На самом деле, если мы взглянем на дело с точки зрения уклонений социал-демократии с ее обычного, «нормального», пути, то мы увидим, что и в этом отношении период «революционного вихря» показывает *большую*, а не меньшую, по сравнению с прежним, сплоченность и идейную цельность социал-демократии. Тактика эпохи «вихря» не отдалила, а сблизила оба крыла социал-демократии. Вместо былых разногласий получилось единство взглядов по вопросу о вооруженном восстании. Социал-демократы обеих фракций работали в Советах рабочих депутатов, этих своеобразных органах зачаточной революционной власти, привлекали солдат, крестьян к этим Советам,

* — паровой субсидии. *Ред.*

издавали революционные манифесты совместно с мелкобуржуазными революционными партиями. Былые споры эпохи дореволюционной сменились солидарностью по практическим вопросам. Подъем революционной волны отодвинул разногласия, заставив признать боевую тактику, устранив вопрос о Думе, поставив на очередь вопрос о восстании, сблизив на непосредственной ближайшей работе социал-демократию и революционную буржуазную демократию. В «Северном Голосе»⁷⁰ меньшевики вместе с большевиками звали к стачке и восстанию, звали рабочих не прекращать борьбы, пока власть не будет в их руках. Революционная обстановка подсказывала сама практические лозунги. Споры касались лишь деталей в оценке событий: «Начало», например, рассматривало Советы рабочих депутатов, как органы революционных самоуправлений, «Новая Жизнь», — как зачаточные органы революционной власти, соединявшие пролетариат и революционную демократию.

«Начало» склонялось к диктатуре пролетариата. «Новая Жизнь» стояла на точке зрения демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой европейской социалистической партии?

Нет, извращение дела господином Бланком, его вопиющее искажение истории вчерашнего дня объясняется тем и только тем, что перед нами образчик самодовольной буржуазной пошлости, которому периоды революционного вихря кажутся безумием («забыты все принципы», «сама мысль и простой разум почти исчезают»), а периоды подавления революции и мещанского «прогресса» (охраняемого Дубасовыми) кажутся эпохой разумной, сознательной и планомерной деятельности. Эта сравнительная оценка двух периодов (периода «вихря» и периода кадетского) красной нитью проходит через всю статью господина Бланка. Когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это — «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов и идей». Когда история движется с быстротой гужевой перевозки, это — сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, вопло-

щать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», — тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план» (не наоборот ли, о герои мещанства? не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей, не становится ли именно тогда массовый разум живой, действенной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движение масс придавлено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой, когда вылезает из щелей клопы содержимой на дубасовские деньги профессорской науки и начинают вершить дела *за* народ, *от имени масс*, продавая и предавая их интересы горсткам привилегированных, — тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и спокойного прогресса, «наступила очередь мысли и разума». Буржуа всегда и везде верен себе: возьмете ли вы «Полярную Звезду» или «Нашу Жизнь», прочтете ли вы Струве или Бланка, везде одно и то же, везде эта ограниченная, профессорски-педантская, чиновнически-мертвенная оценка революционных и реформистских периодов. Первые — периоды безумия, *tolle Jahre*, исчезновение мысли и разума. Вторые — периоды «сознательной, систематической» деятельности.

Не перетолковывайте моих слов. Не говорите, что я веду речь о предпочтении господами Бланками тех или иных периодов. Дело вовсе не в предпочтении, — от нашего субъективного предпочтения не зависит смена исторических периодов. Дело в том, что *в анализе свойств* того или иного периода (совершенно независимо от нашего предпочтения или от наших симпатий) господа Бланки бессовестно *извращают правду*. Дело в том, что именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса. А господа Бланки изображают дело наыворот! Они убожество выдают за исторически-творческое богатство. Они бездеятельность задавленных или придавленных масс рассматривают, как торжество «систематичности» в деятельности чиновников, буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания

•

законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными *pen-pu-a-liner*'ами (писакими, живущими с построчной платы) наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества.

Посмотрите, как величественно рассуждает этот кадетский рыцарь: «Вихрь покружился и успокоился *на том же месте*». Да если живы еще либеральные мещане, если не слопали их Дубасовы, то *именно благодаря этому вихрю*. «На том же месте» — говорите вы? Россия весной 1906 года на том же месте, что и в сентябре 1905 года?

Да в течение всего «кадетского» периода Дубасовы и Дурново тащат и *будут тащить Россию* «сознательно, планомерно и систематически» назад, чтобы вернуть ее к сентябрю 1905 г., *но силы не хватает у них*, потому, что во время вихря с быстротой локомотива двинул всю Россию вперед пролетарий, железнодорожник, крестьянин, бунтующий солдат.

Если этот неразумный вихрь действительно успокоился, тогда кадетская Дума была бы осуждена на то, чтобы заниматься вопросами о лужении умывальников.

Но господин Бланк и не подозревает того, что вопрос о том, успокоился ли вихрь, есть самостоятельный и чисто-научный вопрос, ответ на который предрешает целый ряд вопросов тактики и без ответа на который, наоборот, нельзя сколько-нибудь осмысленно разобраться в вопросах современной тактики. Господин Бланк не на основании того или иного разбора данных и соображений пришел к выводу об отсутствии теперь условий для движения в форме вихря (такой вывод, будь он обоснован, имел бы действительно коренное значение при определении тактики, ибо, повторяем, это определение непозволительно основывать на простом «предпочтении» того или иного пути), — нет, он прямо и просто выражает свое глубокое (и глубоко-близорукое) убеждение, что *иначе и быть*

не может. Господин Бланк смотрит на «вихрь» совершенно так же, собственно говоря, как смотрят на него господа Витте, Дурново, Бюловы и прочие чиновники-немцы, объявившие давно уже 1848 год «безумным годом». Не научное убеждение выражает господин Бланк словами об успокоении вихря, а филистерское недомыслие, для которого всякий вихрь и вихрь вообще есть «исчезновение мысли и разума».

«Социал-демократия вернулась к своему исходному пункту» — уверяет нас господин Бланк. Новая тактика меньшевиков направляет русское социал-демократическое движение на тот путь, по которому движется вся международная социал-демократия.

Вы видите: парламентский путь господин Бланк объявляет почему-то «исходным пунктом» (хотя для России он не мог быть исходным пунктом социал-демократии). Парламентский путь господин Бланк считает, так сказать, нормальным, главным и даже исчерпывающим, единственным, исключительным путем международной социал-демократии. Господин Бланк и не подозревает, что в этом отношении он целиком повторяет буржуазное извращение социал-демократизма, преобладающее в немецкой либеральной печати и перенятое одно время бернштейниадой. Один из приемов борьбы кажется либеральному буржуа единственным приемом. Брентановское понимание рабочего движения и классовой борьбы сказывается здесь вполне. О том, что на парламентский путь европейская социал-демократия вступила и могла вступить лишь тогда, когда объективные условия сняли с исторического порядка дня вопрос о доведении до конца буржуазной революции, лишь тогда, когда парламентский строй стал действительно главной формой господства буржуазии и главной ареной социальной борьбы, господин Бланк и не подозревает. Он даже не задумывается над тем, есть ли в России парламент и парламентский строй, а уже решает безапелляционно: социал-демократия *вернулась* к своему исходному пункту. Буржуазный рассудок представляет себе *исключительно* неоконченные демократические революции (ибо в основе буржуазных *интересов* лежит недоведение революции до конца). Буржуазный рассудок чурается всяких непарламентских приемов борьбы, всяких открытых выступлений масс, всякой

революции в непосредственном значении слова. Буржуа инстинктивно спешит всякий поддельный парламентаризм объявить, провозгласить и принять за настоящий, чтобы положить конец «головокружительному вихрю» (опасному не только для головы многих слабоголовых буржуа, но и для их кармана). Вот почему научный и действительно важный вопрос о том, можно ли признать в России парламентский способ борьбы имеющим существенное значение и движение в форме «вихря» иссякшим, — этого вопроса господа кадеты даже и понять не в состоянии. И материальная, классовая подкладка этого непонимания вполне ясна: пусть поддержат кадетскую Думу мирной стачкой или иным выступлением, но только бы не думали о серьезной, решительной, истребительной борьбе, о восстании против самодержавия и монархии.

«Теперь снова наступила очередь мысли и разума», с восторгом говорит господин Бланк о периоде дубасовских побед. Знаете ли что, г. Бланк? Ведь в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III! Право же так. Именно в эту эпоху старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России. Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов. Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (повидимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования. Вот, ведь, и в Европе период после подавления революции 1848 года отличался небывалым экономическим прогрессом и работой мысли, которая создала хотя бы «Капитал» Маркса.

Одним словом, «очередь мысли и разума» наступает иногда в исторические периоды человечества точно так же, как пребывание политического деятеля в тюрьме содействует его научным работам и занятиям.

Но в том-то и беда нашего буржуазного филистера, что он не сознает этого, так сказать, тюремного или дубасовского, характера своего замечания. Он не замечает коренного вопроса: подавлена ли русская революция или идет к новому подъему? изменилась ли форма общественного движения с революционной на приспособительную к дубасовщине? иссякли ли силы для «вихря» или нет? Буржуазный разум не ставит этих вопросов, потому что для него вообще революция есть неразумный вихрь, а реформа — очередь мысли и разума.

Посмотрите на его поучительнейшее рассуждение об организации. «Первым делом» мысли и разума, вещает он нам, «должно быть принятие предупредительных мер против повторения того, что произошло в первый период русской революции, в ее Sturm- und Drang-Zeit, т. е. против разрушительных действий революционных потоков и ураганов. Единственным действительным средством для этого может быть только расширение и укрепление организации».

Вы видите: кадет мыслит дело так, что период урагана разрушал организации и организованность (смотри «Новое Время», то-бишь, «Полярную Звезду» со статьями Струве против анархии, стихии, безвластности в революции и пр. и пр.), а период охраняемых Дубасовым мысли и разума есть период созидания организаций. Революция — худо, она разрушает, это — ураган, головокружительный вихрь. Реакция — добро, она созидает, это — попутный ветер и пора сознательной, планомерной, систематической деятельности.

И опять философ кадетской партии клеветает на революцию и выдает всю свою влюбленность в буржуазно-ограниченные формы и условия движения. Ураган разрушал организации! Какая вопиющая неправда! Назовите такой период в русской или всемирной истории, найдите такие шесть месяцев или шесть лет, когда бы для свободных самопроизвольных организаций народных масс было сделано столько, сколько в шесть недель русского революционного вихря, когда были вабыты, по словам клеветников

революции, все принципы и идеи, когда исчезли разум и мысль. Что такое была всеобщая всероссийская стачка? Это не организация, по-вашему? Она не зарегистрирована в полицейских книгах, она не постоянная организация, вы не хотите ее считать. Возьмите политические организации. Знаете ли вы, что рабочий народ, серая масса, никогда не шла так охотно в политические организации, не увеличивала так гигантски состав политических союзов, не создавала самобытных полуполитических организаций вроде Советов рабочих депутатов? Но вы побаиваетесь политических организаций пролетариата. Вам, как истому брентанисту, кажутся более безопасными для буржуазии (и потому более солидными, более серьезными) профессиональные организации. Возьмем профессиональные организации, и мы увидим, вопреки всем филистерским сплетням об игнорировании их в революционный момент, что в России никогда не создавалось такой бездны профессиональных рабочих организаций, как в эти дни. Страницы социалистических, и именно социалистических газет, и «Новой Жизни», и «Начала» были переполнены сведениями о новых и новых профессиональных организациях. Такие отсталые слои пролетариата, которых в течение десятилетий едва удастся раскатать в периоде «планомерного и систематического» мещанского прогресса, вроде домашней прислуги, проявляли величайшую склонность и способность к организации. Возьмите Крестьянский союз. Теперь очень легко встретить кадета, который с величественным пренебрежением отзывается об этом союзе: что же, дескать, ведь это полуфиктивная организация! От нее теперь и следов не осталось! Да, господа, посмотрел бы я, много ли осталось бы от ваших кадетских организаций, если бы им пришлось бороться против карательных экспедиций, против бесчисленных деревенских Луженовских, Римапов, Филоновых, Аврамовых и Ждановых. Крестьянский союз рос с сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять дей-

ствительно революционные методы борьбы, не суживавшая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам, а не полуинтеллигентов, которые так часто бывают склонны сочинять всякие проекты сделок между революционным крестьянством и либеральными помещиками. Нет, в ходячем пренебрежении к Крестьянскому союзу сказывается больше всего филистерски-буржуазная ограниченность кадета, не верящего в революционную самостоятельность народа и боящегося такой самостоятельности. Крестьянский союз в дни свободы был одной из самых могучих реальностей, и можно с уверенностью предсказать, что если Луженовские и Риманы не перебыют еще десятков тысяч передовой крестьянской молодежи, если повеет еще сколько-нибудь свободным ветерком, этот союз будет расти не по дням, а по часам, он будет организацией, по сравнению с которой пылинкой покажутся нынешние кадетские комитеты*.

Резюмируем: организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в периоды революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды так называемого спокойного (гужевого) исторического прогресса. Обратное мнение господ Бланков есть буржуазно-чиновничье искажение истории. Доброму буржуа и честному чиновнику кажутся «настоящими» организациями только такие, которые хорошенечко зарегистрированы в полицейских книгах и сообразованы тщательно со всякими «временными правилами». Без временных правил он не может

* Конечно, Крестьянский союз таит тоже в себе элементы распада, как организация не классовая. Чем ближе победа крестьянского восстания и чем полнее будет эта победа, тем ближе будет и распаднее этого союза. Но до победы крестьянского восстания и для такой победы Крестьянский союз есть могучая и жизнеспособная организация. Ее роль будет исчерпана полной победой буржуазно-демократической революции, тогда как роль пролетарских организаций именно тогда будет особенно важна и особенно низменна в борьбе за социализм, а роль кадетских организаций состоит в том, чтобы тормозить полную победу буржуазной революции, чтобы блистать в подготовительные периоды этой революции, периоды упадка, востан. дубасопного господства. Другими словами: крестьянство победит в буржуазно-демократической революции и этим исчерпает свою революционность, как крестьянство, окончательно. Пролетариат победит в буржуазно-демократической революции и этим только и развернет настоящим образом свою истинную, социалистическую революционность. А кадетская мелкая буржуазия исчерпает свою оппозиционность вместе с тем, как исчерпают себя завтра же конституционные иллюзии.

себе мыслить планомерности и систематичности. Не надо поэтому обманываться насчет истинного значения звонких слов кадета, когда он говорит о романтическом презрении к легальности и аристократическом пренебрежении к экономике. Действительное значение этих слов одно: буржуазно-оппортунистическая боязнь перед революционной самостоятельностью народа.

Наконец, рассмотрим последний пункт в кадетской «теории» г. Бланка: отношение рабочей и буржуазной демократии. Рассуждения господина Бланка на эту тему заслуживают громадного внимания социал-демократии, ибо это — образец того, как при помощи ссылок на Маркса извращают Маркса. Точь-в-точь так, как Brentano, Zombarty, Bernштейны и К^о подменяли марксизм брентанизмом, употребляя терминологию Маркса, ссылаясь на отдельные утверждения Маркса, подделываясь под марксизм, — точь-в-точь так и наши кадеты занимаются «тонкой работой» подделки Маркса в вопросе об отношении рабочей и буржуазной демократии.

Без координирования действий рабочей и буржуазной демократии невозможен успех буржуазной демократической революции. Святая истина. Безусловная истина. Вам кажется, господа Бланки, Игоевы и К^о, что революционеры социал-демократы забывали это особенно в дни «вихря»? Вы ошибаетесь или сознательно подменяете понятие *революционной буржуазной демократии* понятием буржуазной демократии вообще, — в том числе и монархически-либеральной, — в том числе и оппортунистической, даже главным образом монархически-либеральной. Возьмите «Новую Жизнь» и вы увидите, что о совместном действии, о боевом соглашении рабочей демократии с революционно-буржуазной демократией там говорится *чуть не в каждом номере*. О значении Крестьянского союза и крестьянского движения там говорится в самых сильных выражениях. Вопреки кадетским сказкам о нетерпимости и узком доктринерстве марксистов, там вполне признается значение *беспартийных* союзов и организаций*, но только именно *беспартийно-революционных* организаций. Вот в чем гвоздь вопроса, искусно затушевываемый

* См. мою статью в «Новой Жизни»: «Социалистическая партия и беспартийная революционность». (Настоящий том, стр. 57—64. Ред.)

нашими брентанистами в политике: *какие именно* элементы буржуазной демократии способны доводить буржуазно-демократическую революцию до конца, когда эта революция находится, так сказать, на половине своего пути. Те ли элементы, которые принимают монархически-либеральную программу, погрязают целиком в конституционных иллюзиях и обливают революционные периоды, революционные приемы исторического творчества слюной своего филистерского негодования, осуждения, сожаления? Или те, которые принимают программу полной победы крестьянского восстания (вместо сделки крестьян с помещиками), полной победы демократии (вместо сделки демократической нижней палаты с верхней палатой и монархией)? Думали ли вы когда-нибудь об этом вопросе, господа Бланки и Изгоевы? С буржуазно-демократическими *соглашателями* надо нам «бить вместе» в настоящее время, или с буржуазно-демократическими *революционерами*?

Не слышали ли вы о том, почтенные любители цитировать и извращать Маркса, как беспощадно бичевал он буржуазно-демократических соглашателей в Германии в 1848-ом году?⁷¹ А ведь эти соглашатели сидели не в мизерной Государственной думе, а в Национальном собрании, — они были демократами, гораздо более «решительными» (на словах), чем наши кадеты.

И те же самые Маркс и Энгельс лет пятнадцать спустя, в эпоху прусского «конституционного конфликта», советовали рабочей партии поддерживать буржуазных демократов-прогрессистов, которые были ничуть не лучше, чем франкфуртские демократы⁷². По-вашему, это противоречие и непоследовательность Маркса и Энгельса? По-вашему, это доказательство того, как у них во время «революционного вихря» тоже почти исчезли «мысль и разум» (такого взгляда держится большинство бернштейнцев и кадетов)? На самом деле тут нет никакого противоречия: в период революционной борьбы Маркс бичевал всего сильнее конституционные иллюзии и конституционных соглашателей. Когда все силы революционного «вихря» были исчерпаны, когда не могло быть уже никаких сомнений в том, что немецкие кадеты окончательно предали революцию, когда восстания были безусловно и решительно подавлены, и экономическое процветание

делало повторение их безнадежным, — тогда и *только тогда* (Маркс и Энгельс не отличались малодушием и упадком веры в восстание после первого же поражения!), только тогда они признали главной формой борьбы парламентскую. В парламенте, раз вы туда вошли, не только можно, но и должно, при известных условиях, поддерживать перебежчика Изгоева против Шипова, Шипова против Дурново. В борьбе за действительный парламентаризм нет иногда ничего опаснее кадетских «соглашателей».

Если вы хотите сослаться на Маркса, господа, попробуйте доказать, что наша Дума есть уже орган господства буржуазии в свободной России, а не фиговый листок самодержавия. Вы скажете, что второе может перерасти в первое рядом маленьких изменений, и что кадетские выборы есть именно такое, даже не маленькое, а большое «перерастание».

Хорошо. Но ведь этим вы только отодвигаете вопрос, а не решаете его. Ну, а сейчас, теперешняя Дума переросла уже настолько свои рамки, что может быть органом власти? Те из вас, кто думает так и старается заставить народ думать так, те из вас прямо распространяют вреднейшие конституционные иллюзии, те из вас прямо контрреволюционеры. Те же, кто допускает вероятность того, что «Дурново остается, чтобы разогнать Думу»*, или кто понимает, что без вне-«парламентского», революционного натиска ничто еще не обеспечено**, те сами обнаруживают шаткость своей позиции. Своими признаниями они показывают ясно, что политика кадетов есть *политика минуты*, а не политика серьезной защиты *прочных* и основных интересов революции. Эти признания показывают, что от кадетов во время развязки назревающего теперь *нового революционного кризиса* отпадет целая масса революционных буржуазно-демократических элементов, которых издевательство господ Дурново над Думой толкнет на баррикады. Значит, вся разница только в том, что вы хотите этот неизбежный новый бой *ограничить*, связать, *сузить* задачей поддержки кадетской Думы, а мы хотим направить все помыслы, все усилия, всю нашу агита-

* «Русь» и «Молва».

** П. Миллюнов, «Элементы конфликта» в «Речи» № 30 (24 марта) — интересное «сredo» («символ веры». Ред.) соглашателя.

ционную, пропагандистскую и организационную работу к тому, чтобы расширить размах этого боя за пределы кадетских программ, расширить его до полного свержения самодержавия, до полной победы крестьянского восстания, до созыва революционным путем всенародного учредительного собрания.

Вам кажется, что у нас нет никакой революционной буржуазной демократии в России, что кадеты единственная или, по крайней мере, главная сила буржуазной демократии в России. Но это вам кажется только потому, что вы близоруки, что вы удовлетворяетесь поверхностным наблюдением политических явлений, что вы не видите и не понимаете «сущности конституции». Политики сегодняшнего дня, вы являетесь типичнейшими оппортунистами, ибо за минутными интересами демократии не видите более глубоких и коренных интересов ее, за минутными задачами забываете завтрашние, и более серьезные задачи, за вывеской не видите содержания. Революционная буржуазная демократия в России есть, ее не может не быть, пока есть революционное крестьянство, миллиардами нитей связанное и с городской беднотой. Эта демократия притаилась *исключительно* благодаря работе Риманов и Луженовских. И завтрашний день неминуемо разоблачит кадетские иллюзии. Либо режим репрессий останется по-старому, Риманы и Луженовские будут «дело делать», кадетская Дума будет болтать, — тогда мизерность этой Думы и мизерность господствующей в ней партии станут ясны сразу громадным массам населения. Наступит острый взрыв, в котором будут участвовать, конечно, не кадеты, как партия, а именно такие элементы населения, которые составляют революционную демократию. Либо режим репрессий ослабнет, правительство сделает некоторые уступки, кадетская Дума, разумеется, начнет таять от первых же уступок и примиряться не то, что на Шипове, а может быть и на чем-нибудь еще похуже. Контрреволюционная натура кадетов (выступившая в дни «вихря» особенно ярко и сказывающаяся постоянно в их литературе) проявится во-всю. Но *первое* же дуновение свободного ветерка, первое ослабление репрессий начнет снова *неминуемо* вызывать к жизни сотни и тысячи организаций, союзов, групп, кружков, предприятий революционно-демократического характера.

А это явление столь же неминуемо поведет опять к «вихрю», к повторению октябрьско-декабрьской борьбы, только в неизмеримо более широком масштабе. Кадеты, блистающие ныне, опять стучатся тогда. Почему? Потому что черви водятся около трупов, а не около живых людей.

Иными словами, кадеты могут, как сказал бы Дурново, «разлакомить» окончательно народ насчет «народной свободы», но они ни в каком случае, безусловно не могут провести действительной борьбы за действительную народную свободу, без кавычек, без соглашения свободы с самодержавием. Эту борьбу неминуемо придется еще вести, а поведут ее другие партии, другие социальные элементы, а не кадеты. Понятно отсюда, что революционная социал-демократия нисколько не завидует успехам кадетов и продолжает все внимание направлять на эту предстоящую действительную, а не бутафорскую борьбу.

Господин Бланк цитирует слова Маркса о высоком значении буржуазной демократии. Чтобы выразить действительное мнение Маркса, следовало бы добавить: и *высокопредательское значение*. Маркс тысячи раз говорил об этом в разных местах разных своих произведений. Тов. Плеханов, склоняющийся к брентанизму в теперешней политике, забыл об этих указаниях Маркса. Тов. Плеханов не догадывается даже, *чему* может изменять либеральная демократия. Ответ очень прост, товарищ Плеханов: партия «народной свободы» изменяла и будет изменять народной свободе.

Господин Бланк поучает нас, что не нужно толкать буржуазную демократию «в реакцию, в контрреволюцию». Мы спросим этого мудрого кадета: хотите вы взять мир идей, теорий, программ, тактических линий? или мир материальных классовых интересов? Возьмем и то и другое. Кто толкнул в контрреволюцию вашего друга г-на Струве, и когда? Господин Струве был контрреволюционером в 1894-м году, когда делал брентановские оговорки к марксизму в своих «Критических заметках». И, несмотря на усилия некоторых из нас «толкнуть» его от брентанизма к марксизму, господин Струве ушел окончательно к брентанизму. И *контрреволюционные нотки никогда* не исчезали со страниц «Освобождения»,

нелегального «Освобождения». Что же это, случайность? Случайность то, что как раз эпоха «вихря», эпоха революционной самодеятельности народа побудила господина Струве создать образцовый орган реакционного брюзжания: «Полярную Звезду»?

Кто толкает вообще мелкого производителя в товарном хозяйстве на сторону реакции и контрреволюции? Его положение между буржуазией и пролетариатом в капиталистическом обществе. Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно, во всех странах и при всяких политических комбинациях, колеблется между революцией и контрреволюцией. Он хочет освободить себя от гнета капитала и укрепить свое положение, как мелкого собственника. Такая задача по существу неразрешима, и колебания мелкого буржуа по существу самого устройства современного общества неизбежны и неустраимы. Поэтому только идеологи мелкой буржуазии и могут воображать, что *мыслимы* такие проявления революционной самодеятельности рабочих или восстающих против помещичьего землевладения крестьян, которые бы *не толкали* известной части буржуазной демократии в реакцию. Только рыцари мещанства могут жалеть об этом.

Неужели господа Бланки и Изгоевы (или товарищ Плеханов) воображают, например, что возможна *полная* победа крестьянского восстания, полное *«отобрание земли»* (плехановский лозунг) у помещиков без вознаграждения, которые бы не толкнули в контрреволюцию трех пятых кадетской «буржуазной демократии»? Не начать ли нам поэтому торговаться с кадетами о «разумной» крестьянской программе, — как вы думаете, товарищ Плеханов? как вы полагаете, господа Бланки и Изгоевы?

И теперь финал политических рассуждений нашего кадета: *если буржуазная демократия в настоящий момент против вооруженного восстания, то о нем не может и не должно быть и речи.*

В этих словах выражены вся суть и весь смысл кадетской политики: подчинить пролетариат кадетам, взять его на буксир в основном вопросе его политического поведения и его политической борьбы. На это нечего закрывать себе глаза. Господин Бланк отводит глаза довольно умело: он говорит не о кадетам, а о буржуазной демократии вообще. Он говорит о «настоящем моменте»,

а не о восстании вообще. Но только ребенок мог бы заблуждаться насчет того, что это именно отвод глаз и что истинный смысл бланковского вывода есть именно указанный нами: мы показали уже на ряде примеров, что господин Бланк (как и все кадеты) систематически игнорирует более левую буржуазную демократию, чем кадетскую, что он сообразно всей своей позиции защитника конституционных иллюзий отождествляет кадетов с буржуазной демократией, игнорирует революционную буржуазную демократию. Нам остается только показать, что кадеты вообще против вооруженного восстания, а не только против неудачного выбора «момента» (то и другое удивительно часто смешивают, и кадетам особенно выгодно это смешивать, прикрывать свое отрицание восстания рассуждениями о моменте его). Показать это нет ничего легче: достаточно сослаться на *нелегальное* «Освобождение», где господин Струве весной и летом 1905 года, после 9-го января и до 9-го октября, ратовал против вооруженного восстания, доказывая, что проповедь его *«безумна и преступна»*. События достаточно опровергли этого контрреволюционера. События показали, что только предвиденное марксистами и выставленное ими, как лозунг, *сочетание всеобщей стачки с вооруженным восстанием* и завоевало России признание свободы и начатки конституционализма. Только совершенно единичные, не имеющие сторонников в России, социал-демократы (вроде Плеханова) малодушно говорили о декабрьском восстании: «не нужно было браться за оружие». Напротив, громадное большинство с.-д. согласны в том, что восстание было необходимым отпором отнятию свобод, что оно подняло все движение на высшую ступень и доказало возможность борьбы с войском. Последнее обстоятельство признал и такой беспристрастный, не увлекающийся и осторожный свидетель, как Каутский.

Посмотрите же теперь, к чему сводится мораль господ Бланков: пролетариат не должен думать о восстании, если кадетская партия (которая никогда не была революционной) не сочувствует восстанию (хотя она и в данный и во все иные моменты против восстания). Нет, господин Бланк! Пролетариат непременно будет считаться с буржуазной демократией и в вопросе о восстании вообще и в вопросе о моменте восстания в особенности, — но только именно

не с кадетской, а с революционной буржуазной демократией; — не с либерально-монархическими, а с революционно-республиканскими течениями и партиями; — не с удовлетворяющимися игрушечным парламентом говорунами, а с крестьянской массой (тоже буржуазная демократия), которая иным образом определяет свое отношение к восстанию, чем кадеты.

«Кадеты — против восстания». Да они никогда не были и никогда не могут быть за него. Они боятся его. Они наивно воображают, что от их желания — от желания промежуточных, стоящих в стороне от самой острой и непосредственной борьбы элементов — *зависит* решение вопроса о восстании. Какое заблуждение! Самодержавие готовится к гражданской войне и готовит ее именно теперь особенно систематически. В связи с Думой зреет новый, гораздо более широкий и глубокий, политический кризис. И крестьянская масса и пролетариат сохраняют еще в своих недрах массу боевых элементов, которые бесповоротно требуют народной свободы, а не сделок, урезающих народную свободу. Разве от воли той или иной партии зависит при таких условиях, будет или не будет восстание?

Подобно тому, как западно-европейский мещанин накануне социалистической революции мечтает о притуплении классовых противоречий буржуазии и пролетариата, призывает последний не толкать в реакцию представителей первой, высказывается за социальный мир и с чувством глубокого нравственного негодования отвергает ненаучную, узкую, заговорщическую, анархическую и пр. идею катастрофы, — подобно этому русский мещанин на полдороге нашей буржуазно-демократической революции мечтает о притуплении противоречия между самодержавием и народной свободой, призывает революционеров, т. е. всех решительных и последовательных сторонников этой последней, не толкать в реакцию либеральной буржуазии, высказывается за конституционный путь и с чувством истинного, философским идеализмом подкрепленного негодования отвергает ненаучную, узкую, заговорщическую, анархическую и пр. идею восстания. Западно-европейскому мещанину сознательный рабочий говорит: катастрофа будет зависеть не от промежуточных элементов, а от обострения крайностей. Русскому мещанину (а кадет есть идеальный мещанин в политике)

сознательный рабочий говорит: восстание зависит не от воли либералов, а от действий самодержавия и от роста сознания и негодования в революционном крестьянстве и пролетариате. Западно-европейские мещане говорят пролетариату: не отталкивай от себя мелкого крестьянина и вообще мелкой буржуазии, просвещенной, социал-либеральной, реформаторской, не изолируй себя, это только реакция хочет изолировать тебя. Пролетарий отвечает: от соглашателей буржуазии с пролетариатом я должен изолировать себя в интересах всего трудящегося человечества, ибо эти соглашатели советуют мне разоружиться, ибо они оказывают самое вредное, немедленно и практически вредное, влияние на сознание угнетенного класса своей проповедью соглашения, притупления и т. д. Но от всей той громадной массы мелких буржуа, трудящейся массы, которая способна встать на точку зрения пролетариата, не мечтать о соглашении, не увлекаться укреплением мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, не отказываться от борьбы против самого капиталистического строя, от этой массы я себя не изолирую.

В другой обстановке, в иной исторический период, в канун (и даже не в канун, а посредине) буржуазно-демократической, а не социалистической революции, аналогичное происходит и в России. Мещанин говорит пролетарию: реакция хочет изолировать тебя, ты должен изолировать реакцию, не отталкивай же от себя кадета, просвещенного, политически-либерального, желающего реформ кадета. Пролетарий отвечает: от соглашателей самодержавия с народным представительством я должен изолировать себя в интересах действительной борьбы за действительную свободу, ибо эти соглашатели советуют нам разоружиться, они затемняют гражданское сознание народа своей проповедью «политического мира» и конституционных иллюзий. Но эти соглашатели, все эти кадеты, вовсе не народ, вовсе не масса, вовсе не сила, как кажется поддающимся настроению минуты и впечатлениям минуты людям, кричащим ныне об опасности изолированности пролетариата. Действительная масса, это — революционное крестьянство, это настоящая беднота городского населения. И от этой массы я не изолирую себя, ее я зову к освобождению себя от конституционных иллюзий, зову к настоящей борьбе, зову к восстанию. С настроением

и ходом развития сознания *этой* массы (отнюдь не кадетских соглашателей) я буду считаться самым серьезным образом при определении момента восстания, но ради успеха минуты, ради мишурного блеска кадетского парламентаризма (или дубасовского парламентаризма, вернее, пожалуй, будет сказать) я не забуду ни на минуту о назревающей очень быстро, о предстоящей вероятно в недалеком будущем революционной борьбе с самодержавием.

Было время недавно, — в Европе блистал, шумел, навязывал свои союзы и соглашения пролетариату социал-либерал, мелкий буржуа-соглашатель. Интеллигентское крыло социал-демократических партий поддалось на удочку, прельстилось политикой минуты, создало пресловутую бернштейниаду и т. п. Прошел год-другой, туман «социального мира» рассеялся окончательно, и правильность позиции последовательно стоявшего на пролетарской точке зрения революционного крыла социал-демократии выяснилась вполне.

У нас теперь в России всем кружат головы кадетские победы и будущая кадетская Дума. Есть опасность, что интеллигентское крыло нашей партии увлечется этим блеском, увлечется избирательными блоками с к.-д., идеей поддержки их, политикой «тактичного отношения» к кадетам, не захочет ясно и отчетливо определить с пролетарской точки зрения мелкобуржуазной классовой природы этой партии, вреда ее конституционных иллюзий, злободневной опасности ее тактики «соглашения». Пройдут — даже не годы, а может быть месяцы, и туман рассеется, взгляды революционной социал-демократии подтвердит действительность, страницы кадетских газет и журналов перестанут пестреть обидными для пролетариата, свидетельствующими о некоей болезни внутри социал-демократии, хвалами по адресу некоторых социал-демократов.

VI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о взглядах господина Бланка, этого типичнейшего выразителя кадетской политики, мы не касались почти совершенно взглядов товарищей-меньшевиков. Но выводы относительно их позиции вытекают из сказанного

сами собою. Усердные хвалы, расточаемые им кадетами, уже намекают на некоторую ошибку, которую они делают. Кадетская печать — чуть ли не девять десятых всей политической печати России в настоящее время, и если вся эта буржуазная печать начинает хвалить, систематически и постоянно, сегодня Плеханова, завтра Потресова («Наша Жизнь»), послезавтра резолюцию всех меньшевиков, — это уже верный, хотя, разумеется, косвенный признак того, что товарищи-меньшевики делают или собираются сделать некоторую ошибку. Не может быть, чтобы общественное мнение всей буржуазной печати резко расходилось с классовым инстинктом буржуазии, которая очень чутка к тому, куда ветер дует.

Но, повторяем, это лишь косвенный признак. Предыдущее изложение приводит и к прямой формулировке тех ошибок, которые намечаются в проектах меньшевистских резолюций. Здесь не место разбирать подробно эти резолюции, — мы можем отметить лишь вкратце самое главное в связи с вопросом о «победах кадетов и задачах рабочей партии».

Ошибка меньшевиков — та, что они не формулируют вовсе, они, повидимому, даже забывают вовсе такую существенную политическую задачу совнательного социал-демократического пролетариата в данный момент, как борьбу с конституционными иллюзиями. Социалистический пролетариат, строго соблюдающий классовую точку зрения, неуклонно применяющий материалистическое понимание истории к оценке современности, враждебный всяким мелкобуржуазным софизмам и обманам, не может в такое время, какое переживается теперь Россией, игнорировать этой задачи. Игнорируя ее, он перестанет быть передовым борцом за всю народную свободу, борцом, стоящим выше буржуазно-демократической ограниченности. Игнорируя ее, он будет беспомощно плестись в хвосте событий, которые делают теперь именно эти конституционные иллюзии таким же орудием буржуазного развращения пролетариата, как теория «социального мира» была недавно в Европе главным орудием буржуазного отвлечения рабочих от социализма.

Конституционные иллюзии, это — целый период русской революции, естественно наступивший после подавления *первого* вооруженного восстания (за ним последует

еще второе) и после выборных побед кадетов. Конституционные иллюзии, это политически-оппортунистический и буржуазный яд, который теперь миллионы экземпляров кадетской печати вливают в народные мозги, пользуясь вынужденным молчанием социалистических газет. Вот перед нами газета «Товарищ», орган кадетов, идущих в «народ» и специально в рабочий класс. В первом номере поется дифирамб кадетам: «В программе своей она (партия к.-д.) обещает (...гм! гм! обе-ща-ет!)... защищать интересы крестьян (по-кауфмановски?) и рабочих (ну, конечно!) и политические права всех русских граждан без различия. Если она получит большинство голов в Государственной думе, то нынешнее правительство, причинившее столько зла народу, должно будет уйти, и государством будут управлять новые люди (Муравьевы вместо Витте?), которые *будут слушаться голоса народа*». Да, да... Слушаться голоса народа!.. Красиво пишут кадеты!

Мы уверены, что не найдется ни одного социалиста, который бы не был возмущен этой беспардонной буржуазной ложью, который бы не признавал всецело и безусловно необходимости самой энергичной борьбы против этого буржуазного развращения рабочего класса, — развращения тем более опасного, что у кадетов бездна газет в руках, а у нас, несмотря на бесконечный ряд попыток наладить самую умеренную, самую воздержанную и самую скромную социалистическую газету, нет ни одной.

И далее. Нельзя не согласиться, что эта буржуазная ложь, это затемнение революционного сознания народа имеет характер совсем не случайных выходов, а целого похода. Более того. Кадетская Дума (если Дума будет кадетской) является, так сказать, живым воплощением конституционных иллюзий, очагом их, фокусом всех тех сторон политической жизни, которые наиболее бросаются в глаза (и которые поверхностному, идеалистическому взгляду мелкого буржуа кажутся сущностью или хотя бы главным явлением современной политической жизни). Перед нами не только систематический поход всей буржуазной прессы, всех буржуазных идеологов, стремящихся взять на буксир пролетариат, — перед нами все-русское представительное учреждение, обладающее всем

ореолом первого, извините за выражение, «парламента» и долженствующее закрепить это превращение рабочего класса в придаток партии кадетов. Вспомните вышеприведенное мнение «сфер»: хорошо-де было бы, если бы кадеты в Думе вызвали доверие общества к Думе и сосредоточили все общественные надежды на Думе. Дума должна быть оттяжным пластырем от революции, — в этом, в сущности, сходятся наши кадеты с Дурново и Дубасовыми. Это факт. «Полярная Звезда» особенно наглядно показала это. Лучше планомерные и систематические реформы, чем революционный вихрь, в котором исчезают мысль и разум, — говорят Бланки. Лучше торговаться в Думе с кадетами, чем драться с ненадежным войском против рабочих и крестьян, говорят Дурново и Дубасовы. *Les beaux esprits se rencontrent*. Рыбак рыбака видит издалека.

Про нас все говорят, что мы клеветем на либералов. Нас называли клеветниками, когда мы еще в «Заре» и старой «Искре» встретили первые номера «Освобождения» «в штыки»⁷³. Клеветы оказались марксистским анализом буржуазной идеологии, который всецело подтвержден действительностью. Мы не удивимся поэтому и не опечалимся, если нас обвинят теперь в оклеветании партии «народной свободы».

Каждая политическая эпоха выдвигает перед социал-демократией, как представительницей единственного до конца революционного класса, особую специфическую задачу, которая становится на очередь дня и которая всегда затемняется, так или иначе отодвигается на задний план оппортунистическими слоями буржуазной демократии. В настоящее время такой специфической политической задачей момента, которую может выполнить только революционная социал-демократия и которую она обязана выполнить, если не хочет изменить прочным, коренным, существенным интересам пролетариата, — такой задачей является борьба с конституционными иллюзиями. Мелкобуржуазные оппортунисты всегда удовлетворяются минутой, блеском последней новинки, минутой «прогресса», — мы должны смотреть дальше и глубже, показывать в этом прогрессе сейчас же и немедленно те стороны его, которые являются основой и залогом *регресса*, которые выражают односторонность, узость, непрочность достигнутого и

вызывают необходимость *дальнейшей борьбы в иных формах, при иных условиях.*

Чем решительнее победа кадетов и оппозиции вообще на выборах, чем вероятнее и ближе кадетская Дума, — тем опаснее становятся конституционные иллюзии, тем острее чувствуется противоречие между полным сохранением и даже усилением реакционной политики попрежнему держащего всю власть в руках самодержавия и «народным» представительством. Противоречие это с громадной быстротой создает новый революционный кризис, неизмеримо более широкий и глубокий, более сознательный и острый, чем все предыдущие. Мы переживаем в 1906 году, поистине, *репродукцию* революции, по удачному выражению какого-то социал-демократа. История 1905 года как бы повторяется, начиная опять сначала, с полномочного самодержавия, продолжая общественным возбуждением и оппозиционным движением невиданной силы, охватывающим всю страну, кончая... кто знает чем?.. может быть, «репродукцией» летней (1905 года) депутации к царю либералов в виде адреса или резолюции кадетской Думы, — может быть, «репродукцией» осеннего подъема 1905 г. Смешно было бы пытаться предугадать точные формы и даты будущих шагов революции. Важно иметь в виду несравненно больший размах движения, больший политический опыт всего народа. Важно не забывать, что грядет именно *революционный*, отнюдь не парламентский кризис. «Парламентская» борьба в Думе есть небольшой этап; это — действительно маленькая железнодорожная станция: «Кадетская платформа» по дороге от конституции к революции. Борьба в Думе *не может* решить судьбы народной свободы в силу основных особенностей теперешнего социально-политического момента, она не может быть *главной* формой борьбы, ибо этого «парламента» заведомо не признают обе воюющие стороны, ни Дурново, Дубасовы и К^о, ни пролетариат и крестьянство.

И социал-демократия должна поэтому, учитывая все конкретные особенности данного исторического момента, признать решительно и внедрить систематически в умы рабочих и сознательных крестьян, что *главной* формой общественного движения в современной России остается попрежнему непосредственно-революционное движение

широких народных масс, ломающих старые законы, уничтожающих органы угнетения народа, завоевывающих политическую власть, творящих новое право. Дума, созванная Дубасовыми и Дурново и охраняемая сими почтенными мужами, сыграет огромную роль в движении, но ни в каком случае не изменит главной формы его. Обратное мнение, теперь уже выдвинутое и распространяемое кадетами, есть обман народа, есть мелкобуржуазная филистерская утопия.

А в связи с этим стоит вопрос о буржуазной демократии и ее поддержке пролетариатом. И в этой области резолюции меньшевиков частью недостаточны, частью ошибочны. Кадеты из кожи лезут, стараясь отождествить свою партию с буржуазной демократией вообще, стараясь выставить свою партию главной представительницей буржуазной демократии. Это величайшая ложь. И всякая неясность в определении социал-демократами понятия «буржуазная демократия» играет на руку этой лжи. Конкретную политическую задачу поддержки буржуазной демократии мы обязаны решить на основании вполне определенного учета конкретных направлений, течений, партий внутри буржуазной демократии. И основная задача момента в этом отношении состоит именно в том, чтобы отделить революционную буржуазную демократию, то есть такую, которая, хотя бы она и была не вполне сознательна политически, с рядом предрассудков и пр., способна на решительную и бесповоротную борьбу против всех остатков крепостнической России, — отделить такую буржуазную демократию от либерально-монархической, оппортунистической буржуазной демократии, способной на всякие сделки с реакцией и выдвигающей в каждый критический момент свои контрреволюционные стремления. Наличие чрезвычайно широких слоев революционной демократии в России не подлежит сомнению: ее неорганизованность, ее беспартийность, ее придавленность теперешними репрессиями может вводить в заблуждение лишь самых невнимательных и невдумчивых наблюдателей. С этой и только этой демократией мы должны теперь «вровь идти, вместе бить» в целях доведения до конца демократической революции, разоблачая самым беспощадным образом ненадежность «главенствующей» ныне кадетской партии.

И ставя себе целью доведение до конца демократической революции, партия социалистического пролетариата должна не только суметь разоблачить всегда всякие конституционные иллюзии, не только выделить из всей буржуазной демократии способные на борьбу элементы, но также и определить точно и прямо, выставить ясно перед массой условия этой решительной победы революции, показать массе и раскрыть во всей своей пропаганде и агитации, в чем именно должна состоять эта решительная победа революции. Если мы не сделаем этого (а этого не сделали товарищи-меньшевики в своих резолюциях), то наши слова о «доведении революции до конца» останутся пустыми и голыми словами.

Господин Бланк поминает в своей статье французскую «социал-демократию» 1848—1849 годов. Почтеннейший кадет не понимает, что пишет карикатуру на себя. Ведь именно кадеты повторяют теперь ошибки французских «социал-демократов», которые в сущности вовсе не были социал-демократами, т. е. марксистами. Они не были классовой партией рабочих, а настоящей мелкобуржуазной партией; они были насквозь пропитаны конституционными иллюзиями и верой в «парламентарские» способы борьбы при всяких, даже революционных условиях. Именно поэтому они и потерпели, несмотря на ряд ошеломляющих, чисто «кадетских» парламентских успехов, то позорное фиаско, которое так высмеивал Маркс⁷⁴.

И нашей партии, если бы она неосмотрительно пошла на всяческие избирательные блоки, соглашения, сделки с кадетами, — если бы она оставила в тени задачу борьбы с конституционными иллюзиями, — если бы она, ища сближения с буржуазной демократией, отождествила с этой последней ее оппортунистическое крыло, т. е. кадетов, — если бы она забыла о необходимости серьезно готовиться к внепарламентским способам борьбы в эпоху, подобную переживаемой нами, — и нашей партии грозила бы серьезная опасность повторить печальную судьбу французской мелкобуржуазной квази-социал-демократии 1848—1849 годов.

Нам нет основания завидовать успехам кадетов. Мелкобуржуазные иллюзии и вера в Думу довольно сильны еще в народе. Они должны быть изжиты. Чем полнее будет

торжество кадетов в Думе, тем скорее они будут изжиты. Приветствуем успехи жирондистов великой российской революции! За ними поднимется более широкая народная масса, выдвинутся более энергичные и революционные слои, — они сплотятся вокруг пролетариата, — они доведут до полной победы нашу великую буржуазную революцию, — они откроют эпоху социалистического переворота на Западе.

28 марта 1906 г.

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РСДРП ⁷⁵**10 (23) АПРЕЛЯ — 25 АПРЕЛЯ (8 МАЯ) 1906 г.**

Напечатано в 1907 г. в книге: «Протоколы Объединительного съезда РСДРП, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г.», Москва

Печатается по тексту
«Протоколов»

1

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ⁷⁶

Я выставляю два основных тезиса: 1) муниципализации никогда не захотят крестьяне; 2) муниципализация без демократической республики, без обеспеченного полностью самодержавия народа, без выборности чиновников вредна. Развивая эти тезисы, я остановлюсь сначала на более серьезных возражениях против национализации. Несомненно, таким, наиболее серьезным возражением, является возражение, сделанное тов. Плехановым. Тов. Плеханов говорил буквально, я записал его слова: «мы ни в коем случае не можем стоять за национализацию». Это ошибка. Я берусь утверждать, что, если у нас осуществится на самом деле крестьянская революция и если политический переворот, сопровождающий ее, дойдет до создания действительно демократической республики, то тов. Плеханов сочтет возможным стоять за национализацию, и если бы действительно осуществилась у нас в России в предстоящем перевороте демократическая республика, то вся, не только русская, но и международная, обстановка движения толкнула бы к национализации. Если же не осуществится это условие, то и тогда муниципализация окажется фикцией; тогда она может осуществиться разве лишь как новый вид выкупа. У тов. Джона⁷⁷ стоит термин: отчуждение, а не конфискация, и, как видно было из его речи, этот термин выбран был им не случайно, а между тем термин этот просто кадетский, он предполагает что угодно, и с ним вполне мирится проектируемый кадетами выкуп. Пойдем дальше. Где гарантия от реставрации, спрашивал тов. Плеханов. Я не думаю, чтобы постановка этого вопроса находилась

в тесной и неразрывной связи с раабираемой нами программой, но раз этот вопрос поставлен, на него надо дать вполне определенный и недвусмысленный ответ. Если говорить о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации, т. е. такой гарантии, которая бы создавала экономические условия, исключающие реставрацию, то тогда придется сказать: единственная гарантия от реставрации — социалистический переворот на Западе; никакой другой гарантии, в настоящем и полном смысле этого слова, быть не может. Вне этого условия, при всяком другом решении вопроса (муниципализация, раздел и т. п.) реставрация не только возможна, но прямо неизбежна. Я формулировал бы это положение в таких словах: русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна, и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик, при всех и всяческих формах владения и собственности, будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. п. У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе, и в этом отношении не надо упускать из виду, что классическая буржуазная революция в Европе, именно великая французская революция XVIII века, происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией. Если такие сравнительно ничтожные явления, как обещание свободы в России царем 17-го октября, дали уже большой толчок движению пролетариата в Западной Европе, — если достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга

о пресловутом конституционном манифесте, чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии, то можно представить себе, как поведет себя социалистический международный пролетариат, если вести из России принесут ему не обещание свободы, а действительное осуществление ее и полную победу революционного крестьянства. Если же поставить вопрос о гарантии от реставрации на иную почву, т. е. если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придется сказать следующее: условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца, и мой проект дает максимум относительно гарантий против реставрации.

Как непосредственный рычаг революционного крестьянского движения, как наиболее желательная форма его, выставлены в моем проекте крестьянские комитеты. Крестьянские комитеты, в переводе на простой язык, значит, призыв к тому, чтобы крестьяне сами немедленно и непосредственно расправились с чиновниками и помещиками самым решительным образом. Крестьянские комитеты — это значит — призыв к тому, чтобы угнетенный остатками крепостничества и полицейскими порядками народ расправился с этими остатками, как говорил Маркс, «по-плебейски»⁷⁸. Тов. Плеханову эта предпосылка доведенной до конца революции, осуществляющей выбор чиновников народом, напомнила столь неприятный для него, как и для всех нас, конечно, анархизм, но в высшей степени странно, что выборы чиновников народом могут напомнить об анархизме; в высшей степени странно, что в такой момент, как настоящий, вопрос о выборе чиновников народом может или мог вызвать улыбку у какого бы то ни было социал-демократа, кроме разве Бернштейна. Именно теперь мы переживаем как раз такое время, когда этот лозунг — выбор чиновников народом — получает самое непосредственное, громадное практическое значение. Вся наша деятельность, пропаганда и агитация

в крестьянских массах должна состоять в значительной степени в пропаганде, в распространении и разъяснении именно этого лозунга. Проповедывать крестьянскую революцию, говорить сколько-нибудь в серьезном смысле слова об аграрной революции и не говорить вместе с тем о необходимости настоящего демократизма, т. е., между прочим, и выбора чиновников народом, — это вопиющее противоречие. Упрек в анархизме по этому поводу напоминает мне лишь немецких бернштейнианцев, которые недавно, полемизируя с Каутским, упрекнули его в анархизме.

Мы должны прямо и определенно сказать крестьянину: если ты хочешь довести аграрную революцию до конца, то ты должен также довести и политическую революцию до конца; без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции. Без полного демократического переворота, без выбора чиновников народом у нас будут либо аграрные бунты, либо кадетские аграрные реформы. У нас не будет того, что заслуживало бы употребленного Плехановым большого слова: крестьянская революция. Пойдем дальше. Муниципализация отводит широкую арену классовой борьбе, — говорил Плеханов; я постарался воспроизвести это утверждение его возможно более буквально и я должен решительно заявить, что это утверждение прямо-таки *неверно*; оно неверно ни в политическом, ни в экономическом смысле. При прочих равных условиях муниципалитет и муниципальное землевладение является несомненно более узкой ареной классовой борьбы, чем вся нация, чем национализация земли. Национализация земли при демократической республике создает безусловно самое широкое поприще для классовой борьбы — самое широкое, какое только возможно и какое только мыслимо вообще при существовании капитализма. Национализация означает уничтожение абсолютной ренты, понижение цен на хлеб, обеспечение максимальной свободы конкуренции и свободы проникновения капитала в земледелие. Муниципализация, наоборот, суживает общенациональную классовую борьбу, не очищая всех производственных отношений в земледелии от абсолютной ренты, разменивая наше общее требование на частные; муниципализация во всяком случае затушевывает классовую борьбу. С этой

точки зрения поставленный Плехановым вопрос может быть решен только в одном смысле. С этой точки зрения муниципализация безусловно не выдерживает критики. Муниципализация есть сужение и затушевывание классовой борьбы.

Следующее возражение Плеханова касается вопроса о захвате власти. Плеханов усмотрел у меня в проекте моей аграрной программы захват власти, и я должен сказать, что идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народовольческой идее захвата власти есть величайшая ошибка. В 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительно массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения. Теперь, после октября, ноября и декабря 1905 года, после того, как широкие массы рабочего класса, полупролетарских элементов и крестьянства показали миру невиданные давно уже формы революционного движения, — теперь, после того, как борьба революционного народа за власть вспыхнула и в Москве, и на юге, и в Прибалтийском крае, — теперь сводить мысль о завоевании политической власти революционным народом к народовольчеству, значит запаздывать на целых 25 лет, значит вычеркивать из истории России целый громадный период. Плеханов говорил: не нужно бояться аграрной революции. Именно эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции. Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы. Я напому лишь, чтобы закончить рассмотрение этого пункта, что даже резолюция товарищей из меньшинства, напечатанная во 2-ом номере «Партийных Известий», говорит, что перед нами выдвигается теперь уже задача вырвать власть из рук правительства.

Выражение: «народное творчество», которого, кажется, нет в наших резолюциях, но которое употребил я, если верить памяти тов. Плеханова, в моей речи, кажется ему напоминанием о старых знакомых из народовольцев и социалистов-революционеров. Это воспоминание тов. Плеханова мне представляется опять-таки опаздыванием на 25 лет. Припомните то, что было в России в последней четверти 1905 г.: стачки, Советы рабочих депутатов, восстания, крестьянские комитеты, жел.-дор. комитеты и пр., — все это свидетельствует именно о переходе народного движения в форму восстания, все это показывает несомненные зачатки органов революционной власти, и мои слова о народном творчестве имели совершенно определенное и конкретное содержание; они относились именно к этим историческим дням русской революции, они характеризовали именно этот прием борьбы не только против старой власти, а борьбы посредством революционной власти, прием, впервые примененный широкими массами русских рабочих и крестьян в знаменитые октябрьские и декабрьские дни. Если наша революция похоронена, тогда похоронены и эти зачаточные формы революционной власти крестьян и рабочих; если же не фраза ваши слова о крестьянской революции, если у нас будет действительно аграрная революция в настоящем значении этого слова, тогда мы увидим, несомненно, повторение октябрьских и декабрьских событий в неизмеримо более широких размерах. Революционная власть не интеллигентов, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян, уже имела место в России, уже осуществилась на деле в ходе нашей революции. Она была раздавлена, благодаря победе реакции, но если мы имеем действительно основание быть убежденными в подъеме революции, то мы неизбежно также должны ждать и подъема, развития и успеха новых, еще более решительных, еще более связанных с крестьянством и пролетариатом органов революционной власти. Следовательно, Плеханов посредством избитого и смешного жупела «народовольчество» только увильнул от анализа октябрьско-декабрьских форм движения.

Наконец, рассмотрим еще вопрос о гибкости и подкованности на 4 ноги моей программы. Я думаю, что и в этом отношении моя аграрная программа является наиболее удовлетворительной по сравнению со всеми остальными.

Как быть, если дела революции пойдут плохо? Как быть, если без осуществления всех поставленных в моем проекте «если» нельзя будет говорить о доведении до конца нашей демократической революции? Тогда, несомненно, придется считаться с теми условиями крестьянского хозяйства и крестьянского землепользования, которые имеются уже теперь. В этом отношении я сошлюсь на такое, крупнейшей важности, явление, как аренда. Ведь, если говорить о том, что дело революции может пойти плохо, что она может и не дойти до конца, то в этом случае, несомненно, надо считаться с наличием и неустранимостью такого явления, и у меня на этот худой случай, на этот случай отсутствия всех якобы утопических «если», задачи партии предусмотрены полнее, точнее и гораздо трезвее, чем у т. Маслова. Таким образом, моя программа дает практические лозунги и при теперешних условиях крестьянского хозяйства и крестьянского землепользования и при наилучших перспективах дальнейшего развития капитализма. Т. Джон покушался сострить, что у меня в программе слишком много программ, что у меня есть и конфискация, и аренда, исключаящие друг друга; остроги тут не вышло, потому что конфискация помещичьих земель не исключает аренды, которая имеет место и на крестьянских землях. Следовательно, т. Плеханов был особенно не прав, когда он выдвигал свой особенно эффектный довод против меня. Не трудно, дескать, написать программу на случай, если все обойдется самым наилучшим образом. Такую-то программу всякий напишет, а ты вот напиши программу на тот случай, когда как раз не будет налицо наилучших условий. И я утверждаю в ответ на этот довод, что, именно в случае наихудшего возможного хода или исхода нашей революции, моя программа, говорящая о конфискации помещичьих земель и предусматривающая такие вопросы, как вопрос об аренде, является особенно трезвой и особенно хорошо подкованной, а вот, что касается тов. Джона, то его проект, ничего не говоря об этих наихудших условиях, т. е. об условиях отсутствия действительно проведенного политического демократизма, дает нам лишь муниципализацию, а между тем муниципализация, без выборности чиновников народом, без уничтожения постоянной армии и т. д., представляет такую же опасность и даже еще большую опасность, как

и национализация. Вот почему я и настаиваю на постановке тех «если», которые так несправедливо осуждал Плеханов.

Итак, крестьяне не примут муниципализации. Т. Картвелов⁷⁹ говорил, что на Кавказе крестьяне вполне соглашались с с.-р., но спрашивают при этом: вправе ли они будут продавать доставшуюся им при разделе или при социализации землю. Верно, т. Картвелов! Ваше наблюдение вполне соответствует крестьянским интересам вообще и крестьянскому пониманию своих интересов, но именно потому, что крестьяне всякие аграрные преобразования рассматривают с точки зрения того, вправе ли они будут продавать доставшуюся им добавочную землю, именно поэтому крестьяне и будут безусловно против муниципализации, против эемстволизации. Крестьяне и до сих пор еще смешивают земство с земским начальником и они имеют к этому гораздо более глубокие основания, чем предполагают величественные кадетские профессора права, смеющиеся над крестьянским невежеством. Поэтому, прежде чем говорить о муниципализации, необходимо, безусловно необходимо, говорить о выборности чиновников народом. Теперь же, пока это демократическое требование не осуществлено, уместно лишь говорить о конфискации вообще, либо о разделе. Вот почему, в целях упрощения основного вопроса для съезда, я поступаю следующим образом: так как программа т. Борисова⁸⁰ имеет ряд общих черт с моей программой и построена именно на разделе, а не на национализации, то я снимаю свою программу и предоставляю съезду высказаться по вопросу: раздел или муниципализация. Если вы отвергнете раздел, — или может быть вернее будет сказать, «когда» вы отвергнете раздел, — тогда мне, конечно, придется снять свой проект, как безнадежный, окончательно, если же вы примете раздел, то я внесу свою программу целиком, как поправку к проекту т. Борисова. Напомню еще в ответ на упреки, будто я навязываю крестьянам национализацию, что в моей программе есть «вариант А», в котором специально говорится об устранении всякой мысли о навязывании чего бы то ни было крестьянам против их воли. Следовательно, замена моего проекта проектом Борисова при первоначальном голосовании ровно ничего не изменит в сущности дела и только облегчит и упростит выяснение нам действительной воли

съезда. По моему мнению, муниципализация ошибочна и вредна — раздел ошибочен, но не вреден.

Остановлюсь вкратце на этом различии: «разделисты» правильно истолковывают факты, но они не помнят изречения Маркса о старом материализме: «материалисты объясняли мир, а дело не только в том, чтобы объяснять его, но и в том, чтобы изменять мир»⁸¹. Крестьянин говорит: «земля божья, земля народная, земля ничья». «Разделисты» объясняют нам, что он говорит это не сознательно, что он говорит одно, а думает другое. Действительные стремления крестьян, говорят они, состоят всецело и исключительно в прибавке земли крестьянам, в увеличении мелкого хозяйства и ни в чем больше. Все это совершенно верно. Но наше разногласие с «разделистами» и тут не кончается, а только начинается. Именно этими словами крестьян, несмотря на всю их экономическую несостоятельность или бессодержательность, мы должны пользоваться, как зацепками для пропаганды. Ты говоришь, что землей должны пользоваться все? Ты хочешь отдать землю народу? Прекрасно, но что значит дать землю народу? Кто распоряжается народным достоянием и народным имуществом? Чиновники, Треповы. Хочешь ли ты отдать землю Трепову и чиновникам? Нет. Всякий крестьянин скажет, что им он отдать земли не хочет. Хочешь ли отдать землю Петрункевичам и Родичевым, которые, может быть, будут заседать в муниципальном самоуправлении? Нет. Крестьянин, наверно, не захочет отдать землю этим господам. Следовательно, — разъясним мы крестьянам, — для того, чтобы земля могла быть отдана всему народу с пользой для крестьян, необходимо, чтобы была обеспечена выборность всех чиновников, без исключения, народом. Следовательно, выставляемый мною проект национализации, обусловленной полным обеспечением демократической республики, дает как раз правильную линию поведения нашим пропагандистам и агитаторам, показывая им ясно и наглядно, что разбор земельных требований крестьян должен служить почвой для политической и в частности именно республиканской пропаганды. Крестьянин Мишин, напр., который выбран депутатом в Думу от ставропольских крестьян, привез наказ от выборщиков, напечатанный полностью в «Русском Государстве»⁸². В этом наказе требуется и отмена земских

чиновников, и устройство элеваторов, и передача всех земель в казну. Требование такой передачи есть несомненно реакционный предрассудок, ибо казна настоящей и завтрашней конституционной России есть казна полицейского, военного деспотизма, но это требование мы должны не просто отбросить, как вредный предрассудок, мы должны «зацепиться» за него, чтобы истолковать Мишину и ему подобным, как стоит дело по существу. Мы должны сказать Мишину и ему подобным, что требование передачи земли в казну выражает, хоть и очень плохо, чрезвычайно важную и полезную для крестьян идею. Передача земли в казну может быть очень полезна крестьянам и будет очень полезна им исключительно тогда, когда государство станет вполне демократической республикой, когда будет полностью проведена выборность чиновников, уничтожена постоянная армия и т. д. Вот по всем этим причинам я и думаю, что, если вы отвергнете национализацию, то выведете этим неизбежно такие же ошибки наших практиков, пропагандистов и агитаторов, какие вызвали мы своей ошибочной отрезочной программой 1903 г. Как тогда наши отрезки толковали более узко, чем понимали их авторы этого пункта, так и теперь отрицание национализации и замена этого требования разделом, не говоря уже о совсем путаной муниципализации, приведет неизбежно к такому ряду ошибок наших практиков, пропагандистов и агитаторов, что нам очень скоро придется пожалеть о принятой нами «раздельнической» или муниципализаторской программе.

Закончу повторением еще раз двух своих основных тезисов: во-первых, муниципализации никогда не захотят крестьяне; во-вторых, муниципализация без демократической республики, без выборности чиновников народом — вредна.

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПО ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ МОМЕНТЕ
И КЛАССОВЫХ ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА

Постараюсь отметить самое существенное. Тов. Птицын⁸³ напомнил мне поговорку: на ловца и зверь бежит. Он спрашивал: где большевики видят, что главная форма борьбы теперь ломание законов и пр.? Т. Птицын, снимите же ваши кадетские очки. Вам кажется, что главная форма борьбы — парламентаризм. Смотрите: движение безработных, движение в войсках, крестьянское движение. Главная форма движения не в Думе, она может играть лишь косвенную роль. Т. Плеханов говорил, что Гегель перевернулся бы два раза в гробу, слыша мою ссылку на него. Но т. Плеханов говорил до т. Птицына, и его слова обращаются против последнего. Т. Птицын преклоняется перед минутой, он замечает лишь явления, лежащие на поверхности, и не замечает совершающегося в глубине. Он не изучает явления в их развитии. По мнению т. Птицына, речь о голове и хвосте, о передовой или о хвостовой роли пролетариата, — фразеология. Основная ошибка меньшевиков здесь особенно ярко сказалась. Они не видят, что буржуазия контрреволюционна, что у нее сознательное стремление к сделке. Они ссылаются на якобинцев, указывая, что те были наивными монархистами и стали республиканцами. Но кадеты не наивные, а сознательные монархисты. Это и забывают меньшевики.

Грозный тов. Леонов⁸⁴ говорил: Смотрите: «большевики» толкуют о революционном народе. Но то же говорят и «меньшевики» в своей резолюции. Т. Леонов ссылался на Маркса, который в «Классовой борьбе во Франции» говорит, что республика есть высшая политическая форма господства буржуазии. Т. Леонову следовало

бы цитировать дальше. Тогда он увидел бы, что республика была навязана буржуазии временной ситуацией и что буржуазия, разделявшаяся на две фракции — легитимистов и орлеанистов, — лишь, вопреки своей воле, терпела республику⁸⁵.

Дан говорил: «большевики» игнорируют значение политической организации. Это не верно. Но было бы труизмом говорить вообще о значении организации. Речь идет о том, какие именно формы политической организации теперь необходимы. Надо указать, на какой почве мы строим политическую организацию. «Меньшевики» исходят из предпосылок подъема революции и в то же время рекомендуют такие способы действия, которые соответствуют не подъему революции, а упадку. Этим они играют на руку кадетам, которые всячески опорочивают период октября — декабря. «Меньшевики» говорят о взрыве. Вставьте это слово в резолюцию. Тогда современная форма движения — выборы в Государственную думу и проч. — явится только-только переходящею формою движения.

Т. Дан говорил: лозунги «меньшинства» подтверждены, и ссылался на революционные самоуправления, на Советы рабочих депутатов. Но возьмите 5-й номер плехановского «Дневника». Он говорит там, что революционное самоуправление «сбивает с толку». Но когда и кого этот лозунг сбивал с толку? Мы никогда не отрицали этого лозунга. Но мы его считали недостаточным. Это лозунг — половинчатый, это лозунг не победоносной революции. Ссылка на Советы рабочих депутатов неправильна. О них мы еще не говорили.

Ошибка Плеханова — это полное отсутствие анализа тех форм движения, которые были в октябре. Он сказал: Советы рабочих депутатов желательны и необходимы. Но он не потрудился анализировать, что представляют Советы рабочих депутатов. Что это? — органы революционного самоуправления или зачаточные органы власти? Я утверждаю, и этот тезис не может быть опровергнут, что это борьба посредством революционной власти. Это, и только это, есть характерное отличие октябрь-декабрьской борьбы от теперешней; и навязывать ту или другую форму борьбы мы не можем.

Плеханов говорил: Бернштейна хвалили за теорию, за то, что он отказался от теоретического марксизма, а меня

за тактику. Ситуация не та — говорил т. Плеханов. На это ему справедливо ответил тов. Варшавский, что Бернштейна хвалили за тактику. За стремление притупить противоречия, как это делают кадеты. Бернштейн притуплял социальные противоречия накануне социалистической революции. Плеханов притупляет политические противоречия в разгар буржуазно-демократической революции. За это кадеты хвалят Плеханова и меньшевиков.

Т. Плеханов говорил: мы не отрицаем захвата власти, но мы за такой захват, как в эпоху Конвента, а не за заговорщический захват власти. Напишите же это, товарищи «меньшевики», в вашей резолюции. Отвергните ленинизму, заклейте заговорщиков с.-р-ов и пр., и пр., мне это ни капли не страшно, но поставьте пункт о захвате власти по типу Конвента, и мы обеими руками подпишемся под этой резолюцией. Только помните, т. Плеханов, как только вы это напишете, поверьте, кадеты перестанут хвалить вас.

3

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ,
ВНЕСЕННЫЙ НА ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД⁸⁶

Принимая во внимание:

1) что избирательный закон 11 декабря и фактические условия выборов лишили пролетариат и социал-демократию возможности участвовать в выборах, выставяя и самостоятельно проводя действительно партийных кандидатов;

2) что ввиду этого реальное значение участия рабочих в выборах неизбежно должно было свестись и фактически свелось, как показал опыт, к затемнению строго классовой позиции пролетариата вследствие соглашений с кадетами или другими буржуазными группами;

3) что только полный и последовательный бойкот дал возможность с.-д. поддержать лозунг созыва революционным путем учредительного собрания, возложить всю ответственность за Госуд. думу на партию к.-д. и предостерегать пролетариат и крестьянскую или революционную демократию от конституционных иллюзий;

4) что Госуд. дума с обрисовавшимся уже теперь к.-д. (по преимуществу) составом ни в каком случае не может выполнить роли настоящего народного представительства, служа лишь косвенно развитию нового, еще более широкого и глубокого революционного кризиса, —

мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что партийные организации, бойкотируя Госуд. думу и выборы в нее, поступили правильно;

2) что попытка создания парламентской фракции с.-д., при современных политических условиях и при отсутствии в Думе действительно партийных и способных представлять партию с.-д., не обещает серьезного успеха, грозя

скорее скомпрометировать РСДРП и возложить на нее ответственность за особенно вредный тип парламентариев, средний между к.-д. и с.-д.;

3) что в силу всего вышеизложенного нет еще условий для вступления нашей партии на парламентский путь;

4) что с.-д. должна использовать Госуд. думу и столкновения ее с правительством или конфликты внутри нее, борясь с реакционными ее элементами, беспощадно разоблачая непоследовательность и шаткость к.-д., особенно внимательно следя за элементами крестьянской революционной демократии, объединяя их, противопоставляя их к.-д., поддерживая те их выступления, которые отвечают интересам пролетариата, готовясь призвать пролетариат к решительному натиску на самодержавие в такой момент, когда быть может в связи с думским кризисом — наиболее обострится общий революционный кризис;

5) ввиду возможности распускания Госуд. думы правительством и созыва ее в новом составе, съезд постановляет, что в течение новой избирательной кампании недопустимы никакие блоки и соглашения с партией к.-д. и им подобными неревolutionными элементами; самый же вопрос о возможности участия нашей партии в новой избирательной кампании будет решаться российской с.-д-ией в зависимости от конкретных обстоятельств момента.

4

СОДОКЛАД ПО ВОПРОСУ
ОБ ОТНОШЕНИИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Товарищи! Я не буду читать вам резолюции большевиков, ибо эта резолюция, вероятно, всем вам известна. (Ввиду требования со стороны членов съезда оратор прочитывает однако еще раз текст резолюции большевиков.) Сравнение этой резолюции с резолюцией меньшевиков показывает нам следующие четыре основных пункта различия или четыре основных недостатка резолюции меньшевиков.

1) В резолюции меньшевиков нет оценки выборов, нет учета объективных результатов нашего политического опыта в этом отношении.

2) В этой резолюции сквозит повсюду неосторожное, если выразаться мягко, или оптимистическое отношение к Государственной думе.

3) В резолюции нет ясного деления различных течений или партий внутри буржуазной демократии с точки зрения нашей тактики по отношению к ним.

4) Ваша резолюция постановляет образовать парламентскую фракцию в такой момент и при таких условиях, когда польза такой меры для пролетарской партии никак не может быть доказана.

Таковы действительные разногласия между нами, если разбирать разногласия серьезно, не придираясь к словам или к мелочам.

Рассмотрим же эти четыре пункта.

Учет опыта относительно выборов имеет громадное значение, если мы хотим основывать свои выводы не на общих фразах о парламентаризме вообще и т. п., а на действи-

тельном отношении политических сил. В самом деле, ведь мы выставляли и выставляем совершенно определенное положение, что участие в выборах реально означает поддержку кадетов, что участие невозможно без блоков с кадетами. Разбираете ли вы по существу это соображение? Рассматриваете ли вы действительность с точки зрения фактических данных по этому вопросу? Ничего подобного. Аксельрод совершенно обошел первую половину вопросов, а насчет второй дал два противоречивых утверждения. Сначала он отозвался о блоках с кадетами вообще в самых пренебрежительных выражениях. Потом он сказал, что ничего бы не имел и против таких блоков, но, конечно, не в виде старого и мелкого «шушуканья» и соглашений впопыхах, а в виде открытых и прямых шагов, видных всему пролетариату. Это последнее «положение» Аксельрода — великолепный образчик «кадетских» мечтаний, настоящих «невинных пожеланий», порождаемых конституционными иллюзиями. У нас нет конституции на деле, нет почвы для наших открытых выступлений, а есть дубасовский «конституционализм». Мечты Аксельрода останутся пустыми мечтами, а кадеты извлекут реальную пользу из соглашений, молчаливых или подписанных, формальных или неформальных.

И когда говорят о нашем «самоустранении» от выборов, то всегда забывают, что именно политические условия, а не наша воля, устранили нашу партию на деле, устранили от газет, от собраний, от выставления в кандидаты видных членов партии. А без всех этих условий парламентаризм гораздо больше является пустой и жалкой игрой, чем средством воспитания пролетариата: наивно брать парламентаризм «в чистом виде», в «идее», а не в реальной его обстановке.

Когда говорят о выборах, обычно забывают, что фактически боролись на почве дубасовского конституционализма две сильные «партии»: кадеты и черносотенцы. Кадеты были правы, когда говорили избирателям, что всякое раздробление голосов, всякое выставление «третьих» кандидатов может повести лишь к победе черносотенцев. Возьмите примеры вроде московских: Гучков получает, скажем, 900 голосов, кадет 1300. Достаточно было бы социал-демократам собрать 401 голос, и черносотенец победил бы. Следовательно, кадетское понимание

социал-демократического участия в выборах соответствовало действительности (кадеты дали московским рабочим одно место в Гос. думе за участие рабочих в выборах), а ваше, меньшевистское, понимание не соответствует действительности, является пустой и праздной мечтой. Либо не братья за парламентаризм и не говорить об нем общих мест, либо братья всерьез. А то получается позиция никуда не годная.

Второй пункт. Аксельрод в своей речи еще более выставил указанные мной недостатки резолюции. В резолюции говорится о превращении Думы в орудие революции. Вы рассматриваете Думу исключительно с точки зрения правительственного давления на нас, правительственного гнета против революции. Мы рассматриваем Гос. думу, как представительство определенного класса, как учреждение с определившимся партийным составом. Ваше рассуждение совершенно неправильное, неполное, не по-марксистски построенное. Внутреннего строя Думы по классовому составу партии к.-д. вы не учитываете. Вы говорите, что правительство душит революцию, а забываете добавить, что к.-д. тоже обнаружили уже вполне и всецело стремление тушить революцию. Кадетская Дума не может не проявлять свойств кадетской партии. Пример франкфуртского парламента, когда представительное учреждение в революционную эпоху ясно обнаружило стремление тушить революцию (вследствие мелкобуржуазной ограниченности и трусости франкфуртских говорунов), — этот пример вы совершенно упускаете из виду.

Совсем уже неудачна ссылка в с.-д. резолюции на «власть, царем признанную и законом утвержденную». Дума не есть власть на самом деле. Ссылка на закон не устанавливает, а ослабляет всю вашу аргументацию и все ваши агитационные лозунги, вытекающие из этой резолюции. На «закон» и на «волю царя» будет всего охотнее сослаться Витте, препятствуя малейшей попытке Думы выйти за пределы ее сведенной до смешного компетенции. Не социал-демократы, а «Русское Государство» извлекает пользу из таких доводов, как ссылка на царя и закон.

Перехожу к третьему пункту. Отсутствие ясной характеристики кадетов, отказ от разоблачения всей их тактики, невыделение кадетов от крестьянской и революционной

демократии, является коренной ошибкой резолюции, ошибкой, тесно связанной со всеми предыдущими. А между тем, именно кадеты являются господами положения в настоящей Думе. И эти кадеты уже обнаружили не раз свои измены «народной свободе». Когда добрый болтун Водовозов, желая стоять левее кадетов, напомнил им после выборов о данных ими обещаниях насчет учредительного собрания и пр., то «Речь», принявшая «великодержавный» тон, грубо, площадно-грубо ответила Водовозову, что она не нуждается в непростенных советах.

И столь же ошибочна ваша резолюция в вопросе о стремлении ослабить революцию. Как я уже говорил, такое стремление есть не только у правительства, но и у тех мелких буржуа-соглашателей, которые всего более шумят теперь на поверхности нашей политической жизни.

Ваша резолюция говорит, что Дума стремится опереться на народ. Это верно лишь наполовину и потому не верно. Что такое Гос. дума? Позволительно ли нам ограничиться общей ссылкой на это учреждение вместо анализа тех классов и партий, которые определяют действительное содержание и значение его? Какая Дума стремится опереться на народ? Не октябристская, ибо октябристам совершенно чуждо такое стремление. И не крестьянская Дума, ибо крестьяне-депутаты уже являются неразрывной частью народа, и им нечего «стремиться опереться на народ». *Стремление* опереться на народ характерно именно для *кадетской* Думы. Но кадетам столь же свойственно и стремление опереться на народ и *боязнь* революционной самостоятельности народа. Указывая на одну сторону дела и совершенно умалчивая о второй, ваша резолюция сеет не только неправильные, но прямо вредные представления. Умолчание об этой второй стороне — подчеркнутой в нашей резолюции об отношении к другим партиям — является ложью, если брать объективное значение такого умолчания.

Нет, нашу тактику по отношению к буржуазной демократии ни в каком случае непозволительно определять с умалчиванием о кадетях, с отказом от резкой критики их. Мы можем и должны искать поддержки лишь крестьянской и революционной демократии, а отнюдь не тех, кто притупляет политические противоречия современного момента.

Наконец, взглянем на предложение образовать парламентскую фракцию. Что использование социал-демократией нового оружия, «парламентаризма», должно быть обставлено особо осторожно, этого не решаются отрицать и меньшевики. Они вполне готовы признать это «в принципе». Но дело теперь совсем не в принципиальном признании, дело в правильном учете конкретных условий. Ничего не стоит «принципиальное» признание осторожности, если реальные условия превращают это признание в невинное и праздное мечтание. Хорошо говорят, напр., кавказцы о самостоятельных выборах, о чисто партийных кандидатах, об отрицании ими блоков с кадетами. Но чего стоят эти хорошие слова, если в то же время один из товарищей кавказцев в разговоре со мной сообщил, что в Тифлисе, этом центре меньшевистского Кавказа, пройдет, вероятно, левый кадет Аргутинский и, вероятно, не без помощи с.-д.? Чего стоят наши пожелания относительно широких и открытых заявлений перед массами, если у нас будут, как теперь, «Партийные Известия» Центрального Комитета против бездны кадетских газет?

Заметьте еще, что самые оптимистические из с.-д. надеются провести своих кандидатов лишь через крестьянские курии. Они хотят, значит, «начинать парламентаризм» в практике рабочей партии как раз не с рабочих, а с мелкобуржуазных, полуэсеровских курий. Подумайте, социал-демократическая или не социал-демократическая рабочая политика имеет больше шансов возникнуть из всей этой ситуации?

5

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ

Один товарищ заметил недавно, что мы собираем агитационный материал против решений съезда. Я ответил на это тогда же, что называть так именные голосования более, чем странно. Всякий недовольный решениями съезда всегда будет агитировать против них⁸⁷. Тов. Воробьев⁸⁸ сказал, что с нами, «большевиками», «меньшевиками» не могут работать в одной партии. Я рад, что первым заговорил на эту тему именно т. Воробьев. Что его слова послужат «агитационным материалом», я не усомнился бы. Но важнее, конечно, агитационный материал по принципиальным вопросам. И лучшего агитационного материала против настоящего съезда, чем резолюция ваша против вооруженного восстания, мы бы не могли себе и представить⁸⁹.

Плеханов говорил о необходимости хладнокровного обсуждения столь важного вопроса. Это тысячу раз верно. Но хладнокровное обсуждение сказывается, конечно, не в отсутствии дебатов перед съездом и на съезде, а в действительно хладнокровном, деловом содержании резолюций, подлежащих обсуждению. И именно, с этой стороны, особенно поучительно сравнение обеих резолюций. Не полемика не нравится нам в резолюции «меньшевиков», — Плеханов совершенно неверно понял слова тов. Винтера⁹⁰ на этот счет, — нам не полемика не нравится, а мелкая, мелочная полемика, проникающая резолюцию «меньшевиков». Возьмите вопрос об оценке опыта прошлого, о критике движения пролетариата сознательной выразительницей движения пролетариата, социал-демократией. Критика и «полемика» тут обязательны, но только открытая,

прямая, явная и ясная критика, а не придирка, не уколы, не интеллигентские шпильки. И вот, наша резолюция, подводя научным образом итоги последнего года, критикует прямо: мирная стачка показала себя «растрачивающей силы», она отживает свое время. Восстание становится главной, стачка — подсобной формой борьбы. Возьмите резолюцию «меньшевиков». Вместо хладнокровного обсуждения, вместо учета опыта, вместо изучения соотношения стачки и восстания, вы видите скрытое, мелочно скрытое отречение от декабрьского восстания. Взгляд Плеханова: «не нужно было браться за оружие» всецело проникает всю вашу резолюцию (хотя большинство русских «меньшевиков» заявляло о несогласии с Плехановым). Тов. Череванин своею речью бесподобно выдал себя, когда для защиты резолюции «меньшевиков» должен был представлять декабрьское восстание, как безнадежное проявление «отчаяния», как восстание, никакой возможности вооруженной борьбы не доказавшее.

Каутский, как вы знаете, высказался иначе. Он признал, что декабрьское восстание в России заставляет «пересмотреть» взгляд Энгельса о невозможности баррикадной борьбы, что декабрьское восстание есть *начало* новой тактики. Само собой разумеется, что взгляд К. Каутского может быть ошибочен, что «меньшевики» могут быть более правы. Но, если мы ценим «хладнокровное» обсуждение и серьезную, а не мелочную критику, мы обязаны прямо и явно выразить в резолюции свое мнение: «не нужно было браться за оружие», но непозволительно выразить этот взгляд в резолюции скрыто, без прямой формулировки его. Вот это мелкое, прикрытое дезавуирование декабрьского восстания, не обоснованное ни малейшей критикой прошлого опыта, и есть основной и громадный недостаток вашей резолюции. Этот недостаток ее и дает громадный агитационный материал против такой резолюции, которая в сущности клонит ко взгляду тов. Акимова, лишь пряча его острые углы⁹¹.

Первый пункт вашей резолюции грешит тем же недостатком. Начинается этот пункт *фразой*, ибо «тупое упорство» есть свойство всех реакционных правительств, но из этого одного необходимость и неизбежность восстания отнюдь еще не вытекает⁹². «Вырвать власть» — то же, что «захватить власть», и забавно, что спорившие против

второго термина приняли первый. Они обнаружили этим бессодержательность своей декламации против народо-вольчества и т. п. Предложение Плеханова сказать вместо «вырвать власть» «вырвать свои права» особенно неудачно, ибо дает уже чисто кадетскую формулировку. Главное же, повторяю, то, что к вопросу о «вырывании власти» и о вооруженном восстании ваша резолюция подходит не на основании изучения и учета опыта прошлого и фактических данных о росте движения, а на основании ничем не доказанных и недоказуемых общих мест.

6

ВЫСТУПЛЕНИЕ
В ЗАЩИТУ ПОПРАВКИ МУРАТОВА (МОРОЗОВА)
О ПАРЛАМЕНТСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ФРАКЦИИ⁹³

Тов. Муратов уступил мне заключительное слово. Совершенно неверно, что т. Муратов ломится в открытые двери. Напротив, он именно их раскрывает. Поправка т. Муратова ставит вопрос прямо. Съезд признал иную тактику, чем та, которой держались рабочие во многих местах; образуя партийную фракцию в Думе, необходимо, чтобы не вышло острых конфликтов, спросить рабочих, желают ли они иметь в Думе представителем того, в выборе кого они не участвовали.

7

ОСОБОЕ МНЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О СОСТАВЕ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФРАКЦИИ РСДРП

I

Усматривая в отклонении поправки Стодолина⁹⁴ отступление даже от принципов парламентаризма, заявляю о внесении особого мнения по этому вопросу.

II

На основании поданного уже заявления, прилагаю при сем свое особое мнение по вопросу о поправке Стодолина.

Тов. Стодолин в своей поправке предлагал допустить к участию в официальной парламентской группе РСДРП партии исключительно тех членов партии, которые не только работают вообще в одной из партийных организаций, не только подчиняются вообще партии в целом и своим партийным организациям в особенности, но и которые, кроме того, выставлены последними (т. е. соответствующими партийными организациями) в качестве кандидатов.

Следовательно, тов. Стодолин хотел того, чтобы наши социал-демократические первые шаги по пути парламентаризма происходили исключительно по прямому поручению соответствующих организаций и от их имени. Недостаточно того, чтобы члены парламентской группы были членами одной из партийных организаций. При русских условиях это еще не исключает возможности самых нежелательных приключений, ибо открытого и для всех видного контроля над своими членами наши партийные организации осуществить не могут. Крайне важно поэтому, чтобы первые шаги наши по пути парламентаризма были обставлены всеми предосторожностями, выработанными опытом социалистических партий Европы. Западно-европейские партии, и особенно левые фракции их, настаивают

даже на том, чтобы кандидатов в парламент выставляли местные организации партии по соглашению с ЦК партии. Революционная социал-демократия Европы имеет самые серьезные основания требовать этого *тройного* контроля за парламентариями: во-первых, общепартийный контроль над всеми членами партии; во-вторых, особый контроль тех местных организаций, которые должны от своего имени выставлять кандидатов в парламент; в-третьих, специальный контроль ЦК всей партии, который, стоя выше местных влияний и местных особенностей, должен заботиться о выставлении лишь таких кандидатов в парламент, которые удовлетворяют общепартийным и общеполитическим требованиям.

Отклонив поправку т. Стодолина, отклонив требование, чтобы в парламентскую фракцию могли входить исключительно те, кого партийные организации прямо выставляли кандидатами в парламент, отклонив это требование, съезд обнаружил гораздо меньшую осторожность в парламентарной тактике, чем западно-европейские революционные социал-демократы. Между тем, едва ли можно сомневаться в том, что нам необходима теперь, в силу особенно трудных условий открытого выступления с.-д. в России, безусловно гораздо большая осторожность, чем выработанная опытом революционной социал-демократии Западной Европы.

8

РЕЗОЛЮЦИЯ
ОБ ОТЧЕТНОСТИ МАНДАТНОЙ КОМИССИИ СЪЕЗДУ

Съезд вменяет в обязанность мандатной комиссии вести отчеты, из которых было бы видно, какими мотивами руководилась организация при выборах на съезд и какой критерий был применен при определении членства партии.

9

**ЗАЯВЛЕНИЕ О НЕОБХОДИМОСТИ
УТВЕРЖДЕНИЯ СЪЕЗДОМ ПРОТОКОЛОВ**

Необходимо утверждение съездом всех протоколов. Официальными протоколами будут поэтому протоколы, составленные секретарями. Стенографы записывают только отдельные речи.

10

ПИСЬМЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ НА 17-м ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА

Я не говорил, что тифлисцы решили провести Аргутинского. Я говорил, что считают вероятной победу Аргутинского, вероятной, притом, не без помощи социал-демократов.

11

ПИСЬМЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ НА 21-м ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА

Заявляем, что называть «агитационным материалом против авторитетности постановлений съезда» именные голосования по важным вопросам — значит не понимать роли съезда или проявлять узкую фракционность.

12

ПИСЬМЕННЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ НА 26-м ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА

I

Неверно, что я «поддержал» т. Воробьева, сказавшего, что работать вместе в одной партии большевики и меньшевики не могут. Я отнюдь не «поддерживал» такого утверждения и *отнюдь не разделяю такого взгляда*. Смысл моих слов: «Я рад, что т. Воробьев сказал это *первым*», — был исключительно иронический, ибо победители, имеющие большинство на съезде, обнаружили лишь свою слабость, заговаривая *первые* о расколе.

II

Предлагаю следующее примечание к уставу объединения с Бундом:

Съезд поручает ЦК провести данный устав в жизнь немедленно вслед за утверждением его Бундом.

**ОБРАЩЕНИЕ К ПАРТИИ
ДЕЛЕГАТОВ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА,
ПРИНАДЛЕЖАВШИХ
К БЫВШЕЙ ФРАКЦИИ «БОЛЬШЕВИКОВ»⁹⁵**

Товарищи!

Объединительный съезд РСДРП состоялся. Раскола нет более. Не только прежние фракции «большевиков» и «меньшевиков» организационно слились вполне, но и достигнуто объединение РСДРП с польской социал-демократией⁹⁶, подписано объединение с латышской⁹⁷ и пред-решено объединение с еврейской, т. е. «Бундом»⁹⁸. Политическое значение этих фактов было бы при всяких условиях очень велико, оно становится поистине громадным ввиду переживаемого исторического момента.

Вся судьба великой российской революции решится, повидимому, в ближайшем будущем. Пролетариат, ведущий за собою широкие массы городской и деревенской бедноты, идет во главе революции с первого ее момента до сих пор. Ввиду предстоящих грозных, решающих событий народной борьбы, всего важнее достигнуть практического единства сознательного пролетариата всей России, всех ее национальностей. В такую революционную эпоху, как переживаемая, всякие теоретические ошибки и тактические уклонения партии критикуются всего беспощаднее самой жизнью, просвещающей и воспитывающей рабочий класс с невиданной быстротой. В такое время — долг всякого социал-демократа стремиться к тому, чтобы идейная борьба внутри партии по вопросам теории и тактики велась как можно более открыто, широко и свободно, но чтобы она ни в каком случае не нарушала и не затрудняла единства революционных выступлений социал-демократического пролетариата.

Великая российская революция стоит накануне поворотного пункта. Борьба всех классов буржуазной России против

самодержавия привела к бумажной конституции. Часть буржуазии вполне удовлетворилась этим и отвернулась от революции. Другая часть, желая идти дальше, обманывает себя надеждами на «конституционный» путь борьбы и готова в избирательной победе шаткой и лицемерной буржуазной партии кадетов видеть серьезную победу народной свободы.

Широкая масса крестьянства, борющаяся самоотверженно против старой, крепостнической России, против всевластия чиновников и кабалы помещиков, остается на стороне революции, но она далеко еще не вполне сознательна. Мало сознательна и революционно-демократическая часть мелкой буржуазии городов. Только пролетариат, геройски бившийся за свободу в октябре, взявшийся за оружие ради ее защиты в декабре, только пролетариат является попрежнему до конца революционным классом, который, собирая новые силы, сознательно готовится теперь к новому, еще более великому бою.

Царское правительство с циничной откровенностью ведет свою игру в конституцию. Оно сохраняет за собою свою старую власть, оно продолжает и усиливает преследования борцов за свободу, оно явно хочет сделать из Думы пустую говорильню — ширму для самодержавия, орудие обмана для народа. Увенчается ли эта тактика успехом — это решится в самом ближайшем будущем, решится исходом нового революционного взрыва, который теперь созревает.

Если пролетариат всей России тесно сплотится, если он сумеет поднять за собою все действительно революционные, способные на борьбу, а не на сделки слои народа, если он хорошо приготовится к бою и верно выберет момент для окончательной битвы за свободу, — тогда победа останется за ним. Тогда царю не удастся его издевательская игра с конституцией, тогда буржуазии не удастся сделка с самодержавием, тогда российская революция не будет такой неоконченной и половинчатой, на три четверти бесплодной для интересов рабочего класса и крестьянства, как революции XIX века в Западной Европе. Тогда это будет действительно великая революция, — полная победа народного восстания освободит буржуазную Россию от всех старых пут и, может быть, откроет эпоху социалистических революций на Западе.

Стремясь к полной демократической революции, социал-демократия должна во всей своей работе считаться с

неизбежностью нового революционного взрыва. Мы должны беспощадно разоблачать конституционные иллюзии, поддерживаемые и правительством, и буржуазией в лице ее либеральной партии — кадетов; мы должны призвать революционное крестьянство к сплочению во имя полной победы крестьянского восстания; мы должны разъяснить широким массам великое значение первого декабрьского восстания и неизбежность нового восстания, которое одно только будет в состоянии действительно отнять власть у царского самодержавия, действительно передать ее народу. Таковы должны быть основные задачи нашей тактики в данный исторический момент.

Мы не можем и не должны замалчивать того факта, что, по нашему глубокому убеждению, Объединительный съезд партии не вполне правильно понял эти задачи. В трех важнейших резолюциях съезда определенно обнаруживаются ошибочные взгляды прежней фракции «меньшевиков», численно преобладавшей на съезде.

В аграрной программе съезд принципиально принял «муниципализацию». Муниципализация означает — собственность крестьян на наделные земли и аренду крестьянами переданных земствам помещичьих земель. В сущности это нечто среднее между настоящей аграрной революцией и кадетской аграрной реформой. Крестьяне не примут такого плана. Они потребуют либо прямого раздела земли, либо перехода всех земель в собственность народа. Серьезной демократической реформой муниципализация могла бы явиться лишь в случае полного демократического переворота, при республиканском строе с выборностью чиновников народом. Мы и предлагали съезду, по крайней мере, связать муниципализацию с этими условиями, — но съезд отклонил наше предложение. А без этих условий муниципализация, как реформа либерально-чиновническая, даст крестьянам совсем не то, что им надо, и в то же время доставит новую силу, новое влияние господствующим в земствах буржуазным антипролетарским элементам, отдавая фактически в их руки распределение фонда земель. Мы должны разъяснить этот вопрос широким массам рабочих и крестьян.

В своей резолюции о Государственной думе съезд признал желательным создать в этой Думе парламентскую фракцию с.-д. Съезд не пожелал считаться с тем фактом,

что $\frac{9}{10}$ сознательных рабочих России, в том числе все польские, латышские, еврейские с.-д. пролетарии, бойкотировали эту Думу. Съезд отклонил предложение об условить участие в выборах возможностью действительно широкой агитации среди масс. Он отклонил предложение о том, чтобы членами парламентской фракции с.-д. могли быть только те, кого рабочие организации выставили кандидатами в Государственную думу. Съезд, таким образом, вступил на путь парламентаризма, не оградив партию даже теми гарантиями, которые выработал в этом отношении опыт революционной социал-демократии в Европе.

Как соц.-демократы, мы, конечно, признали принципиальную обязательность использовать парламентаризм в качестве орудия пролетарской борьбы; но весь вопрос в том, допустимо ли участие социал-демократии при данных условиях и в таком «парламенте», как наша Дума? Допустимо ли учреждение парламентской фракции без социал-демократических, рабочими организациями выбранных парламентариев? Мы полагаем, что нет.

Съезд отклонил предложение поставить одной из задач партии борьбу с игрой в конституцию, борьбу с конституционными иллюзиями. Съезд не высказался о двойственной природе господствующей в Думе «кадетской» партии, в которой так сильны стремления к сделке с самодержавием, к притуплению и прекращению революции. Съезд чрезмерно поддался впечатлению минутного и мишурного успеха партии буржуазных соглашателей самодержавия с народной свободой.

В резолюциях о вооруженном восстании съезд также не дал того, что было необходимо: прямой критики ошибок пролетариата, ясной оценки опыта октября-декабря 1905 г., — хотя бы попытки изучить соотношение стачки с восстанием; вместо всего этого в резолюциях преобладают какие-то робкие отговорки от вооруженного восстания. Съезд не сказал рабочему классу открыто и ясно, что декабрьское восстание было ошибкой; но в то же время в прикрытой форме съезд осудил декабрьское восстание. Мы думаем, что таким способом можно скорее затемнить, чем прояснить революционное сознание пролетариата.

Против тех решений съезда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы — против

всякого раскола. Мы стоим за подчинение решениям съезда. Отрицая бойкот Центрального Комитета и цenia совместную работу, мы согласились на вступление в ЦК наших единомышленников, хотя они будут там в ничтожном меньшинстве. По нашему глубокому убеждению, работе соц.-дем. организации должны быть едины, но в этих единых организациях должно широко вестись свободное обсуждение партийных вопросов, свободная товарищеская критика и оценка явлений партийной жизни.

В организационном вопросе мы разошлись только относительно прав редакции Центрального Органа. Мы отстаивали право ЦК назначать и сменять редакцию ЦО⁹⁹. Мы все сошлись на принципе демократического централизма, на обеспечении прав всякого меньшинства и всякой лояльной оппозиции, на автономии каждой партийной организации, на признании выборности, подотчетности и сменяемости всех должностных лиц партии. В соблюдении на деле этих принципов организации, в их искреннем и последовательном осуществлении мы видим гарантию от расколов, гарантию того, что идейная борьба в партии может и должна оказаться вполне совместимой со строгим организационным единством, с подчинением всех решениям общего съезда.

К такому подчинению и к такой идейной борьбе мы зовем всех наших единомышленников: к внимательной оценке решений съезда мы приглашаем всех членов партии. Революция учит, — и мы верим, что практическое единство борьбы с.-д. пролетариата всей России предохранит нашу партию от роковых ошибок во время развязки грядущего политического кризиса. В боевой момент сами события подскажут рабочим массам правильную тактику. Приложим все усилия к тому, чтобы наша оценка этой тактики содействовала осуществлению задач революционной социал-демократии, чтобы рабочая партия не уклонялась с пролетарски-выдержанного пути под влиянием погони за мишурным успехом, — чтобы социалистический пролетариат до конца довел свою великую роль передового бойца за свободу!

*Написано 25—26 апреля
(8—9 мая) 1906 г.*

Напечатано отдельным листком

Печатается по тексту листка

**ДОКЛАД
ОБ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ РСДРП
(ПИСЬМО К ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ)¹⁰⁰**

Написано в мае 1906 г.

*Напечатано в июне 1906 г. отдельной
брошюрой в изд. «Вперед», Москва*

Печатается по тексту брошюры

Н. ЛЕНИНЪ.**ДОКЛАДЪ****ОБЪ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМЪ СЪЪЗДЪ****——— РОССІЙСКОЙ ———****— СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ —****——— РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ———****(Дискусіе къ петербургскимъ рабочимъ).****Цѣна 25 коп.****МОСКВА.****1906.**

Обложка брошюры В. И. Ленина
«Доклад об Объединительномъ съезде Россійской
соціал-демократической рабочей партіи. — 1906 г.

Уменьшено

Товарищи! Вы выбрали меня делегатом на Объединительный съезд РСДРП. Не имея возможности лично явиться в настоящее время в Петербург, я позволю себе письменно представить мой доклад о съезде и изложить попутно некоторые мысли по поводу съезда.

Прежде чем переходить к делу, должен сделать одну важную оговорку. Запомнить в точности все происшедшее на съезде, состоявшем из 120 или более человек и имевшем около 30 заседаний, совершенно невозможно. Будучи занят в бюро съезда в качестве одного из председателей, участвуя кроме того в некоторых комиссиях, я не мог вести записей во время съезда. Положиться без записей всецело на свою память невозможно. Ряд отдельных эпизодов и отдельных речей на съезде я прямо-таки не слышал, отсутствуя из залы заседаний вследствие работы в комиссии или по случайным и личным причинам. Опыт предыдущих съездов (II и III), которые были меньше по числу делегатов, показал мне, что даже при напряженном внимании нет никакой возможности составить на память точной картины съезда. Когда выходили в свет протоколы II и III съезда, я читал эти протоколы, как новые книги, хотя участвовал сам на съезде, ибо эти книги, действительно, давали мне немало нового и заставляли исправлять целый ряд неточных или неполных личных впечатлений от съезда. Поэтому я усиленно прошу иметь в виду, что настоящее письмо есть лишь черновой набросок доклада, подлежащего во всяком случае исправлению на основании протоколов съезда.

I

СОСТАВ СЪЕЗДА

Начну с общего состава съезда. Делегаты с решающими голосами выбирались, как известно, по одному на 300 членов партии. Всего таких делегатов было около 110 — в начале съезда, кажется, немного меньше (не все съехались); в конце чуть ли не до 113. С совещательными голосами было 5 редакторов ЦО (3 от «меньшинства» и 2 от «большинства», ибо я получил от вас мандат с решающим голосом) и пять, если я не ошибаюсь, членов ОЦК. Затем с совещательным голосом были делегаты организаций, не получившие решающего голоса, некоторые особо приглашенные на съезд (два члена «аграрной комиссии», затем Плеханов и Аксельрод, потом тов. Акимов и некоторые др.). С совещательными голосами были также некоторые делегаты крупных организаций, имевших более 900 рабочих (от Питера, от Москвы, от южной областной организации и пр.). Наконец, с совещательным голосом были представители национальных с.-д. партий: трое от польской социал-демократии, по столько же от латышской и от еврейской (Бунд), один от Украинской с.-д. рабочей партии (это название приняла, как оказывается, на последней своей конференции Революционная украинская партия¹⁰¹). Итого человек 30, или немного больше, с совещательными голосами. Всего, значит, не 120, а свыше 140 человек.

По своему «направлению» в отношении тактической платформы или, если хотите, по своей фракционной позиции делегаты с решающим голосом распределялись приблизительно так: 62 меньшевика и 46 большевиков. По крайней мере, мне наиболее запомнились эти цифры из всех многочисленных «фракционных» голосований съезда. Часть делегатов, конечно, была неопределенна или колебалась по некоторым вопросам, — так называемый на парламентском языке «центр», или «болото». На съезде этот «центр» был особенно слаб, хотя некоторые из товарищей, относимые мной, на основании голосований, к меньшевикам, и претендовали на звание «примиренцев», или «центра». Из сколько-нибудь серьезных голосований съезда мне памятно лишь одно (голосование по вопросу о соединении Бунда с партией), когда эти «меньшевики-примиренцы» голосовали действительно не фракционно. Об этом

голосовании, когда вполне фракционные меньшевики были побеждены большинством в 59, помнится, голосов, я скажу подробно ниже.

Итак, 62 и 46. Съезд был меньшевистский. Большевики имели прочное и обеспеченное преобладание, позволявшее даже им заранее сговариваться и предрешать таким образом постановления съезда. Эти частные сговоры на фракционных собраниях вполне естественны, в сущности, при наличии определенного компактного большинства, и, когда некоторые делегаты, особенно из так называемого центра, жаловались на это, я называл это в беседах с делегатами «жалобой центра на свою собственную слабость». На съезд вопрос о фракционных собраниях попытались внести, но он был снят, ибо оказалось фактически, что фракции все равно сплотились, на фракционные собрания стало возможным допускать и посторонних, сделать эти собрания «открытыми». Ко времени окончания съезда, например, вопрос о составе ЦК, как видно будет ниже, решен был в сущности не выборами на съезде, а простым «соглашением» фракций. Не стану оценивать этого явления. Оплакивать его, по-моему, бесполезно, ибо оно было совершенно неизбежно, пока не изжиты еще старые фракционные деления.

Относительно внутренних различий внутри фракций замечу, что таковые проявились заметно лишь по аграрному вопросу (часть меньшевиков была против муниципализации, большевики же делились на «рожковистов», сторонников раздела и сторонников конфискации с национализацией при условии республики) и по вопросу о соединении с Бундом. Далее, бросалось в глаза полное отсутствие среди меньшевиков того течения, которое ярко проявилось в «Начале» и которое в партии привыкли связывать с именами тт. Парвуса и Троцкого. Правда, возможно, что «парвусисты» и «троцкисты» среди меньшевиков были, — меня, например, уверяли, что их было человек до 8, — но, ва снятием вопроса о временном революционном правительстве, им не удалось проявить себя. Вероятнее, однако, что вследствие общего поворота меньшевиков на съезде к Плеханову, с «Дневниками» которого они не соглашались до съезда, и «парвусисты» сделали некоторый шаг вправо. Мне припоминается всего один эпизод, когда, может быть, «парвусисты» среди меньшевиков заставили повернуть

немного всех меньшевиков. Это именно инцидент по вопросу о вооруженном восстании. Плеханов, глава комиссии, изменил старую меньшевистскую резолюцию, написав вместо «вырвать власть» (речь шла в этом месте резолюции о задачах движения) — «вырвать права силой» (или «завоевать права» — не помню точно). Оппортунизм этой поправки до того бил в лицо, что протесты на съезде раздавались самые горячие. Мы напали на поправку с удвоенной силой. Ряды меньшевиков дрогнули. Не знаю в точности, были ли фракционные собрания, и что было на них; не знаю, верно ли переданное мне сообщение, что десять меньшевиков, склоняющихся к «парвусиаму», заявили об их решительном несогласии с поправкой. Факт тот, что Плеханов, после споров на съезде, сам снял поправку, не допустив вопроса до голосования, снял под тем (дипломатически, может быть, и искусным, но встреченным улыбками) предлогом, что не стоит особенно спорить из-за «стилистики».

Наконец, чтобы закончить вопрос о составе съезда, скажу еще о мандатной комиссии (комиссии по проверке состава съезда). Их было две, ибо первая, выбранная съездом, вышла целиком в отставку¹⁰². Факт этот из ряду вон выходящий, невиданный на прежних съездах. Он во всяком случае свидетельствует о чем-то в высокой степени ненормальном по части работы проверки состава съезда. Помню, что председателем первой комиссии был примиренец, внушавший первоначально доверие и нашей фракции. Если он не смог связать в одно целое своей комиссией, если ему со всей первой комиссией пришлось выйти в отставку, значит, примиренец был не в силах примирить. Подробности съездовской борьбы из-за докладов мандатной комиссии наиболее ускользнули от моего внимания. Борьба была не раз очень горяча, мандаты большевиков кассировались, страсти разгорались, дело дошло до взрыва при отставке первой комиссии, — но я как раз в этот момент не был в зале заседания. Запомнился мне еще один, повидимому, довольно крупный факт, связанный с определением состава съезда. Это — протест тифлисских рабочих (числом, кажется, до 200) против полномочий тифлисской делегации, которая была почти сплошь меньшевистская и по численности своей выделялась из ряду вон, доходя, кажется, до 11 человек.

Протест этот читался на съезде и, следовательно, должен быть в протоколах¹⁰³.

Работы мандатных комиссий тоже должны быть изложены в протоколах, если только эти комиссии выполнили свою работу сколько-нибудь внимательно и составили настоящий отчет о проверке полномочий и о всех выборах на съезд. Будет ли это сделано, появится ли отчет в протоколах, я не знаю. Если нет, тогда будет стоять вне сомнения, что комиссии отнеслись к своей задаче не с должным вниманием и тщательностью. Если да, — возможно, что мне придется многое исправить из сказанного выше, ибо в таком не принципиальном, а чисто-конкретном и деловом вопросе, особенно легко ошибиться при составлении общих впечатлений и особенно важно внимательное изучение документов.

Кстати, чтобы исчерпать все формальные вопросы и перейти скорее к более интересным принципиальным, скажу и о протоколах. Боюсь, что и в этом отношении съезд наш окажется хуже и второго и третьего. На обоих этих съездах протоколы были целиком утверждены съездом. На Объединительном съезде впервые оказалась такая неисполнительность секретарей, такая спешка закончить съезд (несмотря на снятие целого ряда вопросов громадной важности с порядка дня съезда), что на съезде *не были* утверждены все протоколы. Протокольная комиссия (2 меньшевика и 2 большевика) выходит с этого съезда с невиданно-широкими и расплывчатыми полномочиями: утвердить незаконченные протоколы. В случае разногласий она должна апеллировать к находящимся в Питере делегатам съезда. Все это весьма печально. Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III съездов, мы не получим. Правда, было у нас двое стенографистов, и некоторые речи получатся почти в полном виде, а не в виде конспектов, как раньше, — но о полной стенограмме прений на съезде не может быть и речи, ибо двоим стенографистам такая работа была абсолютно не под силу, как они неоднократно и заявляли съезду. Я, в качестве председателя, особенно настаивал на том, чтобы секретари дали во что бы то ни стало хорошие, хотя бы совсем краткие конспекты: пусть, дескать, стенограммы отдельных речей явятся роскошным дополнением протоколов, но надо, чтобы была основа, чтобы не отдельные речи, а все без исключения прения имелись хотя бы в виде конспектов¹⁰⁴.

II

ВЫБОРЫ БЮРО. ПОРЯДОК ДНЯ СЪЕЗДА

Перейду теперь к рассказу о работах съезда в порядке заседаний. Голосование о выборе бюро было первым голосованием, которое, в сущности, предreshало (как это ни странно покажется далеко стоящим от дела лицам) все важнейшие голосования съезда. Около 60 голосов (чуть ли не 58, если память мне не изменяет) голосовали за Плеханова и Дана, оставляя часто пустые места в записках вместо третьего кандидата. Голосов 40 с чем-то или около 40 было за меня. Затем «центр» проявил себя, прибавив по десятку или по полтора десятку голосов то тому, то другому кандидату. Прошли: Плеханов, кажется, 69 голосами (или 71?), Дан — 67 и я — 60.

По вопросу о порядке дня съезда прения два раза принимали интересный характер, проливая большой свет на состав и характер съезда. Сюда относятся, во-1-х, прения насчет того, ставить ли на первое место вопрос о соединении с национальными с.-д. партиями. Национальные партии хотели, конечно, этого. Мы также были за. Большевики провалили это, мотивируя так: пусть, де, сначала РСДРП самоопределится, а потом сливается с другими, пусть «мы» сначала определим сами, *каковы «мы»*, а потом сольемся с «ними». На этот (психологически вполне понятный и с фракционно-меньшевистской точки зрения правильный) довод мы возражали: не странно ли отказать национальным партиям в праве самоопределяться *вместе* с нами? Если «они» сливаются с «нами», то «мы» вместе, включая и их, будем и должны определять, *каковы «мы»*. Надо заметить еще, что относительно польской социал-демократии объединенный ЦК заключил еще до съезда договор о полном слиянии. Тем не менее постановку этого вопроса на первое место провалили. Товарищ Варшавский, член польской делегации, говорил против этого настолько откровенно, что воскликнул даже, при общих улыбках съезда, обращаясь к меньшевикам: вы хотите сначала «съесть» или «зарезать» большевиков, а потом соединиться с нами! Это была, конечно, шутка, и я менее всего склонен придирается к «страшным словам», вроде слова «съесть», но шутка эта в рельефной форме выразила очень меткую оценку оригинальной политической ситуации.

Второй интересный спор был о том, включать ли в порядок дня съезда вопрос о современном моменте нашей революции и о классовых задачах пролетариата. Мы, большевики, были, конечно, за — согласно нашему заявлению в № 2 «Партийных Известий»*. С принципиальной точки зрения не могло быть и речи о том, чтобы обойти коренной вопрос, идет ли действительно революция к подъему, и какие формы революционного движения являются теперь, в силу объективных условий момента, главными, какие задачи пролетариата вытекают отсюда. Споря против включения этого вопроса вообще в порядок дня съезда, меньшевики попали в положение, которому трудно позавидовать. Их доводы вроде того, что это вопрос теоретический, что нельзя связывать партию резолюциями по таким вопросам и т. п., прямо поражали своей искусственностью и сочиненностью. Раздался смех, когда в ответ на речь чуть ли не Дана, распинавшегося против включения этого вопроса в порядок дня, один из ораторов вынул № 2 «Партийных Известий» и спокойно прочел «роковые слова» меньшевистской тактической платформы: «мы» — именно мы, меньшевики, — «мы признаем и *предлагаем съезду признать*». Как же это так, товарищи? спрашивал оратор. Вчера «мы предлагали съезду признать», а сегодня «мы предлагаем съезду» не обсуждать этого вопроса? Вопрос был поставлен в порядок дня съезда, но меньшевики впоследствии все же-таки настояли, как увидим ниже, на своем.

III

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Аграрный вопрос или, вернее, вопрос об аграрной программе, был поставлен съездом в первую очередь. Прения были большие. Выдвинулась масса интереснейших принципиальных вопросов. Докладчиков было пятеро: я защищал проект аграрной комиссии (напечатанный в брошюре: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии») и нападал на муниципализацию Маслова. Тов. Джон ващищал эту последнюю. Третий докладчик, Плеханов, ващищал Маслова и пытался уверить съезд, что

* См. настоящий том, стр. 129. Ред.

ленинская национализация — эсеровщина и народовольчество. Четвертый докладчик, Шмидт¹⁰⁵, защищал проект аграрной комиссии с поправками в духе «варианта А» (см. этот вариант в названной выше брошюре*). Пятый докладчик, Борисов, защищал раздел. Его программа была оригинальна по построению, но по существу при-мыкала всего ближе к нашей, с заменой национализации, обусловленной созданием республики, разделом земель в собственность крестьян.

Само собой разумеется, что изложение всех подробностей обширнейших прений непосильно для меня в этом отчете. Постараюсь обрисовать лишь главное, т. е. сущность «муниципализации» и доводы против обусловленной учреждением республики и прочее национализации. Замечу при этом, что в центре всех прений встала плехановская постановка вопроса, благодаря ее полемической резкости, всегда выгодной и желательной с точки зрения отчетливого разделения коренных тенденций того или иного направления мысли.

В чем состоит сущность «муниципализации»? В передаче помещичьих земель (или точнее: всех земель крупного частновладения) в руки земств или вообще органов местного самоуправления. Крестьянские наделные земли и земли мелких собственников должны остаться в их собственности. Крупные имения «отчуждаются» и поступают во владение демократически организованных органов местного самоуправления. Попросту можно это выразить так: крестьянские земли пусть будут крестьянской собственностью, а помещичьи земли пусть крестьяне снимают в аренду у земств, только демократических земств.

В качестве первого докладчика, я высказывался решительно против этого проекта. Он не революционен. На него не пойдут крестьяне. Он вреден, ежели нет вполне последовательного демократического государственного строя, вплоть до республики, выборности чиновников народом, уничтожения постоянной армии и т. д. Таковы были три моих главных довода.

Я считаю этот проект не революционным, во-первых, потому, что в нем вместо конфискации (отчуждение без выкупа) говорилось об отчуждении вообще; во-вторых,

* См. настоящий том, стр. 172. Ред.

и это главное, потому, что в этом проекте нет призыва к *революционному способу* осуществления аграрного переворота. Фразы о демократизме еще ровно ничего не говорят в такое время, когда лицемерные соглашатели самодержавия с народом, кадеты, называют себя демократами. Всякие способы аграрного переворота сведутся к либерально-чиновничьей *реформе*, к кадетской реформе, а не к крестьянской революции, если не поставить лозунгом *немедленный* захват земель самими крестьянами сейчас же на месте, т. е. именно революционными крестьянскими комитетами, с тем, чтобы крестьяне же сами и *распоряжались* этими захваченными* землями впредь до созыва всенародного учредительного собрания. Без этого лозунга у нас будет программа кадетской или полукадетской аграрной реформы, а не крестьянской революции.

Далее. На муниципализацию не пойдут крестьяне. Муниципализация означает: надельные земли возьми себе даром, а за помещичьи плати аренду земству. Революционные крестьяне не пойдут на это. Они скажут либо: поделим все земли между собой, либо: сделаем все земли собственностью всего народа. Лозунг муниципализации никогда не станет лозунгом революционного крестьянства. Если революция победит, — тогда она *ни в каком случае* не может остановиться на муниципализации. Если революция не победит, тогда из «муниципализации» выйдет лишь новое обьегоривание крестьян по типу реформы 1861-го года.

Третий мой основной довод. Муниципализация вредна, если обусловить ее «демократизмом» вообще, а не специально республикой и выборностью чиновников народом. Муниципализация есть отдача земли органам местной власти, органам самоуправления. Если центральная власть не будет *вполне* демократической (республика и пр.), тогда местные власти смогут остаться лишь в мелочах «автономны», лишь в вопросе о лужении умывальников

* В моем проекте сказано «конфискованными». Тов. Борисов верно заметил, что это ошибочная формулировка. Надо сказать: «захваченными». Конфискация есть юридическое признание захвата, утверждение его законом. Мы должны ставить лозунг конфискации. Для осуществления его мы должны звать крестьян к *захвату*. Этот крестьянский захват должен быть признан, узаконен всенародным учредительным собранием, которое, как высший орган самодержавия народа, сделает из захвата *конфискацию* на основании закона, изданного учредительным собранием.

самостоятельны, лишь настолько «демократичны», насколько были «демократичны», скажем, наши земства при Александре III. В вопросах же важных, и особенно в таком коренном вопросе, как помещичье землевладение, демократизм местных властей против недемократической центральной власти есть игрушка. Если нет республики и выбора чиновников народом, то муниципализация значит: отдать помещичьи земли местным выборным властям, хотя бы даже центральная власть оставалась у Трепова и Дубасова. Такая реформа будет игрушкой и вредной игрушкой, ибо Треповы и Дубасовы оставят за выборными местными властями право устраивать водопроводы, электрички и пр., но никогда *не смогут* оставить за ними отобранных у помещиков земель. Треповы и Дубасовы *перечислят* тогда эти земли из «ведомства» земств в «ведомство» министерства внутренних дел, и крестьяне окажутся трижды одураченными. Надо авать к свержению Треповых и Дубасовых, к выборам всех чиновников народом, а не рисовать, вместо этого и до этого, игрушечных моделей какой-то либеральной местной реформы.

Каковы же были плехановские доводы в защиту муниципализации? Больше всего выдвигал он в своих обеих речах вопрос о *гарантии от реставрации*. Этот оригинальный довод состоял в следующем. Национализация земли была экономической основой московской Руси допетровской эпохи. Наша теперешняя революция, как и всякая другая революция, не содержит в себе гарантий от реставрации. Поэтому в интересах избежания реставрации (т. е. восстановления старого, дореволюционного порядка) следует особенно остерегаться именно национализации.

Этот довод Плеханова показался меньшевикам чрезвычайно убедительным, и они восторженно хлопали Плеханову, особенно за «крепкие словечки» по адресу национализации (эсеровщина и т. п.). А между тем, если немножечко подумать, легко убедиться, что довод этот сводится к чистой софистике.

В самом деле, взгляните сначала на эту «национализацию в московской, допетровской Руси». Не будем уже говорить о том, что исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не доводится, — соплемся

хотя бы на Ключевского, Ефименко и др. Но оставим эти исторические изыскания. Допустим на минуту, что в московской, допетровской Руси, в XVII веке, существовала действительно национализация земли. Что отсюда следует? По логике Плеханова отсюда следует, что ввести национализацию, значит облегчить реставрацию московской Руси. Но такая логика есть именно софизм, а не логика, или игра в слова, без анализа экономической основы явлений или экономического содержания понятий. Поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был *азиатский способ производства*. Между тем, в России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке стал уже безусловно преобладающим *капиталистический способ производства*. Что же остается от довода Плеханова? Национализацию, основанную на азиатском способе производства, он смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. Из-за тождества слов он просмотрел коренное различие экономических, именно производственных, отношений. Строя свою аргументацию на реставрации московской Руси (т. е. якобы реставрации азиатских способов производства), он на самом деле говорил о реставрации политической, вроде реставрации Бурбонов (на которую он ссылался), т. е. о реставрации антиреспубликанской формы правления на почве капиталистических отношений производства.

Было ли на съезде указано Плеханову, что он запутался? Было. Товарищ, называвшийся на съезде Демьяном¹⁰⁶, сказал в своей речи, что не вышло у Плеханова ровно ничего из той «реставрации», которой он вадумал нас пугать. Из посылок его аргументации вытекает реставрация московской Руси, т. е. реставрация азиатского способа производства, т. е. чистейшая бессмыслица в эпоху капитализма. Из выводов же его и примеров вытекает реставрация Наполеоном империи или реставрация Бурбонов после великой французской буржуазной революции. Но такая реставрация не имела ничего общего с докапиталистическими способами производства. Это во-первых. А во-вторых, *такая* реставрация последовала как раз не за национализацией земли, а за распродажей помещичьих земель, т. е. за мерой архибуржуазной, чисто-буржуазной

и безусловно укрепляющей буржуазные, т. е. капиталистические, отношения производства. Значит, к вопросу о национализации *ни одна* реставрация, припутанная Плехановым, абсолютно к делу не относится, ни реставрация азиатского способа производства (реставрация московской Руси), ни реставрация XIX века во Франции.

Что же ответил т. Плеханов на эти совершенно неопровержимые доводы тов. Демьяна? Он ответил необыкновенно ловко. Ленин — эсер, — воскликнул он, — а товарищ Демьян кормит меня какой-то Демьяновой ухой.

Меньшевики были вне себя от удовольствия. Они хохотали до упаду над блестящей остротой Плеханова. Громы аплодисментов потрясли залу заседания. Вопрос о том, сумел ли Плеханов свести концы с концами со своей реставрацией, был снят раз навсегда с меньшевистского съезда.

Я далек, разумеется, от мысли отрицать, что ответ Плеханова был перлом не только блестящего остроумия, но, если хотите, и марксистского глубокомыслия. Но я все же позволю себе думать, что тов. Плеханов беспомощно запутался между реставрацией московской Руси и реставрацией XIX века во Франции. Я позволяю себе думать, что «Демьянова уха» станет «историческим выражением» не по отношению к тов. Демьяну (как думают упоенные блеском плехановского остроумия меньшевики), а по отношению к тов. Плеханову. По крайней мере, на Объединительном съезде некоторые делегаты говорили по поводу речей Плеханова о «сборной селянке по-московски» и о «колбасных остротах», когда тов. Плеханов по вопросу о захвате власти в современной русской революции потешал своих меньшевиков анекдотом про коммунара в каком-то провинциальном городке Франции, закусывавшего колбасой после неудачного «захвата власти».

На съезде я был, как уже замечено выше, первым докладчиком по аграрному вопросу. Заключительное слово дали мне не последнему, а тоже первому из всех пяти докладчиков. Поэтому я говорил *после* тов. Демьяна и *до* тов. Плеханова. Следовательно, предвидеть гениальной защиты Плеханова против доводов Демьяна я не мог. Я вкратце лишь повторил эти доводы и центр тяжести перенес не на указание полной бессодержательности

рассуждения о реставрации, как аргумента за муниципализацию, а на разбор по существу вопроса о реставрации. О каких гарантиях от реставрации идет речь? — спрашивал я тов. Плеханова. Об абсолютной ли гарантии, в смысле устранения той экономической основы, которая порождает реставрацию? Или об относительной и временной гарантии, т. е. о создании политических условий, не устраняющих самой возможности реставрации, а лишь делающих такую менее вероятной, лишь затрудняющих реставрацию? Если о первой, то я отвечу: полной гарантией от реставрации в России (после победоносной революции в России) может быть *исключительно* социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может. Значит, с этой стороны, вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может буржуазно-демократическая революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе. Ответ на этот вопрос мыслим лишь один: если жалкое 17-ое октября вызвало сильный подъем рабочего движения в Европе, то *полная* победа буржуазной революции в России вызовет почти неминуемо (или, по крайней мере, по всей вероятности) ряд таких политических потрясений в Европе, которые будут сильнеешим толчком к социалистической революции.

Теперь посмотрим на «вторую», т. е. относительную, гарантию от реставрации. В чем состоит экономическая основа реставрации на базисе капиталистического способа производства, т. е. не юмористической «реставрации московской Руси», а реставрации по типу французской начала XIX века? В положении мелкого товаропроизводителя во всяком капиталистическом обществе. Мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе и поэтому, если условия развития *этого* общества складываются сколько-нибудь благоприятно (напр., промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель *неизбежно* поворачивает против пролетария, который борется за социализм. Следовательно, говорил я, реставрация на

основе мелкого товарного производства, мелкой крестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже *неизбежна*, ибо Россия — страна по преимуществу мелкобуржуазная. Положение русской революции, с точки зрения реставрации, можно выразить, говорил я дальше, таким положением: русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы. Победить она может, ибо пролетариат вместе с революционным крестьянством может составить непреборимую силу. Удержать за собой победы она не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он от свободы пойдет к социализму. Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский *резерв*, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе.

Кто говорит о реставрации, забывая об этом, тот обнаруживает крайнюю узость своих воззрений на русскую революцию. Тот забывает, что Франция конца XVIII века в эпоху буржуазно-демократической революции была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть налицо социальная сила, способная стать резервом революции.

Итог: выдвинув вопрос о гарантии от реставрации, Плеханов затронул ряд интереснейших тем, но ровно ничего не объяснил по существу дела и только отошел в сторону (отвел слушателей-меньшевиков в сторону) от вопроса о муниципализации. В самом деле, если опорой капиталистической реставрации (назовем так для краткости реставрацию на основе не азиатского, а капиталистического способа производства) является класс мелких товаропроизводителей, как класс, то при чем же тут муниципализация? Муниципализация есть один из видов *землевладения*, но не ясно ли, что основные и существенные черты *класса* не меняются от формы землевладения? Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно является оплотом

реставрации против пролетария и при национализации, и при муниципализации, и при разделе земли. Если мыслимо провести в этом отношении резкую грань между формами землевладения, то разве только в пользу раздела, как более тесной связи хозяйчика с землей, — более тесной и потому труднее разрываемой связи*. Муниципализацию же защищать аргументом насчет реставрации просто смешно.

В ходе прений на съезде гг. Джон и Плеханов, говорившие свои заключительные слова после меня, пытались еще раз незаметно перескочить с этого неудачного аргумента насчет реставрации на другой, как будто бы похожий с виду, но совершенно отличный по содержанию. Они стали защищать муниципализацию не с точки зрения гарантии от реставрации монархии после создания республики, то есть не как меру обеспечения республики, не как учреждение постоянное, а как базу в *процессе борьбы* против монархии за республику, т. е. как меру, облегчающую дальнейшие завоевания, как учреждение временное и переходное. Плеханов дошел при этом до того, что назвал крупные органы местного самоуправления, муниципализировавшие землю, местными «республиками», которые и послужат опорой в войне с монархией.

По поводу этого аргумента следует заметить:

Во-первых, первоначальная программа Маслова и принятая на съезде программа Джона — Плеханова — Кострова¹⁰⁷ ни единым словом не указывает на то, что муниципализация рассматривается, как временная, переходная мера в ходе революции, т. е. как *орудие борьбы за дальнейшее*. Следовательно, такое толкование есть «вольное измышление», не подтверждаемое, а опровергаемое текстом программы. Например, выдвигая в своей программе революционные крестьянские комитеты, как орудие революции, как базу борьбы за дальнейшее, я прямо так и говорю в самой программе: партия советует крестьянским комитетам захватывать земли и распоряжаться ими *впредь до учредительного собрания*. В программе Маслова — Джона — Плеханова — Кострова не только не сказано

* Мы говорим «разве только», ибо остается еще открытым вопрос, не является ли именно теснейшая связь хозяйчика с своей «парцеллой» лучшим оплотом бонапартизма. Входить здесь в детали этого конкретного вопроса неуместно.

этого*, а, напротив, излагается несомненно план постоянного устройства землепользования.

Во-вторых, главный и коренной довод против разбираемого аргумента состоит в том, что под видом гарантии от реставрации или от реакции у Плеханова выходит из его программы *сделка с реакцией*. Подумайте в самом деле: разве мы не пишем программы и особенно аграрной (крестьянской) программы для широких масс, которыми мы хотим руководить? И что же это выходит? Отдельные члены, хотя бы даже вожди партии, будут говорить, что муниципализировавшие землю земства явятся республиками против монархии в центре. А в программе аграрный переворот прямо и точно связывается с демократизмом в местном управлении, но ни *единым словом* не связывается с *полным* демократизмом центрального управления и устройства государства! Я спрашиваю вас: чем будет руководиться в повседневной нашей агитации и пропаганде масса партийных работников: словами Плеханова о местных «республиках», борющихся против центральной монархии, или самым текстом нашей новой партийной программы, в котором требование земли для крестьян точно связано только с демократизмом местного управления и вовсе не связано с демократизмом центральной власти и устройства государства? Слова Плеханова, путанные и сами по себе, сыграют неизбежно роль такого же «сбивающего с толку» лозунга, как «знаменитое» (по мнению Плеханова, «знаменитое») «революционное самоуправление». На деле наша партийная программа остается программой *сделки с реакцией*. Это не социал-демократическая, а кадетская программа, если брать ее *реальное политическое значение* в обстановке современной России, а не те мотивы, которые упомянуты в отдельных речах наших ораторов. Мотивы-то у них самые лучшие,

* Именно потому, что в программе Плеханова этого не сказано, на съезде мы имели полное право сравнить новое толкование муниципализации с «революционным самоуправлением» меньшевиков. А не кто иной, как Плеханов, вынужден был, после долгих разъяснений вопроса большевиками, признать, что лозунг «революционное самоуправление» ничего никому не вынесил и многих сбил с толку (смотри «Дневник» № 5). Большевики говорили еще во «Вперед» и «Пролетарии», что лозунг «революционное самоуправление» недостаточен, неполон, не выражает условий полной победы революции. Для такой победы нужно не революционное самоуправление, а революционная власть, и не только местные революционные власти, но и центральная революционная власть. (См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 156—164; 189—200; 327—343. Ред.)

намерения самые социал-демократические, а программа вышла на деле кадетская, проникнутая духом «сделки», а не духом «крестьянской революции» (Плеханов сказал, между прочим, что раньше была у нас боязнь крестьянской революции, а теперь-де надо выкинуть эту боязнь).

Я разобрал выше *научное* значение довода «гарантия от реставрации». Я подошел теперь к его *политическому* значению в эпоху дубасовского конституционализма и кадетской Гос. думы. Научное значение этого довода равно нулю или минус единице. Политически это — орудие из арсенала кадетов и вода на мельницу кадетов. Посмотрите вокруг себя: какое *течение в политике* сделало почти своей монополией указания на опасность реставрации? Течение кадетское. В чем состоит тот ответ, который миллионы раз давали кадеты нашим товарищам по партии, указывавшим на противоречие между «демократизмом» кадетов и их монархической и пр. программой? В том, что тронуть монархию — значит вызвать опасность реставрации. Не трогайте монархии, — кричали тысячами голосов кадеты по адресу с.-д., — не трогайте монархии, ибо у вас нет гарантии от реставрации. Чем навлекать на себя опасность реставрации, опасность реакции, лучше войти в сделку с реакцией, — в этом вся суть политической мудрости кадетов, вся их программа, вся их тактика, вытекающая неизбежно из классовой позиции мелкого буржуа, из опасности для буржуазии доведенной до конца демократической революции.

Ограничусь двумя примерами в подтверждение сказанного. «Народная Свобода», орган Милюкова и Гессена, писала в декабре 1905 г., что возможность вооруженного восстания доказала Москва, но что восстание все-таки губительно и не потому, чтобы оно было безнадежно, а потому, что все равно завоевания восстания сметет реакция (цитировано в моей брошюре: «Государственная дума и социал-демократия»^{*}). Другой пример. Еще в «Пролетарии» в 1905 году я приводил выписки из статьи Виноградова в «Русских Ведомостях»^{**}. Виноградов выражал пожелание, чтобы русская революция пошла не по типу 1789—1793 гг., а по типу 1848—1849 гг., т. е. чтобы у нас

^{*} См. настоящий том, стр. 90. Ред.

^{**} См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 216—221. Ред.

не было *победоносных* восстаний, чтобы наша революция не дошла до конца, чтобы она была урезана пораньше предательством либеральной буржуазии, соглашением ее с монархией. Виноградов пугал нас реставрацией в лице прусского вахтера, ни слова не говоря, конечно, о такой «гарантии революции», как немецкий пролетариат.

Ссылка на отсутствие гарантий от реставрации есть идея чисто кадетская, есть *политическое оружие буржуазии против пролетариата*. Интересы буржуазии заставляют ее бороться против того, чтобы пролетариат вместе с революционным крестьянством довел буржуазно-демократическую революцию до конца. В этой борьбе философы и политики буржуазии неизбежно хватаются за исторические доводы, за примеры из прошлого. В прошлом было всегда так, что надували рабочих, что даже после победы революции являлась реставрация, — значит, и у нас не может быть иначе, говорит буржуазия, естественно стремясь ослабить веру русского пролетариата в свои силы и в силы европейского социализма. Обострение политических противоречий и политической борьбы ведет к реакции, — поучает рабочих буржуа, — значит, нужно *притуплять* эти противоречия: чем рисковать реакцией после победы, лучше не драться за победу, а войти в сделку с реакцией.

Случайно ли вышло так, что Плеханов стал хвататься за идейное оружие буржуазии против пролетариата? Нет, это было неизбежно после того, как Плеханов неверно оценил декабрьское восстание («не нужно было браться за оружие») и стал, не называя вещи своими именами, проповедывать в «Дневниках» поддержку кадетов рабочей партией. На съезде этот вопрос был затронут во время прений по другому пункту порядка дня, когда спор зашел о том, за что хвалит Плеханова буржуазия. Я расскажу в своем месте об этом споре, здесь же замечу, что вышеизложенные мною доводы я не развил, а лишь в самых общих чертах наметил на съезде. Наша «гарантия от реставрации» — сказал я — доведение революции до конца, а не сделка с реакцией. И только это и говорит моя аграрная программа, всецело являющаяся программой крестьянского восстания и полного завершения буржуазно-демократической революции. Например, «крестьянские революционные комитеты» есть единственный путь, которым

только и может идти крестьянское восстание (причем я вовсе не противопоставляю крестьянские комитеты революционной власти, как меньшевики противопоставляли ей революционное самоуправление, а вижу в этих комитетах один из органов такой власти, один из органов, требующих себе дополнения в других, центральных органах, во временном революционном правительстве и во всенародном учредительном собрании). Буржуазно-чиновничье разрешение аграрного вопроса, разрешение его Петрункевичами, Родичевыми, Кауфманами и Кутлерами, исключается *только* при такой формулировке аграрной программы.

Плеханов не мог не заметить этой основной черты моей программы. Он заметил и признал ее на съезде. Но свое признание он выразил (такова уже его натура) в той же форме Демьяновой ухи или Плехановой трухи. Да, да, у Ленина есть в программе идея захвата власти. Ленин сам признает это. Но это-то и плохо. Это — народовольчество. Ленин реставрирует народовольчество. Ратуйте, товарищи, против восстановления народовольчества. Ленин говорит даже о каком-то «народном творчестве». Это ли не народовольчество? и т. д. и т. п.

За эти рассуждения мы, большевики, и я и Войнов¹⁰⁸, от всей души поблагодарили Плеханова. Нам такие доводы только полезны и желательны. Подумайте-ка, в самом деле, товарищи, об этом рассуждении: «так как у Ленина есть в программе идея захвата власти, то Ленин — народоволец». О какой программе идет речь? Об аграрной. Кто предполагается в этой программе захватывающим власть? Революционное крестьянство. Смешивает ли Ленин пролетариат с этим крестьянством? Не только не смешивает, а особо выделяет его в той третьей части своей программы, которую (3-ю часть) целиком переписал меньшевистский съезд в своей тактической резолюции!

Не правда ли, хорошо? Плеханов сам говорил, что негоже нам, марксистам, *бояться крестьянской революции*. И в то же время ему померещилось народовольчество в *захвате власти революционным крестьянством!* Да как же возможна победоносная крестьянская революция без захвата власти революционным крестьянством?? Ведь Плеханов прямо договорился до абсурда. Попав раз на наклонную плоскость, он катится вниз неудержимо. Сначала он отрицал возможность захвата власти

пролетариатом в современной революции. Теперь он стал отрицать возможность захвата власти революционным крестьянством в современной революции. Но если *ни* пролетариат, *ни* революционное крестьянство не могут захватить власти, то значит, что власть *должна остаться у царя и у Дубасова*. Или власть должны взять кадеты? Но кадеты сами не хотят захватывать власти, оставляя монархию, постоянную армию, верхнюю палату и прочие прелести.

Не прав ли я был на съезде, сказав, что *плекхановская боязнь захвата власти есть боязнь крестьянской революции?* Не прав ли был Воинов, говоря, что Плеханова до того в молодости напугали народовольцы, что они ему мерещатся даже тогда, когда он сам признает неизбежность крестьянской революции и когда иллюзий насчет крестьянского социализма нет ни у кого среди с.-д.? Не прав ли был Воинов, когда острил на съезде по поводу меньшевистской резолюции о вооруженном восстании (в этой резолюции первый пункт начинается с признания задачи «вырвать власть у самодержавного правительства»), что «захват власти» есть народовольчество, а «вырывание власти» — истинный и глубокомысленный марксизм? Ведь вышло, право же, так, что, во имя борьбы с народовольчеством в социал-демократии, меньшевики наградили нашу партию программой «вырывания власти»... *кадетами*.

Меня не удивили, конечно, ни капли вопли о народовольчестве. Я слишком хорошо помню, что оппортунисты социал-демократии всегда (еще в 1898—1900 гг.) хватались за это пугало против революционных социал-демократов. И тов. Акимов, который говорил на нашем Объединительном съезде блестящую защитительную речь в пользу Аксельрода и кадетов, напомнил об этом как раз кстати. Я надеюсь вернуться еще к этому вопросу в литературе.

О «народном творчестве» два слова. В каком смысле говорил я о нем на съезде? В том же самом, в каком я говорю о нем в своей брошюре: «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (брошюра эта была роздана делегатам съезда)*. Я противопологаю октябрь — декабрь 1905 г. теперешнему, кадетскому периоду и говорю, что в революционный период творчество народа (революционных крестьян плюс пролетариев) богаче и продуктивнее, чем

* См. настоящий том, стр. 216—243. Ред.

в кадетский период. Плеханову это кажется народовольчеством. Мне это кажется, с научной точки зрения, уверткой от важнейшего вопроса об оценке периода октября — декабря 1905 г. (Плеханов и не подумал об анализе *форм движения* этой эпохи в своих «Дневниках», ограничившись морализированием!). С политической стороны, это лишь новое доказательство того, как близок Плеханов в тактике к г. Бланку и кадетам вообще.

Чтобы закончить аграрный вопрос, коснусь еще последнего из серьезных доводов. Ленин — мечтатель, говорил Плеханов, — он фантазирует насчет выбора чиновников народом и т. п. Для такого хорошего исхода не трудно написать программу. Нет, ты вот напиши-ка для худого исхода. Ты сделай так, чтобы твоя программа была «подкована на все четыре ноги».

В этом доводе есть, несомненно, соображение, которое всякий марксист обязан строжайше принимать во внимание. Действительно, не годна была бы та программа, которая считалась бы *только* с лучшим исходом. Но именно с этой стороны, — ответил я Плеханову на съезде, — моя программа, очевидно, стоит выше масловской. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о существовании *аренды*. Чем отличается капиталистический (и полукapиталистический) способ производства в земледелии? Везде и повсюду — развитием аренды. Относится ли это к России? Относится в громадных размерах. И неправ был тов. Джон, который возражал мне, будто у меня в программе есть бессмыслица: аренда остается после конфискации помещичьих земель. По этому пункту тов. Джон трижды неправ: во-первых, в моей программе *вся* первая часть говорит о первых шагах крестьянской революции (захват земель *впредь до* всенародного учредительного собрания); значит, аренда «не остается» у меня «после» конфискации, а берется за факт, ибо она есть факт. Во-вторых, конфискация есть переход в другие руки собственности на землю, а переход собственности сам по себе нисколько не затрагивает аренды; в-третьих, аренда имеет место, как известно всем, и на крестьянских, и на наделных землях.

Посмотрите же, что выходит у нас по части «подкованности на четыре ноги», по части принятия во внимание не только лучших, но и худших условий. Маслов

величественно вычеркивает аренду вовсе. Он предполагает прямо и сразу такой переворот, который бы уничтожил аренду. Это предположение, как я показал, совершенно вздорное, с точки зрения «худой действительности» и необходимости с нею считаться. Наоборот, вся первая часть моей программы построена *целиком* на базисе «худой действительности», против которой восстают революционные крестьяне. Поэтому аренда у меня не исчезает в царство теней (уничтожение аренды в капиталистическом обществе есть преобразование не менее, если не более, «фантастическое», с точки зрения плехановского «здорового смысла», чем уничтожение постоянной армии и т. п.). Выходит, что с «худой действительностью» я считаюсь гораздо серьезнее Маслова, а *хорошую* действительность я проповедую крестьянам не с точки зрения кадетской сделки (местные республики против центральной монархии), а с точки зрения полной победы революции и завоевания действительно демократической республики.

Этот элемент политической пропаганды специально в аграрной программе я особо подчеркивал на съезде, и мне придется, вероятно, не раз останавливаться еще на этом вопросе в литературе. На съезде нам, большевикам, возражали: у нас есть политическая программа, там и место говорить о республике. Возражение это свидетельствует о полной непродуманности вопроса. У нас есть, действительно, общая принципиальная программа (первая часть программы партии) и специальные программы: политическая, рабочая, крестьянская. В рабочей части программы (8-ми часовой рабочий день и т. д.) *никто* не предлагает оговаривать особо и специально политических условий того или иного преобразования. Почему? Потому, что 8-ми часовой рабочий день и тому подобные реформы при *всяких* политических условиях *неизбежно* станут орудием движения вперед. А в крестьянской программе надо ли *оговаривать* особо и специально политические условия? Надо, потому что самое лучшее перераспределение земли *может* стать орудием движения назад при господстве Треповых и Дубасовых. Возьмите хотя бы даже программу Маслова: в ней говорится о передаче земель *демократическому* государству и *демократическим* органам местного самоуправления, то есть в ней, несмотря на существование политической программы партии, особо

и специально оговариваются политические условия современных аграрных преобразований. Значит, о необходимости оговорить аграрные требования особыми политическими условиями не может быть и спора. Вопрос весь в том, позволительно ли, и с точки зрения научной и с точки зрения последовательного пролетарского демократизма, связывать коренной аграрный переворот не с выборностью чиновников народом, не с республикой, а с «демократизмом» вообще, т. е., следовательно, и с кадетским демократизмом, который является ныне, независимо от нашей воли, главным и самым распространенным, самым влиятельным в печати и в «обществе» видом лжедемократизма. Я думаю, что это непозволительно. Я предсказываю, что ошибку нашей аграрной программы сейчас же должна будет исправлять и будет исправлять практика, т. е. политическая обстановка *заставит* наших пропагандистов и агитаторов в борьбе с кадетами подчеркивать именно не кадетский демократизм, а выборность чиновников народом и республику.

Что касается до программы раздела земли, то я выразил свое отношение к ней на съезде словами: муниципализация ошибочна и вредна, раздел, как программа, ошибочен, но не вреден. Поэтому я, конечно, ближе к разделу и готов вотировать за Борисова против Маслова. Раздел не может быть вреден, ибо на него согласятся крестьяне, это — раз; его не надо оговаривать последовательным переустройством государства, это — два. Почему он ошибочен? Потому, что он односторонне рассматривает крестьянское движение только с точки зрения прошлого и настоящего, не привлекая во внимание точку зрения будущего. «Разделисты» говорят мне, споря против национализации: крестьянин не того хочет, что он говорит, когда вы слышите от него о национализации. Смотрите не на слово, а на суть дела. Крестьянин хочет частной собственности, права продавать землю, а слова о «божьей земле» и т. п., это — лишь идеологическое облачение желания взять землю у помещика.

Я отвечал «разделистам»: все это верно; но наше равногласие с вами только начинается там, где вы считаете уже вопрос исчерпанным. Вы повторяете ошибку старого материализма, о котором Маркс скавал: старые материалисты умели объяснять мир, а нам надо изменять его¹⁰⁹. Вот точно так же и сторонники раздела *правильно* понимают

крестьянские слова о национализации, *правильно объясняют их*, но — в этом вся суть — но не умеют это правильное объяснение сделать *рычагом изменения мира*, орудием дальнейшего движения вперед. Не о том идет речь, чтобы навязать крестьянам национализацию вместо раздела (вариант А в моей программе отнимает всякую почву у таких наделых мыслей, если они возникают у кого-либо). Речь идет о том, что социалист, беспощадно разоблачая мелкобуржуазные иллюзии крестьянина насчет «божьей земли», должен уметь показать крестьянину путь вперед. Я сказал уже на съезде Плеханову, и я повторю это тысячу раз: практики так же будут вульгаризировать теперешнюю программу, как вульгаризировали они отрезки, — они сделают из маленькой ошибки большую. Они будут крестьянской толпе, кричащей, что земля — ничья, божья, казенная, доказывать преимущества раздела, они будут этим позорить и опошлять марксизм. Не то мы должны говорить крестьянам. Мы должны сказать: в этих речах о божьей, ничьей или казенной земле есть большая правда, только надо хорошенько разобрать ее. Если земля казенная, а у казны сидит Трепов, — значит, земля будет Трепова. Хотите ли вы этого? Хотите ли вы, чтобы земля попала в руки Родичевых и Петрунkevичей, если бы им, согласно их желанию, довелось получить в руки власть, а следовательно, и казну? И крестьяне, разумеется, ответят: нет, не хотим. Ни Треповым, ни Родичевым не отдадим мы отобранных у помещиков земель. Если так, то необходима выборность всех чиновников народом, уничтожение постоянной армии, республика, — *только* тогда передача земли «в казну», передача земли «народу» будет мерой не вредной, а полезной. И с точки зрения строго научной, с точки зрения условий развития капитализма вообще, мы безусловно должны сказать, если мы не хотим разойтись с III томом «Капитала», что национализация земли возможна в буржуазном обществе, что она содействует экономическому развитию, облегчает конкуренцию и прилив капитала в земледелие, понижает цену на хлеб и т. д. Мы ни в каком случае *не можем*, следовательно, в эпоху настоящей крестьянской революции при довольно высоко развитом капитализме относиться с голым и общим отрицанием к национализации. Это было бы узко, односторонне, грубо, близоруко. Мы должны

лишь разъяснить крестьянину необходимые политические предпосылки национализации, как меры полезной, а затем должны показывать ее буржуазный характер (это и делает 3-я часть моей программы, вошедшая теперь в резолюцию Объединительного съезда*).

Кончая свой рассказ о спорах по аграрному вопросу на съезде, отмечу еще, какие поправки вносились к проекту программы Маслова. Когда ставился на голоса вопрос о принятии за основу того или иного проекта программы, то за Маслова высказалось сначала всего 52 голоса, *т. е. меньше половины*. За раздел высказалось около 40 (я присоединился к «разделистам», чтобы не разбивать голосов против муниципализации). Только при перебаллотировке масловский проект собрал 60 с чем-то голосов, когда все колеблющиеся вотировали за, чтобы не оставить партию вовсе без аграрной программы.

Из поправок меньшевики провалили одну, относящуюся к более точному определению понятия: демократическое государство. Мы предложили сказать: «демократическая республика, обеспечивающая полностью самодержавие народа». Эта поправка исходила из вышеочерченной мысли, что муниципализация без *полного* демократизма центральной государственной власти прямо вредна и может выродиться в кадетскую аграрную реформу. Поправка вызвала бурю. Я не был как раз в эту минуту в зале заседания. Помню, что, когда я возвращался и проходил через соседнюю комнату, меня поразила необычайный шум в «кулуарах» и масса шуточных возгласов: «Товарищ Джон провозгласил республику!». «У него не нашлось гарантий от реставрации». «Товарищ Плеханов реставрировал монархию».

Дело было, как мне рассказывали, так. Большевики, по свойственной меньшевистской натуре обидчивости, обиделись на поправку, усмотрев в ней желание изобличить в оппортунизме: вот-де меньшевики против республики. Раздались негодующие речи и крики. Большевики тоже раззадорились, как водится. Потребовали именного голосования. Тогда страсти окончательно разгорелись. Товарищ Джон смутился и, не желая вносить раздора, не имея, разумеется, решительно ничего «против республики», встал

* См. настоящий том, стр. 172. *Ред.*

и заявил, что он сам снимает свою формулировку и присоединяется к поправке. Большевики аплодируют «провозглашению республики». Но товарищ Плеханов или кто-то другой из меньшевиков вмешиваются, спорят, требуют нового голосования, и «монархия восстанавливается» — по дошедшим до меня рассказам — всего какими-то 38 голосами против 34 (многие, видимо, отсутствовали из залы заседания или воздерживались).

Из принятых поправок надо отметить замену слова: «отчуждение» словом «конфискация». Затем «муниципалисты» должны были все-таки сделать уступку «разделистам», и товарищ Костров внес поправку, допускающую условно и раздел. Вместо первоначальной масловской программы получилась, как острили на съезде, «кастрированная» программа. В ней смешаны, в сущности, и национализация (известные земли поступают в *общенародную* собственность), и муниципализация (часть земель — в распоряжение крупных органов местного самоуправления), и, наконец, раздел. При этом вполне точного определения того, когда стоять за муниципализацию и когда за раздел, ни в программе, ни в тактической революции нет. Программа получилась в конце концов не подкованная на все четыре ноги, а со всеми четырьмя хлюпающими подковами*.

IV

ОЦЕНКА РЕВОЛЮЦИОННОГО МОМЕНТА И КЛАССОВЫХ ЗАДАЧ ПРОЛЕТАРИАТА

Вопрос, названный в заголовке, был поставлен вторым на обсуждение съезда. Докладчиками были Мартынов и я. Тов. Мартынов в своем докладе не защищал собственно меньшевистского проекта революции, напечатанного в № 2 «Партийных Известий». Он предпочел дать «общий очерк» своих взглядов и общую критику того, что меньшевики называют большевистскими взглядами.

* Самую резкую критику «кастрированной» масловской программы дал на съезде один товарищ-меньшевик (Струмилин), сторонник частичного раздела. Он прочитал письменное заявление, в котором замечательно метко и беспощадно указывал — может быть, даже вернее сказать, бичевал — внутреннюю противоречивость получившейся программы. К сожалению, я не сделал себе отметок с выдержками из его прочитанной речи.

Он говорил о Думе, как политическом центре, о вредности идеи захвата власти, о важности конституционного строительства в революционную эпоху. Он критиковал декабрьское восстание, призывал открыто признать наше поражение, обвиняя нашу резолюцию за «техническую» постановку вопроса о стачке и восстании. Он говорил, что «кадеты вопреки своей антиреволюционности строят леса для дальнейшего развития революции» (отчего же не сказано этого в ваших резолюциях? спрашивали мы), он сказал: «мы накануне революционного взрыва»* (отчего нет этого в вашей резолюции? опять спросили мы). Он сказал, между прочим: «объективно кадеты сыграют большую роль, чем эсеры». Сравнение захвата власти с идеями Ткачева, выдвигание на первый план Думы, как начала «конституционного строительства», как краеугольного камня в строю «представительных учреждений», — такова была основная мысль доклада товарища Мартынова. Как и все меньшевики, он пассивно приспособлял нашу тактику к малейшему изгибу в ходе событий, подчинял ее интересам момента, нуждам (или кажущимся нуждам) минуты и невольно принижал основные и коренные задачи пролетариата, как передового борца в буржуазно-демократической революции.

Я построил свой доклад на точном сравнении обеих предложенных съезду резолюций. В обеих, говорил я, признается, что революция идет к новому подъему, что наша задача — стремиться довести ее до конца и, наконец, что выполнить эту задачу в состоянии только пролетариат вместе с революционным крестьянством. Казалось бы, эти три положения должны определять собой полное единство тактической линии. Но посмотрите, которая же из обеих резолюций последовательнее проводит эту основную точку зрения? которая правильнее мотивирует ее и вернее указывает выводы из нее?

И я показывал, что мотивировка меньшевистской резолюции никуда не годна, что это — простая фраза, а не мотивировка («борьба не оставила правительству другого выбора»). Это — образчик голой фразы! Это именно надо доказывать, да и то не в такой форме. Большевики же

* Я ставлю в кавычки те слова, которые нашлись у меня записанными в моих заметках.

начинают с недоказанного и недоказуемого положения). Я говорил, что кто действительно признает подъем революции неизбежным, тот должен сделать соответствующий вывод о *главной* форме движения. Ведь в этом состоит коренной научный и политический вопрос, который мы должны решить и от которого меньшевики увиливают: дескать, когда Дума, — пойдем за Думой, когда стачки и восстание, — пойдем за стачками и восстанием, а учесть неизбежность той или другой формы движения они не хотят или не могут. Сказать пролетариату и всему народу, какая форма движения является *главной*, они не решаются. А если так, тогда слова о подъеме революции и о доведении ее до ее конца (меньшевики крайне неудачно сказали: до *логического* конца) является пустой фразой. Это значит именно: не поднимать пролетариат до роли передового вождя революции, оценивающего ее глубже и шире, осмысливающего свою тактику общими и коренными интересами демократии, а принижать пролетариат до роли пассивного участника и скромного «чернорабочего» буржуазно-демократической революции.

Меньшевики, говорил я, берут только первую половину знаменитого положения Гегеля: «все действительное разумно, все разумное действительно». Дума действительна. Значит, Дума разумна, говорят они и удовлетворяются этим. Борьба вне Думы «неразумна», — отвечаем мы. Она вытекает с объективной неизбежностью из всего современного положения. Значит, она «действительна», хотя и придавлена в настоящий момент. Не рабски следовать моменту должны мы; это будет оппортунизм. Мы должны обдумывать более глубокие причины событий и более далекие последствия нашей тактики.

Меньшевики признают в своей резолюции, что революция идет на подъем, что пролетариат вместе с крестьянством должны довести ее до конца. Но кто всерьез думает так, тот должен уметь сделать и выводы. Если с крестьянством, — значит, вы считаете либерально-монархическую буржуазию (кадетов и т. п.) ненадежной. Отчего же вы не говорите этого, как сказано в нашей резолюции? Отчего вы ни единым словом не упоминаете необходимости бороться с конституционными иллюзиями, т. е. с верой в обещания и законы старого самодержавного правительства? Кадетам привычно забывать об этой борьбе;

кадеты сами распространяют конституционные иллюзии. Но социал-демократ, который в революционный момент забывает о задаче борьбы с конституционными иллюзиями, в политике приравнивает себя к кадету. Чего стоят все слова о «подъеме революции», о «доведении ее до конца», о «новом революционном взрыве», если на деле социал-демократ не разоблачает в народе конституционных иллюзий?

Вопрос о конституционных иллюзиях, это — как раз тот вопрос, на котором всего легче в настоящее время и всего вернее можно отличить оппортуниста от сторонника дальнейшего развития революции. Оппортунист уклоняется от разоблачения этих иллюзий. Сторонник революции беспощадно показывает их обманчивость. И вот, с.-д. меньшевики умалчивают о таком вопросе!

Не решаясь сказать открыто и прямо, что октябрьско-декабрьские формы борьбы непригодны и нежелательны, меньшевики говорят это в самой худшей, прикрытой, косвенной, уклончивой форме. Это совсем неприлично социал-демократу.

Таковы были основные положения моего доклада.

Из прений по поводу этих докладов следует отметить следующие характерные инциденты. Товарищ, назвавшийся на съезде Борисом Николаевичем¹¹⁰, заставил меня в моем заключительном слове воскликнуть: на ловца и зверь бежит. Трудно было рельефнее, чем он это сделал, собрать воедино всю «суть» меньшевизма. Это «курьез», говорил он, что большевики считают «главной формой движения» не легальную и не конституционную, а революционные движения широких народных масс. Это «смехотворно», ибо таковых движений налицо нет, а Дума налицо имеется. Это «метафизика» и «фразеология» — слова о роли пролетариата, как «главы» или «вождя», о возможности для него стать «хвостом», и т. д.

Снимите ваши кадетские очки! — отвечал я этому последовательному меньшевику. — Вы увидите тогда и крестьянское движение в России, и брожение в войсках, и движение безработных, вы увидите те формы борьбы, которые «притаились» сейчас и отрицать которые не решаются даже умеренные буржуа. Они прямо говорят о вреде или ненужности этих форм борьбы. А с.-д. меньшевики *посмеиваются* над ними. Такова разница между буржуазией и с.-д. меньшевиками. Точь-в-точь, как было

с Бернштейном, немецким меньшевиком, немецким с.-д. правого крыла. Буржуазия находила и объявляла прямо вредными революционные формы борьбы в Германии в конце XIX века. Бернштейн *посмеивался* над ними.

Вопрос о Бернштейне, будучи затронут на съезде, повел естественно к вопросу: за что хвалит Плеханова буржуазия? Тот факт, что вся громадная масса либерально-буржуазных газет и изданий в России, вплоть даже до октябристского «Слова», самым усердным образом расхваливала Плеханова, — этот факт не мог остаться не отмеченным на съезде.

Плеханов поднял перчатку. Бернштейна хвалила буржуазия не за то, за что она хвалит меня, сказал он. Бернштейна хвалили за то, что он сдавал буржуазии наше теоретическое оружие: марксизм. А меня хвалят за тактику. Ситуация не та.

Плеханову отвечали на это представитель польской социал-демократической партии и я. Мы оба указали, что Плеханов *не прав*. Не за теорию только хвалила Бернштейна буржуазия, и даже собственно вовсе не за теорию. Буржуазии плевать на все теории. Буржуазия хвалила немецких с.-д. правого крыла за то, что они указывали иную *тактику*. За тактику хвалили их. За тактику реформистов в отличие от тактики революционной. За признание главной или почти единственной борьбой — борьбы легальной, парламентской, реформистской. За стремление превратить социал-демократию в партию демократически-социальных реформ. Вот за что хвалили Бернштейна. Его хвалили буржуа за *притупление* противоречий между трудом и капиталом в эпоху накануне социалистической революции. Плеханова хвалит буржуазия за *притупление* противоречий между революционным народом и самодержавием в эпоху революции буржуазно-демократической. Плеханова хвалят за признание главной формой борьбы — борьбы «парламентской», за осуждение октябрьско-декабрьской борьбы и особенно вооруженного восстания. Плеханова хвалят за то, что он стал в вопросах современной тактики вождем правого крыла с.-д.

Я забыл добавить, как держались меньшевики в прениях по вопросу о конституционных иллюзиях. Сколько-нибудь устойчивой позиции они не заняли: одни из них говорили, что борьба с конституционными иллюзиями есть

постоянная задача с.-д., а вовсе не специальная задача данного момента. Другие (Плеханов) объявляли борьбу с конституционными иллюзиями анархизмом. В этих двух крайних и противоположных мнениях меньшевиков по вопросу о конституционных иллюзиях особенно рельефно обнаруживалась полная беспомощность их позиции. Когда конституционный строй упрочился, когда конституционная борьба стала на известное время главной формой борьбы классов и борьбы политической вообще, тогда разоблачение конституционных иллюзий не является специальной задачей с.-д., задачей момента. Почему? Потому, что в такие моменты дела вершатся в конституционных государствах *именно так*, как они решаются в парламентах. Конституционные иллюзии — это обманчивая вера в конституцию. Конституционные иллюзии выступают на первый план тогда, когда кажется, что конституция есть, а на деле ее нет, — другими словами: когда дела вершатся в государстве *не так*, как они решаются в парламентах. Когда действительная политическая жизнь *расходится* с ее отражением в парламентской борьбе, тогда и *только тогда* борьба с конституционными иллюзиями становится очередным делом передового революционного класса, пролетариата. Либеральные буржуа, боясь внепарламентской борьбы, распространяют конституционные иллюзии и тогда, когда парламенты бессильны. Анархисты вовсе отрицают участие в парламентах при всех и всяких обстоятельствах. Социал-демократы стоят за использование парламентской борьбы, за участие в ней, но они беспощадно разоблачают «парламентский кретинизм», т. е. веру в то, что парламентская борьба есть *единственная* или *при всяких условиях главная* форма политической борьбы.

Расходится ли в России действительность политическая от решений и речей в Думе? Вершатся ли у нас дела в государстве так, как решаются они в Думе? Отражают ли «думские» партии сколько-нибудь верно *реальные* политические силы в данный момент революции? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять беспомощную растерянность меньшевиков по вопросу о конституционных иллюзиях.

Эта растерянность выразилась на съезде необыкновенно рельефно в том, что меньшевики, будучи в большинстве,

не поставили даже на голоса своей резолюции об оценке текущего момента. Они сняли свою резолюцию! Большевики на съезде много смеялись над этим. Победители снимают свою победоносную резолюцию, — так говорили о необыкновенном и невиданном в истории съездов поступке меньшевиков. Потребовали даже и добились именного голосования по этому вопросу, хотя меньшевики и сердились на это прекурьезно, внося в бюро письменные заявления, что-де «Ленин собирает агитационный материал против решений съезда». Как будто бы это право собирать материал не было правом и обязанностью всякой оппозиции! И как будто бы наши победители не подчеркивали своей досадой того невозможно неловкого положения, в которое они попали, отказываясь от своей собственной резолюции! Побежденные настаивают на том, чтобы победители приняли свою победоносную резолюцию. Более определенно выраженной моральной победы мы не могли и желать.

Меньшевики говорили, конечно, что они не хотят навязывать нам того, с чем мы несогласны, не хотят насилия и пр. Понятно, что такие отговорки встречались улыбками и повторными требованиями именного голосования. Ведь по тем вопросам, по которым они верили в свою правоту, меньшевики не боялись «навязать» нам своего мнения, не боялись «насилия» (и к чему это страшное слово?) и т. п. Резолюция об оценке момента не призывала партию ни к каким действиям. Но без нее партия не могла *понять* принципиальных оснований и *мотивов* всей тактики съезда.

Снятие резолюции было в этом отношении высшим проявлением практического оппортунизма. Наше дело — быть в Думе, когда есть Дума, а никаких общих рассуждений, никакой общей оценки, никакой продуманной тактики мы знать не знаем. Вот что сказали меньшевики пролетариату своим снятием резолюции.

Несомненно, что меньшевики убедились в негодности и неверности своей резолюции. Не может быть и речи о том, чтобы люди, убежденные в правоте своих взглядов, отказались выразить их прямо и определенно. Но в том-то и гвоздь, что меньшевики не смогли внести даже никаких поправок в свою резолюцию. Они не могли, следовательно, сойтись между собой ни по одному существенному вопросу

насчет оценки момента и оценки классовых задач пролетариата вообще. Они могли сойтись только на отрицательном решении: вовсе снять резолюцию. Меньшевики смутно чувствовали, что, приняв свою собственную *принципиальную* резолюцию, они подорвут свои *практические* резолюции. Но делу они не помогли. Резолюции меньшевиков и большевиков по оценке момента может и должна обсудить и сличить *вся* партия, *все* партийные организации. Вопрос оставили открытым. А его надо решить. И сличение обеих указанных резолюций с опытом политической жизни, с уроками хотя бы кадетской Думы, дает превосходное подтверждение правильности большевистских взглядов на момент русской революции и на классовые задачи пролетариата.

V

ОТНОШЕНИЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Докладчиком преобладающей на съезде фракции по вопросу о Гос. думе был тов. Аксельрод. В длинной речи он дал тоже не сравнительную оценку обеих резолюций (из комиссии было вынесено две резолюции, ибо соглашения между меньшевиками и большевиками не состоялось), не точное изложение всех взглядов меньшинства на соответствующий вопрос, а «общий очерк» значения парламентаризма. Докладчик широко размахнулся, захватил большую историческую тему и — и рисовал картину того, что такое парламентаризм, каково его значение, какую роль играет он в развитии организации пролетариата, в деле агитации, прояснения его сознания и т. д. Кивая постоянно в сторону «анархически-заговорщических» взглядов, докладчик витал всецело в области абстрактностей, в заоблачной выси общих мест и прекрасных исторических соображений, годных для всех времен, для всех наций, для всех исторических моментов вообще, — негодных только в силу своей абстрактности для охватывания конкретных особенностей стоявшего перед нами конкретного вопроса. У меня осталось в памяти следующее особенно рельефное проявление этой невероятно абстрактной и бессодержательно общей постановки вопроса Аксельродом. Он два раза (я отметил это) коснулся в своей речи

вопроса о сделках или соглашениях с.-д. с к.-д. Один раз он мимоходом задел этот вопрос, высказавшись пренебрежительно и в двух словах против всяких соглашений. Другой раз он остановился на нем подробнее и сказал, что допустимы, вообще говоря, и соглашения. Необходимо лишь, чтобы они состояли не в шушуканьи каких-то комитетов, а в открытом, всем рабочим массам видном и ясном соглашении, которое должно быть крупным политическим шагом или делом. Оно подняло бы пролетариат в его значении политической силы, показало бы ему яснее и отчетливее политический механизм и различное положение, различные интересы тех или иных классов. Оно втянуло бы пролетариат в определенные политические отношения, научило бы разбирать врагов и недругов, и так далее, и тому подобное. Именно из рассуждений такого рода состоял громадный «доклад» тов. Аксельрода, — их нельзя пересказать, их можно только обрисовать на том или другом отдельном примере.

В своем ответном докладе я прежде всего заявил, что Аксельрод нарисовал очень красивенькую, если хотите, прелестную картинку. Рисовал он ее с любовью и искусством, краски клал яркие, штрихи проводил тонкие. Жаль только, что это картина не с натуры. Хорошая картина, слов нет, да сюжет-то у нее фантастический. Превосходный этюд на тему о значении парламентаризма вообще, прекрасная популярная лекция о роли представительных учреждений. Жаль только, что о конкретных исторических условиях данного русского, извините за выражение, «парламента» ничего не сказано и ровно ничего в этом отношении не разъяснено. Аксельрод великолепно выдал себя, говорил я, своим рассуждением о соглашениях с кадетами. Он признал, что значение таких соглашений, при действительном парламентаризме иногда неизбежных, зависит от открытого выступления перед массой, от возможности изгнать старое «шушуканье» и поставить на его место агитацию в массах, самостоятельность масс, выступление перед массами.

Чудесные вещи, что и говорить. Ну, а возможны ли они в российском «парламентарном» строе? Или, вернее, в такой ли форме происходят в России, по объективным условиям нашей реальной (а не с картинки взятой) действительности, выступления действительно массовые?

Не выходило ли так, товарищ Аксельрод, что желанные вам выступления с.-д. перед массами сводились к подпольным листочкам, а кадеты имели миллионы экземпляров газет? Не лучше ли было бы, вместо никчемного изложения красот парламентаризма (никем не отрицаемых), обрисовать, как обстоит дело в реальной действительности с с.-д. газетами, собраниями, клубами, союзами? Не вам же в самом деле, европейцу, стану доказывать я, что ваши общие рассуждения о парламентаризме молча предполагают и газеты, и собрания, и клубы, и союзы, что все это есть часть парламентарной системы?

Почему ограничился Аксельрод в своем докладе общими местами и абстрактными положениями? Потому, что ему нужно было оставить в тени конкретную политическую действительность России периода февраля — апреля 1906 г. Эта действительность показывает слишком *острые* противоречия между *самодержавием* и угнетенным, но возмущающимся *пролетариатом и крестьянством*. Чтобы увлечь слушателей картиной парламентаризма вообще, надо было представить эти противоречия менее острыми, *притупить* их, нарисовать «идеальный» план идеального, открытого соглашения с к.-д., а, главное, надо было *абстрагировать* эти острые противоречия, забыть о них, обойти их молчанием.

Чтобы учесть реальные разногласия и не витать по поднебесью, я в своем докладе сличал обе резолюции и подробно анализировал их. Четыре основных различия оказывалось при этом между резолюциями меньшевиков и большевиков о Думе.

Во-1-х, меньшевики не дают никакой оценки выборов. Во время съезда выборы в $\frac{9}{10}$ России были уже закончены. Эти выборы дали, несомненно, громадный политический материал, дающий картину действительности, а не картину нашей фантазии. Этот материал учитывали мы прямо и точно, говоря: он доказывает, что в громадной массе местностей России участие в выборах было равносильно поддержке кадетов, что это не была на деле социал-демократическая политика. Меньшевики *ни звука* об этом. Они *боятся* этой постановки вопроса на конкретную почву. Они боятся заглянуть прямо на действительность и сделать обязательные выводы из этого положения между кадетами и черносотенцами. Оценки *реальных* выборов,

в общем и целом их итогов, они не дают, ибо такая оценка говорит против них.

Во-2-х, меньшевики во всей своей резолюции берут или рассматривают Думу только как юридическое учреждение, а не как орган изъявления воли (или безволия) определенных элементов буржуазии, не как орган, служащий интересам определенных буржуазных партий. Меньшевики в своей резолюции говорят о Думе вообще, о Думе, как «институте», о Думе, как о «чистом» народном представительстве. Это — прием рассуждения не марксистский, а чисто кадетский, не материалистический, а в худшем смысле слова идеалистический, не пролетарски-классовый, а мещански-расплывчатый.

Возьмите, хотя бы, следующее, крайне характерное выражение меньшевистской резолюции, говорил я на съезде: ... «4) что эти конфликты (с реакцией), заставляя Г. думу искать опоры в широких массах»... (я цитирую внесенный меньшевиками на съезд проект). Верно ли, что Дума может и будет искать опоры в широких массах? *Какая Дума? Дума октябристов? Наверное нет. Дума крестьянских и рабочих депутатов? Ей нечего искать опоры, ибо у нее есть, была и будет опора. Дума кадетов? Да, по отношению к ней и только по отношению к ней это верно. Кадетской Думе действительно нужно искать опоры в широких массах. Но, как только под абстрактную, идеалистическую и общую формулировку меньшевиков вы подставляете конкретно-классовое содержание, так сейчас же вы видите неполноту и, следовательно, неверность их формулировки. Кадеты стремятся опереться на народ. Это правда. Это слово в слово говорит про них наша (большевистская) резолюция об отношении к буржуазным партиям. Но наша резолюция добавляет: кадеты колеблются между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности. Ни один социалист не решится отрицать справедливости подчеркнутых слов. Отчего же меньшевики в резолюции о Думе, когда известно уже было, что Дума кадетская, сказали только половину правды? Отчего они отметили только светлую сторону кадетов, умолчав об оборотной стороне медали?*

Наша Дума не есть воплощение «чистой идеи» народного представительства. Так могут думать только бур-

жуазные пошляки из кадетских профессоров. Наша Дума есть то, что из нее делают представители определенных классов и определенных партий, в ней сидящие. Наша Дума есть кадетская Дума. Если мы скажем про нее, что она стремится опереться на народ, и не добавим, что она боится революционной самостоятельности народа, то мы скажем прямую неправду, мы введем в заблуждение пролетариат и весь народ, мы проявим самую непростительную податливость настроению минуты, увлечение победами партии колебаний между свободой и монархией и неумение оценить истинную сущность этой партии. Кадеты, конечно, похвалят вас за такое умолчание, — но похвалят ли вас сознательные рабочие?

Еще пример. «Царское правительство стремится ослабить революционный подъем», — пишут меньшевики в своей резолюции. Это верно. Но только ли одно царское правительство стремится к этому? Не доказали ли кадеты уже тысячу раз, что они тоже стремятся и опереться на народ, и ослабить его революционный подъем? Прилично ли социал-демократам подкрашивать кадетов?

И я делал такой вывод. Наша резолюция говорит, что Дума послужит *косвенно* развитию революции. *Только* такая формулировка верна, ибо кадеты колеблются между революцией и реакцией. Наша резолюция говорит прямо и ясно *по поводу Думы*, что необходимо разоблачать шаткость кадетов. Умолчать об этом в резолюции о Думе значит впасть в буржуазную идеализацию «чистого народного представительства».

И действительный опыт уже стал опровергать иллюзии меньшевиков. В «Невской Газете»¹¹¹ вы найдете уже указания (к сожалению, не выдержанные систематически) на то, что кадеты в Думе поступали неревOLUTIONONНО, на то, что пролетариат не допустил «сделок гг. Милюковых со старым режимом». Говоря это, меньшевики целиком подтверждают правильность моей съездовской критики их резолюции. Говоря это, они идут за волной революционного подъема, который, несмотря на его относительную слабость, уже начал показывать истинную природу кадетов, уже стал обнаруживать правильность большевистской постановки вопроса.

В-3-х, говорил я, резолюция меньшевиков не дает ясного деления буржуазной демократии с точки зрения

тактики пролетариата. Пролетариат должен идти в известной степени вместе с буржуазной демократией, или «врозь идти, вместе бить». С какой же именно частью буржуазной демократии должен он «вместе бить» в настоящее время, в эпоху Думы? Ведь вы сами, товарищи меньшевики, понимаете, что Дума выдвигает на очередь этот вопрос, но вы от него увильваете. А мы говорили прямо и ясно: с крестьянской или революционной демократией, нейтрализуя нашим соглашением с ней шаткость и непоследовательность кадетов.

Меньшевики (особенно Плеханов, который, повторяю, был настоящим идейным вождем меньшевиков на съезде) пытались в ответ на эту критику «углубить» свою позицию. Да, вы хотите разоблачать кадетов, — восклицали они. — А мы разоблачаем *все* буржуазные партии; смотри конец нашей резолюции: «обнаруживать перед массой непоследовательность *всех* буржуазных партий» и т. д. И Плеханов с гордостью добавлял: это только буржуазные радикалы нападают исключительно на кадетов, а мы, социалисты, разоблачаем *все* буржуазные партии.

Софизм, который спрятан в этом кажущемся «углублении» вопроса, так часто пускался в ход на съезде и пускается в ход теперь, что о нем стоит сказать несколько слов.

О чем идет речь в данной резолюции? О социалистическом ли разоблачении всех буржуазных партий или об определении того, какой слой буржуазной демократии может *теперь* помогать пролетариату вести еще вперед буржуазную революцию?

Ясно, что не о первом, а о втором.

А если это ясно, то не к чему и подменять второе первым. Большевицкая резолюция об отношении к буржуазным партиям ясно говорит о социалистическом разоблачении всякой, в том числе и революционной и крестьянской, буржуазной демократии, но в вопросе о современной тактике пролетариата речь идет не о социалистической критике, а о взаимной политической поддержке.

Чем дальше идет вперед буржуазная революция, тем левее ищет себе союзников пролетариат среди буржуазной демократии, тем глубже спускается он от верхов ее к низам. Было время, когда поддержку могли оказывать предводители дворянства и г. Струве, выдвигавший (1901 г.)

шиповский лозунг: «права и властное земство»¹¹². Революция ушла далеко вперед. Верхи буржуазной демократии стали отходить от революции. Низы стали просыпаться. Пролетариат стал искать союзников (для буржуазной революции) в низах буржуазной демократии. И теперь единственным правильным определением тактики пролетариата в этом отношении будет: с крестьянством (тоже ведь буржуазная демократия, не забывайте этого, товарищи меньшевики!) и с революционной демократией, парализуя шаткость кадетов.

И еще раз. Какую линию подтвердили первые шаги кадетской Думы? Наши споры уже обогнала жизнь. Жизнь заставила и «Невскую Газету» выделять крестьянскую («трудовую») группу, предпочитать ее кадетам, сближаться с ней и разоблачать кадетов. Жизнь научила нашему лозунгу: союзник пролетариата до победы буржуазной революции — крестьянская и революционная демократия.

В-4-х, я критиковал последний пункт меньшевистской резолюции, касающийся с.-д. парламентской фракции в Думе. Я указывал, что вся масса сознательного пролетариата не выбирала. Целесообразно ли при таких условиях навязывать этой рабочей массе официальных представителей партии? Может ли партия поручиться за действительно партийный выбор кандидатов? Не создаст ли известной опасности и ненормального положения то, что первые с.-д. кандидаты в Думу ожидаются от *крестьянских* и городских мелкобуржуазных курий? Первые кандидаты в Думу от с.-д. рабочей партии без выбора рабочими организациями и контроля их... Поправка тов. Назара¹¹³, который требовал, чтобы с.-д. кандидаты в Думу *выставлялись* местными рабочими организациями, была отклонена меньшевиками. Мы потребовали именного голосования и внесли в протокол особое мнение*.

За поправку кавказцев (участвовать в выборах, где их еще не было, но не вступать в блоки с другими партиями) мы голосовали, ибо запрещение блоков, соглашения с другими партиями имело несомненно большое политическое значение для партии.

* См. настоящий том, стр. 277—278. Ред.

Отмечу еще, что съезд отклонил поправку тов. Ерманского (меньшевик, считавший себя примиренцем), который хотел, чтобы участие в выборах было допущено лишь тогда, когда возможна агитация в массах и широкая организация их.

Представители национальных с.-д. партий, поляки, бундовцы и, помнится, также и латыши, брали слово по данному вопросу и решительно высказывались за бойкот, подчеркивая местные и конкретные условия, протестуя против решения подобного вопроса на основании абстрактных соображений.

По вопросу о парламентской с.-д. фракции съезд принял также инструкцию ЦК. Инструкция эта, не вошедшая, к сожалению, в изданные ЦК постановления съезда, поручает ЦК известить *все* партийные организации — 1) кого именно, 2) когда именно и 3) на каких условиях именно он назначил представителем партии в парламентской фракции, затем сообщать периодические отчеты о деятельности этих представителей партии¹¹⁴. Местным рабочим организациям, члены которых состоят с.-д. депутатами в Думе, эта резолюция поручает контроль за своими «уполномоченными» в Думе. Замечу в скобках, что эта важная резолюция, показывающая, что с.-д. не так смотрят на парламентаризм, как буржуазные политиканы, встретила единодушное негодование или осмеяние и в «Думе», газете г. Струве, и в «Новом Времени».

Наконец, заканчивая рассказ о прениях по вопросу о Гос. думе, отмечу еще два эпизода. Первый — выступление товарища Акимова, который был приглашен на съезд с совещательным голосом. К сведению товарищей, незнакомых с историей нашей партии, скажу, что тов. Акимов с конца 90-х годов является самым последовательным или одним из самых последовательных оппортунистов в партии. Даже новая «Искра» должна была признать это. Акимов был «экономистом» в 1899 и следующих годах и остался верен себе. Г. Струве в «Освобождении» не раз хвалил его за «реализм» и за научность его марксизма. От бернштейншанцев «Без Заглавия» (г. Прокопович и т. д.) тов. Акимов едва ли существенно отличается. Понятно, что присутствие такого товарища не могло не быть ценным на съезде при борьбе правого и левого крыла с.-д.

Тов. Акимов говорил как раз после докладчиков первым по вопросу о Г. думе. Он заявил, что во многом не соглашается с меньшевиками, но с тов. Аксельродом вполне согласен. Он не только за участие в Думе, но и за поддержку кадетов. Тов. Акимов был единственным последовательным меньшевиком в том отношении, что открыто встал на защиту кадетов (а не в прикрытой форме вроде того, что кадеты важнее эсеров). Он открыто восстал против моей оценки кадетов в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Кадеты, по его словам, «действительно партия народной свободы, но более умеренная». Кадеты — «сиротские демократы», сказал наш сиротский социал-демократ. «Меньшевики должны искусственно выставлять препоны тому, чтобы не стать пособниками кадетов».

Как видит читатель, речь т. Акимова очень ясно показала лишний раз, в какую сторону валятся наши товарищи меньшевики.

Второй эпизод показал это с другой стороны. Дело было так. В первоначальном проекте меньшевистской резолюции о Г. думе, вынесенной комиссией, пункт 5-й (об армии) содержал такую фразу:... «Впервые увидя на русской почве новую *самим царем вызванную к жизни, законом признанную*, власть, вышедшую из недр нации» и т. д. Критикуя резолюцию меньшевиков за ее, выражаясь мягко, неосторожное и оптимистическое отношение к Гос. думе, я, между прочим, критиковал и подчеркнутые слова и в шутку сказал: не добавить ли к ним: «и господом богом ниспосланную» (власть?). Тов. Плеханов, член комиссии, страшно обиделся на меня за эту шутку. — Как! восклицал он в своей речи. — Я должен выслушивать такие «заподозревания в оппортунизме» (буквальное его выражение, записанное мной). Да я сам военный и знаю, как военные относятся к власти, какое значение имеет в их глазах признание власти царем, и т. д., и т. д. Обида тов. Плеханова выдала его слабое место и показала еще яснее, что он «пересолил». В своем заключительном слове я ответил, что не в «заподозреваниях» вовсе дело и смешно такие жалкие слова говорить. Плеханова не обвиняет никто в вере в царя. Но резолюция пишется не для Плеханова, а для народа. А в народ пускать такие двусмысленные доводы, приличествующие только гг. Витте и К^о, неприлично. Доводы эти обернутся

против нас, ибо если подчеркивать, что Г. дума есть «власть» (?? одно уже это слово показывает неумеренный оптимизм наших меньшевиков), и власть, вызванная к жизни царем, то отсюда будут выводить, что эта законная власть и должна действовать законно, слушаясь того, кем она «вызвана к жизни».

Меньшевики и сами увидали, что Плеханов пересолил. Подчеркнутые слова по предложению, вышедшему из их среды, были вычеркнуты из резолюции.

VI

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Два главные вопроса, аграрный и о Гос. думе, вместе с прениями об оценке момента, заняли главное внимание съезда. Не помню, сколько дней потратили мы на эти вопросы, но факт тот, что утомление сказывалось уже на многих присутствовавших, — а кроме утомления, пожалуй, и стремление снять некоторые вопросы с очереди. Было принято предложение ускорить работы съезда, и докладчикам по вопросу о вооруженном восстании *сократили* время до 15 минут (докладчикам по предыдущим вопросам не раз продолжали время свыше положенного получаса). Это было начало комкания вопросов.

Докладчик от преобладающего на съезде «меньшинства» по вопросу о вооруженном восстании, т. Череванин, как и следовало ожидать, как и предсказывали неоднократно большевики, «скатился к Плеханову», т. е. встал в сущности на точку зрения «Дневников», с которыми многие меньшевики заявляли свое несогласие до съезда. У меня записаны были в моих отметках такие фразы его, как: «декабрьское восстание было только продуктом отчаяния» или: «поражение декабрьского восстания было обеспечено уже в первые дни». Плехановское: «не нужно было братья за оружие» проходило красной нитью через его изложение, уснащенное, как водится, вылазками по адресу «заговорщиков» и «преувеличения техники».

Наш докладчик, т. Винтер, тщетно пытался в своей краткой речи побудить съезд к оценке точного текста обеих резолюций. Ему пришлось даже отказаться однажды от продолжения доклада. Это было в середине его речи, когда он прочел первый пункт меньшевистской резолю-

ции: «борьба выдвигает непосредственную задачу вырвать власть из рук самодержавного правительства». Оказалось, что наш докладчик, член комиссии по выработке резолюции о вооруженном восстании, *не знал*, что эта комиссия *в последнюю минуту* предложила съезду в гектографированном проекте резолюции *новую* редакцию. Именно: меньшевистская часть комиссии с Плехановым во главе предлагала сказать: *«вырвать права силой»* вместо *«вырвать власть»*.

Эта перемена текста вносимой на съезд резолюции без ведома докладчика, члена комиссии, до такой степени грубо нарушала все обычаи и правила съездовской работы, что наш докладчик, возмущенный, отказался от продолжения доклада. Лишь после долгих «объяснений» меньшевиков он согласился сказать несколько заключительных слов.

Перемена была действительно сногсшибательная. В резолюции о восстании говорится не о борьбе за власть, а о борьбе за права! Подумайте только, какая невероятная путаница внесена бы была в сознание масс этой оппортунистической формулировкой и как нелепо было бы бьющее в глаза несоответствие между величием средства (восстание) и скромностью цели (вырвать права, т. е. от старой власти вырвать права, добиться уступок старой власти, а не свержения ее).

Само собою разумеется, что большевики напали на эту поправку самым энергичным образом. Ряды меньшевиков дрогнули. Они убедились, видимо, что Плеханов еще раз пересолил, и что им плохо пришлось бы на практике с такой умеренной и аккуратной оценкой задачи восстания. Плеханова заставили повернуть. Он взял свою поправку назад, сказав, что не придает важности различию, собственно только «стилистическому». Конечно, это было золочением пилюли. Все понимали, что дело вовсе не в стилистике.

Плехановская поправка ярко вскрыла основную тенденцию меньшевиков по вопросу о восстании: придумать отговорки от восстания, отречься от декабрьского восстания, отсоветовать вторичное восстание, свести задачи его на нет или так определить эти задачи, чтобы для выполнения их не могло быть и речи о восстании. Но прямо и решительно, открыто и ясно сказать это меньшевики

не решились. Их положение было самое фальшивое: говорить в прикрытой форме и полунамеками то, что составляет их задушевную мысль. Представители пролетариата могут и должны открыто критиковать ошибки его, но делать это в прикрытой, двусмысленной, неясной форме совершенно недостойно социал-демократии. И резолюция меньшевиков отразила на себе невольно эту двусмысленную позицию: отговорки от восстания наряду с «народным» якобы признанием его.

Речи о технике и о заговорщичестве были слишком явным отводом глаз, слишком грубым затушевыванием разногласий в *политической* оценке восстания. Чтобы уклониться от этой оценки, чтобы не сказать прямо, было ли декабрьское восстание шагом вперед и подъемом движения на высшую ступень, для этого нужно было отвести речи в сторону, от политики к технике, от конкретной оценки декабря 1905 г. к общим фразам о заговорщичестве. И каким же пятном на социал-демократии останутся эти речи о заговорщичестве по поводу такого *народного* движения, как декабрьская борьба в Москве!

Вы хотите полемизировать, говорили мы товарищам-меньшевикам, вам хочется «кольнуть» большевиков, ваша резолюция о восстании полна вылазок по адресу несогласно мыслящих. Полемизируйте, сколько угодно. Это ваше право и ваша обязанность. Но не сводите великого вопроса об оценке исторических дней к мелкой и мелочной полемике. Не унижайте партии тем, что она по вопросу о декабрьской борьбе рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии не умеет сказать ничего, кроме шпилек и уколов по адресу иной фракции. Поднимитесь немножечко повыше, напишите, если угодно, особую полемическую резолюцию против большевиков, но дайте же пролетариату и всему народу прямой и ясный, не двуличный, ответ на вопрос о восстании.

Вы кричите о преувеличении техники и о заговорщичестве. Но взгляните на оба проекта резолюций. Вы увидите как раз в нашей резолюции не технический, а *исторический и политический* материал. Вы увидите у нас мотивировку, взятую как раз не из голых и недоказуемых общих мест («задача борьбы вырвать власть»), а из *истории движения*, из политического опыта последней четверти 1905 года. Вы валите с больной головы на здоровую,

потому что именно ваша резолюция бедна донельзя историко-политическим материалом. Она говорит о восстании, а ни слова об отношении стачки к восстанию, ни слова о том, как послеоктябрьская борьба привела к необходимости и неизбежности восстания, ни единого прямого и ясного слова о декабре. Именно в нашей резолюции восстание выступает не как заговорщический призыв, не как вопрос техники, а как *политический результат* вполне конкретной исторической действительности, созданной октябрьскою забастовкой, обещанием свобод, попыткой отнять их и борьбой за их защиту.

Фразы о технике и о заговорщичестве — это только прикрытие вашего *отступления* по вопросу о восстании.

На съезде резолюцию меньшевиков по вопросу о восстании так и звали: «резолюцией *против* вооруженного восстания». И едва ли решится оспаривать правильность этого утверждения тот, кто сколько-нибудь внимательно прочтет тексты обеих предлагавшихся съезду резолюций*.

Наши доводы лишь отчасти возымели влияние на меньшевиков. Кто сличит *проект* их резолюции с окончательной принятой ими резолюцией, тот увидит, что целый ряд действительно мелких вылазок и взглядов они удалили. Но общий дух, конечно, остался. Это — исторический факт, что меньшевистский съезд после первого вооруженного восстания в России проявил растерянность, увильнул от прямого ответа, не решился прямо сказать пролетариату, было ли ошибкой или шагом вперед это восстание, необходимо ли второе восстание и как оно связывается исторически с первым.

Уклончивость меньшевиков, желающих снять с очереди вопрос о восстании, тяготеющих к этому, но не решающихся признаться в этом, привела к тому, что вопрос в сущности остался открытым. Оценка декабрьского восстания *еще* должна быть выработана *партией*, и на этот вопрос все организации должны обратить серьезнейшее внимание.

* Чтобы облегчить читателю сознательно-критическое отношение к спорам на съезде, я помещаю в приложениях тексты первоначальных проектов резолюций большинства и меньшинства и тексты принятых съездом резолюций. Только внимательное изучение и сравнение этих текстов даст возможность самостоятельно равобраться в вопросах с.-д. тактики.

Практический вопрос о восстании тоже открыт. От имени съезда признано, что *непосредственная* (это заметьте!) задача движения — *«вырвать власть»*. Ведь это же формулировка, если хотите, ультра-большевистская, ведь именно она сводит дело к фразе, в чем нас обвиняли. Но раз это сказал съезд, мы должны руководиться ею, мы должны *на этом основании* критиковать самым решительным образом те местные и центральные учреждения и организации партии, которые могли бы забыть об этой *непосредственной* задаче. Мы можем и должны, на основании решения съезда, выдвигать эту *непосредственную* задачу *на первый план* в известные политические моменты. Препятствовать этому никто не вправе, это будет вполне и всецело в пределах директив съезда, раз уже мы выкинули слова «вырвать права» и заставили признать *«непосредственную задачу вырвать власть»*.

Советуем не забывать этого партийным организациям, особенно в такие моменты, когда наша пресловутая Дума получает пощечины от самодержавного правительства.

Тов. Воинов, в дебатах о вооруженном восстании, очень метко заметил, в какие тиски попали меньшевики. Сказать «вырвать права» — формулировка до невозможности оппортунистическая. Сказать «вырвать власть» — значит выбить у себя из рук всякое оружие против большевиков. Отныне мы знаем, — острил Воинов, — что такое ортодоксальный марксизм и что такое заговорщическая ересь. «Вырвать власть» — ортодоксально, «завоевать власть» — заговорщичество...

Тот же оратор обрисовал общий тип меньшевика по этому поводу. Большевики — импрессионисты, сказал он, люди настроения, люди минуты. Поднимается волна, идет октябрь — ноябрь 1905 г. — и вот, «Начало» помчалось, оно выступает даже более по-большевистски, чем большевики. Оно уже скачет от демократической диктатуры к диктатуре социалистической. Отошел прибор, понизилось настроение, поднялись кадеты, — меньшевики торопятся приспособиться к пониженному настроению, бегут вприпрыжку за кадетами, пренебрежительно машут рукой на октябрьско-декабрьские формы борьбы.

Крайне интересным подтверждением сказанного явилось на съезде письменное заявление меньшевика Ларина. Оно подано было им в бюро и, следовательно, должно быть

полностью в протоколах. Ларин говорил там, что меньшевики ошибались в октябре — декабре, поступая по-большевистски. Словесные, частные протесты против этого «ценного признания» я слышал на съезде со стороны отдельных меньшевиков, но, были ли эти протесты выражены в речах или в заявлениях, не поручусь.

Поучительно также было выступление Плеханова. Он говорил (если я не ошибаюсь) о захвате власти. Он проговорился при этом самым оригинальным образом. — Я против заговорщического захвата власти, — воскликнул он, — но я всецело за такой захват власти, каким был, например, Конвент в великой французской революции.

Тут Плеханов был пойман нами на слове. — Превосходно, тов. Плеханов, — ответил я ему. — Напишите в резолюции то, что вы сказали! Осудите, как угодно резко, заговорщичество, — мы, большевики, все же-таки будем целиком и единогласно голосовать за такую резолюцию, в которой будет признан и рекомендован пролетариату захват власти по типу Конвента. Осудите заговорщичество, но признайте в резолюции диктатуру, подобную Конвенту, и мы согласимся с вами всецело и безусловно. Мало того. Я ручаюсь вам, что с того момента, как вы подпишете такую резолюцию, *выс перестанут хвалить кадеты!*

Тов. Воинов тоже отметил вопиющее противоречие, в которое впал тов. Плеханов, нечаянно «проговорившись» насчет Конвента. Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое повластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем: «пролетариат и крестьянство». Признавать Конвент и ратовать против захвата власти — значит играть словами. Признавать Конвент и распинаться против «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» — значит побивать самого себя. А большевики всегда и все время говорили о завоевании власти именно массой народа, именно пролетариатом и крестьянством, отнюдь не тем или иным «сознательным меньшинством». Фразы о заговорщичестве и бланкизме — простая невинная декламация, которая и рассыпалась прахом при одном упоминании о Конвенте.

VII

КОНЕЦ СЪЕЗДА

Вопрос о вооруженном восстании был последним вопросом, который обсуждался сколько-нибудь обстоятельно и принципиально на съезде. Остальные вопросы были совсем уже скомканы или разрешены без прений.

Резолюция о партизанских боевых выступлениях прошла, как придаток к резолюции о вооруженном восстании. Я не присутствовал в это время в зале заседания и не слышал от товарищей ни о каких сколько-нибудь интересных дебатах по этому вопросу. Да и вопрос этот, конечно, не принципиальный.

Резолюции о профессиональных союзах и об отношении к крестьянскому движению были приняты единогласно. В комиссиях по подготовке резолюций большевики и меньшевики пришли по этим вопросам к соглашению. Отмечу в резолюции о крестьянском движении совершенно правильную оценку кадетской партии и признание восстания «единственным средством» завоевания свободы. Оба эти положения надо почаще иметь в виду в работе нашей повседневной агитации.

Объединение с национальными с.-д. партиями заняло несколько больше времени. Слияние с поляками прошло единогласно. Слияние с латышами, помнится, тоже, во всяком случае, без больших прений. По вопросу о слиянии с Бундом вышла большая баталия. Слияние прошло, помнится, 54 голосами или около того. За голосовали большевики (почти все), центр и наименее фракционно настроенные меньшевики. Провели единство местных руководящих комитетов РСДРП и выбор делегатов на съезд на общих основаниях. Приняли резолюцию, которая признает необходимость борьбы за централистические принципы организации (мы предлагали иную по редакции, но тождественную по смыслу резолюцию, в которой подчеркивалось практическое значение сделанной нами уступки Бунду и признавалась необходимость неуклонной борьбы за более тесное и более новое сплочение силы пролетариата).

Некоторые меньшевики сильно горячились по поводу объединения с Бундом и обвиняли нас в отступлении от принципов второго съезда. Лучшим ответом на эти обви-

нения является справка с № 2 «Партийных Известий». Большевики напечатали там, *задолго до съезда*, проект резолюции, предлагавший ряд *дальнейших* уступок *всем* национальным с.-д. партиям, вплоть до «пропорционального представительства в местных, областных и центральных учреждениях партии»*. Большевики отвечали в том же № 2 «Партийных Известий» на наши резолюции своими контррезолюциями, причем *ни единым словом* не оговорили своего несогласия с нашим планом сделать дальнейшие уступки Бунду и другим национальным с.-д. партиям.

Мне кажется, что этот факт дает лучший ответ на тот спорный вопрос, большевики ли из фракционности голосовали за Бунд, или меньшевики из фракционности голосовали против Бунда.

Устав партии был принят очень быстро. Я был в комиссии по выработке проекта устава. Большевики хотели было повысить до $\frac{2}{3}$ число членов партии, необходимое для созыва экстренного съезда. Я заявил тогда вместе со своими коллегами-большевиками категорически, что малейшая попытка уменьшить тот минимум автономии и прав оппозиции, который признал в уставе фракционный III съезд, будет означать неминуемый раскол. Дело зависит от вас, товарищи-меньшевики: угодно вам соблюдать лояльность, соблюдать все права меньшинства, все права оппозиции**, — тогда мы подчиняемся, вводим своих единомышленников в ЦК и осуждаем раскол. Не угодно, — тогда раскол неизбежен.

Большевики согласились понизить $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{2}$. Устав прошел единогласно: и § 1, и принцип демократического централизма. Разногласие вызвали лишь два пункта.

Во-первых, мы предложили вставить примечание к § 1 в том смысле, что члены партии, меняющие местожителство, вправе входить в местные организации партии.

Примечание это имело то значение, чтобы сделать невозможной мелкую свару и склоку, вышибание из организации несогласно-мыслящих, отказ меньшевиков

* См. настоящий том, стр. 138—139. *Ред.*

** Напомню, что в своей брошюре: «Государственная дума и социал-демократия» (вместе со статьей Дана) я указывал до съезда на необходимость обеспечить течению, оставшемуся в меньшинстве, *свободу критики решений съезда и свободу агитации за новый съезд* (стр. 8). (См. настоящий том, стр. 92. *Ред.*)

допускать большевиков и обратно. Партия растет. Она становится широкой. Надо покончить с борьбой за места. Все учреждения партии выборные. В низшие же организации партии вход должен быть вполне свободен для всех членов партии. Только тогда идейная борьба не будет грязниться организационной склокой.

Меньшевики, несмотря на наши настояния, отклонили это примечание. Но в доказательство своих лояльных намерений они согласились принять резолюцию: «Съезд отклоняет это примечание только потому, что считает его лишним и *само собою понятным*» (цитирую на память, ибо текста этой резолюции в моих заметках не оказалось). Эту резолюцию очень важно иметь в виду при всяких возможных спорах и организационных трениях.

Второй пункт разногласий касался отношений ЦК и ЦО. Меньшевики провели выбор ЦО на съезде и вхождение ЦО в состав ЦК по вопросам политики (неясный пункт, который вызовет, вероятно, недоразумения). Большевики, ссылаясь на печальный опыт литературных столкновений в русской и германской* партиях, стояли за назначение редакции ЦО Центральным Комитетом и за право его сменять редакцию. Решение меньшевиков, на мой взгляд, несомненно показывает, что в правом крыле нашей партии есть ненормальность и в отношении между литераторами, с одной стороны, и практически-политическими руководителями, с другой.

Как курьез, надо отметить еще, что меньшевики приняли на съезде подтверждение резолюции Амстердамского международного социалистического конгресса об отношении к буржуазным партиям¹¹⁵. В историю наших с.-д. съездов это постановление войдет именно, как курьез. В самом деле, разве не *все* постановления международных социалистических конгрессов обязательны для с.-д. партий *всех* стран? Какой же смысл выделять и подтверждать одно из таких постановлений? Где и когда видано, чтоб национальные с.-д. партии, вместо решения вопроса об отношении к той или иной буржуазной партии *своей* страны, ссылались на общее всем странам отношение ко всем буржуазным партиям вообще? До съезда и больше-

* Недавняя «история» с шестью редакторами «Vorwärts» («Вперед. Ред»), поднявшими скандал за смещение их центральным правлением германской с.-д. партии.

вики и меньшевики подготовили проекты резолюций об отношении к буржуазным партиям в России в лето от рождения Христова 1906-го. Если не осталось времени на съезде для разбора этого вопроса, то его надо было просто отложить. Выбирать же такой «средний» путь: вопроса о русских партиях не рассматривать, а международное решение общего вопроса подтвердить, это значило только показать перед всем миром свою растерянность. Не знаем, дескать, как нам своим умом насчет русских партий решить, так вот уж повторим хоть международное решение! Это была самая неудачная, способная лишь вызвать насмешки, форма оставления вопроса открытым.

А вопрос крайне важный. Проекты соответствующих резолюций большинства и меньшинства читатель найдет в приложении. Предлагаем интересующимся этим вопросом (а какого практика, агитатора или пропагандиста может не интересоваться этот вопрос?) сличать эти проекты от времени до времени с «уроками революции», т. е. с теми политическими фактами из жизни партий, которые в таком изобилии дает теперь русская жизнь. Кто захочет произвести такое сличение, тот увидит, что революция все более и более подтверждает нашу оценку двух главных течений в буржуазной демократии: либерально-монархического (главным образом, кадеты) и революционно-демократического.

Меньшевицкая же резолюция носит на себе явные следы той именно беспомощности и растерянности, которые привели на съезде к курьезному выходу: подтвердить международное решение. Меньшевицкая резолюция состоит только из общих фраз, без попытки решить (или наметить решение) конкретные вопросы русской политической действительности. Надо критиковать все партии, говорит эта растерянная резолюция, надо разоблачать их, надо признать, что нет вполне последовательных демократических партий. А как именно следует «критиковать и разоблачать» различные буржуазные партии России или различные типы этих партий, — этого резолюция не знает. Она говорит, что надо «критиковать», но она не умеет критиковать, ибо марксистская критика буржуазных партий состоит именно в конкретном анализе той или иной классовой основы различных буржуазных партий. Резолюция говорит беспомощно: нет вполне

последовательных демократических партий, — и не умеет определить тех *различий* в последовательности *русских* буржуазно-демократических партий, которые уже проявились и проявляются в ходе нашей революции. За голыми фразами, за общими местами меньшевистской резолюции исчезли даже грани трех основных типов наших буржуазных партий: типа октябристов, типа кадетов, типа революционных демократов. И эти наши с.-д. правого крыла, до смешного беспомощные в учете классовых основ и тенденций разных партий буржуазной России, обвиняют еще левых с.-д. в «истинном социализме», т. е. в игнорировании исторически-конкретной роли буржуазной демократии! Еще раз: вот уже поистине с большой головы да на здоровую.

Я несколько уклонился от предмета моего изложения. Но я предупредил уже в начале своей брошюры, что к докладу о съезде я намерен присоединить некоторые мысли по поводу съезда. И я думаю, что для осмысленной оценки съезда членами партии надо подумать не только над тем, что съезд сделал, но и над тем, чего съезд не сделал, хотя должен был сделать. А необходимость марксистского анализа различных буржуазно-демократических партий России сознается с каждым днем все отчетливее каждым мыслящим социал-демократом.

Выборы прошли на съезде в несколько минут. Все было улажено, в сущности, до общих заседаний съезда. Пятерка в ЦО была составлена меньшевиками сплошь из меньшевиков; в ЦК мы согласились ввести трех при семи меньшевиках. Каково окажется их положение, в качестве своего рода контролеров и охранителей прав оппозиции, это еще покажет будущее.

VIII

ИТОГИ СЪЕЗДА

Бросая общий взгляд на работы съезда и на положение нашей партии, создавшееся в результате работ съезда, мы приходим к следующим главным выводам.

Крупным практическим делом съезда является намеченное (частью уже осуществленное) слияние с национальными с.-д. партиями. Это слияние укрепляет Российскую СДР партию. Оно поможет вытравить последние следы

кружковщины. Оно внесет свежую струю в работу партии. Оно в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России.

Крупным практическим делом является слияние фракций меньшинства и большинства. Раскол прекращен. С.-д. пролетариат и его партия должны быть едины. Организационные разногласия изжиты почти целиком. Остается важная, серьезная и чрезвычайно ответственная задача: воплотить действительно в жизнь принципы демократического централизма в организации партии, — добиться упорной работой того, чтобы основной организационной ячейкой партии стали на деле, а не на словах, низшие организации, чтобы все высшие учреждения были действительно выборны, подотчетны и сменяемы. Надо упорной работой сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих с.-д. и которая жила бы самостоятельной политической жизнью. Автономия всякой партийной организации, признаваемая до сих пор больше на бумаге, должна быть проводима и проведена в жизни. Борьбу за места, боязнь другой «фракции» надо устранять и устранить. Пусть на деле будут у нас единые организации партии с чисто идейной борьбой различных течений с.-д. мысли внутри них. Этого не легко еще добиться, этого мы не добьемся сразу. Но путь намечен, принципы провозглашены, и мы должны добиваться полного и последовательного осуществления этого организационного идеала.

Крупным идейным делом съезда мы считаем более ясную и определенную размежку правого и левого крыла социал-демократии. То и другое крыло есть во всех с.-д. партиях Европы, — они намечались давно уже и у нас. Более отчетливая размежка их, более ясное определение того, из-за чего идут споры, необходимо в интересах здорового развития партии, в интересах политического воспитания пролетариата, в интересах отсекания от с.-д. партии всяких чрезмерных уклонений от правильного пути.

Объединительный съезд дал массу делового, документального материала для определения — точного и бесспорного определения того, в чем мы согласны и в чем мы расходимся, насколько именно расходимся. Надо изучать этот документальный материал, надо знать факты, точно

показывающие содержание и размеры разногласий, надо отучаться от старой кружковщинской привычки — преподносить выкрикивания, страшные слова, грозные обвинения вместо делового разбора таких-то и таких-то, проявившихся по такому-то и такому-то вопросу разногласий. И мы считаем необходимым привести в приложении к этой брошюре возможно более полный *документальный* материал, относящийся к Объединительному съезду для того, чтобы члены партии могли действительно самостоятельно *изучать* разногласия, а не повторять на веру перенятые шаблонные словечки. Он сух, конечно, этот документальный материал. Не у всякого хватит внимания и терпения читать проекты резолюций, — сличать их с принятыми резолюциями, обдумывать значение различных формулировок каждого пункта, каждой фразы. Но без такой серьезной работы сознательное отношение к решениям съезда невозможно.

И вот, сводя вместе сказанное мной выше о спорах на съезде, сводя вместе различные тенденции нерассмотренных (или отложенных) съездом проектов резолюций, я прихожу к выводу, что съезд много помог более отчетливой размежке правого и левого крыла социал-демократии.

Наше правое крыло не верит в полную победу настоящей, т. е. буржуазно-демократической, революции в России, боится этой победы, не выставляет перед народом решительно и определенно лозунга этой победы. Оно всегда сбивается на ту в корне ошибочную и опошляющую марксизм мысль, будто буржуазную революцию может «делать» самостоятельно только буржуазия или что буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, не ясна правому крылу с.-д.

Оно выставляет, напр., — по крайней мере в речах некоторых из своих съездовских ораторов — лозунг *крестьянской революции*, но не проводит этого лозунга последовательно. Оно не формулирует в программе ясного революционного пути для пропаганды и агитации в народе (*захват* земли революционными крестьянскими комитетами *впредь до* всенародного учредительного собрания). Оно боится выразить в программе крестьянской революции идею захвата власти революционным крестьянством.

Оно, вопреки своему обещанию, не доводит как раз до «логического» конца буржуазно-демократического переворота в земледелии, ибо таковым «логическим» (*и экономическим*) концом при капитализме является только национализация земли, как уничтожение абсолютной ренты. Оно сочиняет какую-то невероятно искусственную среднюю линию, с размененной на местные округа национализацией земли, с демократическими земствами при недемократической центральной власти. Оно пугает пролетариат призраком реставрации, не замечая того, что оно хватается за политическое оружие буржуазии против пролетариата, что оно льет воду на мельницу монархической буржуазии.

И во всей своей тактической линии наши с.-д. правого крыла переоценивают значение и роль шаткой, колеблющейся монархической либеральной буржуазии (кадеты и т. п.) и недооценивают значения революционной буржуазной демократии («Крестьянский союз», «Трудовая группа» в Думе, эсеры, многочисленные полуполитические, полупрофессиональные организации и т. д.). Эта переоценка кадетов и недооценка революционных демократических «низов» теснейшим образом связана с указанным выше неправильным взглядом на буржуазную революцию. наших с.-д. правого крыла ослепляет мишурный успех кадетов, их громкие «парламентские» победы, их эффектные «конституционные» выступления. Обольщаясь политикой минуты, они забывают более коренные и более существенные интересы демократии, забывают те силы, которые менее «шумят» на поверхности дозволенного Треповыми и Дубасовыми «конституционализма», но делают более глубокую, хотя и менее видную, работу в революционно-демократических низах, подготавливая конфликты не совсем парламентского свойства.

Отсюда и скептическое (выражаясь мягко) отношение наших с.-д. правого крыла к восстанию, отсюда стремление отмахнуться от опыта октября и декабря, от выработанных тогда форм борьбы. Отсюда — их нерешительность и пассивность в борьбе с конституционными иллюзиями, — борьбе, которую выдвигает на первый план всякий действительно революционный момент. Отсюда — их непонимание исторической роли бойкота Думы, стремление отделаться посредством хлесткого словечка «анархизм»

от учета конкретных условий движения в определенный момент*, отсюда — непомерная поспешность войти в мнимо-конституционное учреждение, отсюда — переоценка положительной роли этого учреждения.

С этими тенденциями правого крыла наших с.-д. мы должны вести самую решительную, открытую и беспощадную идейную борьбу. Надо добиваться самого широкого обсуждения решений съезда, надо требовать от всех членов партии вполне сознательного и критического отношения к этим решениям. Надо добиваться, чтобы все рабочие организации с полным знанием дела высказали свое одобрение или неодобрение тем или иным решениям. В печати, на собраниях, в кружках и группах должно вестись это обсуждение, если мы только действительно серьезно решили провести демократический централизм в нашей партии, если мы решили вовлекать рабочие массы в сознательное решение партийных вопросов.

Но в единой партии эта идейная борьба не должна раскалывать организаций, не должна нарушать единства действий пролетариата. Это новый еще в практике нашей партии принцип, и над правильным проведением его в жизнь придется немало поработать.

Свобода обсуждения, единство действия, — вот чего мы должны добиться. И решения Объединительного съезда оставляют достаточно простора всем с.-д. в этом отноше-

* Я только что получил новую брошюру Карла Каутского «Государственная дума». Как небо от земли отличается его постановка вопроса о бойкоте от постановки меньшевиков. Наши горе-социал-демократы, вроде Негорева из «Невской Газеты», ляпают прямо: бойкот есть анархизм! А Каутский разбирает конкретные условия и пишет: «При таких условиях нет ничего удивительного, что большинство наших русских товарищей усмотрело в созываемой таким путем Думе не что иное, как возмутительнейшую подделку народного представительства, и решило бойкотировать ее...». «Нет ничего удивительного, если большинство наших русских товарищей, вместо вступления в избирательную кампанию, чтобы затем податься в Думу, сочло более целесообразным бороться с целью сорвать эту Думу и добиться учредительного собрания».

Как бы мы хотели, чтобы в параллель к этой исторически-конкретной оценке Каутского вышли в свет поскорее общие фразы Ансельрода о пользе парламентаризма и вреде анархизма!

Кстати. Вот как говорит Каутский о победе революции в той же своей брошюре: «Крестьяне и пролетариат будут все энергичнее и бесцеремоннее толкать влево членов Думы...» («голое разоблачение надетов», по пренебрежительному выражению «Невской Газеты»)... «будут все больше ослаблять и парализовать своих противников, пока они совсем их не победят». И так, крестьяне и пролетариат победят их, т. е. и правительство, и либеральную буржуазию. Бедный Каутский! Он не понимает, что буржуазную революцию может делать только буржуазия. Он впадает в «бланкистскую» ересь: победы («диктатура») пролетариата и крестьянства.

нии. До практических действий в духе «муниципализации» еще не очень близко, а в поддержках революционных выступлений крестьянства, в критике мелкобуржуазных утопий все с.-д. согласны между собой. Мы должны, следовательно, обсуждать муниципализацию и осуждать ее, не боясь нарушить единства действий пролетариата.

Относительно Думы дело стоит несколько иначе. При выборах *обязательно* полное единство действий. Съезд решил, — будем выбирать *все*, где предстоит выборы. Во время выборов никакой критики участия в выборах. *Действие* пролетариата должно быть едино. Фракцию с.-д. в Думе, когда будет эта фракция, мы все и всегда будем признавать *нашей* партийной фракцией.

Но за пределами единства действий — самое широкое и свободное обсуждение и осуждение тех шагов, решений, тенденций, которые мы считаем вредными. Только в таких обсуждениях, резолюциях, протестах может выработаться действительное общественное мнение нашей партии. Только при таком условии это будет настоящая партия, умеющая *всегда* заявлять свое мнение и находящая правильные пути для превращения определившегося *мнения* в *решения* нового съезда.

Возьмите третью, вызвавшую разногласия, резолюцию — о восстании. Здесь единство действий в момент борьбы безусловно необходимо. *Никакая* критика во время такой горячей борьбы недопустима внутри напрягающей все свои силы армии пролетариата. Пока нет еще призыва к действию, — самое широкое и свободное обсуждение и оценка резолюции, ее мотивов и ее отдельных положений.

Итак, поприще очень широко. Резолюции съезда дают много простора. Любое увлечение квази-конституционализмом, — любое преувеличение кем бы то ни было «положительной» роли Думы, — любые призывы крайних правых социал-демократии к умеренности и аккуратности, — у нас в руках есть сильнейшее оружие против них. Это оружие — первый пункт съездовской резолюции о восстании.

Объединительный съезд Российской социал-демократической рабочей партии признал *непосредственной* задачей движения — *вырвать власть* из рук самодержавного правительства. Всякий, кто забудет об этой непосредственной задаче, кто отодвинет ее на задний план, — *нарушит*

волю съезда, и мы будем бороться с такими нарушителями самым резким образом.

Повторяю: простора много. От парламентской фракции до — непосредственной задачи вырвать *власть*. Идеиная борьба в этих широких рамках может и должна идти без раскола, при сохранении единства действий пролетариата.

К такой идейной борьбе и зовем мы всех социал-демократов, не желающих допускать, чтобы наша партия чрезмерно уклонялась вправо.

Приложение

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ РАБОТ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА РСДРП

Для того, чтобы читатели могли впредь до выхода протоколов съезда разобраться по документам в тех вопросах, которые составляли предмет обсуждения на съезде, мы приводим здесь проекты резолюций, вносившихся на съезде меньшевиками и большевиками, а также тексты принятых съездом резолюций. Как было уже указано в тексте брошюры, только изучение этого материала даст возможность всякому составить себе ясное и точное представление об истинном значении идейной борьбы на съезде. Важнейшие из не рассмотренных съездом и не вносившихся на съезд резолюций из номера второго «Партийных Известий», мы тоже приводим здесь, ибо их все члены съезда имели в виду в дебатах, иногда ссылались на них, и полное уяснение разногласий без знакомства с ними невозможно.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

«Новое Время» разоблачает. Газета, служащая правительству, которое фактически остается самодержавным, выступила с рядом грозных обвинений против нашей газеты, предупреждая кадетов насчет опасности для буржуазии классовой борьбы пролетариата. Среди обычных доносов по начальству в рассуждениях «Нового Времени» есть пункты, которые имеют самый живой и общенародный интерес.

«Как не стыдно кадетам, — говорит «Новое Время», — выставлять социал-революционеров (речь шла о «Волне») «передовыми борцами за политическую свободу»? Ничего подобного. Не за свободу они борются, а за власть, и вместо старого самодержавия выдвигают свое самодержавие — пролетариата».

«Новое Время» верой и правдой служит самодержавному правительству. Слуга хлопочет, в интересах хозяина, о том, чтобы напугать буржуазию призраком социалистической революции. Это — первая задача. Вторая — представить происходящую революцию социалистической, смешать «самодержавие народа» с «самодержавием пролетариата».

Проделки и подделки слуг самодержавия, стремящихся выполнить обе указанные задачи, не случайность. Всегда и везде слуги старой, самодержавной власти стремились и стремятся к такой «подделке», стремятся не в газетных только статьях, а во всей своей политике.

Поэтому разбор нововременского обмана приобретает очень серьезное значение. Остановимся прежде всего на этом «ужасном» открытии: «они» борются не за свободу,

а за власть. Посмотрим, что это значит. Свобода народа обеспечена лишь тогда, когда народ действительно устраивает без всякой помехи союзы, собрания, ведет газеты, издает сам законы, выбирает и сменяет сам всех должностных лиц государства, которым поручается проведение законов в жизнь и управление на основании законов. Следовательно, свобода народа обеспечена лишь тогда полностью и на самом деле, когда вся власть в государстве полностью и на самом деле принадлежит народу. Это совершенно очевидно, и только умышленное желание внести путаницу в сознание народа руководит такими слугами правительства, как «Новое Время». Эту очевидную истину и устанавливает программа рабочей партии. В этой программе во главе *политических* требований, осуществимых на почве буржуазного общества, т. е. при сохранении частной собственности на средства производства и хозяйства на рынок, — стоит *самодержавие народа*. Тот, кто борется за свободу народа, не борясь за полновластие народа в государстве, тот либо непоследователен, либо неискренен.

Так обстоит дело с борьбой за свободу и борьбой за власть, если говорить только о логике наших рассуждений. В истории борьбы за свободу дело всегда обстоит так, что народ, добиваясь свободы, получает — в начале своей борьбы — *обещания* старой власти обеспечить свободу. Старая, не зависящая от народа, над народом стоящая государственная власть *обещает народу*, под влиянием страха пред революцией, обеспечить свободу. Обещания остаются невыполненными, они невыполнимы во всей их цельности, пока остается власть, не сменяемая народом. В истории всех революций наступал поэтому, на известной ступени их развития, такой момент, когда очевидная логика вышеприведенного нами рассуждения проникала в сознание широких народных масс, под влиянием уроков жизни.

Такой момент наступает и в России. Борьба в октябре 1905 г. была, по ее историческому значению, борьбой за обещание старой власти обеспечить свободу. Кроме обещаний, народу не удалось и до сих пор добиться ничего большего. Но многочисленные неудачные попытки борьбы за это большее не пропали даром. Они готовили народ к более серьезной борьбе. Противоречие между обещанием

свободы и отсутствием свободы, между всевластием старой власти, которая «все вершит», и безвластием «народных представителей» в Думе, которые только говорят, это противоречие именно теперь, именно на опыте Думы, проникает в народные массы все сильнее, все глубже, все острее. Борьба за полную власть народа для обеспечения на деле полной свободы народа, эта борьба надвигается с поразительной быстротой, надвигается не в силу только субъективной логики наших рассуждений, а в силу объективной логики политических событий. Вот почему достаточно оказалось нескольких дней заседаний Думы, чтобы повеяло свежим воздухом. Дума служит прекрасным оружием разоблачения, и она разоблачает особенно хорошо обманчивые мысли о силе *такой* Думы, о значении обещаний, о пользе дарованных конституций или договоров между старой властью и новой свободой. И вот почему так скоро начинают обнаруживаться признаки нового и реального шага вперед, делаемого освободительным движением. Кадетские победы на выборах вскружили было головы всем. Кадетское поведение в Думе начинает уже ронять ореол кадетов. Соглашатели старой власти с новой свободой теряют и неизбежно будут терять в глазах народа свой блеск по мере того, как надвигается борьба за полную власть народа для обеспечения действительной свободы народа.

«Волна» № 9, 5 мая 1906 г.
Подпись: Н. Л — н

Печатается по тексту
газеты «Волна»

НОВЫЙ ПОДЪЕМ

Начало заседаний Думы — начало черносотенных погромов. Начало «мирного парламентского» пути, приводящего в восторг и умиление кадетов и всех мещан в политике, — начало самых грубых, самых прямых и непосредственных проявлений гражданской войны. Начало «правового» способа решения государственных вопросов, решения посредством избирательных записок и счета голосов, — начало вспышек самого примитивного насилия, решающего государственные вопросы истреблением несогласно мыслящих, уничтожением (и притом буквально: огнем и мечом) политических противников*.

Не случайность ли это совпадение? Конечно, нет. И недостаточно было бы такое объяснение, что полиция организует погромы в целях провокации, в целях скомпрометирования Думы. Разумеется, относительно прямого участия полиции не может быть и тени сомнения. Разумеется, полиция организует и подстрекает и провоцирует. Все это так. В войне, которая ведется бюрократией поистине не на живот, а на смерть, в этой войне слуги бюрократии и сторонники ее не останавливаются буквально ни перед какими средствами. Но почему пришлось им именно теперь применять в широких размерах именно такие приемы борьбы? Над этим вопросом стоит задуматься, чтобы не рассматривать целые периоды революционного развития, как результаты особо злой воли, особой кровожадности и особого озверения воюющих.

* Сожжение Вологодского народного дома толпой, которую подстрекала полиция, избиение симбирских демонстрантов — таковы наиболее выдавшиеся случаи погромов последних дней.

Мы переживаем начало нового общественного подъема. И движение безработных, и первое мая, и усиление брожения в крестьянстве, в войсках, и митинги, и печать, и союзы, — все свидетельствует о новом подъеме самым недвусмысленным образом. Подъем широкого народного движения уже обогнал, в какие-нибудь несколько дней, тот подъем, который выразился в победе кадетов и «левых» вообще на выборах. Кадеты уже отстали. Кадетская Дума уже блекнет, отцветает, не успевши расцвести. Прехарактерным выражением этого отцветания наших мелкобуржуазных пустоцветов, этой растерянности кадетов явилась, между прочим, статья г. Д. Протопопова (к.-д., член Гос. думы) во вчерашней «Думе». Г. Протопопов жалуется и плачет: «Страна ждет от Государственной думы коренного и немедленного разрешения ряда самых сложных вопросов и, главное, столь же немедленного практического осуществления ожидаемых реформ». Помилосердствуйте, сограждане, — вызывает кадет. — Ведь у нас нет ни «жезла чародея», ни «полноты власти» (кадет забывает добавить, что полноты власти для народа нет и в программе, т. е. в политическом идеале, к.-д.). Ведь Гос. дума не Конвент. И с уст кадета срывается бесподобное, почти трогательное признание перепуганного мещанина: «Лишь такая Дума-Конвент могла бы удовлетворить требования значительной части нашего общества». Что верно, то верно. «Значительная часть», пожалуй даже масса крестьян и рабочих, требует Конвента, а получает... Думу кадетов. Бедные, бедные кадеты! Могли ли они ждать, что подъем так быстро и так беанадежно обгонит их?

И вот этот великий подъем служит материальной основой того явления, что борьба необыкновенно обостряется, что «мирный парламентаризм» блекнет и отходит на задний план, что игра в конституцию сменяется непосредственным решением государственных вопросов силой. Получается возобновление октябрьского подъема только на гораздо более широком основании, в более широких рамерах, при большей сознательности масс крестьянства и рабочего класса, при наличности у них (благодаря пережитому периоду октября — декабря) несравненно большего политического опыта. В октябре силы борющихся сторон сравнялись. Старое самодержавие оказалось *уже не* в силах править страной. Народ *еще не* в силах добиться полноты

власти, обеспечивающей полноту свободы. Манифест 17-го октября был юридическим выражением этого уравнивания сил. Но это уравнивание сил, поведя к уступке со стороны старой власти, заставив ее признать на бумаге свободу, означало лишь кратковременную приостановку, отнюдь не прекращение борьбы. О нашем правительстве говорили в октябре и ноябре, что оно «забастовало», сделало «стойку» над революцией, замерло совершенно и, выждав момент, бросилось в отчаянный бой, кончившийся его победой. Политические мещане, ограниченные, как и всегда, с той робостью и тем дряблым, фарисейским «идеализмом», которые им свойственны, негодовали, плакались, возмущались по поводу «безнравственности» этой «забастовки» правительства, этой стойки над революцией. Негодование тут ни к чему. «Коль война, так по-военному». На всякой войне противники, силы которых уравниваются, останавливаются на некоторое время, копят силы, отдыхают, переваривают пережитый опыт, готовятся и — бросаются в новый бой. Так бывало с армиями Куропаткина и Ойямы. Так бывало и будет всегда во всякой великой гражданской войне. «Коль война, так по-военному».

Но гражданская война отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся — в силу переходов из одного лагеря в другой (то октябристы уйдут на сторону правительства, то часть войска уйдет на сторону народа), в силу невозможности провести грань между «комбатантами» и «не-комбатантами», т. е. между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися. Когда правительство «бастует», когда полиция замирает в «стойке», — война все же не прекращается, именно потому, что она есть гражданская война, что внутри самого населения есть заинтересованные защитники старой власти и защитники свободы. Вот почему и теперешний подъем, который уравнивал силы, приводит опять-таки с железной необходимостью, с одной стороны, к ослаблению правительства, к «забастовке» его, к некоторому повторению «стойки над революцией», — а с другой стороны, к возобновлению октябрьских, ноябрьских и декабрьских форм борьбы. Всякий, кто хочет сознательно относиться к великим событиям, разворачивающимся перед нами, кто хочет

учиться у революции, должен дать себе полный отчет в неизбежности этих форм борьбы, должен продумать те задачи, которые возлагаются на нас этими формами борьбы.

Кадеты, упоенные своими избирательными победами, исписали горы бумаги о вступлении России на путь парламентаризма. Социал-демократы правого крыла нашей партии поддались общему увлечению. На Объединительном съезде партии они, будучи победителями, сняли сами, несмотря на протесты левых с.-д., резолюцию о подъеме революции, о главных формах движения в данный момент, о задачах пролетариата. Они уподобились в этом отношении г. Милюкову, который на последнем съезде к.-д. поставил было вопрос, не революционнее ли народ, чем Дума, не является ли революционная в узком смысле борьба неизбежной, но тотчас же боязливо снял этот вопрос с обсуждения. Кадету естественно было уклониться от такого вопроса. Социал-демократам неприлично такое уклонение. И жизнь уже мстит за него. Жизнь уже выдвигает с стихийной силой такие формы борьбы, которые отодвигают на второе место Думу и придвигают новый октябрь, новый декабрь совершенно независимо от того, желаем ли мы этого или нет.

Один с.-д. правого крыла издевался на съезде над резолюцией левых с.-д., признающей открыто и прямо *главной* формой движения не игрушечно-конституционную, а октябрьско-декабрьскую, т. е. выступление широких масс, непосредственно отстраняющих и старые законы, и старые органы власти, употребляющих новую, в самой борьбе создавшуюся власть, как орудие завоевания свободы. Мы не видим сейчас этих форм борьбы, восклицал оратор из правых с.-д. Это не действительность, а выдумка наших левых, этих фантазеров, этих бунтарей, этих анархистов. — Снимите ваши кадетские очки! — ответили мы на съезде товарищу, — вы увидите тогда не только то, что происходит на поверхности. Вы увидите, что именно не думская борьба является *главной*, вы поймете, что объективные условия делают неизбежными *внедумские* формы движения, делают именно их главными, существенными, коренными, решающими.

Прошла неделя — другая после этих споров на съезде. И революция уже сбивает кадетские очки не только

с правых с.-д., но и с широких масс населения. Дума уже блекнет, конституционные иллюзии уже рушатся. Октябрьско-декабрьские формы борьбы, которых вчера еще не хотели видеть близорукие и слишком податливые на веяние минуты люди, уже надвигаются. И социал-демократия не исполнит своего долга перед пролетариатом, если не сумеет оценить неизбежности роста и развития этих форм борьбы, если не поставит во весь рост перед массами задач, которые жизнь ставит и скоро поставит перед ними. Социал-демократия окажется недостойной того класса, который она представляет, если станет отделяться от изучения и оценки этих форм пренебрежительными словечками о бунтарстве и народовольстве, так часто раздающимися из правого крыла нашей партии. Стихийная волна поднимается, — надо немедленно направить все силы, чтобы внести в этот подъем больше сознательности, больше организованности, чем удалось нам сделать в октябре и декабре.

Мы не должны форсировать событий. Ускорять варыв сейчас не в наших интересах. Это не подлежит сомнению. Этот урок мы должны извлечь из опыта конца 1905 года. Но это только небольшая часть задачи, это — чисто отрицательное определение нашей тактики. Кто ограничивается этой стороной дела, кто возводит эту отрицательную задачу в нечто положительное, тот неудержимо скатывается до роли буржуазных соглашателей народной свободы с самодержавием.

Перед партией рабочего класса встает серьезнейшая, неотложная и основная задача. Все наши помыслы, все усилия, всю нашу пропагандистскую, агитационную, организационную и непосредственно практическую работу мы должны направить на то, чтобы пролетариат и крестьянство оказались более подготовленными к новой решительной борьбе. Не от нашей воли зависит выбор форм этой борьбы, — историческое развитие русской революции определяет их с железной необходимостью. Мы знаем уже, знаем по опыту, что значит правительственная «стойка», что значит растущее вообуждение масс в связи с быстро зреющим общеполитическим кризисом. Мы знаем, с какой головокружительной быстротой выросла октябрьская борьба и как неизбежно перешла она в декабрьскую. Пусть же будут все на своем посту. Никто не может

Предсказать момента развязки, никто не знает, в каком порядке и сочетании развернутся окончательно декабрьские и октябрьские формы движения. Но они уже развертываются. Органы их уже возникают. От сплоченности, сознательности, выдержанности и решительности передового класса зависит многое, если не все, в исходе великой революции.

*«Волна» № 10, 6 мая 1906 г.
Подпись: Н. Л — н*

*Печатается по тексту
газеты «Волна»*

К ИТОГАМ СЪЕЗДА

«Есть признаки, — пишет сегодня «Речь» — указывающие на то, что блестящий успех оппозиции оживил старые иллюзии, казавшиеся похороненными, и грозит вернуть революционное движение на тот путь бланкизма, с которого благоразумное «меньшинство» русской социал-демократии так усердно старалось свести его после неудачи декабрьского «вооруженного восстания».

Ценное признание, над которым стоит подумать русским рабочим. За что оскорбляет буржуазия некоторых социал-демократов, похлопывая их по плечу, как благоразумных? За то, что они усердно старались свести движение с пути бланкизма, с пути «декабрьского». Правда ли, что декабрьская борьба была бланкизмом? Нет, неправда. Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства. Был ли такой заговор или что-либо похожее на него в декабре? Ничего похожего на заговор не было. Это было классовое движение огромных масс пролетариата, пустившего в ход чисто-пролетарское орудие борьбы, стачку, и присоединившего к себе невиданные на русской политической арене массы полупролетариев (железнодорожники, почтовые служащие и т. д.), крестьян (юг, Кавказ, Прибалтийский край) и мелких буржуа городов (Москва). Посредством жупела «бланкизм» буржуазия хочет принизить, опорочить, оклеветать борьбу народа за власть. Буржуазии выгодно, чтобы пролетарии и крестьяне боролись только за уступки старой власти.

Социал-демократы правого крыла пускают в ход «бланкизм» просто для красного словца в полемике. Буржуазия превращает это словечко в оружие против пролетариата: «Будьте благоразумны, рабочие! Боритесь за расширение прав кадетской Думы, доставайте каштаны из огня для буржуазии, но не смейте думать о таком безумстве, анархизме, бланкизме, как борьба за полную власть народа!»

Правду ли говорят либеральные буржуа, будто правые социал-демократы усердно старались свести движение с пути и приемов октября и декабря? К сожалению, это правда. Не все с.-д. правого крыла сознавали такое значение своей тактики, но действительное значение ее было именно таково. Настаивать на участии в выборах в Думу по существу означало поддержку кадетов, хоронивших революцию и называвших революционную борьбу «старой иллюзией». Все три, принципиально важнейшие, резолюции Объединительного съезда, которые приняты правым крылом социал-демократии, несмотря на ожесточенную борьбу левых с.-д., — аграрная программа, резолюция о Государственной думе и резолюция о вооруженном восстании — носят на себе явные следы стремления «благоразумной части социал-демократии» свести революционное движение с пути октября-декабря. Возьмите пресловутую «муниципализацию». Правда, под нашим давлением, первоначальный масловский проект муниципализации двинут несомненно влево. Вместо «отчуждение» поставлено «конфискация», допущен раздел земель, вставлена поддержка «революционных выступлений крестьянства вплоть до конфискации» и т. д. Но все же осталась, хотя и кастрированная, муниципализация. Муниципализация есть передача помещичьих земель демократическим земствам. Революционные крестьяне не пойдут на это. Они справедливо не доверяют и будут не доверять земствам, хотя бы демократическим, пока этот демократизм на местах совмещается с недемократической центральной властью. Они справедливо отвергнут передачу земель и местным и центральным органам власти, пока вся, безусловно вся, власть не явится выборной народом, подотчетной и сменяемой. А это условие, несмотря на борьбу левых с.-д., отклонено съездом. Вместо передачи земли народу, когда он выбирает все государственные власти, съезд принял

передачу земель местным выборным органам власти! И каковы были мотивы съезда? Не нужно, видите ли, идеи захвата власти в программе; нужны гарантии от реставрации. Но боязнь захвата власти революционным крестьянством есть чисто кадетская боязнь крестьянской революции.

А гарантия от реставрации в настоящем смысле слова может быть лишь одна: социалистический переворот на Западе. Помимо этого условия ничто на свете не может гарантировать нас от реставрации недемократической центральной власти, пока есть капитализм и мелкий товаропроизводитель, всегда шаткий, всегда неустойчивый. Вместо праздных мечтаний об относительных гарантиях от реставрации мы должны, следовательно, думать о доведении нашей революции до конца. На съезде же правое крыло социал-демократов нашло гарантии от реставрации в том, что приняло программу, похожую на сделку с реставрацией: мы гарантируем себя от реставрации недемократической центральной власти, если умолчим в аграрной программе о необходимости полного демократизма *этой* власти...

Возьмите резолюцию о Государственной думе. Съезд принял ее, когда избирательные победы кадетов были уже фактом. И съезд, несмотря на наши протесты, говорит о Думе народных представителей вообще, а не о реальной кадетской Думе. Правое крыло с.-д. не захотело указать двуличной природы *этой* Думы, — оно не предупредило рабочих о той контрреволюционной роли, которую стремится играть *кадетская* Дума, — оно не согласилось сказать прямо и определенно: социалистические рабочие должны идти с крестьянской и революционной демократией против кадетов. Оно выразило пожелание иметь с.-д. парламентскую фракцию, не подумав хорошенько, есть ли у нас парламент, есть ли у нас с.-д. парламентарии.

Возьмите третью из названных выше резолюций. Она начинается ультра-революционной фразой и тем не менее она проникнута вся духом скептического, если не отрицательного, отношения к октябрьско-декабрьской борьбе. В ней нет ни слова об учете *исторического* опыта, приобретенного русским пролетариатом и русским народом в конце 1905 года. В ней нет признания того, как с исторической неизбежностью выросли в прошлом и вырастают

снова теперь вполне определенные формы борьбы. Мы наметили только в самых кратких и общих чертах те основные недостатки резолюций, из-за которых шла борьба на съезде. Мы еще не раз вернемся к затронутым здесь вопросам. Партия пролетариата должна тщательно обсудить и пересмотреть их, опираясь на те новые данные, которые приносит нам кадетская Дума и быстро развертывающаяся картина нового подъема. Партия пролетариата должна выработать в себе умение строго критически относиться к резолюциям ее представителей. И дружный хор буржуазной печати, восхваляющей благоразумных пай-мальчиков русской социал-демократии, ясно указывает пролетариату на существование известной болезни в партии.

Мы должны излечить и мы излечим эту болезнь.

Написано 6 (19) мая 1906 г.

Напечатано 7 мая 1906 г. в газете

«Волна» № 11

Подпись: Н. Д.—н

*Печатается по тексту
газеты*

ДУМА И НАРОД

Вопрос об отношении Думы к народу стоит на очереди дня. Его обсуждают все, и особенно усердно обсуждают господствующие в Думе кадеты. Вот один из интереснейших отзывов левокадетской «Нашей Жизни», которая выражает нередко точку зрения лучших из к.-д.

«Естественно является вопрос, где границы единения Думы с народом? Где те пределы, за которыми Дума или станет игрушкой народных страстей или же, напротив, она оторвется от населения и партий? Опасными отношения к Думе со стороны населения будут в том случае, если они будут стихийными. Произойдет какое-либо крупное событие, — и взрыв стихийного недовольства тотчас же отразится на Думе, которой нелегко будет устоять в положении самостоятельного и организованно действующего органа народной воли. История, хотя бы той же французской революции, не раз давала примеры, когда народные представители являлись игрушкой толпы. Но может быть и наоборот — полное равнодушие. Можем ли мы с уверенностью сказать, что в случае разгона Думы, она действительно будет поддержана народом, не отойдут ли, скептически улыбаясь, в сторону и те, кто требуют сейчас же от Думы особенно радикальных решений, не скажут ли они: вот мы предсказали, что Дума бессильна. Но что и когда они сделают?»

И автор зовет к организации всяких клубов и собраний для установления живой связи между Думой и населением. «Благожелательная критика Думы и активная поддержка ее — вот благородная задача настоящего момента».

Как рельефно отражается в этих благожелательных речах благородно-мыслящего кадета бессилие его партии и той Думы, в которой парит эта партия! Клубы, собрания, живая связь с народом... К чему говорить с такой важностью о вещах, само собою понятных? Неужели стоит доказывать пользу клубов и собраний? Первое же

дуновение свободного ветерка в связи с подъемом, который мы переживаем, повело к митингам, к созданию клубов, к развитию печати. Это дело пойдет, пока внешние препятствия не поставят точки. Но ведь все это касается лишь вопроса, так сказать, технического: клубы, собрания, газеты, печать, петиции (выдвигаются особенно нашими с.-д. правого крыла) — все это помогает Думе знать мнение народа, народу знать Думу. Все это тысячу раз необходимо, конечно. Все это организует и осведомляет, несомненно. Все это создает «связь», — но подумайте только, о какой связи идет речь? О чисто технической связи. С.-д. рабочие организации должны тщательно следить за кадетской Думой. Это неоспоримо. Но при самом лучшем осведомлении и при самой лучшей организованности, их «связь» не будет связью интересов, совпадением задач, тождеством политического поведения. А в этом суть дела. Наш благородный радикал за вопросом о *средствах* связывания просмотрел *содержание* того, что связывает, просмотрел различие классовых интересов, расхождение политических задач.

Почему он просмотрел это? Потому что он, будучи кадетом, не способен заметить или боится признать, что кадетская Дума стоит *позади* широкой массы народа. Дума не ведет за собой массу сознательного крестьянства в борьбе за землю и за свободу, — Дума отстает от крестьянства, *урезывая* размах его борьбы. О том, насколько Дума отстает от пролетариата, нечего и говорить. Кадетская Дума — не вождь крестьянской массы и рабочего класса, а «благородный» посредник, мечтающий о союзе направо и о симпатии слева. Кадетская Дума есть то, что сделали из Думы кадеты. А партия «народной свободы» есть буржуазная партия, колеблющаяся между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционной крупной, между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности. Чем острее становится борьба между народом и старой властью, тем невыносимее положение посредника, тем бессильнее те, кто колеблется. Отсюда — тот унылый тон, которым отмечена приведенная цитата и все речи кадетов. Отсюда их горькие жалобы на свое собственное бессилие. Отсюда их вечные попытки свалить на народ свою слабость, нерешительность, неустойчивость.

Вдумайтесь хорошенько, какое значение имеет эта боязнь «благородного» буржуазного радикала: как бы Дума не стала игрушкой народных страстей, игрушкой толпы! Эти жалкие люди чувствуют, что они не могут быть органом народной страсти, вождем народа, — и вот свое бессилие, свою отсталость валят они на народ, презрительно называя его толпой, высокомерно отказываясь от роли «игрушки». А между тем вся та свобода, которая еще есть в России, завоевана только «толпой», только тем народом, который самоотверженно шел на улицу, который приносил неисчислимые жертвы в борьбе, который делами своими поддержал великий лозунг: смерть или свобода. Все эти выступления народа были выступлением толпы. Вся новая эра в России завоевана и держится только народной страстью.

А вы, партия слов о «народной свободе», вы боитесь народной страсти, вы боитесь толпы. И вы еще смее обвинять «толпу» в равнодушии! Вы, скептики по природе, скептики во всей своей программе, скептики во всей своей половинчатой тактике, называете «скептицизмом» народа его неверие в ваши фразы! Ваш политический кругозор не выходит из области вопроса: поддержит ли народ Думу?

Мы поворачиваем этот вопрос. Поддерживают ли народ кадеты в Думе? Или они идут позади народа? Поддержат ли эти скептики народ тогда, когда он «сделает» то, что он *уже делал* ради свободы? Или они будут бросать ему палки под колеса, расколаживать его энергию, обвинять его в анархизме и бланкизме, в стихийности безумия и в безумстве стихии?

Но крестьянская масса и рабочий класс сделают свое дело, презрительно отбросив в сторону жалкие страхи и сомнения дряблой буржуазной интеллигенции. Они не будут поддерживать Думу, — они поддержат те свои требования, которые так неполно и недостаточно выразила кадетская Дума.

Кадеты мнят себя пупом земли. Они мечтают о мирном парламентаризме. Они приняли мечты за действительность. Они, извольте видеть, борются, их надо поддерживать. Не наоборот ли, господа? Не вы ли сами постоянно помните то слово, которое и в голову не приходит никому в странах действительного парламентаризма, слово: «раз-

гонят Думу? Кто захочет подумать серьезно о значении этого слова, о том положении вещей, при котором приходится говорить это слово, тот поймет, что нам предстоит либо мерзость запустения, подкрашенная фальшивыми фразами, либо новое дело толпы, новое дело великой народной страсти.

От кадетов мы не можем ждать помощи этому делу. Думское меньшинство, «Трудовая группа» и «рабочая группа», будем надеяться, поставят вопрос не по-кадетски. Не поддержки себе будут они просить у народа, не силой объявят они себя в нашем игрушечном парламенте, — они направят все свои усилия, всю свою работу на то, чтобы поддержать хоть в чем-нибудь это великое грядущее дело.

«Волна» № 12, 9 мая 1906 г.

*Печатается по тексту
вызвки «Волна»*

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ¹¹⁶

В статье «Либеральные похвалы» в № 6 «Невской Газеты» т. Л. М. хочет доказать, что буржуазия хвалит правых с.-д., как истинных с.-д., и ругает левых с.-д., как анархистов. Буржуазия, дескать, особенно боится анархизма, как грубого способа борьбы, бомб и т. п.

Этот взгляд есть прямая насмешка над истиной.

Неужели тов. Л. М. не знает, что бернштейнианцев в Германии, мильеранистов во Франции буржуазия хвалила именно за оппортунизм их, за притупление ими противоречий в острой борьбе? Неужели Л. М. «поумнел» уже настолько, что бернштейнианцев и мильеранистов склонен считать истинными с.-д.?

Или пусть т. Л. М. подумает хотя бы об отношении русской либеральной буржуазии к народовольческому и эсерскому террору до последнего времени и к декабрьским формам борьбы теперь. Ведь либеральная буржуазия хвалила эсеров больше, чем с.-д., когда террор был направлен против ненавистного ей самодержавия. Не так ли, т. Л. М.? А как вы думаете, тов. Л. М., похвалила бы либеральная буржуазия правых с.-д., если бы они покинули свою *теперешнюю* позицию и стали на точку зрения чистого парламентаризма? И как тогда, т. Л. М., скажете ли вы, что либеральная буржуазия просто не понимает, что чистый парламентаризм с.-д. в *данный момент* гораздо вреднее для нее и гораздо полезнее для пролетариата, чем *теперешняя* позиция правых с.-д.?

К РЕЗОЛЮЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ¹¹⁷

Печатаая этот проект резолюции, мы предлагаем беспристрастным людям решить: дает ли этот проект хоть какой-нибудь повод играть словами: «анархизм», «бланкизм» и т. п. Кроме того, какую резолюцию оправдала жизнь: ту ли, которую принял съезд, или эту? Не ясно ли теперь, что Дума может быть использована лишь косвенно? Не ясно ли теперь, какая из этих двух резолюций идет непосредственное навстречу действительно революционной демократии и вернее учитывает «кадетизм», как проявился он в Думе, на практике?

«Волна» № 12, 9 мая 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Волна»

РАБОЧАЯ ГРУППА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

В Гос. думе есть рабочая группа из 15 человек. Как прошли в Думу эти депутаты? Их кандидатуры не выставляли рабочие организации. Их не уполномочила партия представлять ее интересы в Думе. Ни одна местная организация РСДРП не делала постановления (хотя могла его сделать) о проведении своих членов в Гос. думу.

Рабочие депутаты прошли в Думу непартийным путем. Почти все, или даже все, прошли посредством прямых или косвенных, молчаливых или признанных, соглашений с кадетами. Многие прошли в Думу так, что нельзя разобрать, в качестве к.-д. или с.-д. они были выбраны. Это факт и факт громадной политической важности. Замалчивать его, как делают ныне многие с.-д., и непростительно и бесполезно. Непростительно, ибо это значит играть втемную с избирателями вообще и с рабочей партией в особенности. Бесполезно, ибо этот факт неизбежно дает себя знать в ходе событий.

Объединительный съезд РСДРП, признав желательным образование парламентской фракции с.-д., сделал ошибку, не учтя этого факта. Из напечатанной нами вчера резолюции левых с.-д.* видно, что указание на этот факт было сделано съезду. Но справедливость требует сказать, что, по настоянию левого крыла, съезд принял очень важную инструкцию ЦК партии. Неопубликование этой резолюции есть важный пробел в том издании ЦК, из которого мы перепечатали резолюции съезда. Резолюция о парламентской фракции поручает ЦК осведомлять *все* партийные

* См. настоящий том, стр. 266—267. *Ред.*

организации о том, 1) кого именно, 2) когда именно и 3) на каких условиях именно признал ЦК представителем партии в Г. думе. Далее, она поручает ЦК давать партии периодические отчеты о деятельности парламентской фракции и, наконец, возлагает на рабочие организации, членами которых состоят с.-д. депутаты Гос. думы, обязанность специального контроля за этими депутатами.

Отметив эту, чрезвычайно важную, резолюцию, перейдем дальше к рассмотрению вопроса о рабочей группе в Думе. Пройдя в Думу, вождь этой группы, Михайличенко, заявил себя социал-демократом. В лице его рабочая группа выразила ясное стремление отделиться от к.-д. и стать действительно с.-д. группой.

Такое стремление заслуживает полного сочувствия. Мы были на съезде против образования официальной парламентской фракции. Наши мотивы точно и подробно изложены в напечатанной вчера нашей резолюции. Но само собою разумеется, что наш отрицательный взгляд на уместность образования официальной парламентской фракции несколько не мешает нам поддерживать *всякое* стремление *всякого* рабочего представителя *подвинуться* от к.-д. к с.-д.

Но от стремления до выполнения есть еще известное расстояние. Недостаточно заявить себя социал-демократом. Надо вести действительно социал-демократическую рабочую политику. Конечно, мы вполне понимаем трудность положения новичков-парламентариев. Мы прекрасно знаем, что надо снисходительно относиться к ошибкам тех из них, кто начинает переход от к.-д. к с.-д. Но если им суждено совершить этот переход до конца, то только путем открытой и прямой критики этих ошибок. Смотреть сквозь пальцы на эти ошибки было бы неппростительным грехом и перед с.-д. партией, и перед всем пролетариатом.

Одну ошибку рабочей группы в Думе необходимо теперь отметить. Через несколько дней после голосования ответа на тронную речь, члены рабочей группы заявили в газетах, что они «от участия в голосовании воздержались и не хотели только устроить из своего отказа демонстрацию, чтобы не смешиваться с группой графа Гейдена»¹¹⁸. Кадеты — партия колебаний между революцией и реакцией. Против этой партии всегда должны и всегда

будут демонстрировать Гейдены справа, с.-д. слева. Отказ устроить демонстрацию был ошибкой рабочей группы. Она должна была прямо и во всеуслышание сказать через головы кадетов всему народу: «Вы берете фальшивый тон, господа кадеты. В вашем адресе сквозит дух сделки. Бросьте дипломатию. Скажите громко, что крестьяне требуют всей земли, что крестьяне должны получить без выкупа всю землю. Скажите, что народ требует полной свободы, что народ возьмет себе всю власть, чтобы обеспечить на деле, а не на бумаге только, свободу. Не верьте писанным «конституциям», верьте только силе борющегося народа! Мы голосуем против вашего адреса».

Если бы рабочая группа сказала это, она совершила бы акт действительно социал-демократической рабочей политики. Этим она не только выразила бы интересы рабочих, но и интересы всего борющегося за свободу революционного народа. И она сказала бы тогда по поводу отказа в аудиенции: «Смотрите, господа кадеты, вы получили хороший урок. Вы достойно наказаны за фальшивый тон вашего адреса. Если вы будете продолжать в том же тоне, — придет день и не далекий день, когда народ помянет вас «насмешкой горькою обманутого сына над изболтавшимся отцом»¹¹⁹.

Повторим еще раз, во избежание злостного перетолкования наших слов: мы критикуем поведение рабочей группы не для того, чтобы бросать упреки ее членам, а для того, чтобы помочь политическому развитию русского пролетариата и крестьянства.

И с этой же точки зрения мы должны указать серьезную ошибку «Невской Газеты». «Мы не можем рассматривать инцидента с адресом — пишет она — как повод для прекращения деятельности Думы»... «Мы не видим оснований сейчас же ставить вопрос ребром» (№ 6). Это фальшивый тон. Социал-демократам неприлично корчить из себя людей, которые могли бы отвечать за Думу. Если бы с.-д. были в большинстве в Думе, Дума не была бы Думой, или с.-д. не были бы с.-д. Пусть кадеты целиком отвечают за Думу. Пусть народ на их, а не на нашей, шкуре учится избавлению от конституционных иллюзий.

Вы сами говорите, товарищи: «пролетариат не допустит предоставления гг. Милюковым свободы сделок со старым режимом». Прекрасные слова. Но в чем суть кадетских

сделок? Не в личном предательстве, конечно. Такой грубый взгляд в корне чужд марксизму. Суть сделок в том и только в том, что к.-д. не сходят и сходить не хотят с почвы сохранения власти за старым режимом, с почвы велений, исходящих от этого последнего. Кадеты, оставаясь кадетами, совершенно правы, когда говорят: сойти с этой почвы значит поставить вопрос ребром, значит дать повод к прекращению деятельности Думы.

Социал-демократам неприлично рассуждать так, чтобы народ мог видеть в их рассуждениях оправдание кадетов. Не оправдывать должны мы их лицемерные речи, будто все было в «вежливости» Думы и «невежливости» Трепова (Струве в «Думе»). Мы должны разоблачать это лицемерие и поставить «первый урок», полученный кадетами, в связь с первородной фальшью всей их позиции, всего их адреса. Не с точки зрения внутридумской должны мы оценивать революционное положение страны. Наоборот: с точки зрения революционного положения страны должны мы оценивать внутридумские вопросы и инциденты.

«Волна» № 13, 10 мая 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Волна»

К ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ВОПРОСУ¹²⁰

На съезде в комиссии, выработывавшей устав партии, большевики заявили прямо, что всякие попытки сузить автономию местных организаций и права оппозиции по сравнению с нормами фракционного 3-го съезда будут означать неминуемый раскол. Поэтому большевики и настояли, напр., на том, чтобы право созыва нового съезда не было сужено и т. д. Большевики предложили вставить в устав правило, что при перемене места жительства члены партии имеют право входить в местные организации. Съезд отклонил это правило, но принял резолюцию, что отклоняет его исключительно как лишнее и само собою понятное.

Следовательно, меньшевики обещали быть лояльными и к мелким «вышибаниям» не прибегать. Пусть партия зорко следит за выполнением этого обещания, — в контроле партии единственный залог устранения возможности раскола.

¹²⁰ «Волна» № 13, 10 мая 1906 г.

Печатается по тексту газеты «Волна»

РЕЧЬ НА НАРОДНОМ МИТИНГЕ В ДОМЕ гр. ПАНИНОЙ 9 (22) МАЯ 1906 г.¹²¹

I. КРАТКИЙ ОТЧЕТ «НЕВСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Тов. Карпов полагает, что Думу действительно не разгонят, потому что кадеты сделают для этого все возможное. Это уже обнаружилось из их деятельности в Думе. К.-д. стараются сочетать старую власть с народной свободой. Далее оратор перешел к тактике РСДРП. Съезд, по его мнению, принял резолюцию об отношении к Думе «далеко не полно, далеко не правильно. Мы должны будем проводить решения единой РСДРП, но мы будем пополнять ее решения в нашей деятельности».

По мнению оратора бойкот не был ошибкой. Пролетариат сказал им, что он должен снести эту Думу. Это не удалось, но что же из этого? Конечно, народ извлечет лишь пользу из Думы. Много пользы принесут последовательно действующие крестьянские и рабочие депутаты. Но давление на Думу бесплодно. Когда правительство стоит против народа, мы должны помнить, что лишь борющиеся стороны могут разрешить конфликт.

Крестьянам мы скажем: учитесь, товарищи крестьяне, чтобы, когда настанет момент, вы тоже были готовы поддержать революционное движение.

*«Невская Газета» № 8,
11 (24) мая 1906 г.*

*Печатается по тексту
«Невской Газеты»*

II. КРАТКИЙ ОТЧЕТ ГАЗЕТЫ «ВОЛНА»

Ему, как и гр. Мякотину, возражал тов. Карпов. Гр. Мякотину он объяснил, что сделка есть деловое заключение переговоров, а переговоры — подготовка к сделке,

что поэтому, по отношению к партии к.-д., гр. Мякотин совершенно не прав. Вполне признавая обязательность для всей партии решений Объединительного съезда, оратор указал на ошибочность некоторых из постановлений его, каковая ошибочность послужила источником и неверного тона, взятого тов. Бартеньевым по отношению к партии к.-д. Разоблачение партии к.-д., говорил оратор, есть не простая руготня, а необходимое, наиболее целесообразное средство отвлечения широких народных масс от половинчатой, робкой, стремящейся к сделке со старой властью либеральной буржуазии, к буржуазии революционно-демократической, готовящейся к решительной борьбе за власть. Дискредитировать такую партию, как партия к.-д., значит давать могучие толчки политическому развитию народных масс. Самый момент наступления конфликта, конечно, не от нашей воли зависит, а от поведения правительства, от степени политического самосознания и настроения народных масс. Наша задача — приложить все усилия к тому, чтобы организованный пролетариат сыграл и в новом подъеме, и в неизбежной грядущей решительной борьбе роль вождя победоносной революционной армии.

«Волна» № 14, 11 мая 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Волна»

**РЕЗОЛЮЦИЯ,
ПРИНЯТАЯ НА НАРОДНОМ МИТИНГЕ
В ДОМЕ гр. ПАНИНОЙ 9 (22) МАЯ 1906 г.**

Собрание обращает внимание всех граждан на то, что, организуя погромы и непрестанно усиливая полицейский и военный произвол, самодержавное правительство явно глумится над народным представительством и готовится насильем ответить на всеобщее требование свободы, на требование земли крестьянством.

Собрание заявляет, что партия «народной свободы» (к.-д.) выражает лишь робко и неполно народные требования, не выполняет своего обещания объявить созыв всенародного учредительного собрания. Мы предостерегаем народ от этой партии, которая колеблется между народной свободой и угнетающей народ старой самодержавной властью.

Собрание призывает крестьянскую («Трудовую») и рабочую группу в Государственной думе выступать решительно, совершенно независимо от к.-д., каждая с своими самостоятельными требованиями, и заявлять полностью требования народа.

Собрание обращает внимание всех, ценящих дело свободы, на то, что поведение самодержавного правительства и полная неудовлетворенность крестьянских и общенародных нужд делают неизбежной решительную борьбу вне Думы, борьбу за полную власть народа, единственно способную обеспечить свободу и нужды народа.

Собрание выражает уверенность, что пролетариат по-прежнему будет стоять во главе всех революционных элементов народа.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ИЛИ «ТРУДОВАЯ» ГРУППА И РСДРП

Вчера мы рассматривали отношение с.-д. к рабочей группе в Думе*. Рассмотрим теперь вопрос о Трудовой группе.

Под этим именем известны крестьянские депутаты в Думе, числом до 130—140 человек, начавшие отделяться от кадетов и сплачиваться в самостоятельную партию. Это отделение далеко еще не закончено, но оно наметилось уже вполне. Горемыкин великолепно выразил это своим крылатым словом: треть членов Думы (т. е. как раз Трудовая и рабочая группа, сосчитанные приблизительно вместе) напрашиваются на виселицу.

Это крылатое слово ясно определило различие между революционной буржуазной демократией и неревolutionной (кадеты). В чем революционность крестьянской группы? Не столько в ее политических требованиях, которые еще далеко не договорены до конца, сколько в ее земельных требованиях. Крестьяне требуют земли, и притом всей земли. Крестьяне требуют земли на таких условиях, которые действительно улучшили бы их положение, т. е. вовсе без выкупа или за самый скромный выкуп. Другими словами: крестьяне требуют, по существу дела, не аграрной реформы, а аграрной революции. Они требуют такого переворота, который нисколько не затронет власти денег, не затронет основ буржуазного общества, но подорвет самым решительным образом *экономические*

* См. настоящий том, стр. 370—373. *Ред.*

основы старого крепостного порядка, всей крепостнической — и помещичьей и чиновничьей — России. Вот почему социалистический пролетариат всей душой, со всей энергией, поможет крестьянам осуществить их требования во всей их полноте. Без полной победы крестьянства над всеми его угнетателями, унаследованными от старого порядка, невозможна полная победа буржуазно-демократической революции. А такая победа нужна всему народу и нужна пролетариату в интересах его великой борьбы за социализм.

Но, поддерживая революционное крестьянство, пролетариат ни на минуту не должен забывать своей классовой самостоятельности, своих особых классовых задач. Движение крестьянства есть движение другого класса; это борьба не пролетарская, а борьба мелких хозяев; это борьба не против основ капитализма, а за очищение их от всех остатков крепостничества. Крестьянские массы увлечены своей великой борьбой: им неизбежно кажется, что взять всю землю — значит решить аграрный вопрос. Они мечтают об уравнительном распределении земли, о передаче ее всем трудящимся, забывая о власти капитала, о силе денег, о товарном хозяйстве, которое при самом «справедливом» разделении неизбежно вновь создаст неравенство и эксплуатацию. Увлеченные борьбой с крепостничеством, они не видят дальнейшей, еще более великой и трудной борьбы со всем капиталистическим обществом за полное осуществление социализма. Рабочий класс всегда будет вести эту борьбу и организовываться для этого в самостоятельную политическую партию. И жестокие уроки капитализма будут неизбежно просвещать все быстрее и быстрее мелких хозяйчиков, заставляя их убеждаться в правильности взглядов социал-демократии и примыкать к пролетарской с.-д. партии.

Пролетариату часто приходится слышать теперь от буржуазии: надо идти вместе с буржуазной демократией. Без нее пролетариат не в силах совершить революцию. Это верно. Но вопрос в том, с какой демократией может и должен пролетариат *теперь* идти вместе, с кадетской или с крестьянской, с революционной демократией? Ответ может быть только один: не с кадетской, а с революционной демократией, не с либералами, а с крестьянской массой.

Помня этот ответ, мы не должны упускать из виду, что, чем быстрее просвещаются крестьяне, чем более открыто выступают они в политике, тем более наблюдается тяготение всех революционных элементов буржуазной демократии к крестьянству и, конечно, к городскому мещанству вместе с тем. Становятся неважными мелкие отличия. Выдвигается на первый план коренной вопрос: идут ли до конца с революционным крестьянством те или иные партии, группы, организации. Вырисовывается все яснее *политическое* слияние и эсеров (социалистов-революционеров), и некоторых независимых социалистов, и самых левых радикалов, и ряда крестьянских организаций в одну *революционную демократию*.

Поэтому глубокую ошибку сделали с.-д. правого крыла на съезде, восклицая (Мартынов и Плеханов): «кадеты важнее, как партия, чем эсеры». Эсеры сами по себе ничто. Но эсеры, как выразители стихийных стремлений крестьянства, — часть именно той широкой, могучей революционной демократии, без которой пролетариат не может и думать о полной победе нашей революции. Сближение крестьянской или «Трудовой» группы в Думе с эсерами не случайность. Разумеется, часть крестьян сумеет понять последовательную точку зрения социал-демократического пролетариата, но другая часть их, несомненно, будет видеть в «уравнительном» землепользовании решение аграрного вопроса.

Трудовая группа, наверное, сыграет большую роль и в Думе и — что еще важнее — вне Думы. Сознательные рабочие должны всеми силами стремиться к усилению агитации среди крестьян, к отделению Трудовой группы от кадетов, к выставлению этой группой полных и законченных политических требований. Пусть организуется плотнее и самостоятельнее Трудовая группа, пусть расширяет свои внедумские связи, пусть помнит, что не в Думе будет решаться великий земельный вопрос. Решит этот вопрос народная борьба со старой властью, а не голосование в Думе.

Нет дела теперь более важного для успеха революции, как это сплочение, просвещение, политическая подготовка революционной буржуазной демократии. Социалистический пролетариат, разоблачая беспощадно шаткость кадетов, всячески поддержит это великое дело. Он не впадет

при этом ни в какие мелкобуржуазные иллюзии. Он останется на почве строго классовой и пролетарской борьбы за социализм.

Да здравствует полная победа крестьян над всеми их угнетателями! — скажет пролетариат. В этой победе вернейший залог успехов нашей пролетарской борьбы за социализм.

«Волна» № 14, 11 мая 1906 г.

*Печатается по тексту
газеты «Волна»*

ВОПРОС О ЗЕМЛЕ В ДУМЕ

Первым делом кадетов в Думе было составление адреса в ответ на тронную речь. Составили робкую просьбу, а не требование. Второе «дело» — молча перешли к очередным делам, когда отказали им принять адрес от депутации. Поступили еще более робко. Теперь третье дело — разбор вопроса о земле, поставленного в Думе на очередь.

За этим вопросом особенно внимательно надо следить всем рабочим. Вопрос о земле больше всего волнует крестьянскую массу. А крестьяне теперь стали главными и почти единственными союзниками рабочих в революции. И на вопросе о земле особенно видно будет, действительно ли партия кадетов, зовущая себя партией народной свободы, верно служит народной свободе.

Чего хочет народ, т. е. прежде всего крестьянство? Крестьянство хочет земли. Это все знают. Крестьяне требуют, чтобы вся земля в государстве принадлежала крестьянам. Крестьяне хотят сбросить с себя гнет помещиков и чиновников. Отобрать у помещиков земли, чтобы они не заставляли мужика ходить на отработки, т. е. в сущности по-старому на барщину; — отобрать власть у чиновников, чтобы они не помыкали простым народом, вот чего хотят крестьяне. И рабочие должны помочь крестьянам как в борьбе за землю, так и в прямой, ясной и вполне определенной постановке вопроса о земле.

Вопрос о земле особенно легко запутать и затемнить. Легко представить дело так, что крестьяне, конечно, должны получить землю в надел, но самое наделение обставить условиями, уничтожающими всякую пользу от этого наделения для крестьян. Если наделять землей будут опять чиновники, если всякими «мировыми посред-

никами» окажутся снова либеральные помещики, если «скромные размеры» выкупа определит старая самодержавная власть, тогда вместо пользы для крестьян получится опять обьегоривание крестьян, как и в 1861 году, получится новая петля на шею крестьянам. Сознательные рабочие должны поэтому чрезвычайно энергично разъяснять крестьянам, что в вопросе о земле они должны быть в особенности осторожны и недоверчивы. Вопрос о выкупе за землю и вопрос о той власти, которая будет производить «наделение» земель, приобретают при настоящем положении вещей громадную важность. На вопросе о выкупе можно сразу и безошибочно определить, кто стоит за крестьян и кто за помещиков, а также и то, кто пытается перебежать от одной стороны к другой. Русский крестьянин знает, — ах как знает! — что это за штука выкуп. Интересы крестьян и интересы помещиков размежевываются на этом вопросе великолепно. И вполне правильно поступил поэтому Объединительный съезд РСДРП, заменив слово «отчуждение» в первоначальном проекте аграрной программы словом: «конфискация» (т. е. отчуждение без выкупа).

В вопросе о власти, производящей наделение, так же резко расходятся интересы крестьян и чиновников, как в вопросе о выкупе интересы крестьян и помещиков. Социалистические рабочие должны поэтому особенно настойчиво разъяснять крестьянам важность того, чтобы не старая власть бралась за земельный вопрос. Пусть знают крестьяне, что не может быть пользы ни из какой земельной реформы, если дело будет в руках старой власти. И по этому вопросу, к счастью, достигнуто в существе дела единогласие на Объединительном съезде РСДРП, ибо резолюция съезда безусловно признала поддержку революционных выступлений крестьянства. Правда, съезд сделал, по нашему мнению, ошибку, не указав прямо, что именно земельную реформу можно поручить только *вполне* демократической государственной власти, только должностным лицам, выбранным народом, подотчетным ему и сменяемым им. Но об этом мы намерены подробнее высказаться в другой раз.

В Думе будут выдвинуты две основные аграрные программы. Господствующие в Думе кадеты хотят, чтобы помещики были сыты и крестьяне были целы. Они соглашаются на принудительное отчуждение большей части помещичьей земли, но, во-первых, предполагают выкуп,

а, во-вторых, стоят за либерально-чиновничье, а не революционно-крестьянское решение вопроса о средствах и путях проведения земельной реформы. В своей аграрной программе кадеты, как и всегда, ужом вьются между помещиками и крестьянами, между старой властью и народной свободой.

Трудовая или крестьянская группа еще не вполне определенно установила свою аграрную программу. Вся земля должна принадлежать трудящемуся народу, — вопрос о выкупе обходится пока молчанием, а также и вопрос о старой власти. Об этой программе, когда она выяснится, мы будем говорить еще не раз.

Чиновничье правительство, разумеется, и слышать ничего не хочет даже о кадетской аграрной реформе. Чиновничье правительство, во главе которого стоят самые богатые помещики-чиновники, владеющие сплошь да рядом десятками тысяч десятин земли каждый, «скорее примет магометанскую веру» (как выразился один остроумный писатель), чем допустит принудительное отчуждение помещичьих земель. Значит, «решение» аграрного вопроса Думой будет не решением на самом деле, а только провозглашением, только заявлением требований. У кадетов опять выйдут робкие просьбы вместо гордых и смелых, честных и открытых требований народных представителей. Пожелаем Трудовой группе выступить хоть на этот раз вполне независимо и самостоятельно от кадетов.

А на социалистических рабочих ложится теперь особенно великая задача. Всеми мерами и всеми силами надо расширять организацию вообще и связи с крестьянством в особенности. Надо разъяснить крестьянам как можно шире, как можно яснее, подробнее и обстоятельнее все значение вопроса о выкупе и вопроса о том, можно ли мириться с оставлением земельного преобразования в руках старой власти. Надо напрячь все усилия, чтобы союз социалистического пролетариата и революционного крестьянства окреп и вырос ко времени неизбежной грядущей развязки нынешнего политического кризиса. В этом союзе и только в нем залог успешного решения вопроса о «всей земле» для крестьян, о полной свободе и полной власти для народа.

РЕЗОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Вчера передовица «Нашей Жизни», сегодня «Речи», «Думы», «Нашей Жизни», «Страны» и «Слова» — вся буржуазная пресса без изъятия обрушивается на левую социал-демократию. Что случилось? Куда девалась эта гордость «победителей» — кадетов, которая позволила им еще недавно пренебрежительно отмахиваться от «бойкотистов»? Миновали золотые дни кадетской гегемонии, когда эти господа поучали пролетариат истинно государственной мудрости, соболезнуя его ошибкам. Что случилось?

Возрождается революционизм — отвечает г. Струве в передовице «Думы» от 11 мая. Он прав. Надежды на Думу падают ежечасно. Представление о том, как добывается народная свобода, проясняется по мере того, как выясняется истинная физиономия партии, которая, языкоблудствуя ее именем, сумела учесть во время выборов и некоторое утомление народа и политику Витте-Дурново, закрывшую арену выборов для действительных представителей действительных интересов народа. Необходимость новых форм борьбы разительного подчеркивается деятельностью явно-проявившейся контрреволюционной организации. Да, буржуазия во дни выборов думала, что революция кончилась, что пришло ее времячко обратить в свою пользу плоды борьбы рабочих и крестьян. И она обманулась. Временное затишье она приняла за окончательное истощение сил, за прекращение революции. Только-только уселась она поплотнее в думские кресла, только что принялась по-доброму, по-хорошему разговаривать с старой властью на предмет любовной сделки за счет рабочих и крестьян. И вдруг оказывается,

что рабочие и крестьяне готовы вмешаться в эту игру и расстроить эту сделку.

Народное собрание в доме Паниной особенно возмутило гг. кадетов. Речи социал-демократов на этом собрании взбаламутили это загнившее болото. Помилуйте, кричат гг. кадеты, своей критикой нашей партии вы помогаете правительству. Это знакомый аргумент. Всякий раз, когда с.-д. выступают вперед, чтобы разъяснить пролетариату и всему народу действительный смысл совершающихся событий, чтобы разогнать туман, нагоняемый на рабочих буржуазными политиками, чтобы предостеречь рабочих от буржуазных продавцов народной свободы, чтобы указать рабочим их истинное место в революции, — гг. либералы кричат, что этим ослабляется революция. Всякий раз, когда с.-д. говорят, что рабочим не гоже быть под буржуазными знаменами, что у них собственное знамя, знамя социал-демократии, — либералы начинают вопить, что этим оказывается услуга правительству. Неправда. Сила революции — в развитии классового сознания пролетариата, в развитии политического сознания крестьянства. Когда социал-демократ критикует кадетскую политику, он развивает это сознание, он усиливает революцию. Когда кадет дурманит народ своими проповедями, он затемняет это сознание, он обессиливает революцию. Говорить кадетам: мы вам не верим, потому что вы недостаточно полно и решительно заявляете требования народа, потому что вы предпочитаете торговаться с правительством, а не бороться с ним, — это не значит забывать правительство из-за кадетов.

Это значит указывать народу путь действительной борьбы и действительной победы. Когда пролетарские и крестьянские массы будут ясно представлять себе этот путь — кадетам не с кем будет торговаться, ибо старая власть будет обречена на слом.

Вы гоните пролетариат к открытым выступлениям, — кричат кадеты. Подождите, господа! Не вам говорить о выступлениях, не вам, построившим свою политическую карьеру на крови рабочих и крестьян, произносить иудины речи о «бесполезных жертвах».

На том же митинге были произнесены совершенно верные и вполне выражающие общее убеждение с.-д. слова о ненужности «подхлестывать» пролетариат. В «Волне»

всякий мог прочесть о ненужности форсирования событий*. Но одно дело форсирование, другое дело — те условия, в которых должен разыгаться следующий акт великой драмы. Готовиться к этому моменту, — который ведь зависит не от нас одних, а, между прочим, и от меры измены делу свободы, которую проявят гг. кадеты, — зовем мы пролетариат и крестьянство. Выяснять условия борьбы, указывать на возможные ее формы, указывать пролетариату его место в грядущей борьбе, работать над организацией его сил, над прояснением его сознания — вот наша задача. А это значит в данный момент, между прочим, неустанно разоблачать кадетов, предостерегать от кадетской партии. Это мы и делаем, это и будем делать. А когда кадеты волнуются и горячатся по сему поводу — это значит мы делаем наше дело недурно. А кадеты выкрикивают по этому поводу жалкие слова об ослаблении революции — это значит, что они уж ясно предчувствуют, что действительная революция, революция рабочих и крестьян, готова захлестнуть кадетскую Думу. Кадеты боятся, чтоб революция не перешла предела, намеченного буржуазией и ей выгодного. Рабочий класс и крестьянство должны помнить, что их интересы шире этих пределов, что их задача довести революцию до конца.

А это и говорила резолюция народного собрания, которая заставила кадета Протопопова вздохнуть о частных приставах. Пишите осторожнее, гг. кадеты.

«Волна» № 16, 13 мая 1906 г.
Подпись: — Б

Печатается по тексту
газеты «Волна»

* См. настоящий том, стр. 358. Ред.

НИ ЗЕМЛИ, НИ ВОЛИ

Председатель Совета министров сообщил Государственной думе «заявление» в ответ на адрес Думы.

Этого заявления все с нетерпением ожидали. Это заявление должно было дать программу правительства.

И «программа» правительства дана в самом деле самая ясная. Приводим два существенных пункта заявления полностью:

«Относительно разрешения земельного крестьянского вопроса путем указанного Государственной думою обращения на этот предмет земель удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих, к которым принадлежат и земли крестьян собственников, приобретших их покупкою, Совет министров считает своею обязанностью заявить, что разрешение этого вопроса на предположенных Государственной думою основаниях безусловно недопустимо. Государственная власть не может признавать права собственности на земли за одними и в то же время отнимать это право у других. Не может государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всем мире и на всех ступенях развития гражданской жизни, краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, коренным устоем государственного бытия, без коего немислимо и самое существование государства. Не вызывается предположенная мера и существом дела. При обширных и далеко не исчерпанных средствах, находящихся в распоряжении государства, и при широком применении всех законных к тому способов, земельный вопрос несомненно может быть успешно разрешен без разложения самого основания нашей государственности и подтачивания жизненных сил нашего отечества.

Остальные, включенные в адрес Государственной думы, предположения законодательного свойства сводятся к установлению ответственности перед народным представительством министров, пользующихся доверием большинства Думы, управданию Госу-

дарственного совета и устранению установленных особыми узаконениями пределов законодательной деятельности Государственной думы. На этих предположениях Совет министров не считает себя вправе останавливаться; они касаются коренного изменения основных государственных законов, не подлежащих по силе оных пересмотру по почину Государственной думы».

Итак, насчет *земли*: «безусловно недопустимо». Насчет *воли*, то есть насчет действительных прав народного представительства: «не подлежит пересмотру по почину Думы».

Насчет земли крестьяне должны всего ждать исключительно от доброй воли помещиков, исключительно от согласия помещиков. Принудительное отчуждение безусловно недопустимо. Ни малейшее серьезное улучшение крестьянской жизни безусловно недопустимо.

Насчет воли народ должен всего ждать исключительно от самих чиновников. Без их согласия народные представители ничего не смеют постановить. Совет министров считает себя даже не вправе останавливаться на пожеланиях Думы относительно расширения прав народного представительства. Народные представители не смеют и думать о правах. Их дело — просить. Дело чиновников — рассматривать эти просьбы, вот так, как рассмотрены «просьбы» Думы и в излагаемом нами заявлении.

Ни земли, ни воли.

Останавливаться по существу на дальнейшем разборе заявления мы не можем.

Посмотрим, научатся ли чему-нибудь из этого заявления депутаты Думы. Кадеты — наверное, ничему не научатся. Трудовая и рабочая группы должны показать теперь, сумели ли они стать сколько-нибудь самостоятельными и независимыми от кадетов, — поняли ли они необходимость бросить просьбы, — умеют ли они говорить прямым и ясным языком с народом.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ТИФЛИСЕ

Как сообщил телеграф, социал-демократы одержали полную победу на выборах в Тифлисе. Из 81 выборщика 72 с.-д. и только 9 кадетов. В Кутаисе выбрано 4 депутата, все с.-д.¹²². Кандидатом в Думу от Тифлиса выставляют Ноя Жордания, влиятельнейшего местного с.-д.

Приветствуем успех наших кавказских товарищей. После решения Объединительного съезда нашей партии, участие в выборах стало обязательным, при условии, чтобы рабочая партия не заключала блоков, т. е. никаких соглашений с другими партиями¹²³. Если кавказские товарищи вполне самостоятельно провели своих кандидатов, как можно думать относительно Тифлиса, тогда они избежали, следовательно, ошибки товарищей в Армавире¹²⁴. Тогда мы имеем полное соблюдение постановлений съезда, тогда в Думу войдут вполне партийные с.-д., войдут строгим партийным путем, тогда мы услышим вскоре о назначении ЦК официальных представителей нашей партии в Думе.

Наши читатели знают, что мы стояли за бойкот Думы. Мы голосовали на съезде против образования парламентской фракции с.-д. по соображениям, которые точно изложены в резолюции, напечатанной в № 12 «Волны»*. Это были соображения не принципиальные, а соображения осторожности и практических условий момента. Но само собою разумеется, что теперь, если действительно партийным путем прошли в Думу действительно партийные

* См. настоящий том, стр. 266—267. Ред.

с.-д., мы все, как члены единой партии, будем по мере сил помогать им выполнить их трудное дело.

Не будем обольщаться особенно значением тифлисской победы. Парламентские успехи социал-демократии всецело и безусловно радуют и могут радовать нас лишь при условиях действительно сложившегося и хоть сколько-нибудь «серьезного» парламентаризма. В России его нет. В России условия момента возлагают на социал-демократию такие великие задачи, какие не стоят ни перед одной из западно-европейских партий с.-д. Мы несравненно дальше, чем западные товарищи, от социалистического переворота, но мы стоим перед буржуазно-демократической крестьянской революцией, в которой пролетариат сыграет роль вождя. Эти особенности данного положения вызывают неизбежность того, что не в Думе решится быстро назревающий политический кризис.

В такое время, как переживаемое Россией, участие в выборах с.-д. отнюдь еще не означает того, что масса действительно крепнет в процессе избирательной кампании. Без свободных газет, без народных собраний, без широкой агитации выборы с.-д. означают часто не сплочение пролетарской и вполне с.-д. партии, а лишь резкий протест населения. Широкие слои мелкой буржуазии голосуют иногда при таких условиях за всякого противоправительственного кандидата. Суждения об оценке всей тактики бойкота во всей России на основании тифлиских только выборов были бы слишком скороспелы и непродуманы.

Никто не знает еще, какую роль в общем и целом, в окончательном итоге, сыграет кадетская Дума. Что кадеты — хозяева Думы, это факт. А что кадеты ведут себя в Думе как плохие демократы, робкие и непоследовательные, шаткие и колеблющиеся сторонники народной свободы, в этом согласны все с.-д. Владея Думой, кадеты теперь сильнее, чем когда-либо, распространяют в народе конституционные иллюзии, затемняя этим политическое сознание рабочих и крестьян.

Подождем указаний опыта, чтобы судить о том, насколько возможно будет и изнутри Думы восстать против этих реакционных стремлений кадетов. Пожелаем нашим кавказским товарищам, членам Думы, впервые заговорить с этой новой трибуны полным голосом, ни на йоту

не урезывая горькой правды, разоблачая беспощадно веру в слова, обещания и бумажки, восполняя пробелы нашей печати, которую урезают и преследуют за открытое слово попрежнему, призывая пролетариат и революционное крестьянство к совершенно ясной и отчетливой постановке вопросов, к решению вне Думы грядущей окончательной тяжбы за свободу.

«Волна» № 17, 14 мая 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Волна»

ПРАВИТЕЛЬСТВО, ДУМА И НАРОД

Дума в разладе с правительством. Она выразила недоверие министерству и потребовала его ухода. Министерство пропустило мимо ушей заявление Думы и стало еще более открыто издеваться над Думой, предлагая ей заняться вопросом о прачешной для канцелярских сторожей в городе Юрьеве.

В чем сущность этого разлада, этого столкновения Думы с правительством? Широкая масса крестьян, обывательская публика вообще, наконец, ряд буржуазных политиков (кадеты) воображают или пытаются уверить себя и других в том, что столкновение зависит от непонимания правительством его задач и его положения. Разъяснится непонимание, привыкнут люди к новинке, т. е. к конституционным порядкам, к необходимости решать государственные вопросы голосованием граждан, а не приказом старой власти, — и тогда все войдет в колею. По этому взгляду, перед нами «конфликт конституционный», т. е. столкновение разных учреждений конституционного государства, признающего на деле рядом со старой властью — власть народных представителей. Стерпится — слюбится, так думает обыватель и так рассуждает буржуазный политик. Обыватель думает так по простоте и по своей политической неопытности. Буржуазный политик думает так потому, что эти думы отвечают интересам его класса.

Например, газета «Речь», главный орган кадетов, говорит: «Наши министры еще менее опытные в теории и практике конституционализма, чем большинство наших депутатов». Дело, видите ли, в неопытности министров, не учившихся государствоведению у профессоров Ковалевского

и Милюкова. В этом вся суть. Ну, не учились по книжкам, научатся из речей в Думе. Стерпится — слюбится. И кадетская «Речь» ссылается на немецкую буржуазию. Эта буржуазия тоже была — выразимся мягко — в разладе с правительством в 1848 году. Она тоже добивалась или хотела добиваться полной власти народу и полной свободы народу. После подавления немецким правительством народной борьбы, буржуазии позволили иметь в парламенте своих представителей. Представители говорили, а старая власть дело делала. Представители говорили и разъясняли министрам их «непонимание», учили их «конституционализму», учили десятка полтора лет, с конца 40-х до начала 60-х годов. В 60-х годах Бисмарк повздорил открыто с «народными представителями» из буржуазии, но это была последняя вспышка семейной ссоры. Буржуазия увлеклась победами немецкой армии и вполне помирилась на всеобщем избирательном праве при полном сохранении власти за дворянски-чиновничьим правительством.

Вот этот пример последней серьезной ссоры Бисмарка с «народными» представителями и нравится особенно кадетской «Речи». Немецкая буржуазия (пятнадцать лет спустя после окончательного подавления революции) уступила Бисмарку. А у нас русская буржуазия сразу добьется уступки Горемыкина. И кадеты заранее ликуют: у нас больше придется уступить Горемыкину, чем уступил в свое время Бисмарк.

Мы охотно согласимся, что далеко Горемыкину до Бисмарка. Но мы думаем, что рабочему классу особенно важно теперь понять *самую суть* сделок между буржуазией и всяческими Бисмарками, а вопрос о мере будущих уступок — дело будущего. Бисмарки мирились с буржуазией только тогда, когда революция окончательно подавлялась, когда «народную свободу» окончательно надувала буржуазия, когда она по-милому, по-хорошему уживалась со старой дворянско-чиновничьей властью, защищавшей помещика против крестьянина и всего более капиталиста против рабочего.

Вот в чем была действительная, настоящая основа примирения Бисмарка с немецкими кадетами, то-бишь с прусскими прогрессистами. Вот в чем была жизненная подкладка того «конституционализма», которому 15 лет после подавления революции учили Бисмарков немецкие

Ковалевские и Милюковы. Наши профессора, может быть, и не знают этого: профессора знают книжки, да не знают жизни, но рабочие должны знать это.

У нас в России серьезная борьба идет сейчас вовсе не из-за того, на каких уступках могли бы сойтись Горемыкины и либеральная буржуазия. Борьба идет между народной массой, которая не может жить при старых порядках, и старой крепостническо-чиновничьей властью, которая не может жить при действительно конституционных порядках. Борьба идет не из-за того, как следует правильно применять уроки конституционализма, а из-за того, возможен ли вообще конституционализм.

Это не парламентский конфликт, и самая Дума — вовсе еще не парламент, не орган буржуазного «порядка» при установившейся конституции. Она — только показатель и очень слабый выразитель народного движения, растущего вне ее или помимо ее.

Ее столкновение с правительством лишь *косвенно* указывает на столкновение всех основных и назревших стремлений крестьянской массы и рабочего класса со всей полнотой и со всей неприкосновенностью старой власти. Эти назревшие стремления часто выражают короткими словами: земли и воли. Эти стремления не удовлетворены. Силы, стоящие за этими требованиями, далеко, далеко еще не развернулись вполне. Условия полного проявления этих сил только еще назревают.

Не на уроки конституционализма, преподаваемые Ковалевскими Горемыкиным, должны мы теперь устремлять внимание народа. Не о мелких ссорах Бисмарков с буржуазными верхами нам надо почаще вспоминать теперь. Рабочий класс и крестьянство не позволят кадетам превратить Думу в орган таких ссор и таких соглашений. Всякий шаг кадетов, выражающий их колебание в эту сторону, надо разоблачать. Пусть знают Трудовая и рабочая группы в Думе, что, только отделяя себя от кадетов, только поднимаясь выше над школьными уроками конституционализма, только заявляя полным голосом все требования народа, все его нужды, только говоря всю горькую правду, они могут принести посильную пользу борьбе за настоящую свободу.

КАДЕТЫ МЕШАЮТ ДУМЕ ОБРАТИТЬСЯ К НАРОДУ

Мы сейчас получили известие, что в сегодняшнем заседании Думы произошло следующее. Шли прения по вопросу о законопроекте, отменяющем смертную казнь. Член Трудовой группы Аладьин поставил вопрос более решительно, чем это делалось до сих пор. «Мы должны бороться с исполнительной властью», — говорил он (цитируем по экстренному прибавлению к вечернему выпуску «Биржевых Ведомостей»). «Мы собираемся изводить министров запросами, но не ясно ли, что они их будут игнорировать? Нет, нам предстоит выбрать один из двух путей: или продолжать игру в запросы, или *взять дело народа в собственные руки*». Аладьин предложил, не откладывая дело на месяц, не сдавая законопроект в комиссию, порешить дело немедленно. Он закончил свою речь словами: «И горе нам, *если мы не доведем до сведения народа всей правды*, если мы ему не скажем ясно, что виноваты те, в чьих руках пушки и пулеметы».

Священник Поярков высказался в том же духе. «Правительство *издевается* над Государственной думой», — сказал он. «Мы не должны просить, а должны требовать: отменить смертную казнь сегодня же или завтра, иначе я предлагаю уехать по домам, так как считаю бесчестным работать и получать деньги до отмены смертной казни».

Так, из Трудовой группы раздалось предложение, смысл которого ясен: обратиться к народу, — требовать, а не просить, — не считаться с канцелярскими правилами, — не оттягивать вопросов и не сдавать их в комиссию.

Кадеты помешали Думе обратиться к народу. Кадет Набоков, говоривший после Пояркова, призывал «держаться законного пути». Он настаивал на сдаче законопроекта в комиссию.

Председатель Думы (кадет Долгоруков) по окончании прений заявил: «У нас имеется *четыре* предложения: два из них я не могу поставить на баллотировку, так как они не соответствуют парламентской практике. Эти два предложения суть: обратиться к народу и обратиться к монарху».

Из двух остальных предложений — 1) сдать в комиссию и 2) обсудить немедленно — прошло *единогласно* первое, так как второе было снято.

Трудовая группа, повидимому, еще раз уступила настояниям и угрозам кадетов и не удержалась на занятой было ею решительной позиции.

Народ, сознательно относящийся к борьбе за свободу, должен протестовать против поведения кадетов в Думе и призывать Трудовую группу к решительному и бесповоротному заявлению и осуществлению обращения к народу!

Написано 18 (31) мая 1906 г.

Напечатано 19 мая 1906 г. в газете

«Волна» № 21

Подпись: Н. Д — н

Печатается по тексту газеты

И ТОРГОВАТЬСЯ НЕ ХОТЯТ!

Струве оскорблен в лучших своих чувствах. Правительство оказалось глупее, чем он предполагал, и вести с ним дело оказалось прямо коммерчески невыгодно. Г. Струве представлял себе политику очень просто: Дума, т. е. кадетское большинство в Думе, в корректных и принятых в самых культурных купеческих сферах выражениях запросит; правительство немножко уступит, Дума в свою очередь сбавит, и таким-то образом водарится в России народная свобода. И чего только не делали для этого гг. кадеты! И вдруг такое непонимание со стороны правительства, такое отсутствие всякой торговой сметки!

Г. Струве негодует:

В требованиях и предположениях Думы оно (правительство) могло бы еще, обойдя одни, принять и сделать своими другие. Оно могло бы пойти на радикальные уступки в политической области и постараться убавить что-нибудь в области экономической. Оно могло бы поступить наоборот. Но отвергнуть все существенное во всех *спорных* областях и отказом в земельной реформе, основанной на принудительном отчуждении частновладельческих земель, бросить вызов народной нужде и народному правосознанию могли только люди, государственное понимание которых стоит на самом низком уровне.

Итак: требования Думы, заявленные в ее адресе, это *спорная* область; это не то *необходимое*, что должно быть отвоевано всеми и всяческими способами и что немедленно же подлежит дальнейшему расширению, это только арена для торговли.

Амнистия, всеобщее избирательное право, свободы и принудительное отчуждение земли — все это спорно, на всем этом можно поторговаться и... уступить, при условии, что и правительство даст что-либо взамен.

Это надо запомнить. Г. Струве в пылу негодования выболтал ту тактику кадетов, на которую всегда указывали народу социал-демократы.

Народные требования даже в том урезанном и кадетски-искаженном виде, в каком они вошли в адрес, — это для кадетской партии не необходимый минимум, а лишь высшая цена, которую заранее предположено было спустить. К сожалению г. Струве, сделка не состоялась... за отсутствием у правительства «государственного понимания». По свидетельству г. Струве — оно стоит на самом низком уровне. Почему? — Да потому, что гг. Треповы и Горемыкины и Стишинские не хотят торговаться с кадетами насчет народных прав, а прямо их отвергают.

Высокий же уровень «государственного понимания» — ясно — заключается в том, чтоб откровенно торговаться народной свободой.

Запомните же, рабочие и крестьяне! Накануне горемыкинской речи в Думе гг. кадеты полагали, что «государственное понимание» заключалось в том, чтоб сторговаться с Треповым насчет урезки народных требований, выраженных в адресе.

К вящей печали гг. кадетов — сделки никак не выходит. Столкновение реальных интересов пролетариата и крестьянства и реальных же интересов старой власти в ее борьбе за существование не может уложиться в рамки дипломатических сделок. И не от того или другого «уровня государственного понимания» г. Струве или г-на Трепова проистекает невозможность для русской революции стать на кадетские рельсы. Самый характер столкнувшихся интересов толкает русскую революцию на путь открытой борьбы революционных и контрреволюционных сил.

И поэтому-то обречены на постоянные разочарования гг. торговцы народной свободой, маклеры в революции, дипломаты во время войны.

К ВОЗЗВАНИЮ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ¹²⁵

Мы горячо приветствуем воззвание рабочей группы думских депутатов, всего более близкой к нам по убеждениям, — это первое прямое обращение депутатов не к правительству, а к народу. Примеру рабочих депутатов должна была бы, по нашему мнению, последовать и Трудовая или крестьянская группа Думы.

Много верного сказано в обращении рабочих депутатов, но есть в нем, по нашему мнению, кое-какие недочеты.

Товарищи рабочие хотят «стремиться к тому, чтобы Дума подготовила созыв учредительного собрания». Едва ли они могут рассчитывать в этом на всю Думу или хотя бы даже на ее большинство. Либералы, господствующие в Думе, не раз обещали народу созвать учредительное собрание, — они не только не исполнили этого обещания, но даже не выставили в Думе громко и твердо такого требования. Только на Трудовую группу — на крестьянских представителей — могут более или менее уверенно рассчитывать в этом рабочие депутаты. И потому рабочий класс не может поставить своей задачей поддерживать *всю Думу*, — слишком ненадежны русские либералы, — пусть лучше рабочие направят свои усилия на то, чтобы поддержать *крестьянских депутатов* и побудить их выступить вполне самостоятельно, — и действовать, как настоящие представители революционного крестьянства.

Пролетариат доказал свою способность к борьбе. Он собирает теперь силы, чтобы начать новую решительную борьбу, но начать ее не иначе, как вместе с крестьянами. Правы, поэтому, рабочие депутаты, призывающие пролетариат не поддаваться ни на чьи провокации и без

нужды не вызывать разрозненных столкновений с врагами. Слишком дорога пролетарская кровь, чтобы проливать ее без необходимости и верной надежды на победу.

Только крестьянская масса, сознавшая бессилие и недостаточность нынешней Думы, может послужить для рабочих твердой опорой, дающей верную победу. Хотя и очень полезны приговоры и постановления рабочих собраний в деле организации рабочего класса для борьбы, но не в них можно найти действительную опору против такого врага, который приготовился уже самым зверским насилием ответить на требования народа. Напротив, и крестьянским массам рабочий класс должен разъяснять, что они ошибаются, возлагая надежды в простоте душевной на просьбы, приговоры, ходатайства и жалобы.

Не к тому идет все дело теперь в России, чтобы можно было словами и голосованиями решить великий спор о судьбе народа — *земле и воле*.

«Волна» № 21, 19 мая 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Волна»

ВОПРОС О ЗЕМЛЕ И БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

Вопрос о земле обсуждается в Думе. Выступают два главных решения этого вопроса: решение кадетов и решение «трудовиков», т. е. крестьянских депутатов.

Относительно этих решений Объединительный съезд РСДРП совершенно верно сказал в резолюции об отношении к крестьянскому движению: «буржуазные партии стремятся использовать и подчинить себе крестьянское движение — одни (с.-р.) в целях утопического мещанского социализма, другие (к.-д.) с целью сохранить до известной степени крупное частное землевладение и, в то же время, удовлетворяя частичными уступками собственнические инстинкты крестьянства, ослабить революционное движение».

Рассмотрим значение этой резолюции с.-д. съезда. Кадеты — партия полупомещичья. В ней много либеральных помещиков. Она старается отстоять интересы помещиков, идя лишь на неизбежные *уступки* крестьянам. Кадеты стараются оградить, насколько возможно, крупное частное землевладение, не соглашаясь на полное отчуждение всех помещичьих земель в пользу крестьянства. Отстаивая выкуп крестьянами земли, т. е. *покупку* крестьянами помещичьих земель чрез посредство государства, кадеты стремятся к превращению верхов крестьянства в «партию порядка». В самом деле, как ни устраивайте выкупа, какие «справедливые» цены ни назначайте, все же выкуп легче дастся состоятельному крестьянству и тяжело ляжет на крестьянскую бедноту. Какие бы правила насчет общинного выкупа и т. п. ни писались на бумаге, — на деле неизбежно земля останется в руках того, кто сможет ее выкупать. Вот почему выкуп земли

сводится к тому, чтобы усилить богатых крестьян за счет бедных, чтобы разъединить крестьянство, чтобы ослабить этим разъединением крестьянства его борьбу за полную свободу и за всю землю. Выкуп сводится к тому, что более состоятельные крестьяне *переманиваются* от дела свободы на сторону *старой власти*. Выкупать земли значит откупаться от борьбы за свободу, выкуп есть отвлечение посредством денег части борцов за свободу на сторону противников свободы. Состоятельный крестьянин, выкупающий свою землю, станет маленьким помещиком, и переход его на сторону старой, помещичье-чиновничьей, власти будет особенно легок и прочен.

Поэтому совершенно справедливы слова с.-д. съезда, что кадетская партия (эта полупомещичья партия) защищает меры, *ослабляющие* революционное движение, т. е. борьбу за свободу.

Теперь рассмотрим, как решают вопрос о земле «трудовики» или крестьянские депутаты в Думе. Они еще не вполне выяснили свои взгляды. Они стоят на полдороге: между кадетами и «серыми» (партия социалистов-народников), между выкупом части земель (к.-д.) и конфискацией всех земель (с.-р.), но они все больше удаляются от кадетов и все больше приближаются к «серым».

Правильно ли говорит с.-д. съезд относительно «серых», что это — буржуазная партия, цели которой суть цели утопического мещанского социализма?

Возьмем самый последний проект земельной реформы, предлагаемый «серыми» и напечатанный вчера в их газете: «Народный Вестник» (№ 9)¹²⁶. Это — закон об уничтожении всякой частной собственности на землю и о «всеобщем уравнительном пользовании землею». Почему хотят «серые» ввести уравнительное пользование землей? Потому, что они хотят уничтожить разницу между богатыми и бедными. Это желание социалистическое. Все социалисты хотят этого. Но социализм бывает разный, есть даже на свете поповский социализм, есть социализм мещанский, есть социализм пролетарский.

Мещанский социализм есть мечтание мелкого хозяйчика о том, как бы уничтожить различие между богатыми и бедными. Мещанский социализм полагает, что можно всех людей сделать «уравнительными» хозяйчиками, не бедными и не богатыми. Мещанский социализм пишет проекты

законов о всеобщем уравнительном пользовании землей. На самом же деле нельзя уничтожить нищету и бедность таким образом, как хочет это сделать мелкий хозяйчик. Не может быть уравнительного *пользования* землей, пока есть на свете власть денег, власть капитала. Никакие законы в мире не в силах будут уничтожить неравенство и эксплуатацию, пока остается хозяйство на рынок, пока держится власть денег и сила капитала. Только устройство крупного общественного, планомерного хозяйства, при передаче собственности на все земли, фабрики, орудия рабочему классу, в состоянии положить конец всякой эксплуатации. Пролетарский социализм (марксизм) разоблачает поэтому всякие неосновательные надежды мелкого хозяйства и даже вообще сохранения мелкого хозяйства при капитализме.

Сознательный пролетариат всеми силами поддерживает крестьянскую борьбу за всю землю и за полную свободу, но он предостерегает крестьян от всяких ложных надежд. Крестьяне могут, при помощи пролетариата, сбросить с себя всю власть помещиков, могут совершенно положить конец помещицкому землевладению и помещицье-чиновничьему государству. Крестьяне могут даже уничтожить частную собственность на землю вообще. Все такие меры принесут громадную пользу и крестьянству, и рабочему классу, и всему народу. Интересы рабочего класса требуют самой дружной поддержки крестьянской борьбы. Но самое полное свержение власти помещиков и чиновников не подорвет еще нисколько власти капитала. И только в таком обществе, где не будет помещицьей и чиновничьей власти, решится последняя великая борьба между пролетариатом и буржуазией, борьба за социалистическое устройство.

Вот почему социал-демократы решительно борются с предательской программой кадетов и предостерегают крестьян от ложных надежд на «уравнительность». Чтобы добиться успеха в настоящей борьбе за землю и за волю, крестьяне должны действовать совершенно самостоятельно и независимо от кадетов. Крестьяне не должны увлекаться разбором всяких проектов земельного устройства. Пока власть остается у старого самодержавного, помещицье-чиновничьего правительства, все эти проекты

о «трудовых нормах», об «уравнительности» и пр. — пустое и праздное занятие. Крестьянская борьба за землю только ослабляется этой грудой параграфов и правил в проектах, которые старая власть либо выбросит вовсе вон, либо превратит в новый способ обманывания крестьянина. «Проекты земельного устройства» не облегчают крестьянам понимание того, как добиться земли, а скорее затрудняют правильное понимание дела. Эти проекты загромождают вопрос о старой власти чиновничьего правительства мелкими, ничтожными канцелярскими выдумками. Эти проекты засоряют головы мечтаниями о добром начальстве, когда на деле остается со всем его безграничным насилием старое дикое начальство. Бросьте игру в бумажные «проекты земельного устройства», господа, — крестьяне устроятся легко с землей, когда не будет помехи старой власти, — обратите лучше все внимание на борьбу крестьян за полное устранение всякой такой помехи.

Написано 19 мая (1 июня) 1906 г.

*Напечатано 20 мая 1906 г.
в газете «Волна» № 22*

Печатается по тексту газеты

ГОРЕМЫЧНИКИ, ОКТЯБРИСТЫ И КАДЕТЫ

Вчера мы отметили новую бесславленную победу кадетов над трудовиками в Государственной думе. Кадеты заставили трудовиков взять назад их предложение об обращении к народу и об обсуждении законопроекта об отмене смертной казни без соблюдения формальностей, сводящих Думу до жалкого и бессильного придатка бюрократии.

Сегодня нововременские горемычники¹²⁷ и октябристы из «Слова» вполне подтверждают эту оценку победы кадетов над трудовиками. «Трудовая группа — пишет «Новое Время» — предложила нечто... идущее вразрез статье учреждения Думы. А именно, она требовала, чтобы Государственная дума перешла к суждению о самом существовании законопроекта и затем к баллотировкам без соблюдения месячного срока и, следовательно, без предоставления министру юстиции возможности высказать свое мнение. Малейшее поползновение к тому добродушничанью, к которому русские люди подчас бывают склонны в ущерб законности, — должно было повлечь Думу к совершению действий несомненно незаконных, со всеми последствиями, которые создаются скользким и покатым путем «явочного порядка»».

Ораторы к.-д., продолжает «Новое Время», «горячо возражали против предложенной трудовиками незаконной меры» и «одержали блестящую победу». По поводу взятия трудовиками своего предложения назад «Новое Время» замечает: «Все кончилось к общему благополучию и вящему торжеству права». Что горемычники ликуют по поводу торжества *такого* права, это естественно, от них никто не ждет ничего иного. От кадетов, к сожалению,

ждут слишком многие. «Всякий депутат, — заканчивает «Новое Время», — который станет подражать примеру г. Аладьина, несомненно заслужит упрек в непростительном легкомыслии».

В октябристском «Слове» г. Ипполит Гофштеттер читает выговор кадетам и отечески журит их: «В воздухе начинает пахнуть настоящей революцией». Кадеты не хотят ее и должны быть благоразумны. «Покамест существующий закон предоставляет хоть какую-нибудь возможность дальнейших вполне закономерных правовых политических и социальных завоеваний, священный долг сознательно-передовых членов Государственной думы — стойкая оппозиция на почве закона, а не вызывание конфликтов во что бы то ни стало».

Позиция горемычников и октябристов ясна. Пора яснее и трезвее оценить родственную им позицию кадетов.

Написано 19 мая (1 июня) 1906 г.

Напечатано 20 мая 1906 г.

в газете «Волна» № 22

Подпись: Н. Л — н

Печатается по тексту газеты

СВОБОДА КРИТИКИ И ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ ¹²⁸

В редакцию доставлен следующий листок, подписанный ЦК РСДРП:

«Ввиду того, что некоторыми партийными организациями возбужден вопрос о пределах свободы критики решений партийных съездов, Центральный Комитет, принимая во внимание, что интересы российского пролетариата всегда требовали наибольшего единства в тактике РСДРП и что теперь это единство политических действий отдельных частей нашей партии является больше, чем когда-либо, необходимым, — полагает:

1) что в партийной прессе и на партийных собраниях должна быть всем предоставлена *полная свобода* высказывать свое личное мнение и защищать свои особые взгляды;

2) что на широких политических собраниях члены партии не должны вести *агитации*, идущей вразрез с постановлениями съезда;

3) что никто из членов партии не должен на *таких* собраниях *ни призывать к действиям, противоречащим решениям съезда*, ни предлагать резолюции, не согласные с решениями съезда». (Курсив везде наш.)

Рассматривая эту резолюцию по существу, мы видим в ней целый ряд странностей. Резолюция гласит, что «на партийных собраниях» предоставляется «полная свобода» личного мнения и критики (§ 1), а на «широких собраниях» (§ 2) «никто из членов партии не должен призывать к действиям, противоречащим решениям съезда». Подумайте-ка, что это такое выходит: на партийных собраниях члены партии *вправе* призывать к действиям, противоречащим решениям съезда, — на широких собраниях *не* «предоставляется» полной свободы «высказывать личное мнение»!!

Составители резолюции совершенно неправильно поняли соотношение между *свободой критики* внутри партии и *единством действия* партии. Критика, в пределах *основ* партийной программы, должна быть вполне свободна

(напомним, хотя бы, речь Плеханова об этом на втором съезде РСДРП) и не только на партийных, но и на широких собраниях. Запрещать такую критику или такую «агитацию» (ибо критики нельзя отделить от агитации) невозможно. Политическое действие партии должно быть едино. Никакие «призывы», нарушающие единство определенных действий, недопустимы ни на широких собраниях, ни на партийных собраниях, ни в партийной печати.

Очевидно, ЦК определил свободу критики неточно и слишком узко, а единство действия — неточно и слишком широко.

Возьмем пример. Съезд постановил выбирать в Думу. Выборы — вполне определенное действие. На время выборов (например, в Баку теперь) *никакие призывы не выбирать* абсолютно недопустимы *нигде* со стороны членов партии. В это время недопустима и «критика» постановления о выборах, потому что она на практике подрывала бы успех избирательной агитации. Напротив, *критика* решения участвовать в выборах в *такое* время, когда выборы еще не назначены, допустима *везде* со стороны членов партии. Конечно, применение этого принципа на практике тоже вызовет иногда споры и недоразумения, но *только* на основе *именно* этого принципа *все* споры и все недоумения могут быть решены с честью для партии. А резолюция ЦК создает нечто невозможное.

Резолюция ЦК и неправильна по существу, и *противоречит уставу партии*. Принцип демократического централизма и автономии местных учреждений означает именно *свободу критики*, полную и повсюду, раз не нарушается этим *единство определенного действия*, — и недопустимость *никакой* критики, подрывающей или затрудняющей *единство* решенного партией действия.

Мы считаем большой ошибкою со стороны ЦК издание резолюции по этому важному вопросу без всякого предварительного обсуждения его партийной печатью и партийными организациями; такое обсуждение помогло бы ему избежать указанных нами ошибок.

Мы призываем все партийные организации обсудить теперь резолюцию ЦК и определенно выразить свое отношение к ней.

ПЛОХИЕ СОВЕТЫ

Товарищ Плеханов выступил в «Курьере»¹²⁹ с письмом к рабочим. Он дает им советы, как вести себя. Он рассуждает так. Правительство не препятствует самой резкой критике Думы. Оно делает это для того, чтобы ослабить поддержку Думы со стороны народа. Правительство хочет вызвать рабочих на бой, когда рабочие еще не готовы. Рабочие должны расстроить планы правительства. Они не должны смущаться тем, что в Думе господствуют буржуазные партии. Буржуазия, преобладающая в Думе, требует свободы для всех и земли для крестьянства. Поэтому весь народ должен поддерживать Думу.

В этом рассуждении смешаны правильные вещи с ошибками. Разберем спокойно и подробно мысли и советы тов. Плеханова.

Первая мысль т. Плеханова. Правительство не препятствует самой резкой критике Думы, чтобы ослабить поддержку Думы со стороны народа.

Правда ли это? Посмотрим, где раздавалась в последнее время самая резкая критика Думы? На страницах таких газет, как «Невская Газета», «Дело Народа»¹³⁰, «Волна», а затем на народных собраниях. Либеральная буржуазия, кадеты, имеющие большинство в Думе, были вне себя от гнева на эту критику и особенно на народные собрания в Петербурге. Кадеты доходили до того, что удивлялись, почему частные пристава не обращают внимания на социалистические митинги.

Как поступило правительство? Оно закрыло газеты «Дело Народа» и «Невскую Газету», оно привлекло «Волну» к трем судебным делам. Оно запретило митинги

и объявило о судебном преследовании за митинг 9 мая в доме Паниной.

Мы видим отсюда ясно, что тов. Плеханов *неправ.* Он впал в грубую ошибку.

Рассмотрим теперь вторую мысль т. Плеханова. Правительство хочет вызвать рабочих на бой, когда рабочие еще не готовы. Неразумно поддаваться на вызов, неразумно звать теперь же к оружию.

Это справедливая мысль. Но т. Плеханов излагает ее так не полно, что вызывает самые вредные недоразумения. Именно, он забывает добавить, во-первых, что все поведение правительства и все его отношение к Думе делает неизбежной новую борьбу вне Думы. Он не указывает, во-вторых, что рабочие должны будут вместе с крестьянством идти на эту борьбу, вопреки колеблющейся и предательской либеральной буржуазии.

Излагая неполно справедливую мысль, Плеханов не сознает того, что он льет воду на мельницу либеральной буржуазии, добившейся запрещения социалистических митингов. Буржуазия старается представить дело так, что *всякие* указания социалистов на негодность кадетов, на борьбу вне Думы являются вредным вызовом рабочих на бой *теперь же*. Буржуазия сознательно лжет на социалистов, а Плеханов, ошибаясь в оценке политического положения, помогает этой лжи.

Возьмите, например, «Волну», которую всего более ругала и поносила буржуазия. Звала ли «Волна» на бой теперь же? Нет, не звала. Буржуазия лгала против «Волны». «Волна» говорила еще *две недели тому назад* (№ 10): «Мы не должны форсировать (т. е. искусственно ускорять, подгонять, подхлестывать) событий. Ускорять взрыв сейчас не в наших интересах. Это не подлежит сомнению*». Кажется, ясно? Почему же буржуазия лгала и клеветала на социалистов? Потому, что они говорили правду о неизбежности борьбы вне Думы и о том, что борьбу поведет пролетариат и крестьянство *вопреки* предательству либеральной буржуазии.

Возьмите резолюцию, принятую в доме Паниной (эта резолюция напечатана в «Волне» № 14 и в ряде других газет**). Призывает ли эта резолюция на бой *теперь же*?

* См. настоящий том, стр. 358. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 377. *Ред.*

Нет, не призывает. Почему же бесновалась либеральная буржуазия и все кадеты в диком гневе на эту резолюцию? Потому, что она говорит правду, разоблачая в первую голову правительство («глумится над народным представительством», «готовится ответить насиллием»), затем либералов («робко и неполно выражают народные требования», «колеблются между свободой и старой властью»); — потому, что эта резолюция зовет трудовиков, крестьянских депутатов *выступить решительно, совершенно независимо от кадетов*; — потому, наконец, что резолюция говорит открыто о неизбежности решительной борьбы вне Думы. Буржуазия искажала смысл этой резолюции, чтобы представить социалистов людьми, неразумно зовущими на бой теперь же, и чтобы *отвести глаза* от тех обвинений, которые действительно выдвигаются против буржуазии. Буржуазия поступала так, правильно понимая свои интересы. Т. Плеханов ошибается, подпевая буржуазии; ибо он неправильно оценивает настоящее отношение пролетариата к правительству и к буржуазии.

Возьмите третью мысль т. Плеханова. «Буржуазия в Думе требует свободы для всех и земли для крестьянства». Правда ли это? Нет, это только половина правды, или даже четверть правды. Буржуазия не требует, а просит у старой власти. Буржуазия запрещала в Думе говорить о «требованиях». Буржуазия (кадеты) требует *такой «свободы»*, например, печати, чтобы можно было сажать в исправительный дом и ссылать на каторгу за речи социалистов*¹³¹. Буржуазия требует *не* земли для крестьян, а *продажи части земли* крестьянам (ибо выкуп есть один из видов купли-продажи). Правильно ли поступает т. Плеханов, умалчивая об этой *неполноте*, об этой *робости* буржуазных проектов, об этом колебании кадетов? Нет, он поступает совершенно неправильно. Какое значение имеет эта ошибка т. Плеханова? Она весьма опасна для пролетариата и для успеха борьбы за свободу. Все социалисты согласны в том, что эта борьба решится вне Думы, и что она может разгореться, даже вопреки нам, не в очень далеком будущем. В этой борьбе пролетариат может и должен идти с крестьянством, *не доверяя* колеблющейся, предательской, переметчивой либеральной бур-

* См. «Волна» № 22, статья «Новый каторжный законопроект».

жуазии. Нет ничего опаснее в борьбе, как доверие к переметным сумам. Умалчивая о робости, колебаниях и изменах либеральной буржуазии накануне нового поворота к новой борьбе, мы приносим вред пролетариату и делу свободы.

Теперь, последняя мысль или совет т. Плеханова. «Весь народ должен единодушно поддержать Думу». Не надо рабочим смущаться тем, что в Думе господствуют буржуазные партии.

Справедливо, что рабочие не должны «смущаться» этим. Они и не смущаются этим. Они готовы поддержать буржуазию в борьбе с правительством. Но вопрос в том, *какую* буржуазию *как* поддержать в *какой* борьбе. Кадетам привычно замалчивать эти вопросы, которые разоблачают их шаткость. Социал-демократу т. Плеханову неприлично умалчивать об этих вопросах.

Поддерживать «Думу» вообще значит поддерживать *кадетскую* Думу, ибо кадеты в ней господствуют. Марксист не должен рассматривать Думу, как «народное» представительство вообще. Он обязан разобратить, какие именно классы говорят именем этой Думы.

Можно ли поддерживать кадетскую Думу вообще? Нет, нельзя, ибо пролетариат должен разоблачать и клеймить каждый шаткий и нетвердый шаг Думы. Товарищи из «Курьера» на той же странице, где напечатана статья т. Плеханова, говорят: «левая часть Думы (т. е. Трудовая и рабочая группы) покорно терпит унижительную и *реакционную* опеку гг. Муромцева и Долгорукова» (председатели Думы, оба кадеты). Вот это правда. Вот это — настоящая речь социалиста. Может ли «народ» или пролетариат поддержать единодушно ту «Думу», которая является орудием *реакционной* опеки либералов над трудовиками? Нет, не может и не поддержит.

В Думе две главных буржуазных партии: кадеты и трудовики. Первые — буржуазия соглашательская, предательская, заведомо готовящая сделку с самодержавием, заведомо неспособная на решительную борьбу. Вторые — буржуазия мелкая, трудящаяся, угнетенная неимоверно, мечтающая об уравнительной дележке земли, способная на самую решительную, беззаветную борьбу, толкаемая к этой борьбе всем ходом событий и всем поведением правительства. *Какую* буржуазию должен «теперь эсе»

поддержать пролетариат? *Вторую*, предостерегая «народ» от ненадежности первой. Пролетариат должен поддержать и поддержит трудовиков против кадетов, разоблачая «реакционную опеку» кадетов над трудовиками, призывая трудовиков сбросить эту опеку.

Теперь последний вопрос: как поддержать и в какой борьбе? Внутри Думы поддерживать кого-либо значит голосовать за него. Рабочая группа, как известно, отказалась голосовать за кадетский («думский» вообще) ответ на адрес. Рабочие депутаты отказались «поддержать» *единодушно* «Думу». Что ж, и здесь рабочие сделали «ошибку»? Если тов. Плеханов думает так, то пусть он скажет это прямо, — такие вещи надо говорить без недомолвок.

Поддержка серьезная, поддержка настоящая будет оказана вне Думы. Это зависит не от нас, а от всего хода событий, от самой сущности теперешней борьбы, ибо это — борьба не Думы с министерством, а народа со старой властью. Такую «поддержку Думы» странно и неправильно называть только «поддержкой». Это будет решительная борьба вне Думы; пролетариат должен начать ее только совместно с крестьянством; пролетариат и крестьянство победят в ней вопреки всей шаткости, колебаниям, изменам и заигрыванию с реакцией со стороны либеральной, кадетской, «думской» буржуазии.

Мы видим теперь, как плохи советы т. Плеханова рабочему классу. Наш Объединительный съезд с.-д. сделал некоторую ошибку, немного подвинув партию вправо и недостаточно оценив опасность увлечься поддержкой кадетов. Т. Плеханов делает большую ошибку, двигаясь непомерно далеко вправо, призывая вполне, целиком и без оговорок к поддержке пролетариатом кадетов и кадетской Думы.

ТОЛКИ И СЛУХИ О РОСПУСКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

В газетах было уже отмечено краткое сообщение «Правительственного Вестника» о предположении распустить Государственную думу 15 июня на летние вакации! Теперь агентские телеграммы опровергают это сообщение, но опровергают, как верно говорит «Речь», двусмысленно, никого и ни в чем не убеждая.

Возможность того, что Думу через несколько недель распустят «на лето», остается налицо. Поэтому большой интерес представляет поднимаемый «Курьером» вопрос, *разойдется* ли Дума. «Курьер» цитирует слова г. Родичева в Государственной думе: «мы никогда не разойдемся, пока не исполним того, за чем нас сюда прислали», и слова другого кадета, г. Гредескула: «У Думы остается в этой борьбе (с правительством) еще важнейший ресурс — ее законодательная власть и, только исчерпав его, Дума имеет право уйти и заявить народу о своем бессилии».

«Курьер» *надеется*, что г. Родичев «серьезно» предлагает Государственной думе не расходиться, если правительство ее распустит. «Курьер» решительно поддерживает поэтому Родичева против Гредескула. «Курьер» с вполне законным презрением говорит при этом о перспективе: «нагородить кучу законов» (частью — прямо каторжных, добавим от себя, частью робких и нерешительных), «лишь затем, чтобы засвидетельствовать перед всем народом свое бессилие и отойти в сторону».

Нас очень радует это признание товарищами из «Курьера» смешной и грязной роли Думы, если она будет только «городить кучу законов», «демонстрировать свое бессилие». Нас очень радует также, что товарищи из

«Курьера» считают возможным говорить о Думе, как о «центре сосредоточения народных сил, ядре, вокруг которого складывается организация этих сил и объединяется движение» в связи *только* с перспективой *отказа* со стороны Думы разойтись. Мы готовы допустить, что Дума, *отказывающаяся* ограничиться одной подзаконной почвой, могла бы послужить движению больше, чем она теперь служит. Но до сих пор мы видели со стороны кадетской Думы только борьбу с робкими попытками трудовиков встать на этот путь. И мы не «надеемся», что г. Родичев говорил «серьезно». Кроме того, мы думаем, что, если гг. Родичевы способны хоть когда-нибудь сойти с подзаконной почвы и пойти на шаг вроде отказа разойтись, то *выбор такого момента не следует предоставлять правительству*. Отказ разойтись есть выбор такого момента для решительного столкновения, который зависит от правительства, ибо оно будет издавать указ о роспуске Думы. Между тем те, кто хочет выбора наилучшего момента для столкновения (т. е. трудовики, ибо на кадетов мы не вправе надеяться), должны вести дело так, чтобы этот момент *они сами выбрали*, а не предоставили правительству его выбрать. Возможно ведь, что правительство не будет мешать кадетам «городить кучу законов», по меткому и ядовитому выражению «Курьера».

«Волна» № 23, 21 мая 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Волна»

КАУТСКИЙ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ^{13а}

Вышла новая брошюрка К. Каутского: «Государственная дума» (издательство «Амиран», Спб. 1906 г., ц. 3 к.). Чрезвычайно интересно отметить некоторые мысли автора, касающиеся спорных вопросов русской социал-демократии. Прежде всего о бойкоте Думы. Читатели знают, конечно, каким дешевеньким приемом отделялись и отделяются от этого вопроса наши с.-д. правого крыла. Они рассуждают просто. Участие в парламентской борьбе есть социал-демократизм, неучастие — анархизм. *Значит* бойкот был ошибкой, а большевики — анархисты. Так именно рассуждал, например, горе-социал-демократ тов. Негорев, так рассуждает и масса его единомышленников.

Каутский — марксист. *Поэтому* он рассуждает иначе. Он считает необходимым рассмотреть *конкретные исторические условия России*, а не повторить шаблонные для европейца словечки.

«При таких условиях, — пишет Каутский, обрисовав вкратце дубасовские порядки, — при таких условиях *нет ничего удивительного*, что большинство наших русских товарищей усмотрели в созываемой таким путем Думе не что иное, как возмутительнейшую подделку народного представительства, и решили бойкотировать ее и не принимать участия в избирательной кампании».

Каутский не находит ничего удивительного в тактике «бланкизма» и «анархизма». Не правда ли, как поучительно подумать над этим товарищу Плеханову и всем меньшевикам?

«Нет ничего удивительного, — пишет дальше Каутский, — если большинство наших русских товарищей,

вместо вступления в избирательную кампанию, чтобы затем попасть в Думу, сочли *более целесообразным* бороться с целью сорвать эту Думу и добиться учредительного собрания».

Вывод отсюда ясный. Конкретные исторические вопросы марксисты должны решать на основании внимательного разбора всех политических условий момента, а не на основании голых фраз о противоположности бланкизма-анархизма и т. п.

В то время, как у нас становится модой среди с.-д. повторять вслед за кадетами, что бойкот был ошибкой, Каутский, разбирая вопросы вполне беспристрастно, и в мыслях не имеет ничего подобного такому заключению. Он не торопится преклониться рабски перед фактом созыва Думы, хотя пишет уже в такое время, когда неудача попытки «сорвать Думу» стала фактом. Но Каутский не из тех, кто после каждой неудачи (хотя бы, напр., неудачи декабрьской) торопится каяться и признавать «ошибку». Каутский знает, что неудачи в борьбе пролетариата далеко, далеко не всегда означают его «ошибки».

Другое важное место в брошюре Каутского касается вопроса о том, кто, т. е. какие классы или группы общества, могут победить в современной русской революции. «Крестьяне и пролетариат — пишет Каутский — будут все энергичнее и бесцеремоннее» (запомните это, товарищи из «Невской Газеты», одобрявшие кадетскую «мудрость») «толкать влево членов Думы, будут все больше укреплять ее *левое крыло*, все больше ослаблять и парализовать своих противников, пока они совсем их не победят» (стр. 8).

Итак, Каутский ждет, что победят в современной русской революции *крестьяне и пролетариат*. Не объяснят ли нам товарищи-меньшевики, в чем состоит разница между революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства и победой этих последних? Не обвинят ли Каутского в бланкизме или народовольчестве за идею, что в *буржуазной* революции может *победить* не буржуазия, а крестьянство и пролетариат?

Кто захочет подумать над этим вопросом, тот приблизится к уяснению себе коренной ошибки меньшевиков, всегда склоняющихся к тому, что в буржуазной революции может идти речь только о главенстве буржуазии, всегда пугающихся поэтому идеи завоевания власти

(а победа в революции и есть завоевание власти) крестьянством и пролетариатом.

Третья важная и ценная мысль К. Каутского — о значении Думы, как нового центра, как крупного шага в деле организации движения. «В каком бы направлении ни пошла Дума, — говорит Каутский, — посредственные и непосредственные, намеренные или ненамеренные толчки, которые она отныне дает революции, будут оказывать действие одновременно по всей России и всюду одновременно вызывать противодействие».

Это совершенно справедливо. Кто приписывает теперь большевикам мысль, будто они предлагают «пройти мимо» Думы или даже прогнать ее, будто они игнорируют Думу, тот говорит неправду. Еще на Объединительном съезде большевики внесли резолюцию, в которой говорилось:

«Социал-демократия *должна использовать Государственную думу и столкновения ее с правительством или конфликты внутри нее, борясь с реакционными ее элементами, беспощадно разоблачая непоследовательность и шаткость кадетов, особенно внимательно следя за элементами крестьянской революционной демократии, объединяя их, противопоставляя их к.-д., поддерживая те их выступления, которые отвечают интересам пролетариата**, и т. д.

Кто захочет судить о большевиках на основании их резолюций, а не рассказней Негоревых, тот увидит, что между Каутским и большевиками *нет никаких разногласий по вопросу о Государственной думе.*

О парламентской фракции с.-д. в Думе Каутский в отмеченной брошюре не говорит вовсе.

«Вестник Жизни» № 6,
23 мая 1906 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
журнала «Вестник Жизни»

* См. настоящий том, стр. 267. Ред.

КАДЕТЫ, ТРУДОВИКИ И РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Как ни искажено представительство народа в Государственной думе в силу избирательного закона и обстановки выборов, тем не менее и оно дает не мало материала для изучения политики разных классов России. И оно помогает исправлять ошибочные или узкие взгляды по этому вопросу.

Все яснее становится правильность того деления буржуазных партий на три главные типа, которое отстаивали большевики в проекте своей резолюции к Объединительному съезду*. Октябрьсты, кадеты, революционные или крестьянские демократы — таковы эти три главные типа. Само собою понятно, что полного и окончательного сплочения партий каждого типа нельзя и ждать: слишком недавно началось открытое выступление разных классов русского общества на сколько-нибудь свободную политическую арену.

Октябрьсты — это уже прямая классовая организация помещиков и крупных капиталистов. Контрреволюционный (противореволюционный) характер этой части буржуазии ясен вполне. Она стоит на стороне правительства, хотя и продолжает еще спорить с ним о дележе власти. Гейдены и К^о иногда даже сливаются с кадетами в оппозиции к старой власти, но даже самые податливые к увлечению всякой «оппозицией» люди не забывают из-за этого настоящей сущности октябристской партии.

Кадеты — главная из партий второго типа. Эта партия не связана исключительно с каким-нибудь одним классом

* См. настоящий том, стр. 137—138. *Ред.*

буржуазного общества, но тем не менее она насквозь буржуазна. Ее идеал — очищенное от крепостничества, упорядоченное буржуазное общество, в котором против посягательств пролетариата должна быть охрана вроде... верхней палаты, постоянной армии, невыборного чиновничества, каторжных законов о печати и т. п. Кадеты — партия полупомещицья. Она мечтает откупиться от революции. Она жаждет сделки со старой властью. Она боится революционной самостоятельности народа. Шаткость и неустойчивость этой партии становится все очевиднее по мере развития ею открытой политической деятельности, особенно в Государственной думе. И голоса недалековидных, ослепленных минутным успехом людей о поддержке кадетов, никогда не встретят поэтому широкого отклика в рабочем классе.

Третий тип буржуазных партий — трудовики, т. е. крестьянские депутаты Гос. думы, выпустившие на-днях свою программу. Возникновение такого типа политических партий в России давно уже прослеживали революционные социал-демократы. Крестьянский союз был одной из ячеек такой партии, радикальные союзы неимущей интеллигенции тяготели в известной степени к ней же, социалисты-революционеры развивались в том же направлении, вырастая из узкой оболочки интеллигентской группы. Разнообразие видов и оттенков этого течения вполне соответствует разнообразию видов и громадной численности «трудящейся» мелкой буржуазии в России. Крестьянство — главный оплот этого течения, этих партий. Объективные условия вынуждают крестьянство на решительную борьбу против помещичьего землевладения, против помещицкой власти и тесно связанной с нею всей старой государственной власти вообще. Эта буржуазная демократия *вынуждена* становиться революционной, тогда как либералы, кадеты и т. п. представляют буржуазную, *вынужденную* условиями ее существования искать сделки со старой властью. Понятно, далее, что крестьянство облакает свои стремления в форму утопий, т. е. неосуществимых пожеланий, вроде уравнительности землепользования при сохранении господства капитала.

Сознание особенности своих классовых интересов от интересов революционной демократии заставляет пролетариат организоваться в строго самостоятельную

классовую партию. Но социалистический пролетариат из-за своей критической задачи по отношению к пустым мечтам никогда не забудет своей положительной задачи: всеми силами поддерживать революционную демократию в борьбе со старой властью и старым порядком, предостерегая народ от неустойчивости либеральной буржуазии, уменьшая вред этой неустойчивости своим боевым соглашением с революционным крестьянством.

Такова должна быть *основа* всей тактики, всего политического поведения с.-д. пролетариата в данный момент. Чтобы действовать вместе с крестьянством, он должен стараться просветить, поднять и втянуть его в борьбу, неуклонно разоблачая его веру в «ходатайства», «приговоры», в Государственную думу — это всероссийское учреждение ходатайства. «Доводить широкую массу до сознания полной непригодности Думы» (резолуции Объединительного съезда) — такова задача пролетариата. И ради совместных выступлений с крестьянством он строго должен воздерживаться от одиночных, несвоевременных вспышек. Но в тех же целях успешности неизбежной грядущей борьбы необходимо самое беспощадное разоблачение шаткости кадетов, самая ясная постановка вопроса о «полной непригодности Думы», самая решительная борьба с попытками затушевать различия между кадетами и трудовиками.

Вот с какой точки зрения должен социалистический пролетариат оценивать отношение между кадетами и трудовиками. Возьмите вопрос о земельной реформе. Кадеты хотят *выкупа*. Трудовики хотят лишь дать *вознаграждение* за землю, — может быть, в виде пенсии или дарового места в богадельне. «Волна» уже разъясняла громадную разницу между выкупом и помещением в богадельню. Рабочая партия требует *конфискации*, т. е. отчуждения и без выкупа и без вознаграждения, хотя от признания в богадельне неимущих помещиков рабочая партия, конечно, не отказывается. Ясно, что рабочая партия должна поддерживать трудовиков против кадетов. В России выкуп земли уже сыграл однажды самую вредную роль, разорив крестьян, обогатив помещиков, усилив старую государственную власть. В России в настоящее время сторонниками выкупа могут быть лишь те, кто наполовину является сторонником правительства.

Возьмите политическую программу. Кадеты хотят верхней палаты и неполного народовластия. Трудовики решительно высказываются за то, что над парламентом, избранным всеобщим и т. д. голосованием, не должно стоять «никаких надстроек и преград вроде Государственного совета, палаты господ, второй палаты и пр.». Трудовая группа принимает почти полностью рабочую программу-минимум с 8-час. рабочим днем и т. д. Ясно, что и тут рабочая партия должна поддерживать трудовиков против кадетов.

Возьмем вопрос о том, как быть с землей. Кадеты хотят часть земли оставить в собственность крестьян и помещиков, часть отдать государству. Трудовики хотят все земли передать, хотя и не сразу, государству, причем установить уравнительное землепользование. Ясно, что трудовики *идут дальше* в борьбе с помещичьим землевладением и с частной собственностью на землю вообще. Было бы грубой ошибкой рабочей партии и в этом вопросе не поддерживать трудовиков против кадетов. Ошибки и тех и других — вовсе не основание к тому, чтобы рабочая партия не поддерживала действительно революционную буржуазную демократию. И кадеты и трудовики ошибаются, считая возможным дать хоть часть земель в руки такого государства, которое далеко не является вполне демократическим. Лучше раздел, чем отдача земли такому государству. Но эту ошибку сделал, к сожалению, и съезд РСДРП, допустив передачу части земель в руки «демократического» государства без *точного* определения степени демократизма и полноты его. Сопоставление программ кадетской и трудовой особенно наглядно показывает ошибку с.-д. съезда.

Далее, трудовики ошибаются в том, будто мыслима «уравнительность» землепользования при сохранении товарного хозяйства. Эту мелкобуржуазную утопию рабочая партия должна самым решительным образом разоблачать и опровергать.

Но из-за борьбы с пустяковинным *мечтанием* мелкого ховяйчика было бы неразумно забывать о действительно революционной *деле* этого класса в современной революции. Так поступать не может марксист. Указанную ошибку делает, напр., «Курьер», говоря (№ 5): «законопроект Трудовой группы в своих основных чертах является далеко

неудовлетворительным» (верно!) «и не заслуживает поддержки рабочего класса» (не верно!).

Рабочая партия должна, сохраняя полную самостоятельность, поддерживать и здесь трудовиков против кадетов. Разоблачая ошибки тех и других, нельзя забывать, что трудовики идут дальше кадетов, что ошибки трудовиков получают практическое значение на более высокой ступени развития революции, чем ошибки кадетов. В лице кадетов народ *изживает* свои иллюзии о возможности соединить народную свободу с старой властью. В лице трудовиков народ *изживает* свои иллюзии о возможности соединить «уравнительность» с капитализмом. В лице кадетов народ изживает первые буржуазные иллюзии; в лице трудовиков он изживет свои последние буржуазные иллюзии. Иллюзии кадетов мешают победе буржуазной революции. Ошибки трудовиков помешают немедленной победе социализма (о какой немедленной победе рабочие и не мечтают попусту). Отсюда ясна громадная разница между кадетами и трудовиками, и рабочая партия должна строго учитывать эту разницу.

Не делая этого, мы превратили бы социалистический пролетариат из авангарда революции, из более сознательного советчика крестьянства в бессознательного пособника либеральной буржуазии.

КАК РАССУЖДАЕТ т. ПЛЕХАНОВ О ТАКТИКЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ?

В двух последних номерах «Курьера» напечатано первое письмо т. Плеханова «о тактике и бестактности». Либерально-буржуазная печать уже отметила совершенно справедливо, что т. Плеханов идет гораздо дальше вправо, чем газета «Курьер». Вся эта печать рассыпается в похвалах т. Плеханову и противопоставляет его всей остальной социал-демократии.

Присмотримся же хладнокровнее к этим рассуждениям т. Плеханова.

Т. Плеханов полемизирует с полтавской с.-д. газетой «Колоколом»¹³³. Он приводит из нее такие цитаты:

«Принятие одной социал-демократической программы — писал «Колокол» — не делает еще ни отдельную личность, ни даже целую группу социал-демократической. Для этого необходимо принятие целиком и основ социал-демократической тактики.

Отличительным признаком социал-демократии, выделяющим ее из ряда остальных партий, является, кроме ее программы, ее непримиримая классовая позиция по отношению ко всем остальным, буржуазным партиям».

Т. Плеханов очень строго «замахивается» на цитированные места. Во-первых, вместо «позиция» он требует постановки слова: «оппозиция». Нам кажется, что эта поправка нисколько не улучшает, а скорее даже ухудшает изложение автора. Во-вторых, т. Плеханов берет на себя работу корректора. В тексте нет запятой после слова «остальным». Корректоры без претензий исправляют обыкновенно такие ошибки молча. Корректоры с претензиями пишут об этом чуть не полстолбца фельетона!

К делу. Что возражает т. Плеханов по существу? Он говорит: «Автор изображает все остальные* буржуазные партии, как одну сплошную реакционную массу».

Это — неправда. В цитированных словах нет и тени подобного изображения. А в дальнейших словах автора, приведенных самим Плехановым, прямо различаются двоякого рода буржуазные партии: 1) «кадетско-оппозиционные» и 2) «правые». Попытка т. Плеханова приписать автору мысль об «одной сплошной реакционной массе» не только несправедлива, но и прямо недостойна социалиста, желающего спорить по существу.

«Различные буржуазные партии окрашены в различный цвет», — говорит тов. Плеханов. Мы показали уже, что эта справедливая мысль совершенно не чужда автору статьи из «Колокола», различавшему кадетско-оппозиционный и правый «цвет». Против «основ» соц.-дем. тактики автор, следовательно, не погрешил, вопреки мнению придирчивого, но неловкого критика. Но для определения российской соц.-дем. тактики во время революции недостаточно различать эти два «цвета» буржуазных партий. Тут есть действительный пробел в мысли или изложении «Колокола», и этого пробела тов. Плеханов не заметил. Он сочинял пробелы не существующие, и проглядел пробел действительный.

Если тов. Плеханов хотел спорить с большевиками** по существу, а не для того, чтобы потешать и радовать кадетские газеты, то он не мог бы умолчать о том, что именно большевики давно настаивают на необходимости различать буржуазные партии, по крайней мере, трех главных «цветов». Именно тут кроется одно из коренных различий двух тактик, и напрасны надежды тов. Плеханова затушевать это различие политических тактик посредством обывательски-мещанских воздыханий по поводу «бестактности».

Год тому назад появилась за границей переизданная потом в России большевистская брошюра «Две тактики»***.

* Т. Плеханов также забывает поставить здесь запятую или опустить слово «остальные», т. е. сам повторяет ту ошибку, за которую он превратно читал выговор товарищу!

** Мы не знаем ни автора статьи в «Колоколе», ни редакции и направления этой с.-д. газеты вообще. Мы имеем в виду здесь общую мысль плехановской «критики», а не специально его полемику против «Колокола».

*** См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 1—119. *Ред.*

В ней доказывалось, что основная ошибка всего меньшевизма — непонимание того, какие именно элементы буржуазии могут, совместно с пролетариатом, довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России. Большевики постоянно сбиваются, и до сих пор, на то, что буржуазную революцию должна собственно делать «буржуазия» (вообще буржуазия, без различия «цветов»!), а пролетариат должен помогать. Поэтому меньшевики (и в том числе Плеханов) никогда не могли определить сколько-нибудь по-марксистски, *чем* будет с точки зрения политической перегруппировки классов «решительная победа современной революции», хотя поговорить о решительной победе, даже в резолюциях, они были не прочь. Утверждение большевиков, что решительная победа может быть только диктатурой пролетариата и крестьянства, им не нравилось, но ни опровергнуть его, ни исправить или видоизменить они не могли.

Большевики утверждали и утверждают, что именно в эпоху буржуазно-демократической революции прочным и серьезным союзником пролетариата (впредь до победы этой революции) может быть только крестьянство. Крестьянство есть тоже «буржуазная демократия», но совсем иного «цвета», чем кадеты или октябристы. Перед *этой* буржуазной демократией, независимо от того, чего она хочет, *поставлены историей* цели действительно революционные по отношению к «старому порядку» в России. *Эта* буржуазная демократия *вынуждена* бороться против *самых основ* помещичьей власти и связанной с нею старой государственной власти. *Эту* буржуазную демократию объективные условия не «вынуждают» стремиться всеми силами к сохранению старой власти, к завершению революции путем *сделки* со старой властью. *Эта* буржуазная демократия является поэтому, по ее тенденциям, — обусловленным тем, что она *вынуждена* делать, — *революционной демократией*. И большевики определяли тактику социалистического пролетариата во время буржуазно-демократической революции так: пролетариат должен вести за собой крестьянство, не сливаясь с ним, вести против старой власти и старого порядка, парализуя неустойчивость и шаткость либеральной буржуазии, колеблющейся между народной свободой и старой властью.

Вот этих-то основ тактики российского с.-д. пролетариата в настоящую эпоху и не поняли меньшевики. Не понял их и тов. Плеханов. Вот этот-то *конкретный* вопрос о нашей тактике и старается он обойти, затушевать, прикрыть своими рассуждениями об описках, опечатках, своими некстати подобранными цитатами и т. д.

Судите сами. В № 5 «Курьера» Плеханов доходит до того, что приписывает большевикам мысль: «пролетариат не может идти рядом с буржуазией... это оппортунизм».

Мы еще не мертвы, тов. Плеханов! Валить на нас небылицу, как на мертвых, значит только срамиться. Всякий, хоть чуточку знакомый с «Впередом», «Пролетарием», «Двумя тактиками», «Победой кадетов» и другими брошюрами большевиков, сразу увидит, что Плеханов говорит неправду.

Большевики уже полтора года твердят, что ошибка меньшевиков — неумение выделять революционную буржуазную демократию из всей той буржуазной демократии, которая быстро теряет именно теперь свою революционность. Большевики уже полтора года твердят, что меньшевики, из смешной боязни «приблизиться» к эсерам, непомерно *близятся* к кадетам, недостаточно оценивая буржуазную демократию *революционного цвета*. Большевики твердят, что *оппортунизм* меньшевиков состоит в забвении коренных интересов демократии, а следовательно, и *социализма*, ибо реальные успехи его в эпоху буржуазной революции невозможны помимо успехов демократии — ради временных успехов либерализма, — в слепом преклонении пред мишурными триумфами земцев или кадетов.

Вот в чем ваш *оппортунизм*, товарищ Плеханов!

Маркс учил нас — восклицает Плеханов — «спрашивать не о том, чего *хотят* буржуа, а о том, к чему они *вынуждены*».

Именно так, товарищ Плеханов. Именно эту науку Маркса вы забываете, так же все ссылаясь на Маркса, как все ссылался на него подрывавший марксизм Бернштейн. Вы забываете, что *кадеты* «вынуждены» идти к *сделке* со старой властью, а *крестьянская или революционная демократия* «вынуждена» идти на решительную борьбу с ней, — или, по крайней мере, — что кадеты способны только на сделку, а крестьяне способны и на серьезную борьбу. Посредством *общих* фраз о том, к чему вынуждены

«буржуа» вообще, тов. Плеханов *затушевывает* конкретный вопрос о том, к чему вынуждены «буржуа» цвета кадетов и буржуа цвета революционной демократии.

Вот и судите теперь, кто *на деле* оказывается неумеющим различать различные цвета *российской* буржуазии в наше время? Кто угощает рабочих схоластикой, педантством и «мумией истины» вместо указания на существенные, именно, в данный момент, различия внутри буржуазной демократии?

Читатели, серьезно интересующиеся этим вопросом, должны решать его не на основании случайных впечатлений, а путем серьезного изучения с.-д. литературы и решений съездов. Возьмите съездовскую резолюцию о Государственной думе и сравните ее с проектом резолюции большевиков*. Вы увидите, что именно съездовская (меньшевистская) резолюция *не умеет* провести ясного деления между крестьянской и кадетской демократией. Напротив, как раз на это различие напирает резолюция большевиков. Съездовская резолюция ограничивается советом разоблачать непоследовательность *всех* буржуазных партий, а наша резолюция говорит о шаткости кадетов и необходимости сплотить и противопоставить им крестьянскую демократию. Съездовская резолюция никуда не годится в этом отношении, ибо разоблачать *все* буржуазные партии должны социалисты *всех* стран во *все* времена; кто ограничивается этим, тот школьнически повторяет заученные слова марксизма, но не умеет переварить их и применить к России. Именно в эпоху буржуазной революции сказать: «разоблачайте все буржуазные партии» значит ничего не сказать и даже сказать неправду, ибо серьезное и деловое разоблачение дается лишь по мере *исторического* выступления на авансцену *тех или иных* буржуазных партий. Напротив, наша резолюция различает как раз те «цвета», которые играют политическую роль *сейчас*. И поэтому первые же шаги Гос. думы подтвердили именно нашу резолюцию, показав всем воочию шаткость кадетов и более революционную сущность «трудовиков».

Другой пример. Вопрос об отношении к буржуазным партиям. Как решали его меньшевики до съезда? Общими фразами: смотри их проект резолюции. А большевики?

* См. настоящий том, стр. 266—267. *Ред.*

Различением *трех* видов буржуазной оппозиции: октябристы, кадеты и революционные демократы (см. проект большевистской резолюции)*. Как решил этот вопрос съезд? *Меньшевики не решились предложить своей резолюции и подтвердили амстердамскую резолюцию!* Русские с.-д. эпохи буржуазной революции не умеют ничего сказать о русской буржуазии разных цветов, кроме повторения того, что говорят европейцы всех стран сто лет спустя после буржуазной революции!!

Неужели не ясно, что почтенный Плеханов валит с больной головы на здоровую?

Возьмите рассуждения тов. Плеханова об «истинном социализме» в Германии 40-х годов. В чем сущность этого «истинного социализма»? В непонимании классовой борьбы и значения политической свободы, с одной стороны. Далее, в неумении различить значение того или иного слоя буржуазии в современной политической борьбе. Не смешно ли, что т. Плеханов пытается нас упрекнуть в этом, когда именно он во главе меньшевиков *затушевывает* коренное, по условиям переживаемого момента, различие между кадетско-оппозиционной и революционно-демократической буржуазией?

Вообще этот упрек большевикам в близости к «истинным социалистам» стоит того, чтобы над ним посмеяться. Подумайте только: нас все и всегда хором обвиняли в чрезмерной прямолинейности, окостенелости, твердокаменности. И в то же время наши оппоненты называют нас и «бланкистами», и «анархистами», и «истинными социалистами». Бланкисты — заговорщики (никогда не были за всеобщую стачку), они преувеличивают значение революционной власти. Анархисты вовсе отрицают и революционную и всякую иную власть, противопоставляя строгой организации бланкизма полную дезорганизационную распушенность. «Истинные социалисты» нечто вроде мирных лавристов, полукультурники, неревOLUTIONеры, герои мудреных рассуждений и отвлеченной проповеди. Меньшевики не могли бы лучше побить сами себя, как выдумывая эти *взаимоисключающие* обвинения против большевиков. Нам достаточно пальцем указать на эту путаницу меньшевиков, чтобы ответить на их обвинения.

* См. настоящий том, стр. 137—138. *Ред.*

Напротив, мы всегда говорили и говорим, что меньшевики — правое крыло с.-д., склоняющееся к оппортунизму, т. е. к забвению прочных, существенных, коренных интересов пролетариата ради интересов минуты, ради кажущихся возможностей «приспособиться» к минутным настроениям, положениям и отношениям.

К чему сводится вся теперешняя тактика тов. Плеханова? К раболепству перед успехом кадетов, к забвению громадных отрицательных сторон их теперешнего поведения, к затушевыванию реакционности кадетов *по сравнению* с революционным элементом буржуазной демократии, к затемнению сознания рабочих и крестьян, способных верить в «ходатайства» и в игрушечный парламент.

Кадеты изо всех сил стараются представить себя буржуазной демократией вообще, прикрыть свое расхождение с Трудовой группой, замазать свои несогласия с крестьянской демократией, добиться поддержки именно правому, ненадежному крылу буржуазной демократии. Тов. Плеханов, независимо от того, чего он хочет достигнуть, достигает только одного: он *на деле поддерживает* эти реакционные стремления кадетов. За это они и рассыпаются в хвалах по его адресу.

Тов. Плеханов говорит: еще в 1903 г. (II съезд РСДРП) я спорил против тогдашнего правого крыла партии (Акимов, Мартынов и др.), защищая необходимость поддерживать всякое *оппозиционное* движение против самодержавия. Так же смотрел Маркс в 1847 году. И Плеханов хочет уверить читателей, что большевики забыли эту истину.

Товарищ Плеханов ошибается. Общее положение о поддержке оппозиции не отрицается теми, кто решает конкретный вопрос о поддержке в *данное* время *той или иной части* этой оппозиционной и революционной буржуазии. Ошибка Плеханова состоит в подмене *конкретного* исторического вопроса *абстрактным* соображением. Это во-первых. А во-вторых, ошибка тов. Плеханова состоит в совершенно *неисторическом* воззрении его на буржуазную демократию в России. Плеханов забывает, как меняется положение различных слоев этой буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция. Чем выше поднимается революция, тем быстрее отпадают от нее

наименее революционные слои буржуазии. Кто не понимает этого, тот ничего не сумеет объяснить в ходе буржуазной революции вообще.

Два примера в пояснение сказанного.

Маркс в 1847 г. поддерживал самую робкую оппозицию немецкой буржуазии против правительства¹³⁴. В 1848 г. он беспощадно, свирепо клеймил и смешивал с грязью очень радикальных немецких кадетов, — гораздо более левых, чем наши кадеты, — которые вели «органическую работу» в Франкфуртском парламенте, уверяя весь мир, что эта органическая работа имеет наибольшее агитационное значение, и не понимая неизбежности борьбы за реальную власть¹³⁵. Изменил ли Маркс себе? перешел ли на другую точку зрения? впал ли в бланкизм (как думают бернштейншанцы и немецкие либеральные профессора)? Нисколько. *Революция ушла вперед*. От нее *отстали* не только немецкие «шиповцы» 1847 года, но и немецкие «кадеты» 1848 года. Как верный страж интересов передового класса, Маркс беспощадно бичевал за отставанье и именно тех, кто всех влиятельнее был из отстававших.

Ссылаясь на Маркса, Плеханов извращает Маркса.

Второй пример.

В 1903-м году, и даже раньше: в 1901—1902 годах старая «Искра» поддерживала «шиповцев», т. е. тогдашних робких либеральных земцев, выставивших вместе с г. Струве лозунг «права и властное земство». Шла вперед революция, — и социал-демократы переходили, так сказать, от оппозиционных верхов буржуазии к революционным низам ее. Шиповцев они «травили» за неясное требование конституции; — конституционалистов — за игнорирование всеобщего и т. д. избирательного права; — признававших это последнее — за непризнание революции и т. д., по мере развития, расширения и углубления всего демократического движения. Изменили ли себе революционные с.-д., если от поддержки оппозиционных «шиповцев» в эпоху 1901—1902 годов перешли к поддержке революционных крестьян в 1905—1906 годах? Нисколько. Они остались верны себе.

Изменил себе тов. Плеханов, который за минутным успехом кадетов просмотрел более высокие демократические задачи, уже выдвигаемые жизнью.

Пойдем дальше. Вот особенно наглядный пример некритического до последней степени отношения Плеханова к кадетской Думе.

Тов. Плеханов приводит следующую цитату из «Колокола»:

«Прилагая эти общие положения к парламентской рабочей группе, мы можем сказать, что группа эта лишь постольку будет выражать действительные стремления наиболее боевой и сознательной части российского пролетариата, другими словами, постольку будет названа социал-демократической, поскольку она в своих действиях в Думе будет проводить основные тактические начала социал-демократии.

Не погрязая в общем кадетско-оппозиционном болоте Думы, не плетясь в хвосте за кадетским большинством ее, а противопоставляя себя этому большинству, разоблачая ограниченность его стремлений, склонность его к соглашению с «правыми» партиями и с правительством — вот единственная достойная представителей пролетариата и в то же время истинно социал-демократическая тактика, которую мы должны настойчиво рекомендовать представителям рабочих в Государственной думе. Всякая же другая тактика, затемняя классовое самосознание пролетариата, представителями которого в Думе считают себя члены этой группы, будет обращать их в приспешников буржуазных партий и в орудие, направленное против самостоятельных задач пролетариата в общем ходе русской революции».

Плеханов говорит по этому поводу:

«Если бы нашему полтавскому товарищу пришлось применить свои общие положения к социалистической партии во Франции, то ему не было бы надобности вносить сколько-нибудь серьезные поправки в заключительные строки своей статьи. Он мог бы ограничиться заменой слов: «кадеты, кадетское» словами: «радикалы, радикальное»; слово: «Дума» — словом: «Палата депутатов»; наконец слова: «русской революции» — словами: «общественно-исторического движения». Это поразительно удобно».

Приглашаем читателя перечитать еще раз цитату из «Колокола» и замечание Плеханова. Это замечание вскрывает перед нами с редкой отчетливостью один из источников плехановского поворота к Бернштейну.

Подумайте только: «Колокол» мог бы ограничиться в заключительных строках статьи заменой слов: «кадеты» словом: «радикалы» и слова: «Дума» словом: «Палата депутатов».

Этим рассуждением тов. Плеханов окончательно пригвоздил себя. Он показал наглядно, как чуждо ему всякое понимание того, что такое конституционные иллюзии,

а следовательно, и всякое понимание современного момента российской буржуазной революции.

Между русскими кадетами и русской Думой, между французскими радикалами и французской Палатой, между взаимоотношением тех и других есть *коренная* разница, упускаемая из виду Плехановым. Плеханов просмотрел *маленькое словечко* в статье «Колокола», — маленькое, но в высшей степени характерное и знаменательное. Это словечко: *«соглашение с правительством»*.

Подумайте, тов. Плеханов: может ли во Франции идти речь о «соглашении» Палаты депутатов с правительством? Нет, не может. Почему? Потому что правительство подчинено там Палате во всем наиболее существенном. Большинство в Палате само и является реальным *правительством*, назначая желательных ему лиц в министры. Добившись большинства в Палате, радикалы *тем самым становятся* правительством. Парламентские отношения для данного периода времени более или менее соответствуют и отношению реальных сил внутри народа и отношению государственной власти к народу. Писанная конституция для данного периода времени не расходится существенно с реальной, действительной конституцией, с отношением сил.

В России может и *должна* идти речь о соглашении большинства Думы с правительством. Почему? Потому что реальная власть принадлежит у нас и по закону и по действительному положению вещей *вовсе не Думе*, а старому самодержавному правительству. Дума не есть, подобно Палате, орган государственной власти, а лишь орган ходатайств, просьб, заявления требований части народа перед старой властью. Думское большинство поэтому может «вступать в соглашение» с правительством, — для Франции это абсурд. Парламентские отношения не соответствуют совершенно ни реальным отношениям сил внутри страны, ни отношению государственной власти к народу.

Во Франции действительная классовая борьба идет именно между теми силами, которые представлены в Палате, и даже представительство этих сил более или менее соответствует для данного времени их сравнительному «боевому значению».

В России действительная борьба идет *вовсе не между теми силами*, которые представлены в Думе, а думское

представительство этих сил как раз в настоящее время особенно резко и коренным образом расходится с их сравнительным «боевым значением». Реальное правительство России почти вовсе не представлено в Думе, оно имеет иные «учреждения», пролетариат тоже почти не представлен, крестьянство непропорционально слабо представлено.

Попытка сравнить Россию с Францией показывает, что тов. Плеханов всецело погрязает в конституционных иллюзиях. Слово (парламент, палата) он принимает за сущность, вывеску за содержание. От него совершенно ускользают поэтому все важнейшие особенности момента в России, когда назревает борьба между наименее представленным в Думе «народом» и старой властью, когда роль «соглашателей», перебежчиков в этой борьбе *становится* особенно значительной и особенно *опасной*.

Как Бернштейн в 1899 году приносил громадный вред немецкому пролетариату, принимая мелкобуржуазных интеллигентских «соглашателей» (социал-либералов, примирявших пролетариат и буржуазию) за самое буржуазия, имевшую реальную власть в руках, — так и Плеханов в 1906 году приносит огромный вред российскому пролетариату, принимая полуреакционных буржуазных «соглашателей» (кадетов, примиряющих народную свободу со старой властью) за самостоятельную политическую силу в государстве, за власть, которую можно и стоит поддерживать.

Бернштейн, призывая быть «тактичным» по отношению к социал-либералам, поддерживать их, не толкать их в реакцию, — звал поддерживать *фикцию*. Он увлекался *призраком* социального мира и забывал коренные задачи борьбы за власть.

Плеханов, призывая быть «тактичным» по отношению к кадетам, поддерживать их, не толкать их в реакцию, — зовет поддерживать *фикцию*. Он увлекается *призраком* парламентаризма (в эпоху буржуазной, а не социалистической революции) и *забывает коренные задачи борьбы за власть*.

И Бернштейна и Плеханова социал-либеральная, кадетская буржуазия носит на руках, восхваляет до небес, рекламирует, перепечатывает *за те услуги*, которые они ей оказывают в борьбе ее с пролетариатом.

Не заблуждайтесь, рабочие, на этот счет. Словечки о «тактичности» с.-д. и о «поддержке» кадетов имеют в реальной политике *свое* значение, определяемое не благими намерениями Плеханова, а *действительным соотношением сил*. Плеханов может думать сам и уверять других, что он и в мыслях не имел ослаблять или притуплять политический и социальный антагонизм классов между собой и народа с старой властью. Но плехановские речи в данной политической обстановке *получают именно такое значение*, независимо от его воли.

Бернштейн не хотел социального мира (по крайней мере уверял, что не хочет), но буржуазия верно поняла, что таково действительное значение его речей. И у нас, в России, взгляните на печать кадетов. Она хвалит Плеханова и, не считаясь с ним, идет к *своим выводам* из его речей. Вчера в «Думе» (№ 22) г. Котляревский доказывал, что всякая «классовая борьба и классовая ненависть» мешает делу национального освобождения. Он прямо сопоставляет борьбу «Волны» с борьбой гадистов против жоресистов, Ферри против Турати, Каутского против Бернштейна; он опасается, «как бы такая проповедь классовой ненависти, какая раздается теперь у нас в России, подкапывающая столь необходимую ввиду совместного политического действия солидарность различных общественных групп, не подрывала в корне (слушайте!) почвы для действия всякого правильного народного представительства». «Не подрывается ли ею (классовой ненавистью) самый дух конституционализма?»

Сегодня в «Свободе и Культуре» (№ 7) г. Струве вопит по поводу того, что с.-д. «предают свободу на растерзание *фурий классовой розни*», что они «односторонне и болезненно до умоисступления увлекаются *идеями классовой борьбы*» (стр. 458), что «*политический мир*» (вспомните «социальный мир» в устах европейских буржуев!) «предъявляет к нам совсем новые требования» (страница 514). Буржуазия великолепно понимает, что плехановские идеи ссут именно живую мысль о «политическом мире» и притупляют на деле всякую классовую рознь, всякую классовую борьбу. Коготок увяз у товарища Плеханова — и вся «птичка» оказалась, по отношению к современной политике, в клетке у г. Струве.

«Крепкие слова не критика», — пишет т. Плеханов. — «Критика действительно развивает сознание, а крепкие слова, наоборот, его затемняют. Возьмем хоть крепкое слово: измена. Мы так часто кричим об измене буржуазии, что когда она в самом деле «изменит», — т. е. помирится с бюрократией, — и когда нам в самом деле надо будет кричать об этом со всех крыш, то наши крики уже не произведут надлежащего действия, и с нами повторится история мальчика, кричавшего «волк! волк!», когда волк еще не появлялся».

Какой прекрасный образчик русской бернштейниады, этот маленький отрывок плехановских рассуждений!

Во-первых, посмотрите, как ясно чувствуется отсутствие у тов. Плеханова почвы под ногами. В ноябре 1905 г. он писал в № 3 «Дневника»: «...У нас много кричали в последнее время о *какой-то* (1) измене буржуазии. Но чему собственно могла изменить буржуазия? Во всяком случае, не революции, потому что она никогда не служила революционной идее».

Видите: в ноябре 1905 года т. Плеханов даже вообще не понимал, чему *могла* изменить буржуазия. Теперь он понял это. Он не только полагает, что буржуазия *может* изменить чему-то, он находит уже, что она *в самом деле изменит*. За полгода т. Плеханов меняет позицию: сначала говорилось, что буржуазии вообще нечему изменять. Теперь говорится, что она в самом деле изменит, т. е. помирится с бюрократией.

Этому прогрессу т. Плеханова мы были бы очень рады, если бы в других отношениях его взгляды не оставались такими же шаткими. Измена есть крепкое слово, говорит он. Это взгляд не новый. Это взгляд всех либеральных буржуа. В тысячах статей кадетской печати внедряется в российскую публику та мысль, что речи об «изменах» буржуазии являются лишь крепкими словцами «неистовых» большевиков. Теперь у буржуазии нашелся новый союзник по этому вопросу. Т. Плеханов тоже пришел к убеждению, что «измена» есть «крепкое слово».

Как против Бернштейна некогда приходилось повторять и разжевывать азбуку марксизма, так то же самое дело приходится повторять против Плеханова. Он глубоко заблуждается. «Измена» не «крепкое слово», а единственно правильное с научной и политической точки зрения

выражение действительных фактов и действительных стремлений буржуазии. Слово: «измена» выражает ту же мысль, как и слово: «сделка». Плеханов сам не может не признать этого, ибо он отождествляет измену и примирение с бюрократией. И вот взгляните, как говорила «нейстовая» «Волна» об этом понятии: «сделка».

«В чем суть кадетских сделок?» — читаем мы в № 13 «Волны». — «*Не в личном предательстве, конечно. Такой грубый взгляд в корне чужд марксизму.* Суть сделок в том и только в том, что к.-д. не сходят и сходить не хотят с почвы сохранения власти за старым режимом, с почвы велений, исходящих от этого последнего»*.

Итак, суть измены или сделок совсем не в личном предательстве. Суть измены или сделок состоит *только* в том, что партия «народной» (читай: буржуазной) свободы стремится сохранить власть за старым самодержавием, стремится *поделить* власть между ним и буржуазией.

Партия «народной свободы» изменяет народной свободе именно тем, что уступает изрядную долю народных прав и народной власти представителям *старой власти*. Нежелание понять эту простую истину со стороны тов. Плеханова прямо чудовищно. Он изображает дело так, что буржуазия у нас *еще не* изменяла, что она только изменит в будущем.

Это — полное непонимание самой сущности измены и сделок.

Буржуазия и кадеты уже *тысячи раз* изменяли свободе и *мирились* с бюрократией. Что такое программа партии к.-д.? Есть ли она известный политический шаг буржуазии? Несомненно. А именно эта программа и есть программа измены и программа сделок! И *каждый* политический шаг кадетов той или другой стороной проводит, осуществляет *именно эту* программу. Речь Трубецкого летом 1905 года, вилание По вопросу о четыреххвостке, каторжный законопроект о свободе печати — все это именно такие шаги либеральной буржуазии, которые как раз и осуществляют ее программу измены.

У товарища Плеханова выходит так, что если буржуазия не сделает еще какого-либо *особого* шага, то тогда не будет

* См. настоящий том, стр. 372—373. Ред.

никакой измены с ее стороны. Это неверно. Если буржуазия и именно кадеты будут продолжать делать то, что они делали до сих пор, то *сумма всех их действий и даст самую полную картину измены*. В непонимании этого и состоит сущность современного социал-демократического оппортунизма.

Если осуществится мещанская мечта кадетов, если «мирное давление» Думы и «общественного мнения» заставит правительство сделать маленькие уступочки, если Государственный совет пойдет слегка навстречу — по рецепту члена Государственного совета, г. Хомякова, планы которого вчера сообщила кадетская «Дума», — если старая власть обновит министерство, дав несколько местечек правым кадетам и т. п., то мы получим в конце концов *именно «примирение» кадетов с бюрократией*. Вся ошибка Плеханова состоит в том, будто путь «измены» есть или будет «новым» путем нашей буржуазии, а на деле именно продолжение ее старого пути и дает весь «состав» измены, если выразиться юридическим языком.

Когда буржуазия в «самом деле» изменит, — говорит Плеханов, — нашим крикам не поверят, ибо все слишком привыкнуто к слову: измена.

Какая безграничная политическая наивность! Вся политика социал-демократии состоит в том, чтобы *освещать* тот путь, который *предстоит* пройти *массе* народа. Мы поднимаем высоко свой марксистский светоч, — и на каждом шаге отдельных классов, на каждом политическом и экономическом событии показываем *подтверждение* жизнью нашего учения. Чем больше развивается капитализм, обостряется политическая борьба, тем большая часть народа убеждается нашими словами и этим житейским (или историческим) *подтверждением* их. Теперь, скажем, сотни тысяч человек в России убедились уже в верности нашей оценки кадетов. При быстром развитии революции или при крутом повороте ее к какой-нибудь большой сделке кадетов с самодержавием в верности нашей оценки убедятся миллионы и даже десятки миллионов.

Поэтому сказать, что нашим крикам об измене не поверят в будущем, ибо мы *слишком часто* повторяем их в настоящем, значит сказать величайшую несообразность. Тов. Плеханов тщетно пытается прикрыть эту несообразность рассуждениями, вроде тех, какие преподносят обыкновенно

гимназисткам старые девы, классные дамы и т. п. «Критика должна быть основательной», — назидательно поучает он.

И ново и умно. И ваша критика, тов. Плеханов, тоже должна быть основательной. А то вот посмотрите: вы ни одного *фактического* и сколько-нибудь крупного примера неосновательной критики кадетов с нашей стороны *не привели*, а общими рассуждениями своими посеяли массу *неосновательных* мнений в умах читателей! Чего стоит одно сведение понятия «измены» к крепкому слову!

Чего стоит такая фраза: «В наших рядах сознание этой противоположности (противоположности интересов буржуазии и пролетариата) приобрело уже, можно сказать, *прочность предрассудка*». В каких это «наших рядах», тов. Плеханов? В рядах женевских обывателей из россиян? В рядах членов нашей партии вообще? Но не следует ли также вспомнить о широких рядах народной массы?

Правду сказал рабочий в «Призыве»¹³⁶, что Плеханов судит *«издалека»*. Масса пролетариев и полупролетариев еще понятия не имеет ни об этой противоположности вообще, ни о буржуазности кадетов. А кадетская печать именно теперь, наверное, раз в десять превышает нашу с.-д. печать. Кадетское развращение народа усиливается и чрез посредство кадетской Думы, и чрез всякие либеральные учреждения. Нужно было совершенно потерять чутье действительности, чтобы представить себе, будто мы *обгоняем* ход событий и запросы массы, разоблачая шаткость и измены кадетов. Напротив, мы *отстаем* в этом деле и от хода событий и от запросов массы! Напишите-ка лучше популярную и «основательную» критику кадетов, тов. Плеханов: это будет полезнее.

Перейдем теперь к выводам Плеханова относительно Думы.

«Наше правительство сделало уже много непростительных ошибок», — пишет он. — «Эти ошибки привели его на край бездны; но они еще не столкнули его туда. *Оно упадет в бездну, когда разгонят Думу*... Дума будит даже самых сонных; она толкает вперед даже самых отсталых; она разбивает в массе последние политические иллюзии, завещанные историей... Наиболее агитационное значение будет иметь органическая работа Думы».

Присмотритесь к этим рассуждениям. Правительство упадет, когда разгонят Думу. Допустим. Но откуда следует, что ее разгонят, если она будет ограничиваться органической работой? Что такое органическая работа? Подзаконная работа Думы. Дума вносит проекты законов в Государственный совет, делает запросы министрам. Государственный совет и министры оттягивают дело и притупляют по мере сил все возникающие конфликты. Орган русского правительства, «Русское Государство», давно говорил: пусть Дума будет оппозиционной, но только не революционной. Иными словами: органическую работу делайте, но ни шагу дальше.

С какой же стати разгонять Думу за органическую работу?? *И не разгонят ее никогда*, если она не сделает революционного, совершенно не-органического шага, или если вне Думы не разгорится такое движение, при котором и кадетская Дума будет помехой правительству. Такое предположение нам кажется гораздо более вероятным, чем голословное «разгонят Думу».

Правительство упадет не только в том случае, если разгонят Думу. Оно упадет и в других случаях, ибо Дума вовсе не *главный* фактор и не самый верный показатель движения. Оно упадет не само собой, а лишь при активном действии... кого-то третьего (не правительства и не Думы). Разъяснять неизбежность этого действия, — его вероятные формы, характер и классовый состав деятелей, способных произвести это «действие», — условия его успеха и так далее и тому подобное, — все это должны делать с.-д. И именно кадеты самым беспощадным образом воюют против этой работы с.-д. Именно дискредитирование кадетов является одним из условий этой работы и залогом привлечения сочувствия масс к этой работе.

Кто говорит о «падении» в бездну правительства и в то же время о несвоевременности критики и обвинений в измене, направленных против к.-д., тот не связывает концов с концами в своем рассуждении. Падение «в бездну» есть лишь фигуральный оборот, — это революционная *фраза*, сказал бы я, если бы хотел подражать манере Плеханова. В чьи руки достанется власть? Могут ли рабочие и крестьяне допустить, чтобы она досталась кадетам, которые сейчас же поделят ее со старым самодержавием? Не является ли именно с этой точки

зрения особенно необходимым *предостеречь* народ от кадетов?

Мы думаем, что да. Мы думаем, что этой необходимой работе просвещения масс насчет кадетов мешает и вредит оппортунизм Плеханова, который совершенно неосновательно воюет против тактики, разоблачающей истинную сущность партии к.-д.

Говоря, что органическая работа Думы имеет наибольшее агитационное значение, Плеханов обнаруживает самый односторонний взгляд на вещи. Тут Плеханова, как мы уже указали в «Волне», поправляют сами меньшевики, высмеивая вполне справедливо «думскую» перспективу «нагородить кучу законов»*. Россия до сих пор была страной с наибольшим количеством бумажных полицейских законов. Если Дума будет все время делать «органическую» работу, Россия скоро может оказаться страной с наибольшим количеством бумажных радикальных законов. Воображать, что агитационное действие этих законов или законопроектов прямо пропорционально их длине и их количеству, есть величайшее педанство. Чтобы думать так, надо забыть пример Франкфуртского парламента, который делал основательнейшим образом свою «органическую работу» и воображал, подобно Плеханову, что именно органическая работа имеет наибольшее агитационное значение. Чтобы думать так, надо не видеть того, что уже происходит в России; надо не видеть признаков утомления публики бесконечной водичей кадетских речей в Думе, не видеть, какое впечатление производят «каторжные» законопроекты кадетов и жалкий лепет их в свое оправдание по поводу них, не видеть этого безгранично-отвратительного, мещанского страха кадетов пред надвигающейся новой волной, пред неизбежной новой борьбой, пред тем, что Плеханов назвал «падением в бездну». Разоблачение кадетов, товарищ Плеханов, это и есть подготовка сознания широких народных масс к этому падению, к активному участию в нем, к *отстранению* кадетов «от пирога» во время него, к смелой и бодрой подготовке к нему.

Дума будит, Дума разоблачает последние иллюзии, говорят нам. Верно. Но «Дума» делает это лишь в той

* См. настоящий том, стр. 415—416. Ред.

мере, в какой *мы* разоблачаем робость и шаткость *кадетской* Думы, — лишь в той мере, в какой *мы* разъясняем связанные с Думой факты, показывающие падение иллюзий. Кадеты не делают этого. Кадеты противодействуют этому. Кадеты распространяют конституционные иллюзии. Зубатовщина тоже будила рабочих, тоже разоблачала иллюзии, но она делала это тоже в такой лишь мере, в какой *мы* боролись с развращением народа зубатовщиной. И пусть не пробуют опровергнуть этого довода заявлением, что Дума не зубатовщина. Сравнение не есть отождествление. Пусть попробуют найти мне кадетскую газету или крупное политическое выступление кадетов, в которых (в газете или в выступлении) не было бы элементов *развращения* политического сознания народа.

Вот что забывает т. Плеханов, когда он величественно и важно заявляет: «Вот смысл философии всей: хорошо все то, что содействует политическому воспитанию народа, дурно все то, что препятствует ему». Остальное — пред-рассудок, схоластика.

Да, да, какое-то крыло социал-демократов, действительно, впадает в безнадежную схоластику. Только какое, правое или левое? Можно ли себе представить что-нибудь более педантское, безжизненное, поистине схоластическое, как это сведение тактики пролетариата в эпоху революции к задаче политического воспитания народа? Да где же тогда грань между социал-демократической классовой борьбой и борьбой дюжинного буржуазного культурника? Революция в разгаре, выступают различные классы, берутся за историческую работу массы, складываются разнообразные оттенки буржуазных партий, обостряется сложный политический кризис, вырабатывается новая ступень борьбы на почве, подготовленной невиданно богатым событиями и опытом 1905-м годом — и все это свести к одному: к политическому воспитанию народа! Поистине, гениальное открытие нашей классной барышни. Поистине, хорошая «отмычка» для всех конкретных вопросов политики, и притом отмычка, которую целиком примет, обеими руками ухватит любой кадет и даже партия демократических реформ и даже Гейден. Да, да, вот именно такой «широкий» критерий нам нужен, именно то, что собирает и солидаризует классы, а не сеет ненависть и рознь. Именно так! браво, Плеханов! — говорят все эти

добрые люди: — ведь такое «решение» неизбежно затемняет или отдаляет вопрос о той новой «полосе безумия», о том новом «вихре», который так страшен буржуазному сердцу. Никаких вихрей, — никаких катастроф, товарищ Плеханов, будьте же последовательны, — никаких бездн. Политическое воспитание народа — вот наше знамя, вот смысл философии всей.

Товарищ Плеханов вполне и целиком уподобил себя этим среднему немецкому кадету из Франкфуртского парламента. Ох, сколько бесподобных речей говорили эти болтуны о политическом сознании народа! Сколько великолепных «органических» законов выработали они в этих целях! И как благородно протестовали они, когда их разогнали *после того*, как они окончательно надоели народу и потеряли всякое революционное значение.

Нам говорят: русская революция глубже, она идет к подъему, ее не остановит плотина кадетской Думы, кадетских фраз, кадетской робости, кадетских каторжных законопроектов. Да, именно так, господа: русская революция шире, могуче и глубже. Она идет к подъему. Она идет через кадетов. И мы, революционные с.-д., являемся именно выразителями этого более глубокого движения, мы стараемся как раз разъяснить эту высшую задачу рабочим и крестьянам, мы помогаем им в меру наших сил именно подняться выше кадетской плотины.

«Вперед» № 1, 26 мая 1906 г.
Подпись: Н. Л.

Печатается по тексту
газеты «Вперед»

РЕЗОЛЮЦИЯ (II) ПК РСДРП ОБ ОТНОШЕНИИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ¹³⁷

Самодержавное правительство самым грубым образом глумится и издевается над представителями, посланными в Государственную думу населением России. Правительство отвергает все заявления Думы, в которых сколько-нибудь выражаются нужды и требования народа, и неуклонно продолжает политику убийств и насилий.

Дума бессильна. Она бессильна не только потому, что в ее распоряжении нет штыков и пулеметов, которыми располагает правительство, но также и потому, что в своем деле она не революционна и не способна к решительной борьбе. Либеральные партии Думы лишь неполно и робко поддерживают стремления народа, они больше заботятся о смягчении и ослаблении идущей революционной борьбы, чем об уничтожении народного врага. Кроме рабочих депутатов, только Трудовая группа обнаруживает склонность открыто и смело заявлять требования народа, но и ей до сих пор мешает в этом влияние тех же либеральных партий, недостаток самостоятельности по отношению к ним.

Мы призываем Трудовую группу к более решительной и последовательной политике. Мы предлагаем ей требовать от Думы прямого, открытого обращения к народу, а если большинство Думы откажется выступить с таким обращением самостоятельно, Трудовая группа должна сказать народу *то, что есть*: что Дума бессильна, что ждать от нее земли и воли невозможно, что народу придется, очевидно, самому взять все это, что дело идет к решительной борьбе вне Думы.

Трудовая группа должна заявить, что свергнуть старую власть в силах только *совместные* боевые действия

рабочих и крестьян, что к этим действиям надо готовиться, для них организовать, пока не придет решительный момент революционного выступления. К этому моменту надо накапливать и беречь народные силы, не рассеивая их в бесплодной мелкой борьбе, не поддаваясь правительственным провокациям.

Если Трудовая группа сделает все это, она исполнит свой долг перед народом, и тогда только она может рядом с революционной организацией пролетариата стать во главе великого народного движения, которое покончит со старыми цепями, сковывающими развитие общества.

*Напечатано в мае 1906 г.
отдельной листовкой ПК РСДРП*

Печатается по тексту листовки

О ЛОЗУНГЕ ДУМСКОГО МИНИСТЕРСТВА

Напечатанные выше документы раскрывают чрезвычайно важный спор в Санкт-Петербургском комитете партии. Спор этот важен в двух отношениях.

Во-1-х, с формальной стороны совершенно неоспоримо право всякой автономной организации партии принимать самостоятельную резолюцию, а не просто подписывать резолюции ЦК.

Что резолюция ПК не противоречит никакому постановлению Объединительного съезда, это ясно. В пределах решений съезда именно местные организации и обязаны самостоятельно вырабатывать свои руководящие мнения.

Во-2-х, по существу дела, резолюция ЦК явно неудовлетворительна и *противоречит решению съезда*. Эта резолюция не раскрывает ни словом «непригодности Думы», — не расширяет и не обостряет конфликтов внутри нее. Эта резолюция ставит такой лозунг («замена нынешнего министерства министерством, назначенным Думой»), который *никак не может быть выведен из резолюции съезда*. Такой лозунг двусмысленен, он затемняет сознание пролетариата, ибо кадеты скрывают за требованием думского министерства стремление войти в сделку с самодержавным правительством и ослабить революцию, затруднить созыв учредительного собрания.

Отлагая более подробный разбор резолюции до следующего раза*, мы приглашаем всех членов партии отнестись со всем вниманием к чрезвычайно важному спору в Спб. комитете РСДРП.

* См. настоящий том, стр. 463—467. Ред.

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ

Политическое положение выясняется с такой быстротой, которая нас душевно радует. Весело жить в такое время, когда политической жизнью начинают жить народные массы. Все главные общественные группы современной России выступили уже, так или иначе, на путь открытого и массового политического действия. Коренные различия интересов вскрываются беспощадно благодаря открытому выступлению. Партии вырисовываются в своем настоящем виде. События размежевывают с железной силой сторонников разных классов, заставляя определить, кто с кем, кто против кого.

В Государственной думе эти коренные различия классовых интересов, вызывающие политическую размежевку, проявляются гораздо более тускло и глухо, чем в низах народной жизни. В Думе есть на то особая партия к.-д., которая всеми правдами и неправдами старается стереть резкие грани, притупить острые противоречия, заглушить взрывы борьбы, вспыхивающей то тут, то там. А в «низах» брожение все усиливается. Опять шевелится со всей своей массовой силой пролетарий, крестьянин, солдат, железнодорожный служащий. Растет стачечное движение, вырабатываются новые формы стачек («посменные стачки» одного производства за другим — мы еще вернемся к этим посменным стачкам), обостряется непосредственная крестьянская борьба за землю, учащаются известия о пробуждении забитых солдат и матросов, начинают «оправляться» железнодорожники. Что-то новое и свежее движется, шумит, бродит и волнуется повсюду. Новые ростки неудержимо пробивают себе дорогу из-под груды развалин.

И хотя кадеты стараются поплотнее закрыть ставни в Таврическом дворце, жизнь берет свое, свежий ветер врывается и туда. Работа классовой размежевки и политического прояснения идет и там. Кадеты еще главенствуют над трудовиками. Они празднуют и сегодня свою вчерашнюю победу, когда они провалили предложение трудовиков о немедленном проведении закона относительно смертной казни, — когда они заставили трудовиков взять назад предложение немедленно учредить земельные комитеты, местные свободно выбранные комитеты для решения вопроса о земле.

Но самый уже тот факт, что кадетам приходится все чаще бороться за главенство в Думе, показывает ясно какую-то глубокую разницу между ними и трудовиками. Чем чаще и чем острее эти боевые схватки, тем определеннее выступает перед народной массой разница между либеральным помещиком, фабрикантом, адвокатом, профессором — и мужиком. Мужик всей душой ищет народной свободы, и именно потому не ужиться мужику с партией «народной свободы». Мужик потягивается в поисках земли и воли, и от одних этих потягиваний трещит по всем швам пресловутое народолюбие пресловутой партии «народной свободы».

Кадеты все еще побеждают трудовиков, но их победы либо порождают прямые скандалы для их партии, либо разоблачают всю их «натуру», с самой отрадной для пролетариата откровенностью.

Первый случай произошел именно с каторжным законопроектом кадетов о свободе печати. Они оправдываются, стараются вывернуться. Но жалкие увертки зашутывают их еще больше. Признаваясь в «ошибке», в напечатании «черновика», они до сих пор не могут открыто исправить ошибки, не могут показать беловика.

Второй случай — с местными земельными комитетами¹³³. Открытая политическая борьба моментально сплотила всех «левых», т. е. трудовиков и с.-д. пролетариат, против кадетов. Меньшевики сошлись с большевиками в оценке истинных намерений кадетов: предать революцию, тушить революцию посредством «бюрократических» прожектов, посредством объединения чиновников и либералов против мужиков. Вопрос встал ясно: должны ли чиновники и либеральные помещики подчиниться десяткам миллионов

крестьян или эти десятки миллионов горстке чиновников и либералов? Весь рабочий класс, все с.-д. представители пролетариата встали, как один человек, за крестьян, против чиновников и либералов. А кадеты посрамили себя великолепно. Мы заставили их публично признаться в том, что *полной воли и всей земли крестьянам они дать не хотят, что против крестьян они ищут помощи у чиновников*. В местных земельных комитетах должны безусловно преобладать крестьяне, говорят одни: крестьян десятки миллионов, а чиновников и помещиков сотни тысяч. Другие отвечают: должны быть равномерно представлены помещики и крестьяне, а чиновники будут участвовать и «контролировать».

Пролетариат и сознательное крестьянство по одну сторону, чиновники и кадеты — по другую. Такова группировка, которую предписывает жизнь в теперешней, немедленно предстоящей борьбе.

Хвала вам, кадетские государственные мужи! Хвала вам, писатели газет «Речи» и «Думы», — вы бесподобно помогаете нам, революционным социал-демократам, разъяснять народу неподкрашенную политическую действительность! Вы помогаете нам и своими теориями, и своими делами.

В своих теориях вы *должны* идти все дальше. Вы прекрасно ставите вопрос сегодня: дело сводится «к принципиальной разнице взглядов» («Речь» № 84). «По одному взгляду, Дума есть лишь один из «этапов революции»*, тогда как по другому Дума есть путь к упрочению конституционного строя на широкой демократической основе».

Превосходно, восхитительно, господа писатели из «Речи»! Именно так: перед нами *два* основных принципиальных взгляда. Либо Дума — это этап революции. Либо Дума — орудие соглашения чиновника и кадета против пролетариата и революционного крестьянства. Вы недовольны таким пересказом? вы протестуете? Какие же вы шутники! А разве вы не разоблачили себя вполне по вопросу о местных земельных комитетах? Какой же дурак теперь не поймет, что под «широкой демократической основой» скрывается *по возможности равномерное* представительство мужиков и либералов при участии

* «Орудие революции», говорит революция Объединительного съезда РСДРП.

с правом контроля господ Горемыкиных или иных чиновников?

И если кто остается глух ко всем словам, речам, заявлениям и теориям кадетов, того просветят завтра же их дела. И это не за горой. Мы скажем только по адресу партии «народной свободы»: что делаешь, делай скорее!

А что именно делает она, о том следуют пункты.

Поворот в политике нашего правительства усердно обсуждается газетами. Французские банкиры не дают денег, отказываются от уплаты очередных взносов. Самая влиятельная газета французских капиталистов, «Le Temps»*, самым настоятельным образом советует русскому правительству сделать уступки кадетам. Витте и Дурново поехали за границу с тем, чтобы уговорить французских банкиров. Не удастся. Не верят. Трепов усиленно обсуждает вопрос о составе нового министерства. В премьеры прочат Коковцова или иного чиновника. В министры прочат правых кадетов.

Нам скажут, пожалуй, что это все газетные сплетни. Возможно. Но возможно и то, что кусочек правды и тут есть. Без огня дыму не бывает. Газета «Новое Время» — давно известный флюгер. Ее способность держать нос по ветру и прислуживаться к начальству доказана в течение десятков лет. Эта газета именно в последние дни заметно поворачивает фронт. Вместо сплошной ругани по адресу кадетов мы читаем в ней самые горячие призывы к тому, чтобы правительство уступило кадетам и составило кадетское министерство. Но, может быть, кадеты возмущены ложью «Нового Времени»? Нисколько. «Речь» уже дважды (№ 82 и № 84) цитирует по этому вопросу «Новое Время» без единого слова протеста, с явным сочувствием, жалея лишь иногда об отзвуках старины в том же «Новом Времени».

Итак, возможно, что мы накануне кадетского министерства с кем-нибудь вроде Коковцова во главе. Вечерние газеты сегодня сообщают даже, что министерство Горемыкина подало уже вчера в отставку. И мы еще раз скажем партии «народной свободы»: что делаешь, делай скорее! Ничто не внесло бы такой полной и полнейшей ясности в современное политическое положение, как назначение

* — «Время». Ред.

верховой властью кадетского министерства. Именно тогда исчезнут последние близоручие надежды на кадетов, именно тогда сплотятся окончательно на живом политическом деле все «левые», именно тогда исчезнут всякие споры о поддержке Думы и думского министерства, именно тогда политическая группировка, которая теперь наметилась, станет реальным фактом и основой нового «этапа».

Этот «этап» придет, впрочем, и без кадетского министерства. Мы «подкованы на все ноги», гг. кадеты!

Написано 27 мая (9 июня) 1906 г.

*Напечатано 28 мая 1906 г.
в газете «Вперед» № 3*

Печатается по тексту газеты

ТАКТИКА ПРОЛЕТАРИАТА И ЗАДАЧИ МОМЕНТА

Сообщенное нами третьего дня извещение об отставке министерства Горемыкина официально опровергнуто. Но газеты, имеющие некоторую возможность разузнать кое-что из «близких» источников, не верят этому опровержению. Кампания «Нового Времени» в пользу кадетского министерства стала осторожнее, но не прекратилась. «Новое Время» открыло японского дипломата, полагающего, что «партия кадетов преследует государственные задачи», — оно уверяет даже, устами г. Розанова, что «кадеты не выпустят культуру и для революции», и что «в данный момент это все, что возможно». Газета «Речь» в свою очередь полагает, что «отставку кабинета Горемыкина можно считать делом решенным и вопрос сводится к тому, кто явится его преемником». Одним словом, вопрос о кадетском министерстве продолжает стоять на очереди дня.

Кадеты чувствуют это, — а может быть даже и не только это. Они замерли в «стойке». Они хватаются обеими руками за всякую даже тень поддержки слева, которая бы могла придти им на помощь в осуществлении их планов. Главный орган кадетской партии, «Речь», недаром посвятила свою последнюю передовицу вопросу об отношении социал-демократов к кадетскому министерству. Мы перепечатаем ниже полностью эту статью, как поучительнейшее знамение времени.

Главная мысль этой передовицы передана авторами в следующих словах: создать «общую почву, на которой освободительное движение могло бы держаться с полным единодушием, без различия оттенков». Такова, в самом деле, главная цель всей кадетской политики. Мало того.

Такова главная цель всей либерально-буржуазной политики в российской революции вообще. Устранить «различные оттенки» в освободительном движении, это значит устранить различие демократических требований буржуазии, крестьянства и пролетариата. Это значит признать «с полным единодушием» либеральную буржуазию выразителем и проводником стремлений всего освободительного движения. Это значит превратить пролетариат в слепое орудие либеральной буржуазии. А так как всем известно, что высший политический идеал либеральной буржуазии — и ее глубочайший классовый интерес — состоит в сделке со старой властью, то мы можем еще иначе выразить это последнее наше положение. Мы можем сказать, что буржуазная «Речь» хочет сделать пролетариат слепым пособником в сделке либералов со старой властью. А сделка эта направлена, главным образом, против пролетариата, и затем, конечно, против революционного крестьянства.

Таково настоящее значение кадетского министерства. Недавнее столкновение в Государственной думе из-за вопроса о местных земельных комитетах пролило самый яркий свет на кадетскую политику. Комитеты должны были быть местной властью, министерство должно стать центральной властью, но суть кадетской политики всегда и везде одна и та же. Кадеты против всеобщих выборов в местные комитеты, они за «равноправное представительство помещиков и крестьян при контролирующем участии старой власти». Кадетам *пришлось* признаться в этом, против своей воли, ибо они долго *скрывали правду*, напускали туману, уверяя, что они *вообще* горой стоят и за местные земельные комитеты и за всеобщее избирательное право. Совершенно точно так же кадеты — против учредительного собрания, они — за кадетское министерство, назначенное верховной властью. Такое министерство, в качестве органа центральной власти, будет вполне однородно с местными комитетами, составленными на основе пресловутого равномерного представительства и т. д.

Ясно, какую тактику должен принять пролетариат ввиду этой политики кадетов. Пролетариат должен беспощадно разоблачать сущность этой политики, не допуская никаких двусмысленностей, никакого затемнения политического сознания рабочих и крестьян. Пролетариат должен тщательно использовать все колебания в политике «власть

имущих» и «власть делящих» для расширения и укрепления *своей* классовой организации, для упрочения своих связей с революционным крестьянством, как единственным классом, способным вести освободительное движение *далее* кадетской «плотины», *далее* кадетской сделки с старой властью.

Но не следует ли пролетариату *поддержать* требование либеральной буржуазии, т. е. образование верховной властью кадетского министерства? Не обязан ли пролетариат это сделать ввиду того облегчения борьбы за свободу и борьбы за социализм, которое принесет ему кадетское министерство?

Нет, такой шаг был бы самой глубокой ошибкой и *изменной* интересам пролетариата. Это значило бы в погоне за минутным успехом жертвовать коренными интересами пролетариата в революции. Это значило бы увлечься призраком и советовать пролетариату «разоружиться» при отсутствии хотя бы малейших *реальных* гарантий *действительного* облегчения его борьбы. Это было бы худшим видом оппортунизма.

Назначение верховной властью кадетского министерства несколько еще не колеблет основ старой власти. Реальное соотношение сил вовсе не обязательно изменяется при этом в пользу действительно революционных классов. Борьба народа со старой властью несколько не устраняется подобной «реформой». История революций знает примеры, когда такое, назначенное старою властью, либеральное министерство (например, в Германии в 1848 году) служило только ширмой самодержавия и лучше иного бюрократического министерства помогало потушить революцию.

Пролетариат российский не имеет оснований бояться кадетского министерства, которое во всяком случае поможет народу познать истинную природу кадетов, но он ни в каком случае не должен и поддерживать такой меры, ибо она, по существу своему, есть самая двусмысленная, предательская, изменническая мера.

Пролетариату выгодно было, чтобы — раз не удалось смести Думу — кадеты имели большинство на выборах. Они скорее «исчерпают» себя при этом, чем если бы они были в меньшинстве. Но пролетариат отказался от всякой поддержки кадетов на выборах, и Объединительный

съезд РСДРП подтвердил это решение, запретив блоки (соглашения, союзы) с другими партиями. Пролетариату выгодно кадетское министерство *в том смысле*, что кадеты при этой комбинации всего быстрее «исчерпают» себя, «отхозяйничают», всего скорее «выдохнутся» и разоблачат себя. Но поддерживать *сделки* буржуазии с Треповым о дележе народной свободы пролетариат никогда не будет.

Действительная «поддержка» освободительного движения, действительное развитие его дает исключительно развитие политических и экономических организаций пролетариата и упрочение его связей с революционным крестьянством. Только это ослабит на деле старую власть и подготовит ее падение. Сделка же кадетов — двусмысленная игра, поддерживать которую и бесполезно с точки зрения действительно прочных приобретений революции и вредно с точки зрения развития сознания, сплоченности и организованности революционных классов.

«Вперед» № 4, 30 мая 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Вперед»

НЕМЕЦКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ О КАДЕТАХ

Либерально-буржуазная печать всей России старается всеми силами уверить своих читателей, что русские с.-д. «большевики» не имеют ничего общего с международной социал-демократией. Это, извольте видеть, анархисты, бунтари, заговорщики; им бы поучиться надо у немецких с.-д.; им бы следовало признать главным путем «парламентский» путь, как сделали немецкие с.-д. Такие и подобные речи несутся со страниц десятков кадетских газет.

Для русской публики вновь еще политическая борьба в открытую. Русская публика не знает еще, что это — самый обычный прием *буржуазии всех стран*: уверять всегда, что социалисты данной страны негодяи, бунтовщики и пр., а вот социалисты соседних стран «благоразумные» люди. Французская буржуазия ругает Жореса и хвалит Бебеля. Немецкая ругает Бебеля и хвалит Жореса. Русская ругает русских с.-д. и хвалит немецких. Старый, старый прием!

А вот вам факты. В центральном органе германской с.-д. партии «Vorwärts» («Вперед») — мы получаем эту газету очень редко, благодаря «усилиям» российской полицейской цензуры — помещены были недавно две статьи «Дума и кадеты». Редакция не только поместила эти «русские письма» в качестве передовых статей, но и снабдила их примечанием: «верная характеристика положения кадетов в русском революционном движении».

Посмотрим же, какую оценку кадетов считает *верной* центральный орган германской социал-демократии. Пусть не посетует на нас читатель за длинные выписки: надо же раз навсегда отучить русских либеральных газетчиков от выдумывания разногласий между русской и германской социал-демократией.

«Недавно еще — говорит статья «Дума и кадеты» — о кадетях ничего не было слышно. Их не было там, где лилась кровь и гремели выстрелы. Их не было там, где жертвовали жизнью увлеченные героизмом революционной борьбы народные массы, решившие умереть или победить под знаменем пролетарской свободы. Эти реальные политики были слишком государственно-мудры, слишком дальновидны, чтобы дать увлечь себя массовому движению, во главе которого шли «отверженные» и мечтатели, «фанатики» революции. Они сидели спокойно у себя за печкой, эти хладнокровные мудрецы, эти герои фразы, рыцари мишурного лжелиберализма. С сокрушением качали они головой, полные боязни, как бы революция не зашла слишком далеко, как бы она не поколебала искони священных устоев буржуазной жизни, собственности, политического благонравия, порядка.

Кадеты давно уже показали свою многосторонность по части «готовности к услугам». Уже во время булыгинской Думы мечтали они о том, чтобы перекинуть мостик от тогда еще «невинного» Витте к либерализму, который недвусмысленно кокетничал с иностранной биржей. Биржа, это вообще слабое место нашей партии «народной свободы». Всего несколько дней тому назад кадеты с негодованием оправдывались от обвинения, будто они вели «предательскую» агитацию против нового миллиардного займа. И такое поведение их вполне понятно. Во время самого равноуданного полицейского произвола они пытались объяснить его поведением демократии. Во время пожаров и погромов, организуемых камарильей, они вадицали от всей души трон и алтарь¹³⁹ против натиска ничего не признающих, все отрицающих, все разрушающих социалистов.

Пришла пора знаменитого бойкота, наступила великая октябрьская стачка, кровавая полоса народных восстаний, гражданской войны, военных мятежей на море и на суше. Кадеты были сметены великой очистительной волной прибоем.

Тогда не слышно было о кадетях. Рыцари волотой середины попрятались. В лучшем случае они громко протестовали, громко жаловались, но за громом революционной бури их не было слышно.

Реакция оказала кадетам самую лучшую услугу. Когда наполнились снова тюрьмы, когда ожили вновь места ссылки, хоронившие русских борцов, тогда пришла пора кадетов. Их противники слева вынуждены были замолчать. Кадеты добрались до газет, кадетов сравнительно мало затронули преследования контрреволюции. Не против них посылались карательные экспедиции, не их дома сжигались, не их дети насиловались казачками, не к ним относились меры «умиротворения» господ Витте-Дурново, не против

них обращались пушки и пулеметы, артиллерия и пехота, флот и казаки. И кадеты выступили на переднее место. Началась борьба посредством слова. Революцию заменила полемика, и на этом поприще кадеты оказались мастерами и виртуозами, не знающими себе равных. В первую очередь набросились они на революцию и на революционеров, поносили социалистов, клеветали на рабочую партию. Они полемизировали с противником, которому заткнули рот. Они обвиняли тех, кто не мог ни отвечать, ни защищаться. Но русский либерализм не удовлетворился и этим. Устами одного из самых выдающихся вождей своих объявил он, что все геройское освободительное движение России — его дело, что его заслуга — падение самодержавия. Нагло эксплуатировали кадеты пролитую пролетариями кровь, облакались в ключья разорванного красного знамени, объявляли либерализм — душой освободительной борьбы, избавителем родины от тиранов. И хотя тюрьмы оставались переполненными, виселицы продолжали воздвигаться, но кадеты все хвалили себя и громили беспокойных, дерзких, ни перед чем не останавливающихся революционеров».

Автор описывает далее юридическое положение нашей Думы, закон о Государственном совете, роль кадетов на выборах.

«Милые кадеты страстно желали эволюции вместо революции, правового порядка вместо революционной анархии и гражданской войны». Но народ дал им на выборах революционные поручения, которые были вовсе не по сердцу кадетам.

«Как прирожденные дипломаты и честные маклера, они льстили себя надеждой успокоить революцию, оживить биржу, смягчить самодержавие, примирить все противоречия, устранить все столкновения. Они проповедывали мир, но действительность принесла нечто иное. Они выступали перед избирателями как «конституционные демократы», их выбирали как оппозиционную партию вообще, как единственную или главную оппозиционную партию. Они стремились к компромиссу, а им дали революционные поручения. Они говорили фразы, а их посылали на борьбу, с них брали клятву, им обещали всяческую поддержку вплоть до вооруженной борьбы».

Опьяненные победой, увлеченные революционной фразой во время избирательной кампании, находясь в среде революционных избирателей, кадеты зашли дальше, чем хотели. Они не заметили, что за спиной у них выросла новая сила, которая толкала их в борьбу.

Кадеты слишком поадно поняли, кто послал их в парламент, кто дал им полномочия с таким категорическим императивом, кто навязал им роль, которой они больше всего боялись, от которой они всеми силами отнекивались. Их послала русская революция, чтобы выравнять себе дальнейший путь, их послал русский народ, воспользовавшийся кадетами, как тараном, чтобы пробить новую брешь

в стенах самодержавия, главные твердыни которого будут взяты потом не при помощи кадетов, а при помощи широких народных масс».

Кадеты с неудовольствием увидели присутствие в Думе революционных крестьянских депутатов, грозивших испортить их игру. Они мечтали о *«единодушной кадетской Думе»*. «Тогда можно бы было как-нибудь отделаться от революционных задач, утопить всякое настоящее действие в потоке красивых речей... Можно было бы ограничиться резолюциями и проектами, добиться — самое большее — кадетского министерства, укрепить конституционную монархию, затушить при помощи мелких уступок революцию, оттянуть до бесконечности все реформы и в конце концов достигнуть цели: ввести буржуазно-либеральный парламентаризм... Да, все это было бы возможно, не будь в Думе крестьян!» И автор статьи описывает — иногда прямо-таки в восторженных выражениях — революционность крестьянских депутатов в Думе. «Революция вынесла на своих плечах в Думу не одних только кадетов, она создала также и «Гору», «партию Горы», которая не пойдет на компромиссы. Революция представлена и в Думе».

«Бедные кадеты, бедные русские жирондисты! Они попали между молотом и наковальней, между штыками правительства и революцией пролетариата и крестьянства.

Недаром кадеты начали теперь так позорно прятать свой красный наряд. Недаром отбрасывают они свои громкие лозунги. Недаром вагворили они теперь о своих чувствах уважения к прерогативам старой власти. Положение становится серьезным. Правительство не шутит, и голыми руками от него ничего не добьешься. Но революция, которая послала кадетов в Думу, революция тоже не шутит. Она не простит им их измены. Она не пощадит трусов, которые вняли на себя революционную роль и потеряли мужество.

На одной стороне абсолютизм, на другой — революция. Что будут делать кадеты?»

Так заканчивается статья, с которой выразил свое согласие центральный орган германской с.-д. партии. Не правда ли, как посрамлены «большевики» этими «благоразумными» немецкими с.-д.? Как резко расходится их и наше суждение о кадетях? Как далеки друг от друга

их и наши лозунги: революция пролетариата и крестьянства?

Пусть подумает также читатель, разошлись ли бы мы с такими людьми в оценке кадетского министерства?

Нет, по отношению к абсолютизму, по отношению к либеральным буржуа международная революционная социал-демократия солидарна теперь, как и всегда!

«Вперед» № 5, 31 мая 1906 г.

*Печатается по тексту
газеты «Вперед»*

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Г. П. Милюков в № 86 «Речи» подводит итог «первому месяцу думской работы».

Вообще говоря, пишет почтенный автор,

«Все, что мы приводили здесь, как доказательство огромного успеха деятельности Думы за единственный месяц ее существования, — все это невесомые величины».

Но есть все же в результате «первого месяца думской работы» и результаты довольно «весомые»... по крайней мере в перспективе.

«Когда «Temps» за границей и «Новое Время» в Петербурге требуют «кадетского» министерства — всякий понимает, что это значит».

Насчет того, что «всякий понимает» — это, пожалуй, немножко слишком сильно сказано, г. Милюков. Но несомненно, что очень, очень многие действительно понимают и теперь уже, «что это значит». Гг. кадетов снова и снова приходится просить все о том же: что делаешь, делай скорей! Тогда, г. Милюков, действительно скоро все поймут, «что это значит».

«Вперед» № 5, 31 мая 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Вперед»

ПУСТЬ РЕШАЮТ РАБОЧИЕ

Перед социал-демократическим пролетариатом России и особенно Петербурга стоит важнейший вопрос, как провести ближайшую политическую кампанию по отношению к Гос. думе. Само собою понятно, что для единой с.-д. партии этот вопрос о *ближайшей* кампании ставится только *в пределах* резолюции Объединительного съезда.

Петербургскому с.-д. пролетариату рекомендовано *два* плана кампании: один в резолюции ЦК, другой в резолюции ПК. Мы напечатали уже в № 2 «Вперед»¹⁴⁰ обе эти резолюции* и теперь намерены остановиться на существенном различии их содержания. Главный пункт резолюции ЦК гласит: «мы будем поддерживать Думу во всех ее шагах, направленных к низвержению нынешнего министерства и к замене его министерством, назначенным Думой, видя в такой замене условие, способствующее со- выву учредительного собрания». Резолюция ПК ничего не говорит о поддержке подобного требования, перенося главное внимание на глумление правительства, на бессилие Думы, на необходимость обращения Трудовой группы к народу, на неизбежность новой и совместной борьбы рабочих и крестьян.

Итак, главный спорный пункт сводится к тому: поддерживать ли шаги Думы, направленные к составлению кадетского министерства, или нет. Резолюция ЦК выражается неясно, говоря о «министерстве, назначенном Думой». Но все знают и вся либерально-буржуазная печать подчеркивает, что речь идет на деле именно о назначении

* См. настоящий том, стр. 445—446. Ред.

верховой властью министерства, угодного Думе, т. е. кадетского министерства. Только в этом смысле могут понять резолюцию ЦК и широкие массы рабочего класса.

Может ли с.-д. пролетариат поддерживать требования о назначении верховной властью кадетского министерства? Нет, не может. Кадетское министерство может быть лишь *сделкой* самодержавия с либеральной буржуазией против социалистических рабочих и против революционного крестьянства. С.-д. используют, конечно, с удвоенной силой то новое положение, которое создалось бы при такой сделке; с.-д. тщательно взвешают свою тактику, если эта сделка даст хоть временное облегчение борьбы за свободу и за социализм. Мы постараемся и эту сделку, направленную против революции, обратить на пользу революции. Но *поддерживать* заключаемую за спиной народа сделку буржуа с чиновниками мы не можем. Призывать народ или пролетариат к такой поддержке, значит раавращать его сознание, значит скрывать от него правду о *сущности* этой сделки, об ее *опасности*, о стремлении буржуазии и чиновничества *затруднить* этим созыв учредительного собрания.

Мы должны призывать рабочих и крестьян не к поддержке сделок, а к борьбе. Только серьезная подготовка к борьбе *действительно* ослабит самодержавие, только в борьбе — залог того, что *все и всякие* шаги как самодержавия, так и буржуазии послужат действительно на пользу революции. Резолюция ЦК *неправильна*. Сознательные рабочие с.-д. *не могут* принять этой рекомендованной им резолюции.

Теперь второй вопрос. Не обязательно ли принять эту резолюцию во имя дисциплины, во имя подчинения съезду? Посмотрите на резолюцию Объединительного съезда о Гос. думе и вы увидите, что из нее невозможно вывести поддержку требования составить кадетское министерство, в ней нет даже *ни слова* о «поддержке» Думы вообще. Вот *полностью* та часть резолюции съезда, которая *определяет* отношение к самой Думе: «С.-д. должна: 1) планомерно *использовать* все конфликты, возникающие как между правительством и Думой, так и внутри самой Думы, в интересах расширения и углубления революционного движения, и для этого: а) стремиться *расширить и обострить эти конфликты* до пределов, дающих возможность сделать их

исходной точкой широких массовых движений, направленных к низвержению современного политического порядка; б) стараться в каждом данном случае связать политические задачи движения с социально-экономическими требованиями рабочей и крестьянской массы; в) широкой агитацией среди народных масс за предъявление Гос. думе революционных требований, — организовать давление на Думу извне в целях ее революционизирования. 2) Направлять это свое вмешательство таким образом, чтобы эти обостряющиеся столкновения: а) обнаруживали перед массой непоследовательность всех буржуазных партий, которые возьмут на себя в Думе роль выразителей народной воли, и б) довели широкую массу (пролетариата, крестьянства и городского мещанства) до сознания полной непригодности Думы, как представительного учреждения, и необходимости созыва всенародного учредительного собрания» и т. д.

Из подчеркнутых нами мест ясно видно, что резолюция ЦК о поддержке требования насчет кадетского министерства не только не соответствует резолюции съезда, а прямо противоречит ей. Кадетское министерство — требование неревolutionное. Конфликты с Думой и внутри Думы оно ослабляет и затемняет, непригодность Думы оставляет в тени и т. д., и т. д. Добавим, что резолюция съезда ни разу не говорит о «поддержке» Думы, а только о «давлении», «использовании», «вмешательстве».

Вывод отсюда очевиден. ЦК безусловно не вправе требовать от организаций партии принятия его резолюции о поддержке требования насчет кадетского министерства. Все члены партии обязаны вполне самостоятельно и критически отнестись к вопросу и высказаться за ту резолюцию, которая по их мнению вернее решает задачу в пределах постановлений Объединительного съезда. Петербургские с.-д. рабочие знают, что вся организация партии строится теперь демократически. Это значит, что все члены партии выбирают должностных лиц, членов комитетов и т. п., что все члены партии обсуждают и решают вопросы о политической кампании пролетариата, что все члены партии определяют направление тактики партийных организаций.

Мы уверены, что петербургский с.-д. пролетариат так и отнесется к спорному вопросу, обсудит его всесторонне,

обстоятельно, деловым образом и вынесет самостоятельное решение: *поддерживать требование кадетского министерства или нет?*

От этого своего права, от этой своей с.-д. и партийной обязанности петербургские рабочие не позволят отклонить себя никакими софизмами, т. е. никакими явно-ложными доводами. Мы лишь вкратце отметим эти софизмы. Л. Мартов в «Курьере» (№ 13) говорит: во имя дисциплины не расстраивайте политической кампании ЦК. Это — софизм. Никакая дисциплина не обязывает членов партии слепо подписывать все проекты резолюций, составленные ЦК. Нигде и никогда не бывало на свете таких правил, чтобы партийные организации отказывались от права своего суждения и превращались в *подписывателей* резолюций ЦК. Л. Мартов говорит: меньшевики подчинились насчет бойкота, теперь подчинитесь вы. Это — софизм. Решениям съезда мы все подчинились. Против выборов в Думу и против назначения парламентской фракции с.-д. никто из нас не призывал бороться. Мы подчинились, мы отказались, по воле съезда, от бойкота. Но мы вправе и обязаны бороться, в пределах решений съезда, против поддержки кадетского министерства, *никаким съездом не предписанной*. Л. Мартов обходит суть дела одними страшными словами и инсинуациями насчет дезорганизаторов. Он ни звука не проронил о том, противоречит ли резолюция ЦК решению съезда. Он ни звука не проронил о праве оппозиции, т. е. о праве *всякой* партийной организации, в пределах воли съезда, оспаривать тактику ЦК и исправлять его уклонения и ошибки. Мы спокойно ответим поэтому Мартову: дезорганизует тот, кто нарушает законные права партийных организаций.

Мы спокойно укажем на то, что даже меньшевики (см. письмо в редакцию тов. Власова¹⁴¹ в этом же номере) несогласны с поддержкой кадетского министерства. Даже тов. Рьяншев в № 13 «Курьера» призывает *«рабочую и Трудовую группы»* «всеми силами бороться» против кадетского законопроекта о свободе собраний, т. е. предлагает *чисто большевистскую* тактику, *исключающую* поддержку министерства тех же самых кадетов.

Если Выборгский районный комитет предлагает созыв общегородской конференции с выбором делегатов «без различия фракций, т. е. без всяких дискуссий» —

без обсуждения того, о чем идет спор!! — то петербургские с.-д. рабочие, конечно, лишь посмеются над этим решением. *Без обсуждения* никогда сознательные рабочие не будут решать важного вопроса. Ни жалкие слова о той или иной «резкости» при обсуждении, ни плач Л. Мартова по поводу той или иной обидевшей его резкости, ни угрозы расколом со стороны того же Л. Мартова или со стороны кого бы то ни было не заставят рабочих отказаться от *самостоятельного* решения вопроса. Угроза расколом, провокация на раскол — прием недостойный, радующий только буржуазию (см. № 29 «Думы»). Рабочие *по большинству* решат вопрос о поддержке кадетского министерства и добьются того, чтобы никто, даже ЦК, *не посмел срывать их решения*, вполне свободного, вполне самостоятельного, вполне правомерного на основании постановлений Объединительного съезда.

«Вперед» № 6, 1 июня 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Вперед»

«НЕ КВЕРХУ НУЖНО ГЛЯДЕТЬ, А КНИЗУ»

Так говорит сегодня в газете левых кадетов, «Нашей Жизни», г. И. Жилкин. С грустью отмечает он «сияние самодовольства» на кадетских лицах. Восторженное заявление г. Милюкова: «Кадеты дифференцируются от крайней левой» возбуждает его протест. Он высмеивает «необычайную политическую мудрость» кадетов, признающих «безвыходность» положения и в то же время хвастающих о смелом направлении государственного корабля в фарватер...

Остановимся на этих рассуждениях, которые затрагивают самый коренной вопрос сегодняшнего политического положения. И, с нашей точки зрения, особенно важно подчеркнуть, что верная оценка этого положения *навязывается* теперь силою событий даже людям, совершенно не разделяющим взглядов левых с.-д., воюющим против нас особенно усердно.

Слухи из парижского клуба русских реакционеров сообщают, что «все колебания в Петергофе прекратились. Горемыкин получил полную свободу действий», т. е. свободу расправиться с Думой. И «Наша Жизнь», чуждая стремлению большевиков рисовать все в мрачных красках, говорит: «Мы имеем все основания относиться с полной доверчивостью к этим слухам»... «Борьба обостряется... — заканчивает передовицу эта газета. — Поднявшие меч от меча и погибнут». А г. И. Жилкин пишет: «Много ли в России людей, верящих в мирный победный исход парламентской работы? Нужно быть романтиком, мечтателем, идеалистом, чтобы погрузиться с головой в такие розовые мечты». И, рядом, г. В. Хижняков заявляет:

«Нам не избежать революционных бурь, — это надо признать. Дума бессильна свернуть движение на мирный путь, ибо у нее нет власти улучшить народную жизнь, а без этой власти нет других, кроме революционных, путей. И уже теперь ясно ощущается, как постоянно увеличивается чувство неудовлетворенности, как все с большей силой исчезает вера во всемогущество Думы и как вместе с тем растет отчаяние» (неверие в Думу, как и неверие в бога, не есть еще «отчаяние»). «Атмосфера постепенно насыщается электричеством, можно слышать иногда глухие раскаты грома, и разряды стихии, быть может, уже недолго ждать».

Так говорят люди, суждение которых нам особенно ценно вследствие их предвзятого отрицательного отношения к революционной социал-демократии. События *заставили* этих людей повторить именно те положения, на которых мы всегда настаивали и за которые нас всегда громила, разносила, порочила либеральная буржуазия, создававшая про «большевиков» целую грудку сплетен, лжи и клевет.

«Не кверху нужно глядеть, а книзу». Это значит, что в силу объективных исторических условий, не зависящих от нашей воли, *главной* формой освободительного движения в России в настоящее время *не* может стать парламентская борьба. Не об «отрицании» ее идет речь, не об отказе использовать ее, — об этом нечего и говорить, — а о том, что *главная* и решающая борьба надвигается, в силу всего хода событий, на другой арене. Либеральная буржуазия бесконечное число раз клеветала на нас, большевиков, что мы «легкомысленно толкаем на крайние средства» («Речь» № 88). Посмотрите же, господа, неужели мы «толкнули» Жилкина, Хижнякова, передовика «Нашей Жизни»? Неужели мы «толкнули» курских и полтавских солдат, киевских, саратовских и других крестьян?

Мы «толкали» и будили тех, кто всегда ходил с «сиянием самодовольства» на лице. Мы говорили, что не от нашей воли зависит выбор той или иной формы освободительной борьбы, что необходимо трезво и беспощадно смотреть в лицо действительности, которая не оставляет почвы для «пути», ныне и «Нашей Жизнью» признаваемого закрытым. Мы говорили, что социалисты не могут и не должны жертвовать коренными интересами демократии и социализма

ради минутных успехов, — они обязаны вскрывать перед массой горькую правду о ненадежности кадетов, о бессилии Думы, о неизбежности революционных бурь. Если масса не поймет нас сегодня, увлекшись красноречием кадетов на избирательных собраниях, если масса не поймет нас завтра, увлекшись первыми днями первого русского парламента, — то послезавтра она убедится в нашей правоте. События заставят ее видеть в революционной социал-демократии партию, которая не обольщается мишурой, которая выдержанно и стойко призывает «глядеть» именно в ту сторону, где неизбежно разыгрывается борьба, решающая судьбу настоящей (а не кадетской) народной свободы.

Наша революция именно потому есть великая российская революция, что она подняла к участию в историческом творчестве гигантские народные массы. Классовые противоречия еще далеко не с полной резкостью развились внутри этих масс. Политические партии еще только складываются. Мы не в силах поэтому ни направить масс, ни удержать их в сколько-нибудь значительной степени. Но мы можем, изучив действительное положение и взаимоотношение классов, предусмотреть неизбежность того или иного направления их исторической работы, — той или иной главной формы их движения. И эти наши социалистические знания мы должны самым широким образом распространять в массах, не смущаясь тем, что истина зачастую бывает очень горька, что ее не видно сразу за мишурой модных политических вывесок или эффектных политических учреждений, — не поддаваясь чарованью красных вымыслов. Мы исполним свой долг, если все сделаем для такого просвещения массы и для подготовки ее к формам движения, незаметным для поверхностного наблюдателя, но неизбежно вытекающим из всего экономического и политического положения страны. Мы не исполним своего долга, если направим все свои взоры «кверху» и прозеваем то, что идет, растет, приближается и надвигается внизу.

Написано 1 (14) июня 1906 г.

Напечатано 2 июня 1906 г.
в газете «Вперед» № 7

Печатается по тексту газеты

РЕАКЦИЯ НАЧИНАЕТ ВООРУЖЕННУЮ БОРЬБУ

Давно уже указывала социал-демократическая печать на непрочность, на беспочвенность пресловутого русского «конституционализма». Пока держится старая власть и держит в руках всю громадную машину государственного управления, — до тех пор нельзя и говорить серьезно о значении народного представительства, о возможности удовлетворить наболевшие нужды миллионов народа. Начались заседания Гос. думы, — полились особенно бурным потоком либерально-буржуазные речи о мирном конституционном пути, — начались и стали все усиливаться организуемые агентами правительства избиения мирных демонстрантов, поджоги домов с народными собраниями, наконец, прямые погромы.

А крестьянское движение растет. Забастовки рабочих становятся все острее, все чаще и шире. Самые отсталые военные части, пехота в провинции, казачество, приходят в волнение.

Слишком много горячего материала в русской жизни. Слишком велика и остра борьба, подготовленная веками невиданных в истории насилий, истязаний, мучительства, грабежей и эксплуатации. Нельзя уложить этой борьбы народа со старой властью в рамки борьбы Думы за то или иное министерство. Нельзя удержать самых забитых и темных «подданных» от заявления требований просыпающейся человеческой и гражданской личности. Нельзя удержать призывом к законности старую власть, которая всегда сама сочиняла законы, которая борется за свое существование последними, самыми отчаянными, дикими и бешеными средствами.

Погром в Белостоке — особенно яркий факт этого начала вооруженных действий правительства против народа. Старая, но вечно новая, — вечно до победы народа, до полного сметения старой власти — история российских погромов! Вот несколько выдержек из телеграммы выборщика белостокских граждан, Цирина: «Начался еврейский погром, *подготовленный заранее*». «Вопреки распространенным слухам, из министерства в течение целого дня *никаких распоряжений не поступало*». «Погром усердно агитировался уже две недели; по улицам, в особенности по вечерам, раздавались прокламации, призывавшие к избиению не только евреев, но и интеллигенции; *полиция смотрела на это сквозь пальцы*».

Старая знакомая картина! Полиция готовится к погрому заранее. Полиция подстрекает; в правительственных типографиях печатаются воззвания об избиении евреев. Полиция бездействует в начале погрома. Войска молча смотрят на подвиги черной сотни. А потом, — потом та же полиция продолжает комедию суда и следствия над погромщиками. Суд и следствие чиновников старой власти приводят неизменно к одному результату: дело затягивается, погромщиков виновных не оказывается, кое-когда даже избитых и изувеченных евреев и интеллигентов тянут под суд, проходят месяцы, — старая, но вечно новая история забывается, впредь до следующего погрома. Подлое подстрекательство, подкуп и спаивание подонков нашей проклятой капиталистической «цивилизации», зверское избиение вооруженными безоружных, комедия суда и следствия, производимых самими виновными. И могут еще находиться люди, которые, видя эти явления русской жизни, думают и говорят, будто что-то «легкомыслие» призывает народ к «крайним средствам»! Не только легкомыслие нужно, нужна дряньность души, нужна политическая испорченность, чтобы говорить подобные вещи пред лицом таких событий, как сожжение народного дома в Вологде (начало заседаний Гос. думы) или белостокский погром (месяц заседаний Думы). Миллионы призывов не производят на народ и сотовой доли того действия, как одно такое событие. И говорить о «легкомыслии» призывов — такое же беспросветное педантизм, такое же гражданское омертвление, как осуждение бешеного крика мести, несущегося с поля вологодских и белостокских сражений.

Гос. дума поступила очень хорошо, поставив немедленно на обсуждение запрос по поводу белостокского погрома и отправив членов Гос. думы в Белосток для расследования дела на месте. Но, когда вы читаете этот запрос, когда вы сопоставляете с ним речи депутатов Гос. думы и общеизвестные факты погромов, — получается глубокое чувство неудовлетворенности, чувство возмущения нерешительным языком запроса.

Судите сами. Авторы запроса говорят только: «население *опасается*, чтобы со стороны местных властей и злостной агитации не сделано было попытки представить пострадавших виновниками постигшего их бедствия» ... «В этом направлении распространяются лживые сведения». Да, да, забитое и измученное еврейское население *опасается* и имеет все основания опасаться этого. Это правда. Но ведь это *не вся правда*, господа члены Думы и авторы запроса! Вы-то, не избитые пока еще и не измученные депутаты народа, прекрасно знаете, что это не вся правда. Вы знаете, что забитое население *не смеет* назвать *истинных* виновников погрома. *Вы должны их назвать*. На то вы депутаты народа. На то вы пользуетесь — даже по российским законам — *полной* свободой слова в Государственной думе. Не становитесь же *между* реакцией и народом в такие минуты, когда вооруженная реакция душист, избивает, калечит невооруженный народ. Становитесь *прямо и целиком* на сторону народа. Не ограничивайтесь передачей обывательского опасения, что гнусные виновники погромов признают виновниками убитых. *Выступайте с прямыми обвинениями этих виновников* — это ваш *прямой долг* перед народом. Спрашивайте правительство не о том, принимаются ли меры к защите евреев и для предупреждения погромов, а о том, долго ли будет еще правительство прикрывать истинных виновников, принадлежащих к составу правительства. Спрашивайте о том, полагает ли правительство, что народ еще долго будет в заблуждении насчет этих истинных виновников. Обвиняйте правительство открыто и во всеуслышание, призывайте народ к организации милиции и самообороны, как *к единственному* средству защиты от погромов.

Это не соответствует «парламентским обычаям», скажете вы. И вам не стыдно *даже* теперь выдвигать такие доводы? И вы не понимаете, что народ осудит вас, если вы

даже в такие минуты не бросаете игры в парламент, не осмеливаетесь сказать прямо, открыто, громко то, что *вы на самом деле знаете и думаете?*

А что вы знаете правду о погромах, это видно из речей депутатов Думы. Кадет Набоков говорит: «Мы знаем, что во многих случаях администрации отнюдь не удавалось сбросить с себя подозрение в том, что одновременность возникновения погромов является результатом либо черносотенных организаций, действующих с *ведома местных властей*, либо, в лучшем случае, систематического бездействия их».

Если вы *знаете* это, господа кадеты, то вы должны были сказать это в запросе. Так и надо писать: мы *знаем* то-то и спрашиваем о том-то. И если вы знаете «лучшие» случаи, то *неприлично* депутатам народа молчать о *худших* случаях: о прямой организации погромов полицией по приказу из Питера.

«Белосток не исключительный случай» — справедливо сказал Левин. «Это одно из последствий той системы, с которой вы хотите бороться». Правильно, гражданин Левин! Но если мы в газете можем говорить только о «системе», то вам в Думе надо говорить прямее и резче.

«Погромы, это — целая система. В октябрьские дни... правительство... не нашло другого средства, чтобы бороться с освободительным движением... Вы знаете, чем окончилась эта глава истории. Теперь повторяется то же самое... Эта система подготовлена и задумана *коварно* и *столь же коварно* исполняется. Во многих случаях мы отлично знаем, кто эти погромы подготовляет, мы отлично знаем, что прокламации *рассылаются жандармскими управлениями*».

Еще раз: правильно, гражданин Левин! И надо было в запросе написать: полагает ли министерство, что Дума не знает общеизвестного факта о рассылке прокламаций жандармами и полицией?

Депутат Рыжков прямо назвал *ложью* объяснение погромов племенной враждой, — злым вымыслом — объяснение их бессилием власти. Депутат Рыжков привел ряд фактов «сотрудничества» полиции, погромщиков и казаков. «Я живу в крупном промышленном районе — сказал он — и знаю, что погром, например, в Луганске не принял ужасающих размеров *только потому* (слушайте это

хорошенько, господа: *только* потому), что *безоружные рабочие* голыми руками гнали погромщиков под страхом быть застреленными полицией».

«Обвинение правительства» озаглавливает газета «Речь» этот отдел думских прений. Хорошее заглавие. Но место этому заглавию не в газете, а в *тексте запроса* Думы. Либо писать эти запросы так, чтобы они были огненным обвинением правительства перед народом, — либо вызывать горькие замечания и насмешки за вопиющее несоответствие между чудовищностью фактов и канцелярскими умолчаниями канцелярски-сдержанных запросов. Только вступив на первый путь, Дума отучит реакционеров смеяться над ней. А то реакционеры прямо и открыто издеваются. Прочтите сегодняшнее «Новое Время». Эти лакеи погромщиков хохочут, веселятся: «Нельзя не отметить с особенным удовольствием (11) ту поспешность, с какой Дума запросила министра о еврейском погроме в Белостоке». Вы видите: погромщики испытывают особенное удовольствие, — лакей выбалтывает правду. Реакция довольна и белостокским погромом и тем, что можно Думу теперь ругать «еврейской» Думой. Реакция глумится: «Если следует прощать погромы собственности крестьянами в русских губерниях, как сегодня говорили в Г. думе, то следует точно так же прощать и погромы еврейской собственности в западном крае».

Вы видите, господа думцы: реакционеры прямее вас. Речи реакционеров сильнее, чем ваши речи в Думе. Реакционеры не боятся войны. Реакционеры не боятся связать Думу с крестьянской борьбой за свободу. *Не бойтесь же и вы связать реакционную власть с погромщиками!*

Написано 3 (16) июня 1906 г.

Напечатано 4 июня 1906 г.
в газете «Вперед» № 9

Печатается по тексту газеты

РЕЗОЛЮЦИЯ (III) ПК РСДРП ПО ВОПРОСУ О ДУМСКОМ МИНИСТЕРСТВЕ¹⁴³

Принимая во внимание:

1) что требование назначения в данный момент ответственного министерства из большинства Государственной думы представляется неправильным и двусмысленным, так как:

а) назначение подобного министерства не могло бы быть действительным переходом власти от самодержавия к народному представительству;

б) по существу это была бы сделка либеральной буржуазии с самодержавием за счет народа и за спиной его;

в) пролетариат не имеет никаких гарантий того, что эта сделка при данном соотношении реальных политических сил даст ему серьезное обеспечение в ведении его классовой борьбы (во всяком случае не такое серьезное, которое могло бы оправдать существенный вред, наносимый развитию пролетарского классового сознания активной поддержкой буржуазной сделки в эпоху революционного подъема).

2) Требование назначения ответственного думского министерства в силу вышеизложенного служит лишь к укреплению конституционных иллюзий и к развращению революционного сознания народа, порождая надежды на мирный переход власти к народу и затемняя коренные задачи борьбы за свободу; — принимая это во внимание, собрание постановляет:

1) пролетариат не может в данный момент поддерживать требования назначения думского министерства,

2) пролетариат поддерживает идею образования исполнительного комитета из состава революционных элементов Думы, в целях объединения этим комитетом действий местных свободных организаций народа.

· .

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статья *«Наши задачи и Совет рабочих депутатов»*, в которой впервые дана оценка Советов как органов восстания и зачатка новой революционной власти, написана Лениным в начале ноября 1905 года в Стокгольме, где он находился некоторое время, возвращаясь из эмиграции в Россию. Статья предназначалась для газеты *«Новая Жизнь»*, но не была в ней напечатана. Рукопись статьи найдена лишь осенью 1940 года. — 1.
- ² *«Новая Жизнь»* — первая легальная большевистская газета; выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года в Петербурге. С приездом Ленина из эмиграции в Петербург, в начале ноября, газета стала выходить под его непосредственным руководством. *«Новая Жизнь»* являлась фактически Центральным Органом РСДРП. Ближайшими сотрудниками газеты были В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский. Активное участие в *«Новой Жизни»* принимал А. М. Горький, оказывавший газете также большую материальную помощь. Тираж газеты доходил до 80 тыс. экземпляров.
- «Новая Жизнь»* подвергалась многочисленным репрессиям. Из 27 номеров газеты 15 было конфисковано и уничтожено. После выхода в свет 27-го номера газета была закрыта правительством. Последний, 28-й, номер вышел нелегально. — 3.
- ³ Речь идет о всероссийской политической стачке в октябре 1905 года. — 8.
- ⁴ *«Союз союзов»* — политическая организация либерально-буржуазной интеллигенции; оформилась в мае 1905 года на первом съезде представителей 14 союзов, созданных по профессиональному признаку: адвокатов, писателей, врачей, инженеров, учителей и других. Съезд выдвинул требование созыва учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. В июле 1905 года Союз высказался за бойкот булыгинской

Думы, но вскоре отказался от этой позиции и решил принять участие в выборах Думы. К концу 1906 года Союз союзов распался. — 8.

- 5 *Всероссийский крестьянский союз* — революционно-демократическая организация, возникшая в 1905 году. На первом и втором съездах Союза, состоявшихся в Москве в августе и ноябре 1905 года, были выработаны программа и тактика Союза. Крестьянский союз требовал политической свободы и немедленного созыва учредительного собрания; придерживался тактики бойкота Государственной думы. Аграрная программа Союза включала требование отмены частной собственности на землю, передачи крестьянам без выкупа монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. Союз в своей политике проявлял половинчатость и колебания. Требуя ликвидации помещичьей собственности на землю, Союз соглашался на частичное вознаграждение помещиков. С первых же шагов своей деятельности Крестьянский союз подвергался полицейским репрессиям. К концу 1906 года Всероссийский крестьянский союз распался. — 11.
- 6 *«О реорганизации партии»* — первая ленинская статья, напечатанная в газете «Новая Жизнь». Написана Лениным по возвращении в Россию из эмиграции. Статья послужила основой для резолюции «Реорганизация партии», принятой на Таммерфорской конференции в декабре 1905 года. — 12.
- 7 *«Независимцы»* — так называемая «Независимая социальная рабочая партия» зубатовского типа; основана в Петербурге осенью 1905 года по заданию царского правительства при содействии охранки; ставила целью отвлечь рабочих от революционной борьбы; к началу 1908 года перестала существовать. — 12.
- 8 Обращение *«Ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам»* с заголовком «К съезду 4-го съезда РСДРП» было напечатано в № 9 газеты «Новая Жизнь» от 10 (23) ноября 1905 года. — 12.
- 9 Речь идет о новой, оппортунистической, «Искре». После II съезда РСДРП меньшевики, при содействии Плеханова, захватили «Искру» в свои руки. С ноября 1903 года, начиная с № 52, «Искра» стала меньшевистским органом. Выходила до октября 1905 года. — 13.
- 10 *Вандея* — французская провинция, где вспыхнуло в эпоху французской буржуазной революции конца XVIII века контрреволюционное восстание отсталого реакционного крестьянства против революционного Конвента. Восстание проходило под религиозными лозунгами и руководилось контрреволюционным духовенством и помещиками. — 19.

- 11 Статья Ленина «*Пролетариат и крестьянство*» была перепечатана сумской группой РСДРП в качестве приложения к «Программе Российской социал-демократической рабочей партии». Сумы, 1905. — 22.
- 12 «*Известия Совета Рабочих Депутатов*» — официальный орган Петербургского Совета рабочих депутатов; выходил с 17 (30) октября по 14 (27) декабря 1905 года; носил характер бюллетеня с информацией о деятельности Совета. Газета постоянной редакции не имела, печаталась самоинициативным путем в типографиях разных буржуазных газет. Вышло 10 номеров. Номер 11-й был конфискован полицией во время печатания. — 26.
- 13 «*Пролетарий*» — нелегальная большевистская еженедельная газета, Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии от 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин. «Пролетарий» издавался в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года; вышло 26 номеров. Постоянное участие в работе редакции принимали В. В. Воровский, А. В. Луначарский и М. С. Ольминский. «Пролетарий» продолжил линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед». Ленин написал в газету свыше 50 статей и заметок. Статьи Ленина из газеты «Пролетарий» перепечатывались в местных органах большевистской печати, издавались отдельными листовками. Особенно близкое сотрудничество было налажено между «Пролетарием» и нелегальной большевистской газетой «Пролетариатис Брдзола» («Борьба Пролетариата») — органом Кавказского Союза РСДРП, издававшимся под руководством И. В. Сталина, А. Г. Цулукидзе и С. Г. Шаумяна.
- Вскоре после отъезда Ленина в Россию, в ноябре 1905 года, издание газеты «Пролетарий» было прекращено. Последние два номера (25-й и 26-й) вышли под редакцией В. В. Воровского. — 27.
- 14 *Постановление о мерах борьбы с локаутами* предложено Лениным на пленуме Петербургского Совета рабочих депутатов 13 (26) ноября 1905 года и принято на другой день в Исполнительном комитете Совета. О значении этого постановления см. статью Ленина «Неудавшаяся провокация» (настоящий том, стр. 34—35). — 32.
- 15 *Съезд земских и городских деятелей* происходил в Москве 6—13 (19—26) ноября 1905 года. Съезд высказался против созыва учредительного собрания и выразил надежду, что Государственная дума выполнит роль усмирителя крестьянских волнений путем небольшой прирезки крестьянам надельной земли. — 35.
- 16 «*Русь*» — ежедневная либерально-буржуазная газета; выходила в Петербурге с декабря 1903 года по июнь 1908 года с перерывами и под равными названиями: «Русь», «Молва», «XX век». — 36.

- 17 Имеется в виду посылка войск царем Николаем I для подавления венгерской революции в 1849 году. — 36.
- 18 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии», 1939, стр. 27—40. — 42.
- 19 Статья «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти» была издана отдельной листовкой Комитетом объединенных социал-демократических организаций г. Николаева 14 (27) декабря 1905 года, а также перепечатана в № 2 газеты «Забайкальский Рабочий» — органе Читинского комитета РСДРП — 18 (31) декабря 1905 года. — 48.
- 20 «Слово» — ежедневная газета; издавалась в 1904—1909 годах в Петербурге; была органом правых земцев; с ноября 1905 до июля 1906 года являлась органом партии октябристов, а затем — органом конституционно-монархической партии «мирно-обновленцев», ничем по существу не отличавшихся от октябристов. — 49.
- 21 «Партия правового порядка» — контрреволюционная партия крупной торгово-промышленной буржуазии, помещиков и высших слоев бюрократии; образовалась осенью 1905 года. Партия безоговорочно выступала в защиту царского режима; она приветствовала разгон I Думы, во время выборов во II Думу блокировалась с черносотенным «Союзом истинно-русских людей». В 1907 году партия распалась. — 54.
- 22 Календы — название первого дня месяца у древних римлян. У греков таких названий не было. Отложить до греческих календ — никогда не осуществить, провалить дело. — 60.
- 23 «Освобождение» — двухнедельный журнал буржуазных либералов, издававшийся за границей в 1902—1905 годах под редакцией П. Б. Струве; с января 1904 года — орган либерально-монархического «Союза освобождения». Позднее «освобожденцы» составили ядро партии кадетов. — 62.
- 24 «Наша Жизнь» — ежедневная газета, близкая к левому крылу кадетов; выходила с перерывами с 6 (19) ноября 1904 по 11 (24) июля 1906 года в Петербурге. — 62.
- 25 *Радикалы-демократы* — мелкобуржуазная организация, существовавшая в конце 1905 — начале 1906 годов; занимала промежуточную позицию между кадетами и меньшевиками. Радикалы-демократы выставляли требование демократической республики, хотя мирились и с конституционной монархией при условии ответственного перед парламентом кабинета министров; по аграрному вопросу высказывались за экспроприацию частновладельческих земель за минимальное вознаграждение. Организация радикал-демократов скоро распалась, бывшие члены ее примкнули к полукadetским органам печати «Без Заглавия» и «Товарищ». — 62.

- 26 См. статью «Эмигрантская литература». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 228. — 68.
- 27 Конференция «большинства» в Таммерфорсе (Финляндия) происходила 12—17 (25—30) декабря 1905 года вместо намеченного и объявленного ЦК очередного партийного съезда, который не мог состояться вследствие начавшихся революционных событий (железнодорожная забастовка, московское вооруженное восстание). На Таммерфорской конференции участвовали представители 26 большевистских организаций. На конференции впервые встретились Ленин и Сталин. До этого они поддерживали связь между собой письмами или через товарищей. Работа конференции началась отчетами с мест. Товарищ Сталин выступил с докладом о работе большевиков Закавказья. Доклады по текущему моменту и по аграрному вопросу сделал Ленин. Конференция приняла предложенные Лекиным резолюции по аграрному вопросу, о реорганизации партии, высказалась за воссоединение единства партии и слияние практических центров большевиков и меньшевиков и их литературных центральных органов на началах равенства и поручила Объединенному ЦК созвать объединительный съезд. Конференция обсудила также вопрос об отношении к Государственной думе. С речью в защиту тактики активного бойкота I Думы выступил товарищ Сталин. Конференция приняла резолюцию о бойкоте I Государственной думы, выработанную комиссией при участии Ленина и Сталина. Ввиду того, что в Москве уже происходило вооруженное восстание, конференция, по предложению Ленина, спешно закончила свою работу, и делегаты разъехались на места, чтобы лично участвовать в восстании.
- Резолюции конференции были изданы ЦК отдельной листовкой и напечатаны в газете «Молодая Россия» № 1, 4 (17) января 1906 года (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 57—59). — 70.
- 28 Статья Ленина «Рабочая партия и ее задачи при современном положении» была напечатана 4 (17) января 1906 года в еженедельной общественно-политической и литературной газете — «Молодая Россия» — легальном органе студентов социал-демократов. Департамент полиции тотчас же возбудил дело об аресте автора статьи — В. И. Ленина. «Молодая Россия», первый и единственный номер которой вышел в Петербурге со статьей Ленина, была конфискована, редактор ее арестован. — 75.
- 29 Речь идет о вооруженном восстании в Москве в декабре 1905 года. — 76.
- 30 «Новое Время» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1858 года по октябрь 1917 года. Вначале умеренно-либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. Газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-

буржуазного движения. С 1905 года — один из органов черносотенцев. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. — 76.

31 *Закон 11 декабря 1905 года* — новый избирательный закон по выборам в Государственную думу. В отличие от старой, «совещательной» булыгинской Думы (Положение 6 августа 1905 года) закон предусматривал создание «законодательной» Думы. По этому закону избиратели были разбиты на 4 курии: землевладельческую (помещики), городскую (буржуазия), крестьянскую и рабочую. Один голос помещика приравнивался к 3 голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Закон обеспечивал громадное преобладание в Думе кучки помещиков и капиталистов. — 85.

32 Имеется в виду так называемый «финансовый манифест», опубликованный в социал-демократической и либеральной печати 2 (15) декабря 1905 года за подписью Петербургского Совета рабочих депутатов, Центрального Комитета РСДРП, Главного комитета Всероссийского крестьянского союза и других организаций. Манифест заявлял о необходимости лишить царское правительство финансовых доходов и призывал население отказаться от взноса вынужденных и всех других казенных платежей, брать вклады из ссудосберегательных касс и из Государственного банка.

Бюро Союза союзов в заседании от 4 (17) декабря 1905 года решило поставить на очередном съезде Союза вопрос о присоединении к этому манифесту. Однако состоявшийся в январе 1906 года IV съезд Союза союзов этого вопроса не обсуждал. — 88.

33 Статья «*Современное положение России и тактика рабочей партии*» была напечатана в № 1 «*Партийных Известий*».

«*Партийные Известия*» — газета, орган Объединенного ЦК РСДРП, созданного после слияния большевистского Центрального Комитета и меньшевистской Организационной комиссии, в соответствии с решением Таммерфорсской конференции. Газета выходила нелегально в Петербурге накануне IV (Объединительного) съезда партии. Редакция «*Партийных Известий*» была создана из равного числа редакторов большевистского («*Пролетарий*») и меньшевистского (новая «*Искра*») органов. От большевиков в нее входили Ленин, Луначарский и другие. Вышло 2 номера газеты: в феврале и марте 1906 года. В № 2 «*Партийных Известий*» была напечатана статья Ленина «*Русская революция и задачи пролетариата*» за подписью «*Большевин*». После IV (Объединительного) съезда РСДРП, в связи с выпуском большевиками и меньшевиками своих органов, издание «*Партийных Известий*» было прекращено. — 94.

34 «*Дневник Социал-Демократа*» — неперIODический орган, издававшийся Г. В. Плехановым; выходил в Женеве с большими перерывами с марта 1905 до апреля 1912 года; вышло 16 номеров. Издание «*Дневника*» было возобновлено в 1916 году в Петрограде; вышел один номер. — 95.

- 35 *Петербургская общегородская конференция РСДРП* была созвана Петербургским комитетом 11 (24) февраля 1906 года для решения вопроса об отношении к Государственной думе. Конференцией руководил Ленин. На ней присутствовало 65 делегатов с решающим голосом. Выборы на конференцию производились после обсуждения и голосования тактических платформ большевиков и меньшевиков — из расчета 1 делегат на 30 голосовавших членов партии. Большевики получили при выборах значительное большинство. Меньшевики потребовали признать недействительными голоса Окружной организации РСДРП, почти целиком большевистской. Конференция утвердила представительство Окружной организации. Она заслушала отчетный доклад Петербургского комитета и приняла резолюцию Ленина, признававшую представительство конференции законным, конференцию действительной и решения ее обязательными. Доклад об отношении к Государственной думе сделал Ленин (в протоколах конференции доклад Ленина не записан). В конце доклада Ленин огласил свою резолюцию о тактике активного бойкота. Меньшевики предложили свою резолюцию. Конференция большинством голосов высказалась за активный бойкот Думы.
- Для обсуждения и окончательного утверждения резолюции о тактике активного бойкота была созвана в конце февраля — начале марта 1906 года вторая общегородская конференция петербургской организации. На ней присутствовало 62 делегата. После дискуссии, во время которой несколько раз выступал Ленин, конференция приняла за основу предложенную им резолюцию. Для редактирования резолюции была выбрана комиссия, в которую вошел Ленин. Меньшевики отказались от участия в комиссии и покинули конференцию. — 101.
- 36 *Аким* — меньшевик Л. И. Гольдман, делегат конференции. — 101.
- 37 В. И. Ленин имеет в виду следующий факт иронического отношения рабочих к Думе: в феврале 1906 года рабочие петербургского механического завода сделали чучело с надписью «Депутат в Государственную думу» и прокатили его по заводу. — 104.
- 38 «*Союз 17 октября*» или «*октябристы*» — контрреволюционная партия крупной промышленной буржуазии и крупных помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; образовалась в ноябре 1905 года. Признавая на словах манифест 17 октября, в котором напуганный революцией царь обещал народу «гражданские свободы» и конституцию, октябристы безоговорочно поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства. Лидерами октябристов были крупный промышленник А. Гучков и владелец огромных поместий М. Родаянко. — 105.
- 39 На Петербургской (II) конференции РСДРП лидер меньшевиков Дан впервые открыто заявил о допустимости участия в Думе,

сославшись на позицию Полтавской социал-демократической организации, высказавшейся в этом духе. До сих пор официально меньшевики выставляли половинчатый лозунг: участвовать в выборах уполномоченных и выборщиков, но в Думу не выбирать (см. листок Объединенного ЦК РСДРП «К партии», январь 1906 года). — 105.

- 40 *Соединенный ландтаг 1847 года* — законосовещательное собрание сословных представителей от провинций Пруссии, созданное Фридрихом-Бильгельмом IV в апреле 1847 года. Ограниченные права соединенного ландтага и его сословный характер вызвали недовольство прусской буржуазии. Роспуск королем соединенного ландтага в июне 1847 года способствовал нарастанию революционного движения в Германии. — 106.
- 41 Листовка «*Ко всем рабочим и работницам города Петербурга и окрестностей*» написана Лениным после Петербургской общегородской конференции РСДРП 11 (24) февраля 1906 года на основе ее решений. — 108.
- 42 *Проект резолюции о тактике бойкота* был внесен Лениным на заседании Петербургской конференции 11 (24) февраля 1906 года. В первоначальной редакции проект не сохранился. Он обсуждался на второй Петербургской конференции в конце февраля — начале марта 1906 года и редактировался специально выделенной для этой цели комиссией с участием Ленина. — 112.
- 43 *Закон 20 февраля 1906 года* и два указа Сенату о Государственной думе и Государственном совете сводили на нет все обещания царского правительства в манифесте 17 октября 1905 года. Закон превращал Государственный совет из совещательного в законодательный орган. Государственный совет, состав которого наполовину назначался и наполовину избирался из черносотенных слобов дворян, крупных капиталистов и духовенства, получал по закону право утверждать или отклонять любое решение Думы. — 113.
- 44 «*Шиповско-конституционный*» режим — режим полицейского самодержавия, слегка ограниченного «дарованной царем» конституцией. Д. Н. Шипов — умеренный либерал, лидер земского движения 90-х и 900-х годов. В 1905 году — один из вождей контрреволюционной партии октябристов. Политическую программу Шипова, приспособленную к полицейским условиям, Ленин называл «земской вубатовщиной». — 116.
- 45 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 490, 491; 485—489. — 118.
- 46 См. Ф. Энгельс. «К истории «Союза коммунистов»». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 223. — 118.
- 47 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Международные обзоры». Обзор III: от мая до октября. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 239. — 118.

- 48 См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии», 1940, стр. 81—82, 99—100; К. Маркс. «Классовая борьба во Франции», 1940, стр. 18—21 («Введение» Энгельса к работе). — 122.
- 49 Речь идет о «Введении» Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции». При публикации «Введения» немецкими социал-демократами в 1895 году оно было извращено, а ватем истолковано ими как отказ от вооруженного восстания и баррикадной борьбы.
Полный текст «Введения» по рукописи Энгельса был впервые опубликован лишь в СССР (см. К. Маркс. «Классовая борьба во Франции», 1940, стр. 5—26). — 122.
- 50 *Брентанизм* — буржуазно-реформистское учение, «признающее «школу капитализма», но отвергающее школу революционной классовой борьбы» (*Ленин*). Л. Брентано — немецкий буржуазный экономист, сторонник так называемого «государственного социализма», доказывал возможность осуществления социального равенства в рамках капитализма путем реформ и примирения интересов капиталистов и рабочих. Прикрываясь марксистской фразеологией, Брентано и его последователи пытались подчинить рабочее движение интересам буржуазии. — 125.
- 51 *Тактическая платформа большевиков к Объединительному съезду РСДРП* была составлена во второй половине февраля 1906 года. Все резолюции платформы, за исключением резолюции «Классовые задачи пролетариата в современный момент демократической революции», написаны Лениным. Предварительное обсуждение платформы происходило в Куоккала (Финляндия), где некоторое время жил Ленин, на совещаниях руководящих работников партии.
В начале марта платформа обсуждалась в Москве, при участии Ленина на собрании членов Московского комитета, группы агитаторов и пропагандистов, литературной группы, Московского бюро ЦК, членов Окружного комитета и других партийных работников; затем в Петербурге в середине марта на совещании под председательством Ленина. 20 марта (2 апреля) тактическая платформа большевиков была опубликована в № 2 «Партийных Известий», а также напечатана отдельными листовками в изданиях Объединенного ЦК РСДРП и Петербургского Объединенного комитета РСДРП. — 127.
- 52 Имеется в виду листовка Объединенного ЦК РСДРП «К партии», выпущенная в феврале 1906 года и посвященная разбору вопросов, связанных с созывом IV (Объединительного) съезда. — 129.
- 53 В связи с разногласиями по аграрному вопросу, особенно резко обнаружившимися накануне IV (Объединительного) съезда РСДРП, Объединенным ЦК была создана специальная комиссия с участием Ленина, которой была поручена разработка этого вопроса к съезду. Комиссия свела все выявившиеся внутри

социал-демократии точки зрения по аграрному вопросу к четырем основным типам проектов и представила их съезду. Комиссия в большинстве своем стала на точку зрения Ленина, проект которого был представлен съезду как проект большинства аграрной комиссии Объединенного ЦК РСДРП. Проект Ленина был утвержден вместе с тактической платформой на предсъездовских совещаниях большевиков в марте 1906 года. — 129.

- 54 Брошюра *«Пересмотр аграрной программы рабочей партии»* посвящена обоснованию большевистского проекта, внесенного на IV (Объединительный) съезд от имени большинства аграрной комиссии Объединенного ЦК РСДРП. Брошюра содержит основные мысли, изложенные Лениным позднее в докладе по аграрному вопросу на Объединительном съезде. — 143.
- 55 *«Социал-Демократ»* — неперIODический литературно-политический сборник группы «Освобождение труда»; вышла одна книга в 1888 году. — 148.
- 56 *«Борьба»* — заграничная оппортунистическая группа (1901—1903), причислявшая себя к РСДРП; решением II съезда РСДРП (1903) была распущена.
Ленин имеет в виду проект аграрной программы, изданный группой в 1903 году. В проекте выдвигалось требование экспроприации помещичьих земель. — 150.
- 57 *Икс* — псевдоним меньшевика П. П. Маслова. — 150.
- 58 *«Правда»* — ежемесячный социал-демократический журнал искусства, литературы и общественной жизни; выходил в Москве в 1904—1906 годах главным образом при участии меньшевиков. — 152.
- 59 Сборник *«Текущий момент»* вышел в Москве в начале 1906 года. Он был составлен силами литературно-лекторской группы при Московском комитете РСДРП и в основном отражал точку зрения большевиков. Вскоре после выхода сборник был конфискован. — 153.
- 60 *«Мир Божий»* — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал либерального направления; издавался в Петербурге с 1892 по 1906 год. В период первой русской революции в журнале сотрудничали меньшевики. С октября 1906 года журнал принял новое название — *«Современный Мир»*. — 153.
- 61 *«Московские Ведомости»* — газета; начала издаваться в 1756 году; с 60-х годов XIX века выражала взгляды наиболее реакционных монархических слоев помещиков и духовенства; с 1905 года — один из главных органов черносотенцев. В период первой русской революции газета редактировалась организатором черносотенной «Русской монархической партии» — В. Грингмутом; закрыта вскоре после Октябрьской революции 1917 года. — 156.

- 62 *Четыреххвостка* — сокращенное название демократической избирательной системы, включающей четыре требования: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. — 160.
- 63 Имеется в виду царский указ от 8 (21) марта, опубликованный 11 (24) марта 1906 года, в период выборов в I Государственную думу. За подстрекательство к бойкоту выборов в Думу закон предусматривал тюремное заключение от 4 до 8 месяцев. — 181.
- 64 *«Русские Ведомости»* — ежедневная газета; издавалась в Москве с 1863 года либеральными профессорами Московского университета и земскими деятелями; выражала интересы либеральных помещиков и буржуазии; с 1905 года — орган правых кадетов; закрыта после Октябрьской революции 1917 года, как и другие контрреволюционные газеты.
Данные о выборщиках Лениным взяты из заметки «Выборы» в № 76 «Русских Ведомостей» от 19 марта (1 апреля) 1906 года. — 186.
- 65 *«Полярная Звезда»* — еженедельный журнал, орган правого крыла кадетской партии; выходил в Петербурге в 1905—1906 годах под редакцией П. Б. Струве. В апреле — мае 1906 года вместо «Полярной Звезды» выходил журнал «Свобода и Культура». — 191.
- 66 Имеется в виду статья реакционного публициста М. Н. Каткова «Раскрытие обстоятельств, сопровождавших событие 1-го марта», напечатанная в «Московских Ведомостях» № 65 от 6 (18) марта 1881 года. — 203.
- 67 *«Без Заглавия»* — еженедельный журнал, издававшийся полукadetской группой (Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, В. Я. Богучарский и другие) в Петербурге в 1906 году. Объявляя себя приверженцами «критического социализма» — сторонниками ревизионистского крыла западно-европейской социал-демократии (Бернштейн и другие), «беззаглавцы» выступали против самостоятельной классовой политики пролетариата. Ленин называл «беззаглавцев» «меньшевистствующими кадетами» или «кадетствующими меньшевиками». — 223.
- 68 В марте 1885 года, во время обсуждения в германском рейхстаге вопроса о правительственных субсидиях частным предпринимателям для организации регулярных пароходных рейсов в Восточную Азию, Австралию и Африку, большинство социал-демократической фракции (правое крыло, фактически поддержавшее колониальную политику Бисмарка) голосовало за проведение восточно-азиатской и австралийской линий; оно обещало согласие и на другие линии, при условии, чтобы новые суда строились на германских верфях. Только после того, как рейхстаг отклонил это требование, вся фракция голосовала против поддержки пароходной субсидии вообще. Поведение большинства фракции вызвало отпор

со стороны социал-демократических организаций. Ф. Энгельс раскритиковал оппортунистическую позицию парламентской фракции (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 471). — 225.

- 69 «Молодые» в германской социал-демократии — мелкобуржуазная группа; возникла в 1890 году. Основное ядро группы составляли недоучившиеся студенты, молодые литераторы (отсюда и название группы). Группа выступила с платформой, отрицавшей всякое участие с.-д. в парламенте. Ф. Энгельс называл «молодых» героями «революционной фразы», стремившимися «склокой и интригами дезорганизовать партию». В октябре 1891 года, на Эрфуртском партийном съезде, «молодые» были исключены из партии. — 225.
- 70 «Северный Голос» — ежедневная легальная газета, объединенный орган РСДРП; выходила в Петербурге с 6 (19) декабря 1905 года под объединенной редакцией большевиков и меньшевиков. На 3-м номере 8 (21) декабря 1905 года газета была закрыта. Продолжением «Северного Голоса» явилась газета «Наш Голос», вышедшая один раз 18 (31) декабря 1905 года. — 226.
- 71 См. статью Ф. Энгельса «Маркс и «Новая Рейнская Газета»». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 1—11; см. также стр. 52—56 и 111—497 этого тома. — 235.
- 72 См. работу Ф. Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» и рецензию на нее К. Маркса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. I, 1936, стр. 33—84. — 235.
- 73 Критику буржуазного либерализма, позднее политически оформившегося вокруг журнала «Освобождение», Ленин дал в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма», напечатанной в 1901 году в номерах 2—3 «Зари» (Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 19—65). Первые номера «Освобождения» подверглись критике в статьях Ленина: «Проект нового закона о стачках», «Политическая борьба и политиканство», «Г. Струве, избалованный своим сотрудником», напечатанных в «Искре» (Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 193—201; 225—232; 318—324). — 246.
- 74 См. К. Маркс «Классовая борьба во Франции», 1940, стр. 27—130. — 249.
- 75 Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП состоялся в Стокгольме 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 года. На съезде присутствовали с решающим голосом 112 делегатов, представлявших 57 местных организаций партии, и 22 делегата с совещательным. Кроме того, участвовали представители национальных социал-демократических партий: по 3 от социал-демократии Польши и Литвы, Бунда и Латышской социал-демократической рабочей партии, по 1 от Украинской социал-демократической рабочей партии и Финляндской рабо-

чей партии, представитель Болгарской социал-демократической рабочей партии. В числе делегатов-большевиков участвовали: В. И. Ленин, И. В. Сталин, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, С. Г. Шаумян, М. В. Фрунзе, Ф. А. Артем (Сергеев), В. В. Воровский и другие. Основными вопросами съезда были: аграрный, оценка момента и классовых задач пролетариата, отношение к Государственной думе, организационные вопросы. По всем вопросам шла ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. Ленин выступал с докладами и речами по аграрному вопросу, о текущем моменте, по вопросу о тактике по отношению к выборам в Государственную думу, о вооруженном восстании и другим вопросам.

Преобладание меньшевиков на съезде, хотя и незначительное, определило характер решений съезда: по ряду вопросов съезд вынес меньшевистские резолюции (аграрная программа, об отношении к Государственной думе и др.). Съезд принял в ленинской формулировке первый параграф устава о членстве партии. Съезд принял в состав РСДРП национальные социал-демократические организации Польши и Литвы, Латвийскую социал-демократическую рабочую партию и предпринял вопрос о вхождении Бунда в РСДРП.

В состав ЦК, избранного на съезде, вошли 3 большевика и 7 меньшевиков, в редакцию ЦО только меньшевики.

Анализ работ съезда дан Лениным в брошюре «Доклад об Объединительном съезде РСДРП» (см. настоящий том, стр. 289—350) и И. В. Сталиным в брошюре «Современный момент и Объединительный съезд рабочей партии» и в «Предисловии автора к первому тому» Сочинений (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 1, 1946, стр. 250—276; XI—XV). — 251.

76 Доклад Ленина на IV (Объединительном) съезде партии по аграрному вопросу в протоколы съезда не вошел и до сих пор не найден. В протоколах съезда, редактировавшихся главным образом меньшевиками, не сохранилось также записей доклада Ленина по вопросу о современном моменте и его заключительного слова по вопросу об отношении к Государственной думе. Другие речи Ленина в протоколах были переданы далеко не полно. — 253.

77 *Джон* — меньшевик П. П. Маслов. — 253.

78 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, 1930, стр. 54. — 255.

79 *Картвелов* — кавказский меньшевик Н. Г. Чичинадзе. — 260.

80 *Борисов* — С. А. Суворов, на IV (Объединительном) съезде РСДРП примыкал к большевикам. — 260.

81 Ленин цитирует тезисы К. Маркса о Фейербахе (см. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», 1939, стр. 55). — 261.

- 82 «Русское Государство» — газета, правительственный орган; выходила в Петербурге с 1 (14) февраля по 15 (28) мая 1906 года. — 261.
- 83 *Птицын* — меньшевик Б. И. Соловейчик. — 263.
- 84 *Леонов* — меньшевик В. О. Левицкий (Цедербаум). — 263.
- 85 См. Н. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 68. — 264.
- 86 К Объединительному съезду большевики и меньшевики представили свои проекты резолюций об отношении к Государственной думе. К моменту обсуждения этого вопроса на съезде, состоявшемся уже после выборов в Государственную думу в центральных районах России, были выдвинуты новые проекты резолюций. Написанный Лениным новый проект резолюции был зачитан им на 17-м заседании съезда, во время его содоклада по вопросу о Думе. Проект был опубликован после Объединительного съезда в газете «Волна» № 12, 9 (22) мая 1906 года, с послесловием Ленина (см. настоящий том, стр. 369).
- «Волна» — легальная ежедневная большевистская газета; выходила в Петербурге с 26 апреля (9 мая) по 24 мая (6 июня) 1906 года; вышло 25 номеров. Начиная с № 9, 5 (18) мая 1906 года (после окончания работ IV съезда и приезда Ленина из Стокгольма), газета фактически редактировалась Лениным. Ленин поместил в газете свыше 20 статей: В работе редакции принимали участие В. В. Воровский и М. С. Ольминский. Газета подвергалась многочисленным полицейским репрессиям. Номера: 10, 18, 19, 22, 23, 24 и 25-й были уничтожены. Газета была закрыта царским правительством. Вместо «Волны» стала выходить легальная большевистская газета «Вперед». — 266.
- 87 Ленин имеет в виду инцидент на 21-м заседании съезда. После отклонения меньшевиками поправки, внесенной большевиками к последнему абзацу меньшевистской резолюции о Государственной думе, 10 делегатов-большевиков, в том числе Ленин, внесли требование поименного голосования ее. В связи с этим делегат Харьковской организации, меньшевик, обвинил большевиков в том, что они, «собирая агитационный материал против авторитетности постановлений съезда, тормозят работы съезда». В ответ на это от имени большевиков Ленин выступил с заявлением, в котором отметил проявление меньшевиками узкой фракционности (см. настоящий том, стр. 282). — 273.
- 88 *Воробьев* — кавказский меньшевик В. Б. Ломтатидзе. — 273.
- 89 На съезде меньшевистскую резолюцию по вопросу «О вооруженном восстании» большевики охарактеризовали как резолюцию «против вооруженного восстания». Ленин подчеркивает это и в «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» (см. настоящий том, стр. 337). — 273.

- 90 *Винтер* — Л. Б. Красин. — 273.
- 91 *Акимов, В. П.* (Махновец) — крайний оппортунист, один из идеологов экономизма, примыкал к правому крылу меньшевиков; выступал на 22-м заседании съезда с особым докладом по вопросу о вооруженном восстании, открыто высказываясь против восстания. — 274.
- 92 *Первый пункт меньшевистского проекта резолюции о вооруженном восстании*, фигурировавшего на съезде, гласил: «Принимая во внимание: 1) что тупое упорство российского правительства ставит народ в необходимость вырвать у него свои права...». Эта формулировка принадлежала Плеханову. В комиссии по подготовке резолюции о вооруженном восстании Плеханов, вместо слов «вырвать государственную власть», имевшихся в первоначальном проекте, потребовал написать «вырвать у него свои права». Встретив возражения, Плеханов отказался от своей поправки. Однако перед самым заседанием съезда меньшевистская часть комиссии представила съезду первый пункт резолюции в формулировке Плеханова. Поправка вызвала резкий протест со стороны Ленина и большевистской части съезда. Плеханов был вынужден снять свою поправку. — 274.
- 93 *Поправка Муратова* (М. Морозов, делегат от Самарнандской организации), внесенная на 21-м заседании съезда, требовала: ввиду неучастия партии в выборах вопрос об образовании парламентской социал-демократической группы признать «возможным разрешить лишь при выяснении состава избранных в Думу социал-демократов и по признании их всеми рабочими организациями, в районах которых происходили выборы» (см. «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», 1934, стр. 368—369). Меньшевистским большинством съезда эта поправка была отклонена. — 276.
- 94 *Стоволкин* — большевик Н. Н. Накоряков. — 277.
- 95 «*Обращение*» написано Лениным непосредственно после закрытия Объединительного съезда партии. Оно обсуждалось и было принято на совещании делегатов-большевиков, состоявшемся в «Народном Доме» в Стокгольме. Под «Обращением» подписались 26 большевиков — участников съезда, представителей крупнейших партийных организаций. — 284.
- 96 Вопрос о необходимости объединения Польской социал-демократической партии с РСДРП признавался и неоднократно ставился социал-демократией Польши и Литвы (СДП и Л) на ее съездах. На II съезде РСДРП (1903), перед которым стал вопрос об объединении, СДП и Л не пошла в состав РСДРП из-за разногласий по национальному вопросу. В январе 1906 года Главное правление СДП и Л снова вступило в переговоры с ОЦК РСДРП об объединении. В результате переговоров был выработан

проект договора, с которым представитель СДП и Л явился на IV съезд. После внесения в проект некоторых поправок он был принят Объединительным съездом РСДРП. — 284.

97 Вопрос об объединении с РСДРП был решен Латышской СДРП на ее II съезде в июне 1905 года. Перед IV (Объединительным) съездом РСДРП, в марте 1906 года, состоялась так называемая «Весенняя конференция Латышской СДРП», которая приняла революцию о слиянии национальных социал-демократических организаций в единую социал-демократическую партию и выбрала делегацию на Объединительный съезд. IV (Объединительный) съезд РСДРП принял решение об объединении с Латышской социал-демократической рабочей партией. Условия объединения были утверждены летом 1906 года III съездом латышской социал-демократии, после чего она вошла в состав РСДРП. — 284.

98 После выхода из партии на II съезде РСДРП Бунд вновь поставил вопрос об объединении. IV (Объединительный) съезд предпринял вопрос о вхождении Бунда в РСДРП. Съезд принял проект объединения с ним, выработанный специальной комиссией. В конце августа — начале сентября (нового стиля) 1906 года условия объединения с Бундом, принятые IV съездом РСДРП, были утверждены очередным съездом Бунда, после чего он вторично вошел в РСДРП. — 284.

99 При обсуждении на съезде 7-го пункта организационного устава партии вызвал разногласие вопрос о взаимоотношении между ЦК и ЦО. Меньшевики настаивали на избрании редакторов ЦО на съезде с предоставлением им права решающего голоса при обсуждении политических вопросов в ЦК. Большевики настаивали на назначении редакции ЦО Центральным Комитетом и на праве ЦК сменять редакцию. Меньшевицкому большинству съезда удалось провести свое предложение. При пересмотре устава на V (Лондонском) съезде в 1907 году этот пункт был принят в большевицкой формулировке (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 109). — 288.

100 Брошюра «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» подверглась цензурному и полицейскому преследованию. В типографии «Дело» в Петербурге, где печаталась брошюра, полиция произвела обыск; брошюра была захвачена и доставлена в Петербургский комитет по делам печати. Последний наложил на книгу арест. Однако брошюру удалось переправить в Москву и здесь продолжить ее издание.

В издании «Вперед» брошюра вышла с приложением, в которое были включены проекты резолюций, представленные съезду большевиками и меньшевиками, резолюции, принятые съездом, и другие материалы. На них в ходе изложения постоянно ссылается Ленин. Небольшое введение к этому приложению печатается в конце брошюры (см. настоящий том, стр. 350). — 289.

- 101 *«Революционная украинская партия»* (РУП) — мелкобуржуазная, националистическая организация; образовалась в начале 1900 года. В декабре 1905 года РУП переименовалась в Украинскую социал-демократическую рабочую партию и приняла решение об объединении с РСДРП при условии, если УСДРП будет признана «единственным представителем украинского пролетариата» в РСДРП. IV (Объединительный) съезд РСДРП отклонил предложение представителя УСДРП о немедленном обсуждении условий объединения и передал разрешение этого вопроса в Центральный Комитет РСДРП. Соглашение по вопросу об объединении не состоялось. Впоследствии УСДРП оказалась в лагере буржуазно-националистической контрреволюции. — 294.
- 102 *Мандатная комиссия* была избрана на 1-м заседании съезда в составе 2 большевиков, 2 меньшевиков и одного так называемого «нейтрального» — примиренца (председатель комиссии). Съезд утвердил регламент работ мандатной комиссии и принял резолюцию Ленина, обязывавшую комиссию представлять съезду письменные отчеты. Работа мандатной комиссии и обсуждение докладов ее на пленумах съезда протекали в обстановке напряженной борьбы между большевиками и меньшевиками. Отношения особенно обострились на 6-м заседании съезда в связи с предложением комиссии аннулировать мандат большевика — делегата Харьковской организации Артамонова (Ф. А. Сергеев — Артем). Большевицкая часть комиссии заявила о выходе из состава комиссии. После этого съезд выбрал новую мандатную комиссию. — 296.
- 103 *Протест тифлисских рабочих против полномочий тифлисской меньшевистской делегации* за подписью 200 человек был зачитан на 20-м заседании съезда. Рабочие сообщали, что тифлисские меньшевики при составлении списка членов партии не руководствовались требованиями устава РСДРП, включая в список членов партии случайных лиц. Меньшевики «насчитали» в Тифлисе больше 3 тысяч членов партии. Тифлисские рабочие, социал-демократы, утверждали, что Тифлис не может быть представлен на съезде 11 делегатами. — 297.
- 104 *Протоколы IV (Объединительного) съезда РСДРП*, изданные в 1907 году, страдали существенными недостатками: они не имели записей ряда докладов и речей на съезде, в частности некоторых докладов и речей Ленина. — 297.
- 105 *Шмидт* — П. П. Румянцев; на IV (Объединительном) съезде РСДРП примыкал к большевикам. — 300.
- 106 *Демьян* — И. А. Теодорович. — 303.
- 107 *Костров* — лидер кавказских меньшевиков Н. Н. Жордания. — 307.
- 108 *Воинов* — большевик А. В. Луначарский. — 311.

- 109 Ленин цитирует тезисы К. Маркса о Фейербахе (см. Ф. Энгельс, «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», 1939, стр. 55). — 315.
- 110 *Борис Николаевич* — меньшевик Б. И. Соловейчик. — 321.
- 111 «*Невская Газета*» — легальный орган меньшевиков; выходила в Петербурге в мае 1906 года. — 329.
- 112 Критику шиповского лозунга «права и властное земство», поддержанного Струве в его предисловии к записке министра финансов Витте «Самодержавие и земство», Ленин дал в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 19—65). — 331.
- 113 *Назар* — большевик Н. Н. Накоряков. — 331.
- 114 Инструкцию ЦК о парламентской группе, принятую Объединительным съездом, см. в книге «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», 1934, стр. 554. — 332.
- 115 *Амстердамский конгресс II Интернационала* состоялся 14—20 августа (нового стиля) 1904 года. Отношение к буржуазным партиям было выражено конгрессом в резолюции о «Международных правилах социалистической тактики». Резолюция запрещала социалистам участие в буржуазных правительствах и отвергала сотрудничество социалистических партий с буржуазными партиями. — 342.
- 116 В легальных большевистских газетах весны и лета 1906 года — «Волна», «Вперед», «Эхо» — имелся отдел «Среди газет и журналов». Ленин принимал непосредственное участие в работе отдела «Среди газет и журналов»; ему принадлежит ряд статей этого отдела.
В настоящей заметке Ленин критикует статью Л. Мартова. — 368.
- 117 Статья написана Лениным в качестве послесловия к резолюции «О Государственной думе», внесенной им на Объединительный съезд РСДРП (см. настоящий том, стр. 266—267) и напечатанной в «Волне» № 12, 9 (22) мая 1906 года. — 369.
- 118 *Группа графа Гейдена* — «левое» крыло фракции октябристов в I Государственной думе, к которому примыкали также некоторые правые кадеты. При обсуждении 5 (18) мая 1906 года составленного кадетами ответного адреса Думы на тронную речь группа не стала голосовать за окончательный текст адреса, считая этот акт слишком радикальным, и покинула зал заседания. После роспуска I Думы группа оформилась в близкую к октябристам «партию мирного обновления».

- Политическую характеристику Гейдена и его группы Ленин дал в статье «Памяти графа Гейдена» (Сочинения, 4 изд., том 13). — 371.
- 119 Слова, взятые в кавычки, представляют перефразировку последних строк стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» (см. М. Ю. Лермонтов. Сочинения, Москва, 1934, стр. 7). — 372.
- 120 Заметка «*К организационному вопросу*» написана Лениным в качестве послесловия от редакции к одноименной статье, посвященной вопросу о взаимоотношениях меньшевиков и большевиков в местных партийных организациях. — 374.
- 121 *Народный митинг* был организован социально-политическим клубом в Петербурге, в доме графини Паниной, 9 (22) мая 1906 года в связи с ответным адресом Думы на тронную речь. На митинге присутствовало около 3 тысяч человек, из них — больше половины рабочих. Ленин первый раз в России открыто выступил на массовом собрании под фамилией Карпова. Речь Ленина была ответом предыдущим ораторам: «народному социалисту» Мякотину и меньшевику Дану (Бартеньев), проповедывавшим блок с кадетами. В заключение Ленин предложил резолюцию, принятую собранием почти единогласно. — 375.
- 122 Первые телеграфные сведения о выборах на Кавказе были неточны. От Кутаисской губернии в Думу прошли 3 (а не 4, как сообщал телеграф) депутата, все — меньшевики. — 390.
- 123 Ленин имеет в виду решение Объединительного съезда: «Всюду, где еще предстоят выборы и где РСДРП может выставить своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу» («Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», 1934, стр. 545). — 390.
- 124 Речь идет о дезорганизаторском поведении меньшевистского Армавирского комитета РСДРП, нарушившего решения Объединительного съезда о запрещении блоков с буржуазными партиями. Во время выборов в Думу Армавирский комитет выступил с воззванием, в котором предлагал голосовать за социал-демократов и, в крайнем случае, за кандидатов «не правее кадетов». — 390.
- 125 Статья написана Лениным в качестве послесловия «От редакции» к воззванию рабочих депутатов Думы — «Ко всем рабочим России». Воззвание было напечатано вместе с послесловием Ленина в № 21 «Волны», 19 мая (1 июня) 1906 года. — 400.

- 126 Ленин имеет в виду «Проект основного земельного закона», разработанный частным совещанием депутатов Трудовой группы. За подписью 33 депутатов (главным образом трудящихся) проект был внесен 6 (19) июня 1906 года на рассмотрение Думы, но 8 (21) июня ею отвергнут. «Проект 33-х» выдвигал требование немедленной и полной отмены частной собственности на землю и являлся дополнением к аграрному проекту трудящихся, внесенному в Думу 23 мая (5 июня) 1906 года («проект 104-х») и требовавшему уравнительного землепользования на началах трудовой нормы. — 403.
- 127 *Горемычники* — представители реакционно-бюрократических правительственных кругов царской России во главе с тогдашним председателем Совета министров, И. Л. Горемыкиным. Органом этих кругов была черносотенная газета «Новое Время». — 406.
- 128 11 (24) мая 1906 года состоялось собрание 300 членов РСДРП Московского района города Петербурга, посвященное итогам Объединительного съезда. С докладами выступили Ленин (текст доклада не сохранился) и меньшевик Дан. К концу собрания между большевиками и меньшевиками разгорелась борьба по вопросу о том, допустима ли критика решений Объединительного съезда в печати и на публичных собраниях? Меньшевики, стремясь всячески ограничить идейную борьбу вокруг решений съезда, считали критику допустимой лишь на партийных собраниях и в этом духе предложили резолюцию. Ленин внес поправку к резолюции, сводившуюся к тому, что все решения съезда должны быть подвергнуты обсуждению не только на партийных собраниях, но и на страницах социал-демократических газет и на народных собраниях. Резолюция с поправкой Ленина была принята всеми против 39 голосов («Волна» № 15, 12 мая 1906 года). В ответ на поправку Ленина Центральный Комитет, в большинстве своем меньшевистский, и принял резолюцию, которую Ленин критикует в статье. — 408.
- 129 «*Курьер*» — ежедневная легальная меньшевистская газета; выходила в Петербурге в мае — июне 1906 года. — 410.
- 130 «*Дело Народа*» — ежедневная легальная газета партии эсеров; выходила в Петербурге в мае 1906 года. — 410.
- 131 Ленин имеет в виду кадетский «Законопроект о печати», опубликованный в центральном органе кадетов «Речь» 17—18 (30—31) мая 1906 года. За нарушение правил царской цензуры законопроект предусматривал ссылку на каторгу на срок до восьми лет. — 412.
- 132 Статья «*Каутский о Государственной думе*» была напечатана в «Вестнике Жизни» № 6.

«Вестник Жизни» — еженедельный научный, литературный и политический журнал, легальный большевистский орган; выходил нерегулярно в Петербурге с 30 марта (12 апреля) 1906 года по сентябрь 1907 года; до 19 ноября (2 декабря) 1906 года вышло 13 номеров. С января 1907 года «Вестник Жизни» превращен в ежемесячник; вышло 7 номеров. В журнале принимали участие: В. И. Ленин, М. С. Ольминский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, А. М. Горький и другие. В № 12 журнала Ленин напечатал статью «Русский радикал задним умом крепок!». — 417.

133 «Колокол» — легальная ежедневная социал-демократическая газета; выходила в Полтаве с 18 (31) января до 8 (21) июня 1906 года. В газете участвовали главным образом меньшевики. — 425.

134 См. статью К. Маркса «Коммунизм «Рейнского Обозревателя»». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 164—176. — 432.

135 См. статью Ф. Энгельса «Маркс и «Новая Рейнская Газета»». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 1—11; см. также стр. 52—56 и 111—497 этого тома. — 432.

136 «Призыв» — популярная газета, выходившая в Петербурге с 15 (28) января по 15 (28) июня 1906 года. С конца марта в газете принимали участие большевики. — 440.

137 «Резолюция (II) ЦК РСДРП» и печатаемая вслед за ней статья «О лозунге думского министерства», написанная Лениным в качестве послесловия от редакции «Вперед», отражают борьбу между большевиками и меньшевиками по вопросу о Государственной думе, вылившуюся в форму конфликта между ЦК и Петербургским комитетом РСДРП.

13 (26) мая 1906 года правительство отвергло требования кадетской Думы, изложенные в ее адресе. В ответ на это Дума приняла резолюцию, в которой выражала «недоверие» министерству и требовала его замены. Меньшевистский ЦК РСДРП разослал партийным организациям резолюцию, в которой предлагал поддерживать кадетскую Думу в ее требованиях создания думского, т. е. кадетского, министерства. Против этой резолюции выступил Петербургский комитет, руководимый Лениным. На заседании 23—24 мая (5—6 июня) 1906 года Петербургский комитет отверг меньшевистскую резолюцию ЦК и принял резолюцию Ленина. 9 членов Петербургского комитета, меньшевики, потребовали приостановить проведение в жизнь большевистской резолюции до разрешения этого вопроса ЦК или межрайонной общегородской конференцией. Это требование меньшевиков Петербургским комитетом было также отвергнуто. Одновременно Комитет постановил созвать межрайонную конференцию; протоколы и документы заседания довести до сведения районов, а принятую резолюцию Ленина и заявление 9 членов

- Петербургского комитета, меньшевиков, опубликовать в печати как материал для проведения дискуссии к предстоящей конференции. — 445.
- 138 24 мая (6 июня) 1906 года на 14-м заседании Государственной думы «трудовики» внесли за подписью 35 депутатов предложение о немедленной организации местных земельных комитетов. Кадеты встретили это предложение резкой критикой как в Думе, так и в печати. — 449.
- 139 Слова цитируемого Лениным немецкого текста «Thron und Altar» («трон и алтарь») в газете «Вперед» были выпущены по цензурным соображениям. — 458.
- 140 «Вперед» — легальная ежедневная большевистская газета; выходила в Петербурге с 26 мая (8 июня) 1906 года вместо закрытой правительством газеты «Волна». Руководящая роль в газете принадлежала Ленину. В газете принимали участие М. С. Ольминский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский. Газета подвергалась полицейским репрессиям. На 17-м номере от 14 (27) июня 1906 года она была закрыта. Вместо «Вперед» стала выходить большевистская газета «Эхо».
- «Резолюция (II) ПК РСДРП» была напечатана в газете «Вперед» в сокращенном виде. — 463.
- 141 Власов — А. И. Рыков. — 466.
- 142 Настоящая резолюция связана с конфликтом между ЦК и Петербургским комитетом РСДРП по вопросу об отношении к Государственной думе. Вместе с II резолюцией Петербургского комитета РСДРП (см. настоящий том, стр. 445—446) она составляла тактическую платформу большевиков, на основе которой велась дискуссия и происходили выборы на межрайонную конференцию петербургской организации (состоялась 11—12 (24—25) июня 1906 года в Финляндии, в Териоках, под руководством Ленина).
- В газете «Вперед» резолюция была напечатана со следующим редакционным замечанием: «Редакция «Вперед» всецело разделяет основные положения этой резолюции и рекомендует товарищам предлагать ее на рабочих собраниях и митингах». — 476.
-

**ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА**

(Ноябрь 1905 года — июнь 1906 года)

1905

- Конец октября— начало ноября.* Ленин ожидает в Стокгольме получения документов, необходимых для возвращения из-за границы в Россию.
- Ноябрь, 2—4 (15—17).* Ленин в Стокгольме пишет статью «Наша задача и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию)».
- Ноябрь, 5 (18).* Ленин приезжает из Стокгольма в Гельсингфорс.
- Ноябрь, 7 или 8 (20 или 21).* Ленин приезжает в Петербург.
- Ноябрь, 8 или 9 (21 или 22).* Ленин руководит заседанием большевистской части редакции газеты «Новая Жизнь», на котором определяется состав редакции и выработывается ближайшая программа газеты.
- Ноябрь, 9 (22).* Ленин участвует на заседании Центрального Комитета, на котором единогласно принимается обращение «Ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам» о созыве IV съезда РСДРП.
- Ноябрь, 10 (23).* В № 9 газеты «Новая Жизнь» публикуется начало статьи Ленина «О реорганизации партии», первой статьи, написанной им после возвращения из эмиграции в Россию.
- Ноябрь, 12 (25).* Ленин в передовой статье «Пролетариат и крестьянство» в № 11 газеты «Новая Жизнь» выступает с приветствием съезду Всероссийского крестьянского союза.
- Ноябрь, 13 (26).* Статья Ленина «Партийная организация и партийная литература» публикуется в № 12 газеты «Новая Жизнь».

- Ленин выступает на заседании Петербургского Совета рабочих депутатов по вопросу о мерах борьбы с локаутом, объявленным капиталистами в ответ на введение рабочими революционным путем восьмичасового рабочего дня. Предложенная Лениным резолюция принимается.
- Ноябрь, 15 (28).** В № 13 газеты «Новая Жизнь» публикуется передовая статья Ленина «Неудавшаяся провокация». В этом же номере печатается продолжение статьи «О реорганизации партии». Ленин пишет статью «Войско и революция». Статья публикуется в газете «Новая Жизнь» № 14, 16 (29) ноября.
- Ноябрь, 16 (29).** Ленин выступает в помещении Вольно-экономического общества на собрании партийных работников Петербурга с докладом на тему: «Критика аграрной программы партии социалистов-революционеров». В № 14 газеты «Новая Жизнь» публикуется окончание статьи Ленина «О реорганизации партии».
- Ноябрь, 18 (декабрь, 1).** Статьи Ленина «Чашки весов колеблются» и «Учитесь у врагов» публикуются в № 16 газеты «Новая Жизнь».
- Ноябрь, 20 (декабрь, 3).** Статья Ленина «Революционная канцелярщина и революционное дело», посвященная вопросу об учредительном собрании, публикуется в № 18 газеты «Новая Жизнь».
- Ноябрь, 23 (декабрь, 6).** Статья Ленина «Умиряющее самодержавие и новые органы народной власти» публикуется передовой в № 19 газеты «Новая Жизнь».
- Ноябрь, 24 (декабрь, 7).** Ленин пишет статью «Социализм и анархизм». Статья печатается в газете «Новая Жизнь» № 21, 25 ноября (8 декабря).
- Ноябрь, 26 и декабрь, 2 (декабрь, 9 и 15).** В номерах 22 и 27 газеты «Новая Жизнь» публикуется статья Ленина «Социалистическая партия и беспартийная революционность».
- Ноябрь, 27 (декабрь, 10).** Ленин участвует в заседании ЦК РСДРП, на котором обсуждаются вопросы о подготовке вооруженного восстания, об изменении состава редакции газеты «Новая Жизнь» и об издании в Москве большевистской газеты «Борьба».

- Ноябрь.* Ленин выступает на расширенном заседании Петербургского комитета РСДРП по вопросу об отношении партии к Советам рабочих депутатов.
- Декабрь, 3 (16).* В. И. Ленин и Н. К. Крупская поселяются легально в Петербурге на Греческом проспекте, д. № 15/8. Усиленная слежка охраны заставляет Ленина через несколько дней перейти на нелегальное положение.
- Статья Ленина «Социализм и религия» публикуется в № 28 газеты «Новая Жизнь».
- Ленин участвует в совместном совещании ЦК РСДРП, Петербургского комитета партии и Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов, экстренно созванном по поводу закрытия газеты «Новая Жизнь». Совещание обсуждает также вопрос о вооруженном восстании.
- Декабрь, 12—17 (25—30).* Ленин руководит Первой конференцией большевиков в Таммерфорсе (Финляндия), выступает с докладами по текущему моменту и по аграрному вопросу. Конференция принимает предложенные Лениным резолюции по аграрному вопросу и о созыве объединительного съезда.
- На этой конференции впервые встречаются Ленин и Сталин. Ленин и Сталин принимают участие в комиссии по выработке резолюции об отношении к Государственной думе, которая утверждается конференцией.
- Декабрь, 22 (1 января 1906 года).* Ленин участвует в совещании членов ЦК и делегатов Таммерфорской конференции большевиков в Петербурге; выступает с докладом о тактической платформе большевиков по отношению к Государственной думе.
- Конец 1905 г. или начало 1906 г.* Ленин пишет конспект статьи об этапах, направлениях и перспективах революции.

1906

- Начало года, до середины марта.* Ленин участвует в работах аграрной комиссии, созданной Объединенным ЦК РСДРП для подготовки аграрной программы к IV съезду партии.
- Январь, 4 (17).* В № 1 газеты «Молодая Россия» публикуется передовая статья Ленина «Рабочая партия и ее задачи при современном положении».

- Январь.* Ленин пишет статью в защиту большевистской тактики активного бойкота первой Думы — «Бойкотировать ли Государственную думу? Платформа «большинства»». Статья выходит в январе отдельными листовками в изданиях ЦК и Объединенного ЦК РСДРП.
- Ленин пишет статью «Государственная дума и социал-демократическая тактика». Статья печатается в феврале в брошюре «Государственная дума и социал-демократия».
- Февраль, до 4 (17).* Ленин выступает на собрании социал-демократических организаций Московско-Заставского района в Петербурге с докладом «О выборах в Государственную думу».
- Февраль, 7 (20).* Статья Ленина «Современное положение России и тактика рабочей партии» публикуется в №1 газеты «Партийные Известия».
- Февраль, до 11 (24).* Ленин выступает на собрании партийных работников-большевиков в Петербурге с докладом о тактике активного бойкота Государственной думы.
- Февраль, 11 (24).* Ленин руководит работой Петербургской общегородской конференции, выступает с докладом об отношении к Государственной думе и вносит написанный им проект резолюции о тактике бойкота Думы. Конференция большинством голосов высказывается за бойкот.
- Февраль, после 11 (24).* Ленин пишет обращение «Ко всем рабочим и работницам города Петербурга и окрестностей». Обращение печатается листовкой в издании Объединенного ПК РСДРП.
- Конец февраля (начало марта).* Ленин руководит работой второй Петербургской общегородской конференции РСДРП, выступает с защитой своей резолюции «О тактике бойкота». Конференция принимает резолюцию Ленина.
- Ленин в Куоккала (Финляндия) работает над подготовкой тактической платформы большевиков — проектами резолюций к Объединительному съезду РСДРП.
- Первая половина марта.* Ленин приезжает в Москву для организации обсуждения проектов резолюций к Объединительному съезду РСДРП; участвует в совещании руководящей группы московских большевиков.

Ленин участвует в заседании Замоскворецкого райкома РСДРП в Москве, выступает при обсуждении резолюции об отношении к Советам рабочих депутатов.

Ленин присутствует на заседании Московского окружного комитета РСДРП при обсуждении вопроса об участии Московской организации в избирательной кампании по выборам в Думу.

Середина (конец) марта. Ленин руководит совещаниями группы большевиков в Петербурге, посвященными обсуждению тактической платформы.

Март, 20 (апрель, 2). В № 2 газеты «Партийные Известия» публикуются статья Ленина «Русская революция и задачи пролетариата» (передовая) и составленная Лениным «Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП. Проект резолюций к Объединительному съезду РСДРП».

Вторая половина марта. Ленин пишет брошюру «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». Брошюра выходит из печати в начале апреля в Петербурге.

Март, 24—28 (апрель, 6—10). Ленин пишет брошюру «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Брошюра выходит из печати в апреле в Петербурге.

Март, 26 (апрель, 8). Ленин избирается делегатом на IV (Объединительный) съезд РСДРП от Петербургской организации.

Март. Ленин пишет предисловие к русскому изданию брошюры: «К. Каутский. Нет больше социал-демократии!».

Конец марта (начало апреля). Ленин руководит в Петербурге совещанием группы большевиков-делегатов IV съезда.

Апрель, до 10 (23). Ленин приезжает в Стокгольм для участия в работах IV съезда; выступает на частном совещании большевиков против предложения сорвать съезд в связи с выяснившимся преобладанием на нем меньшевиков.

Апрель, 10—25 (апрель, 23—май, 8). IV (Объединительный) съезд РСДРП в Стокгольме. Ленин избирается в президиум съезда; принимает участие в работах съезда; участвует в комиссии по выработке проекта устава РСДРП.

Первое заседание. Ленин вносит революцию при обсуждении регламента для мандатной комиссии. Резолюция принимается съездом.

- Третье заседание.* Ленин председательствует; оглашает порядок дня съезда, выступает в прениях по вопросу о порядке дня, предлагает дополнить его вопросами «Об оценке современного момента» и о национальных организациях РСДРП. Предложение Ленина принимается съездом.
- Четвертое заседание.* Ленин председательствует; вносит предложение поручить аграрной комиссии подготовить доклады и наметить докладчиков.
- Пятое заседание.* Ленин выступает с докладом по аграрному вопросу.
- Седьмое заседание.* Ленин председательствует; избирается в комиссию по вопросу о Государственной думе.
- Восьмое заседание.* Ленин председательствует во время продолжения прений по аграрному вопросу.
- Девятое заседание.* Ленин председательствует; выступает с заключительным словом по аграрному вопросу.
- Десятое заседание.* Ленин председательствует; выступает с предложением об утверждении съездом всех протоколов.
- Одиннадцатое заседание.* Ленин председательствует; выступает по поводу голосования тактической резолюции по аграрному вопросу.
- Тринадцатое заседание.* Ленин выступает с докладом «О современном моменте и классовых задачах пролетариата».
- Пятнадцатое заседание.* Ленин председательствует; в защиту выдвинутых Лениным предложений по его докладу выступает И. В. Сталин.
- Шестнадцатое заседание.* Ленин выступает с заключительным словом по вопросу «О современном моменте и классовых задачах пролетариата».
- Семнадцатое заседание.* Ленин избирается в комиссию для подготовки резолюции «Об отношении к вооруженному восстанию»; выступает с содокладом по вопросу об отношении к Государственной думе и оглашает проект резолюции.
- Восемнадцатое заседание.* Ленин председательствует; высказывается за предоставление слова в прениях представителям национальных социал-демократических организаций по вопросу об отношении к Государственной думе.

- Девятнадцатое заседание.* Ленин произносит заключительное слово по вопросу об отношении к Государственной думе.
- Двадцать первое заседание.* Ленин председательствует; выступает с защитой предложения отложить вопрос об организации парламентской социал-демократической фракции до выяснения состава избранных в Думу социал-демократов.
- Двадцать второе заседание.* Ленин произносит речь о вооруженном восстании.
- Двадцать четвертое заседание.* Ленин председательствует; приветствует от имени съезда вошедшую в состав РСДРП Польскую социал-демократическую партию.
- Двадцать шестое заседание.* Ленин председательствует; вносит письменное заявление (особое мнение) по вопросу о парламентской социал-демократической фракции и предлагает примечание к уставу объединения с Бундом.
- Двадцать седьмое заседание.* Параграф первый устава о членстве партии принимается съездом в формулировке Ленина.
- Апрель, 25—26 (май, 8—9).* Ленин пишет «Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков». Обращение подписывают делегаты-большевики от 26 партийных организаций.
- Конец апреля (начало мая).* Ленин возвращается через Або (Финляндия) в Петербург после окончания работы IV (Объединительного) съезда РСДРП.
- Май, 5 (18).* Статья Ленина «Борьба за свободу и борьба за власть» публикуется передовой в № 9 газеты «Волна».
- Май, 6 (19).* Статья Ленина «Новый подъем» публикуется передовой в № 10 газеты «Волна».
- Ленин выступает с докладом об итогах IV (Объединительного) съезда РСДРП на партийном собрании в Петербурге.
- Май, 9 (22).* В № 12 газеты «Волна» публикуются статьи Ленина: «Дума и народ» (передовая), «Среди газет и журналов» и «К резолюции большевиков о Государственной думе».

- Ленин под фамилией Карпова выступает на народном митинге в доме графини Паниной с речью о тактике РСДРП по отношению к Государственной думе. Собрание принимает резолюцию, предложенную Лениным.
- Май, 10 (23).* Ленин выступает с докладом об итогах IV (Объединительного) съезда РСДРП на собрании социал-демократических организаций Франко-Русского подрайона Петербурга.
- В № 13 газеты «Волна» публикуются статьи Ленина «Рабочая группа в Государственной думе» (передовая) и «К организационному вопросу».
- Май, 11 (24).* Ленин выступает с докладом о IV (Объединительном) съезде РСДРП на собрании социал-демократических организаций Московского района в Петербурге и вносит поправку к резолюции, предложенной на собрании. Поправка Ленина собранием принимается.
- Статья Ленина «Крестьянская или «Трудовая» группа и РСДРП» публикуется передовой в № 14 газеты «Волна».
- Май, 12 (25).* Статья Ленина «Вопрос о земле в Думе» публикуется передовой в № 15 газеты «Волна».
- Май, 13 (26).* Статья Ленина «Резолюция и революция» публикуется в № 16 газеты «Волна».
- Май, 14 (27).* В № 17 газеты «Волна» публикуются статья Ленина «Ни земли, ни воли» (передовая) и «Избирательная победа социал-демократии в Тифлисе».
- Май, 18 (31).* Статья Ленина «Правительство, Дума и народ» публикуется передовой в № 20 газеты «Волна».
- Ленин пишет статью «Кадеты мешают Думе обратиться к народу». Статья печатается в № 21 газеты «Волна» от 19 мая (1 июня).
- Май, 19
(июнь, 1).* В № 21 газеты «Волна» публикуются статьи Ленина «И торговаться не хотят!» и «К воззванию рабочих депутатов Государственной думы».
- Ленин пишет статьи «Вопрос о земле и борьба за свободу» и «Горемычники, октябристы и кадеты». Статьи печатаются в № 22 газеты «Волна» от 20 мая (2 июня).
- Май, 20
(июнь, 2).* Статья Ленина «Свобода критики и единство действий» публикуется в № 22 газеты «Волна».

- Май, 21*
(июнь, 3). В № 23 газеты «Волна» публикуются статьи Ленина «Плохие советы» (передовая) с критикой выступления Плеханова в газете «Курьер» и «Толки и слухи о роспуске Государственной думы».
- Ленин выступает с докладом о работе IV (Объединительного) съезда РСДРП на собрании социал-демократических организаций Нарвского района Петербурга.
- Май, 23*
(июнь, 5). Статья Ленина «Каутский о Государственной думе» публикуется в № 6 еженедельника «Вестник Жизни».
- Ленин читает лекцию по аграрному вопросу на собрании рабочих Сан-Гальского подрайона Петербурга; на том же собрании по просьбе рабочих произносит речь об отношении большевиков и меньшевиков к Государственной думе.
- Май, 24*
(июнь, 6). Статья Ленина «Кадеты, трудовики и рабочая партия» публикуется передовой в № 25 газеты «Волна».
- Май, 26*
(июнь, 8). Статья Ленина «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?» публикуется в № 1 газеты «Вперед». Статья выходит в 1906 году отдельной брошюрой в Петербурге в книгоиздательстве «Вперед».
- Май, 27*
(июнь, 9). В № 2 газеты «Вперед» печатаются написанные Лениным «Резолюция (II) ПК РСДРП об отношении к Государственной думе» (вышла, кроме того, отдельной листовкой ПК РСДРП в мае 1906 года) и статья «О ловунге думского министерства».
- Ленин пишет статью «О современном политическом положении». Статья печатается передовой в № 3 газеты «Вперед» от 28 мая (10 июня).
- Май, 30*
(июнь, 12). Статья Ленина «Тактика пролетариата и задачи момента» публикуется в № 4 газеты «Вперед».
- Май, 31*
(июнь, 13). Статьи Ленина «Немецкая социал-демократия о кадетях» и «Среди газет и журналов» публикуются в № 5 газеты «Вперед».
- Май.* Ленин пишет брошюру «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)». Брошюра печатается в июне 1906 года.

- Июнь, 1 (14).* Статья Ленина «Пусть решают рабочие» публикуется в № 6 газеты «Вперед».
Ленин пишет статью «Не кверху нужно глядеть, а книзу». Статья печатается передовой в № 7 газеты «Вперед» от 2 (15) июня.
- Июнь, 3 (16).* Ленин пишет статью «Реакция начинает вооруженную борьбу». Статья печатается передовой в № 9 газеты «Вперед» от 4 (17) июня.
- Июнь, 6 (19).* В № 10 газеты «Вперед» публикуется написанная Лениным «Революция (III) ЦК РСДРП по вопросу о думском министерстве».
-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	VII
<i>1905 г.</i>	
НАШИ ЗАДАЧИ И СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ (<i>Письмо в редакцию</i>)	1—11
О РЕОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ	12—21
I	12
II	15
III	19
ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО	22—25
ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА	26—31
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПЕТЕРБУРГСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ 14 (27) НОЯБРЯ 1905 г. О МЕРАХ БОРЬБЫ С ЛОКАУТОМ	32—33
НЕУДАВШАЯСЯ ПРОВОКАЦИЯ	34—35
ВОЙСКО И РЕВОЛЮЦИЯ	36—39
ЧАШКИ ВЕСОВ КОЛЕБЛЮТСЯ	40—41
УЧИТЕСЬ У ВРАГОВ	42—43
РЕВОЛЮЦИОННАЯ КАНЦЕЛЯРЩИНА И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕЛО	44—47
УМИРАЮЩЕЕ САМОДЕРЖАВИЕ И НОВЫЕ ОРГАНЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ	48—52
СОЦИАЛИЗМ И АНАРХИЗМ	53—56

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И БЕСПАРТИЙНАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ	57—64
I	57
II	60
СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ	65—69
РЕЗОЛЮЦИЯ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ КОНФЕРЕНЦИИ «БОЛЬШИНСТВА» В ТАММЕРФОРСЕ. 12—17 (25—30) де- кабря 1905 г.	70
ЭТАПЫ, НАПРАВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ	73—74

1906 г.

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И ЕЕ ЗАДАЧИ ПРИ СОВРЕМЕННОМ ПО- ЛОЖЕНИИ	75—77
ВОЙКОТИРОВАТЬ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ? Плат- форма «большинства»	78—81
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА	83—93
СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ И ТАКТИКА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ	94—100
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП. 11 (24) февраля 1906 г.	101—103
ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О ПРАВОМОЧНОСТИ ПРЕД- СТАВИТЕЛЬСТВА НА КОНФЕРЕНЦИИ ОКРУЖНОЙ И ВЫ- БОРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЙ	101
РЕЗОЛЮЦИЯ ПРОТИВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МАРТОВА О СНЯ- ТИИ ДОКЛАДА ПК	102
МОТИВИРОВКА РЕЗОЛЮЦИИ	102
ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ДОКЛАДУ ПК	103
ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	103
ЗАМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ РЕВОЛЮЦИИ О ТАКТИКЕ ВОЙКОТА	103

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП (II). <i>Конец февраля (начало марта) 1906 г.</i>	104—107
ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ РЕЗОЛЮЦИИ О ТАКТИКЕ БОЙКОТА.....	104
ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВОК К ПУНКТАМ 3 И 6 ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ.....	105
ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПУНКТОВ 7 И 8 ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ.....	105
ПИСЬМЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ В БЮРО КОНФЕРЕНЦИИ.....	107
РЕЗОЛЮЦИЯ О МОТИВИРОВКЕ ТАКТИКИ БОЙКОТА.....	107
КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА И ОКРЕСТНОСТЕЙ.....	108—111
РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП О ТАКТИКЕ БОЙКОТА.....	112—115
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА	116—126
I.....	116
II.....	119
III.....	123
ТАКТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА К ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМУ СЪЕЗДУ РСДРП. <i>Проект резолюций к Объединительному съезду РСДРП</i>	127—142
СОВРЕМЕННЫЙ МОМЕНТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	130
ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.....	131
ПАРТИЗАНСКИЕ БОЕВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ.....	133
ВРЕМЕННОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ.....	134
СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.....	136
ОТНОШЕНИЕ К БУРЖУАЗНЫМ ПАРТИЯМ.....	137
ОТНОШЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ.....	138

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ	139
ОТНОШЕНИЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	140
ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ.....	142
ПЕРЕСМОТР АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ 143—172	
I. Беглый очерк исторического развития взглядов русской социал-демократии на аграрный вопрос	147
II. Четыре течения внутри социал-демократии по вопросу об аграрной программе.....	152
III. Главная ошибка тов. Маслова	161
IV. Задачи нашей аграрной программы.....	167
V. Проект аграрной программы.....	171
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ: «К. КАУТСКИЙ. НЕТ ВОЛЬШЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ!»	173—174
ПОВЕДА КАДЕТОВ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ	175—250
I. Какое объективное значение имело наше участие в выборах в Думу?.....	177
II. Социально-политическое значение первых выборов	186
III. Что такое представляет из себя партия на- родной свободы?.....	189
IV. Роль и значение кадетской Думы	196
V. Образчик кадетского самодовольства	212
Отступление. Общедоступная беседа с кадет- скими публицистами и учеными профессорами	216
VI. Заключение.....	243
ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РСДРП. 10 (23) АПРЕЛЯ — 25 АПРЕЛЯ (8 МАЯ) 1906 г.	251—288
1. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ	253
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ВОПРОСУ О СОВРЕ- МЕННОМ МОМЕНТЕ И КЛАССОВЫХ ЗАДАЧАХ ПРО- ЛЕТАРИАТА	263
3. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ, ВНЕСЕННЫЙ НА ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД	266
4. СОДОКЛАД ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ГОСУ- ДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	268

5. РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ	273
6. ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПОПРАВКИ МУРАТОВА (МОРОЗОВА) О ПАРЛАМЕНТСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ.....	276
7. ОСОБОЕ МНЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФРАКЦИИ РСДРП.....	277
8. РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТЧЕТНОСТИ МАНДАТНОЙ КОМИССИИ СЪЕЗДУ.....	279
9. ЗАЯВЛЕНИЕ О НЕОБХОДИМОСТИ УТВЕРЖДЕНИЯ СЪЕЗДОМ ПРОТОКОЛОВ.....	280
10. ПИСЬМЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ НА 17-М ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА.....	281
11. ПИСЬМЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ НА 21-М ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА.....	282
12. ПИСЬМЕННЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ НА 26-М ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА.....	283
ОБРАЩЕНИЕ К ПАРТИИ ДЕЛЕГАТОВ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ К БЫВШЕЙ ФРАКЦИИ «БОЛЬШЕВИКОВ».....	284—288
ДОКЛАД ОБ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ РСДРП (<i>Письмо к петербургским рабочим</i>).....	289—350
I. Состав съезда.....	294
II. Выборы бюро. Порядок дня съезда.....	298
III. Аграрный вопрос.....	299
IV. Оценка революционного момента и классовых задач пролетариата.....	318
V. Отношение к Государственной думе.....	325
VI. Вооруженное восстание.....	334
VII. Конец съезда.....	340
VIII. Итоги съезда.....	344
<i>Приложение. Материалы для оценки работ Объединительного съезда РСДРП.....</i>	350
БОРЬБА ЗА СВОБОДУ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ.....	351—353
НОВЫЙ ПОДЪЕМ.....	354—359
К ИТОГАМ СЪЕЗДА.....	360—363
ДУМА И НАРОД.....	364—367

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.....	368
К РЕЗОЛЮЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.....	369
РАБОЧАЯ ГРУППА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	370—373
К ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ВОПРОСУ.....	374
РЕЧЬ НА НАРОДНОМ МИТИНГЕ В ДОМЕ гр. ПАНИНОЙ 9 (22) МАЯ 1906 г.	375—376
I. Краткий отчет «Невской Газеты».....	375
II. Краткий отчет газеты «Волна».....	375
РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА НАРОДНОМ МИТИНГЕ В ДОМЕ гр. ПАНИНОЙ 9 (22) МАЯ 1906 г.	377
КРЕСТЬЯНСКАЯ ИЛИ «ТРУДОВАЯ» ГРУППА И РСДРП	378—381
ВОПРОС О ЗЕМЛЕ В ДУМЕ	382—384
РЕЗОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.....	385—387
НИ ЗЕМЛИ, НИ ВОЛИ.....	388—389
ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ТИФ- ЛИСЕ.....	390—392
ПРАВИТЕЛЬСТВО, ДУМА И НАРОД.....	393—395
КАДЕТЫ МЕШАЮТ ДУМЕ ОБРАТИТЬСЯ К НАРОДУ	396—397
И ТОРГОВАТЬСЯ НЕ ХОТЯТ!	398—399
К ВОЗЗВАНИЮ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ	400—401
ВОПРОС О ЗЕМЛЕ И БОРЬБА ЗА СВОБОДУ	402—405
ГОРЕМЫЧНИКИ, ОКТЯБРИСТЫ И КАДЕТЫ	406—407
СВОБОДА КРИТИКИ И ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ	408—409
ПЛОХИЕ СОВЕТЫ	410—414
ТОЛКИ И СЛУХИ О РОСПУСКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ	415—416
КАУТСКИЙ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	417—419
КАДЕТЫ, ТРУДОВИКИ И РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.....	420—424

КАК РАССУЖДАЕТ т. ПЛЕХАНОВ О ТАКТИКЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ?	425—444
РЕЗОЛЮЦИЯ (II) ПК РСДРП ОБ ОТНОШЕНИИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	445—446
О ЛОЗУНГЕ ДУМСКОГО МИНИСТЕРСТВА.....	447
О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ	448—452
ТАКТИКА ПРОЛЕТАРИАТА И ЗАДАЧИ МОМЕНТА.....	453—456
НЕМЕЦКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ О КАДЕТАХ	457—461
СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.....	462
ПУСТЬ РЕШАЮТ РАБОЧИЕ	463—467
«НЕ КВЕРХУ НУЖНО ГЛЯДЕТЬ, А КНИЗУ».....	468—470
РЕАКЦИЯ НАЧИНАЕТ ВООРУЖЕННУЮ ВОРЬБУ	471—475
РЕЗОЛЮЦИЯ (III) ПК РСДРП ПО ВОПРОСУ О ДУМСКОМ МИНИСТЕРСТВЕ.....	476
<i>Примечания</i>	477—500
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	501—512

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Наши задачи и Совет рабочих депутатов». — Ноябрь 1905 г.	2—3
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Этапы, направление и перспективы революции». — 1905 г.	71
Обложка брошюры В. И. Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». — 1906 г.	145
Обложка брошюры В. И. Ленина «Доклад об Объединительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии». — 1906 г.	291

Подписано к печати 18/III 1947 г.
Объем 33 печ. листа + 1 вклейка
($\frac{1}{8}$ печ. л.). М-01400.
Цена 6 р. 50 коп.

★

Напечатано с матриц типографии
ОГИЗа «Печатный Двор»

М-103